

Лена Серничная

ЛАЙК ЗА ЛЮБОВЬ

Можно ли сейчас представить свой день без лайков и комментариев? С трудом. Но кто-то добровольно отказывается от общения в социальных сетях.

Девятнадцатилетняя Кира не выкладывает селфи, не записывает сторис и не ждет лайков от подписчиков. Спокойный и размеренный мир девушки скрыт от посторонних глаз и обсуждений. Но она знакомится с парнем, даже не подозревая, что он ведёт абсолютно другой образ жизни. И теперь о ней хотят знать тысячи пользователей инстаграм...

- [Алёна Черничная](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Instagram](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27. Instagram](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Instagram](#)
- [Глава 31](#)

- [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Эпилог](#)
-

Алёна Черничная

Лайк за любовь

Был идеальный штиль. Вода зеркальной гладью отражала в себе серо-белые ватные облака, и это спокойствие, проникая в меня, давало ощущение, что я делаю правильный выбор. Наши отношения и желания, которые стремительно набирали обороты, может быть, и следовало хоть как-то притормозить, но мне этого не хотелось. Я всегда что-то тщательно взвешивала и много думала, но никогда при этом не чувствовала себя по-настоящему счастливой. Больше не хотелось возвращаться к этой правильной и выверенной до секунды жизни. Будь что будет. Главное — он рядом

— Кир, а как фамилия у Егора? — прервал мои размышления обеспокоенный голос Машки.

— Фамилия? Королев. А тебе зачем? — я повернулась к подруге и вопросительно подняла свои брови.

Выражение ее лица приобрело какой-то потерянный, а скорее испуганный вид. В руках Машка по-прежнему держала телефон, но пальцы так крепко сжимали мобильник, что казалось, сейчас сломают его.

— Ты чего? — предчувствие чего-то дурного стало заползать мне в грудь.

Маша тяжело сглотнула, переводя взгляд с меня, на телефон и обратно.

— Ты меня пугаешь! — я действительно уже с трудом сохраняла спокойствие.

— И как давно вы с ним знакомы?

— Чуть меньше месяца. Да что такое? — нарастающий стук сердца в груди стал эхом отзываться где-то в моей голове.

— А татуировка у тебя, случайно, не солнце? И первый раз... В машине... — Машин голос нервно срывался чуть ли не в хрип.

— Да... А... — запнулась я на полуслове, с ужасом понимая, что не упоминала ей об этом никаким образом, — откуда ты...

Подруга закрыла глаза, набрала в лёгкие воздух и зачем-то крепко прижала свой телефон к груди.

— Кира, ты вообще знаешь, кто такой Егор Королев?

*Ты забрал у меня мою душу.
Искалечил. Дышать не могла.
Если б знала, что ты все разрушишь,
Никогда бы в тот день не пришла...*

— Кирочка, детка, все готово!

— Иду, бабуль, — прокричала я в ответ и, захлопнув книгу, поднялась со своей кровати.

Собирая прямо на ходу в высокий хвост мешающие пряди, выгоревшие от частых утренних вылазок в огород, я вприпрыжку спустилась по лестнице. Моя бабушка уже стояла в коридоре рядом с двумя небольшими коробками, доверху набитыми кабачками.

— Вот, все собрала, — с довольным лицом она ткнула пальцем на собранный урожай. — Семеновна ждет уже.

— Ба, так они же тяжёлые! Как я дотащу это все? — я нахмурила брови.

— Как-как? Взяла и потихоньку понесла. Здесь недалеко. А заодно и под солнышком прогуляешься, а то какая-то бледноватая, — бабуля, поправив свою короткую седину, выбившуюся из-под кепки, чмокнула меня в щеку, но тут же отодвинулась, скептически оглядывая с ног до головы. — Когда ты уже выкинешь это неоновое убожество?

— Нормальное платье. — Разгладив ладонью складки на подоле зеленого цвета в мелкий горошек, я наклонилась к коробке. — Мне на свидания в нем не ходить.

— Дом помнишь где? — поинтересовалась бабушка.

— Помню, — буркнула я, ощущая всю тяжесть кабачков на своих хрупких руках.

Направляясь к дому бабушкиной подруги, я думала лишь об одном — зачем людям столько кабачков? Понятно, что это без химии, экологически чисто выращенный продукт, но это же кабачки? А с другой стороны, мы с бабушкой, считай, и жили за счет того, что выращивала она на своей «плантации». К ней приезжали хозяева мелких гостиниц и ресторанов из соседних курортных городков, закупая ящиками сезонные фрукты и овощи. Лето было единственной возможностью заработать то, на что можно было хоть как-то прожить до следующего сезона отпусков.

Наш поселок, расположенный прямо на берегу синих волн — это абсолютно некурортное место, хоть море и находилось в нескольких минутах ходьбы от каждого дома. Туристы не проезжали здесь от слова «совсем». В посёлке не было ни торговых центров, ни предприятий, ни рабочих мест, как и школ, и детских садов. Только десяток улиц и несколько сотен участков. Но отсутствие всех современных благ легко компенсировалось крошечным, всегда безлюдным пляжем с чистой водой. А до ближайшей цивилизации можно было добраться на машине или на автобусе минут за двадцать.

Погруженная в свои мысли, я продолжала шагать по дороге, которая круто шла вверх. Пыхтя и чертыхаясь с коробкой в руках, быстро оказалась по нужному мне адресу, но с удивлением притормозила возле двора. Когда я была здесь последний раз около года назад, то все выглядело по-другому. Теперь вместо старого забора стояла высокая кирпичная стена, а вокруг нее были высажены кусты роз и еще каких-то вьющихся цветов. Еле удерживая огромный коробок одной рукой, второй я нажала на кнопку домофона возле калитки, оглашая пустую улицу звонкой трелью.

— Да, — ответил в динамике незнакомый мужской голос, что уже показалось странным, так как насколько я помнила, Семеновна всегда жила одна.

— Я к Ангелине Семёновне. Это Кира. С кабачками, — решила уточнить я, после нескольких секунд тишины.

Издав тихий щелчок, калитка приоткрылась. Аккуратно, стараясь не упасть с коробком, мне удалось протиснуться во двор. Я была у Ангелины Семеновны несколько раз, но не узнавала ни единого метра: теперь здесь стоял огромный дом из светлого кирпича, вокруг него аккуратно были уложены дорожки из камня, между которыми ярко зеленел ровный газон.

— Это ты Кира с кабачками? — позади меня раздался тот же голос, что и в домофоне.

— Черт! — подскочив от неожиданности, я резко обернулась, вписавшись коробкой прямо в мужскую грудь, и тут же отшатнулась назад от парня, стоявшего передо мной.

Первое что бросилось в глаза — его плечи, обтянутые кипенно-белой футболкой, отлично оттеняющей загар. Они выглядели так широко и внушительно, что при желании можно было бы легко спрятаться в их тени. Инстинктивно я сделала еще шаг назад, почувствовав себя неуютно рядом с крепкой мужской фигурой. Парень, не переставая ухмыляться, поправил на переносице черные солнцезащитные очки и взъерошил громадной пятерней песочно-русый беспорядок у себя на голове.

— Тебя не учили, что нельзя так подкрадываться со спины? — я недовольно еще раз оглядела незнакомца.

— Кто виноват, что ты такая пугливая? — пожал он широкими плечами.

Нахмурившись, я уже с трудом удерживала тяжёлую коробку с овощами, а блондин продолжал стоять, расслабленно засунув ладони в карманы синих шорт.

— Может, поможешь? — мои пальцы с намеком постучали по коробке.

— Ну, если ты так просишь... — его тон прозвучал довольно язвительно, но парень все же подошел ближе и протянул свои руки ко мне.

Очень хотелось высказаться, что ему бы не мешало поучиться хоть немного правилам хорошего тона, но из-за угла дома появилась бабушкина подруга.

— Кирочка, ты уже пришла? — прихрамывая, Ангелина Семеновна подошла ко мне и, расплывшись в улыбке, тут же заключила в свои теплые объятия. — Детка, как же ты выросла. А похорошела как, как похудела. Это сколько я тебя не видела? — она ощупала меня со всех сторон, продолжая радостно улыбаться.

— С прошлого года, — улыбнулась я ей в ответ, чувствуя, как через черные очки парень тарашится на меня в упор.

— Ой, как время-то летит. Так ты уже познакомилась с моим внуком? — бабушкина подруга, не выпуская меня из объятий, повернулась к нему.

— Нет.

— Да.

Наши ответы с ним прозвучали одновременно, а Ангелина Семеновна неодобрительно кинула взгляд на своего внука. Он тут же протянул мне открытую ладонь.

— Егор.

Я не успела ничего ответить, как Семеновна шикнула:

— Ты хоть бы очки снял.

Её внук, вздохнув, поднял чёрные стекла с переносицы на светловолосую макушку, легко придерживая другой рукой коробку с кабачками.

— Егор, — уверенно повторил он, уже внаглую и с интересом оглядев меня с ног до головы.

Я бы с уверенностью не стала приписывать парня к красавчикам — крупные черты лица, высокий лоб с широкими бровями в тон светловолосой копне, угловатые скулы, но очень выразительно мягкая линия губ, которая растянулась в едкой ухмылке. В общем, никакого намека на типичную мужскую смазливость. Однако во внешности Егора было то, отчего лицо парня выглядело еще более странно. Это и заставляло замороженно смотреть на него — его глаза. Они были разноцветные: один ярко-голубой, второй серо — зеленый. Я знала, что встречаются люди с подобной изюминкой во внешности, но никогда еще не видела их так близко. Глаза Егора привлекали внимание больше, чем он сам и его спортивное тело. Стараясь не задерживать взгляд на лице нового знакомого, я протянула ему руку в ответ.

— Кира. — Ладонь парня оказалась очень горячей.

— Кира с кабачками. Очень приятно познакомиться, — усмехнулся Егор и, не задерживая ответное рукопожатие, схватился опять за коробку.

Я как можно приветливее улыбнулась, а Ангелина Семеновна настойчиво начала толкать меня вглубь двора, утопающего в сочной зелени.

— Пойдем, Кирочка, чаем угощу. Хоть расскажешь как ты, что нового, куда поступила?

Сопrotивляться Семеновне оказалось бесполезно, поэтому пришлось покорно следовать за ней.

— Егорушка, а ты отнеси коробочек в дом, — кинула она указания своему внуку и тут же покачала головой, посмотрев на меня. — Нинка совсем с огородом своим тебя затюкала. Одни кости торчат, гляди сейчас ветром унесет.

А я не удержалась от улыбки, услышав ласковое прозвище этого бугая. Цокнув языком, он с коробкой в руках обогнал нас на пару шагов, скрывшись из виду за углом дома.

Семеновна тем временем упорно подталкивала меня вглубь двора по каменным дорожкам. Мы обогнули особняк и то, что открылось моему взору, заставило меня ахнуть. Если со стороны забора он казался глухой и непреступной крепостью, то с другой — выглядел как с картинок из дорогих журналов. Огромные панорамные окна в пол на первом этаже с раздвижной стеклянной дверью, на втором — чуть меньше, но отражали в начищенных стеклах блики от воды, играющие в громадном бассейне перед самым входом в дом.

Бабушкина подруга провела меня дальше к большой открытой беседке, с которой открывался шикарный вид на море с высоты. Усадив на деревянной лавочке, она велела никуда не двигаться, пока не принесёт чай. Оставшись одна, мне только и оставалось наслаждаться шикарным пейзажем, где небо и море словно растворялись друг в друге, пока голос над ухом заставил меня подпрыгнуть на скамейке от неожиданности.

— Ты здесь первый раз? — Егор стоял, подперев плечом беседку и вертел в руках телефон, уставившись на меня своими странными глазами.

— У тебя входит в привычку пугать людей, — недовольно отметила я, скрестив руки у себя на груди. — Я живу здесь, вообще-то.

— Что-то ты не очень похожа на местную.

— Почему?

— Слишком бледная, — серьёзно озвучил он, но разноцветные глаза всматривались в меня с откровенной усмешкой, одаривая чувством дискомфорта. — Ты лучше сядь на

солнышко. Тебе полезно будет.

Я молча отвернулась, намекая, что не намерена вести диалог дальше. За моей спиной послышалась усмешка, но Егор все же отошёл от беседки, давая возможность облегченно выдохнуть. Мой новый знакомый совсем не симпатизировал мне в качестве приятного собеседника. Благо уже из дома показалась Ангелина Семеновна с подносом в руках. Подскочив, я помогла старушке донести чашки до беседки, а ее внук же даже не шелохнулся, уже вальяжно устроившись в гамаке неподалёку, закинув руки за голову.

— Архитектурный, значит? Помню, когда-то ты мечтала стать моделью, — рассмеялась Семеновна, разливая чай по чашкам.

— Из меня модель, как из швабры балерина, — шутя ответила я.

Краем глаза мне даже показалось, что Егор, продолжая расслабляться в гамаке, слегка улыбнулся, будто услышав мои слова.

— Дай Бог, детка. В жизни не всегда просто все даётся. Это хорошо, что ты так основательно подошла к выбору профессии. Нина говорила, что специально целый год готовилась к поступлению. А то сейчас как посмотришь на молодёжь, — Ангелина Семеновна вздохнула, — только и сидят в своих гаджетах, ничего вокруг не замечают. Даже еду уже фотографируют и себя в зеркалах, представляешь? Куда ни глянь, одни блогеры...

— Блогеры, — сквозь смех поправила я старушку. — Вы за меня не переживайте. Я не блогер, еду не фотографирую и зеркалами пользуюсь по назначению.

Пока мы непринужденно болтали о всякой ерунде, моё боковое зрение все никак не теряло контроля: не покидало ощущение, что внук Семёновны все-таки подслушивает разговор. Хоть Егор и держал перед своим лицом телефон, сосредоточенно уставившись на экран, но его голова была постоянно развернута в нашу сторону. Разве что уши не вертелись, как локаторы.

— Еще один коробок с кабачками? — вскинула руки вверх Семёновна, когда я вспомнила, что моя роль посыльного на сегодня ещё не исполнена. — Вот же Нинка-огородница! Егорушка, а, ну помоги девочке коробок дотащить, — старушка обернулась в сторону гамака, громко оповестив весь сад своей просьбой.

— Что вы! Тут-то идти всего ничего, — замахала я руками и быстро подскочила со скамейки, желая поскорее исчезнуть с их двора, пока ко мне никого не приставили в помощь.

И этот кто-то был бы однозначно внук Ангелины Семеновны, чего мне хотелось меньше всего. Но Егор уже нехотя поднялся из гамака, сунул телефон в карман и направился в мою сторону.

— Пошли, — буркнул он.

— Не надо, сама дойду, — я тут же попятилась по идеально ровным садовым дорожкам.

— Деточка, нельзя такие тяжести девочкам таскать. Вон, богатырь вырос. Мускулы есть, а толку-то — тяжелее телефона ничего в руках не держит, — бабулина подруга кивнула на своего внука, и я непроизвольно посмотрела в ту же сторону.

Заметив мой взгляд, Егор, словно наигранно, расправил плечи и выставил крепкую грудь вперед. Чтобы скрыть свой пренебрежительный смешок, мне пришлось тут же отвернуться.

— Показывай дорогу, — подойдя ближе, парень бесцеремонно развернул меня за плечи и слегка подтолкнул в спину, не выжидая моей реакции.

Я хотела хоть что-то пикнуть в противовес, но Ангелина Семёновна уже беззаботно

махала мне вслед рукой.

Глава 2

Пока мы шли по улице молча, я несколько раз успела кинуть взгляд на своего нового знакомого. Он был почти на голову выше меня, и его длинные ноги шагали так широко и быстро, что я едва поспевала за ним.

— Можешь идти медленнее? — мне пришлось чуть ли не взмолиться, не выдержав такого темпа ходьбы.

— Так, а что ты еще не фотографируешь? — вдруг спросил Егор, замедляя шаг.

Я подозрительно покосилась на парня, понимая, что мне не показалось — он слышал разговор в саду.

— К чему вопрос?

— Просто интересно, что ты выкладываешь в свой инстаграм, — пожал плечами Егор. — Уже понятно, что еды и лифтолуков там нет.

— Ничего не выкладываю. У меня его нет, — равнодушно пояснила я.

— В смысле «нет»? — он поднял брови, кинув на меня вопросительный взгляд.

— В прямом. Я не пользуюсь социальными сетями.

— Поня-я-тно, но странно, — лаконично ответил Егор.

Мы прошагали по улице еще пару мгновений в тишине, пока блондин не решил продолжить допрос.

— Почему ты так решила? Это своеобразный бунт против стада: все «сидят» в инстаграм, а я, такая особенная — нет.

— Какой бунт? — презрительно фыркнула я. — Просто все эти инстаграм, фейсбук и прочее — бесполезные приبلуды.

— Люди в инстаграме деньги зарабатывают, между прочим, — Егор повернул голову ко мне и остановился прямо на дороге.

— В большинстве своем жизнь, показанная на картинках в соцсетях — обман, потому что все выставляют напоказ только что-то яркое и красивое. Это просто огромная фабрика лжи, — вздохнула я, поправив свой распушившийся хвост на затылке. — Все почему-то хотят выглядеть лучше, чем они есть.

— А ты, значит, не пытаешься быть лучше, чем есть? — усмехнулся мой новый знакомый, который оказался очень настырным.

— Если человек заинтересуется лишь тем, что я напридумываю о себе, то потом он все равно разочаруется. Это фальшь — вот и все. Ведь проще применить фильтр к своей жизни на снимке, сделать воодушевляющую подпись, чем оторваться от телефона и заняться действительно хорошим делом. Все через одного блогеры, помешанные на лайках... — я выдохнула, закончив свое объяснение, и уставилась на Егора, ожидая его реакции.

Он стоял, покусывая нижнюю губу. Из-за очков я не видела его взгляд, но чувствовала, что блондин смотрит на меня в упор.

— То есть ты яростная противница всех, кто сидит в сети? — опять задал вопрос Егор.

Я закатила глаза, чувствуя, что начинаю потихоньку закипать от его дотошных расспросов.

— Нет, я не против тех, кто пользуется инстаграм или еще чем-то. Мне просто это не нужно.

— А как ты общаешься с друзьями? По голубиной почте? — голос парня прозвучал чуть

ли не с издевкой.

— Нет. Посылаем друг другу гонца. И если он с плохой вестью, то отрубам ему голову, — его вопросы уже начинали конкретно раздражать.

— Ха-ха, — Егор скривил губы в усмешке.

— Какие вопросы — такие и ответы, — огрызнулась я.

Егор вдруг снял очки и тут же впился в меня взглядом своих разноцветных глаз, слегка прищурился. Все-таки эта его особенность смотрелась очень странно. Не прекращая затаивать в омут необычных глаз, он вдруг приблизился на шаг ко мне. Теперь мы стояли всего в паре сантиметров друг от друга, а от ауры древесно-морского аромата защекотало в животе.

«Интересно, что у него за парфюм? И почему мне так вкусно пахнет?», — не удержалась я от своих же мыслей.

— Почему ты думаешь, что те, кто активно ведут личную страницу в интернете, обязательно лгут о своей жизни? — Егор смотрел, не моргая, а я почему-то уже сама не могла оторвать от него взгляд.

— Потому что человеку, который самодостаточен, нет необходимости ничего и никому демонстрировать. Мне не нужна подпитка в виде сердечек под фото, — я показательно помахала своим телефоном перед его носом.

— Ты в каком лохматом году его купила? — Егор вдруг кивнул на мой сотовый, с интересом проследив за его движением впереди своего лица.

— А что не так? — Этот парень начал меня уже подбешивать.

— А ну-ка! Сейчас мы проверим, как ты не сидишь в инстаграм, — разноцветные глаза хитро сверкнули, а пальцы ловко выхватили телефон из моих рук.

На секунду я ошалело зависла, наблюдая, как резко и нагло он разблокировал экран мобильного.

— Эй, ты совсем? Отдай, — я резко кинулась на Егора, пытаюсь забрать обратно то, что принадлежало мне.

Но он, даже не пошатнувшись, обхватил меня и притянул к себе спиной. Теперь я барахталась ногами в воздухе, прижатая к мужской груди, а ему, что слону дробина. Егор стоял как вкопанный, одной рукой держа меня, второй исследуя мой телефон.

— Хм, ни инсты, ни «ВКонтакте» и даже одноклассников нет. И селфи тоже почти нет, — его голос звучал немного разочарованно.

— Ты еще и в фотографии мои залез? — я с силой замахнулась ногой и попала Егору по коленке.

— Ай! — он мгновенно ослабил свою хватку.

Я тут же выскользнула из крепких рук, но одно неловкое движение, и Егор выронил мобильный прямо на каменную дорожку. На секунду я замерла, ошарашенно смотря на телефон, лежащий на земле, под которым уже виднелись мелкие осколки. Осторожно подняв его, мне ничего не оставалось, как протяжно простонать:

— Охренеть!

Экран был полностью покрыт мелкими трещинами.

— Прости, случайно выронил, — для виновника произошедшего Егор как-то слишком спокойно развел руками.

Я закрыла глаза и набрала в грудь воздуха, пытаюсь не стукнуть его по золотоволосой макушке.

— Засунь свои извинения, знаешь в какое место? Откуда ты взялся на мою голову? — расстроено прошептала я, едва сдерживая слезы. Меня уже начинало трясти.

Все и так было понятно: передо мной избалованный придурок. Положив разбитый телефон в карман, я развернулась и быстро направилась прочь от парня. Обида жгучим облаком застилала грудь.

— Ты сама меня толкнула... — его детская отмазка прозвучала ужасно нелепо, но мои ноги лишь быстрее зашагали в сторону бабушкиного дома. — Кир, ты куда? — раздалось за моей спиной. — А кабачки?

Абсолютно спонтанный импульс заставил меня резко обернуться и без зазрения совести показать средний палец. Егор округлил странные глаза, но я тут же отвернулась, ускоряя шаг, понимая, что если и разревусь, то только не перед ним.

***

Вечером за ужином бабуля принялась расспрашивать меня о походе к Ангелине Семеновне и о ее новом доме.

— Ба, да что рассказывать? Пройдись и посмотри, — вяло пыталась отмазаться я от вопроса.

— Я пока соберусь... А невестка у Семеновны еще та мадам. Все по-модному должно быть. Как они теперь на одной территории жить будут — даже не знаю.

— А кто это «они»? И эти «они» будут жить здесь круглый год?

— Они — это сын Ангелины Семеновны, его жена Лиза, Егор и Даша. Решили переехать за Королевой присматривать. Старушке седьмой десяток, как-никак... Кстати, Егор сейчас здесь. Не познакомились еще?

— Познакомились, — буркнула я, гипнотизируя взглядом чай в кружке.

— И как он тебе? — поинтересовалась бабуля, даже не заметив моего недовольства. — Я видела его пару раз. Вроде приятный мальчик.

— Угу. Очень приятный, хороший, мерзкий тип, — едва слышно произнесла я.

— Кир, а почему второй коробок с кабачками остался у нас? Я Ангелине Семеновне два обещала, — бабушка с укором покачала головой, глянув на меня.

— Не знаю. Её внук должен прийти за вторым, но, видимо, планы поменялись, — как можно спокойнее увильнула я от ответа.

— Ясно. Значит, потом наберу Ангелину. А ты чего такая хмурая?

— Телефон разбила, — угрюмо шмыгнула я носом, размешивая ложкой чай.

— Как?

— Уронила, — мне не хотелось говорить про выходку внука Семеновны. Правило сарафанного радио никто не отменял, а я бы осталась стукачкой. Да и не было желания связываться с заносчивым внуком. — Завтра поеду отвозить в ремонт, — грустно вздохнула я, допивая чай.

— Точно все нормально? — бабушка облокотилась на спинку стула, подозрительно смерив меня взглядом серых глаз.

— Да-да, — нетерпеливо затараторила я, поднимаясь из-за стола. — Иди, бабуль. Посуда сегодня за мной.

Спровадив ее к себе, я быстро прибралась на кухне и поднялась на второй этаж в свои

скромные апартаменты. Наш с бабушкой домик сам по себе был очень невзрачен, но в нем всегда царила чистота и тишина. Гостиная, кухня, комната бабушки и ванная располагались на первом этаже. Бабулина любовь к минимализму и ко всем кофейным оттенкам была видна невооруженным глазом. Светлые бежевые стены в едва заметную рябь играли на контрасте с мебелью глубокого цвета пережаренного кофе без какого-либо намека на декор или другие яркие тона. Итак в каждой комнате всего первого этажа. Я не решалась сказать бабуле честно, что стилем и современной модой здесь и не пахнет, но все же отвоевала возможность переделать свою пространство так, как хотелось этого мне.

Поэтому моя комната стала единственным оплотом других цветов. Тёмно-серые однотонные стены отлично дополняли белоснежную мебель: небольшое, но очень уютное спальное место, где насыпью расположились декоративные ярко-желтые подушки, парочка шкафчиков, старенький стол, выдавший молодость моей бабули, но я сама же перекрасила его в белый, и полупустые полки с книгами над изголовьем кровати. И все это было приправлено приятным бонусом — личной ванной комнатой, которую бабуля так и не разрешила сделать более современной. Поэтому принимая душ перед сном, я гипнотизировала скучную плитку кофейного цвета, и в расстроенных чувствах прокручивала в голове дурацкий сценарий сегодняшнего дня. Задевало не только то, что у меня теперь нет телефона, а еще и реакция Егора: виноватым он себя не считал.

Я так и провела весь вечер, копаясь в своих чувствах обиды и раздражения на нового знакомого. Даже мягкая и комфортная кроватка не избавила меня от этих мыслей. И совершенно не заметила, как, думая о нем, провалилась в сон.

Глава 3

— Доброе утро, Кирочка!

— Ой, Ангелина Семеновна, здравствуйте, — я подскочила из-за стола, увидев бабушкину подругу на пороге нашей кухни. — Садитесь, — и быстро отодвинула стул, заметив, что старушка стояла, тяжело опираясь на трость, — давайте налью вам чай? У нас просто кофе зако...

— Сиди-сиди детка, — засмеялась она, отмахнувшись рукой. — Я к бабуле твоей в гости и так понимаю, что ее искать надо уже в огороде. А чего это ты уже не спишь? Собралась куда так рано?

— Разве это рано — половина девятого утра? — улыбнулась я. — Тем более летом. Мне просто в город надо по делам.

«А если бы не ваш внучок, то сидела бы спокойно дома» — мелькнуло в моей голове, но я все так же мило улыбалась старушке.

— Так тебе в город? Давай я Егора попрошу отвезти? — радостно воскликнула она, заставляя меня напрячься своим предложением. — Ему полезно будет делом заняться, а то еле растолкала этого бугая в восемь утра, чтоб он меня к вам довёз.

— Нет-нет, что вы! У меня очень много дел запланировано, проще будет самой, — затараторила я, подскакивая к Ангелине Семеновне и аккуратно разворачивая ее к выходу из дома. Мысль об еще одной встрече с Егором наводила на меня непонятное тревожное чувство. — Давайте я вас лучше к бабушке отведу.

Спровадив старушку к своей бабуле в огород и быстро собрав необходимые вещи для поездки, я выскочила из дома в надежде, что успею уладить все вопросы с разбитым телефоном до начала адского дневного пекла.

Но за двором меня ждал небольшой сюрприз — припаркованный черный внедорожник напротив нашего дома. Ответ, чей это автомобиль пришел на ум сразу. Сохраняя невозмутимый вид, я проскользнула мимо машины, выходя на дорогу к автобусной остановке.

— И куда это мы собрались? — окликнул меня уже знакомый бархатный голос.

— В город, — невозмутимо ответила я, даже не обернувшись.

— Давай довезу!

Сделав вид, что не расслышала, я уверенно продолжала шагать по уже нагретому утренним солнцем асфальту.

— Кир! — уже громче прикрикнул Егор. — Да ладно тебе!

Но я лишь ускорила шаг, чувствуя, как меня провожают взглядом. Сама перспектива того, чтобы добраться до города с комфортом в машине, а не трястись в душном, тесном автобусе, конечно, привлекала, но вот водитель...

— Если Вас демонстративно не замечают, значит Вами всерьёз интересуются*, — опять раздался его голос за моей спиной.

На секунду затормозив и быстро переварив смысл сказанных слов, я закатила глаза и резко обернулась. Егор стоял возле машины, подперев плечом прикрытую дверь, и перебирал ключи в руке, а выразительные губы расплылись в не менее очаровательной ухмылке. Черная футболка и шорты отлично оттеняли его загорелое подтянутое тело, на которое мои глаза-предатели задержали взгляд.

— Звучит как-то слишком самоуверенно, — поморщилась я.

— Самоуверенность — это тащиться куда-то в самую жару, — усмехнулся Егор, пройдясь по мне взглядом с ног до головы. — Кстати, милое платьице, — выдал он с сарказмом.

— А что не так-то? — опешила я, поправляя на себе белый шифон в цветочек.

— Да все так, — мне показалось, что парень чуть ли не с трудом сдерживал смехок. — Садись уже, отвезу, — Егор взглядом указал на машину. — Все-таки из-за меня тебе приходится куда-то ехать.

— Это можно расценивать, как извинение? — прищурившись, я вопросительно повела бровями, но в голове все же пыталась решить — соглашаться ехать или нет.

— Ну, можно и так сказать, — хмыкнул он. — Так что?

Жара и зной, но без малоприятной компании блондина, или комфорт, но общество того же малоприятного блондина?

— Ладно, — сдалась я, направившись к Егору, — но, — приостановившись, ткнула указательным пальцем в его сторону, — это лишь потому, чтобы ты не искал смысл в моем демонстративном игноре. Ясно?

Он закатил глаза, поднимая ладони вверх:

— Как скажешь...

— М-м-м, большая тачка... внедорожник... — иронично протянула я, уже усевшись в салон. — Знаешь, говорят, что мужчины неосознанно компенсируют размер в штанах размером машины.

Егор изумленно поднял брови, уставившись на меня разноцветными глазами, но тут же хитро сощурил взгляд, наклоняясь ко мне:

— А ты хочешь проверить свою теорию? — с вызовом произнес он.

— О Боже, нет... — я дернулась от него, скривив лицо, и уже не радуясь тому, что ляпнула. — Это вообще твоя машина? У тебя права хоть есть?

Егор хохотнул, убирая телефон в карман.

— Кира, мне двадцать один. Конечно, это моя машина. И если что, то это не внедорожник — кроссовер.

Первое время мы ехали молча. Я изредка кидала косые взгляды на сосредоточенно Егора, надеясь, что он не замечал, как его рассматривают исподтишка. Все-таки в его не смазливых чертах было что-то такое... притягательное. А разноцветные глаза...

«Может, он носит линзы? Интересно, а ладони всегда такие горячие, как вчера?» — я неосознанно перевела взгляд с его профиля на загорелые жилистые руки, которые крепко держали руль, но тут же тряхнула головой и посмотрела в другую сторону, стараясь избавиться от странных мыслей.

Мои глаза уставились в начищенное до блеска зеркало бокового вида. Не знаю зачем, но я пристально пыталась рассмотреть свое отражение в этом маленьком зеркальном кусочке. Выгоревшая на солнце копна светлых волос, была собрана в тугий пучок на голове, а мои серые глаза в обрамлении светлых ресниц на миг мне показались какими-то невзрачными, заставляя подумать о том, что можно было и ресницы накрасить...

— Архитектурный же, верно? — Егор решил прервать молчание.

Я кивнула и быстро оторвала взгляд от зеркала, поворачиваясь к своему собеседнику.

— А лет тебе сколько?

— Будет девятнадцать через пару дней.

— Девятнадцать? Как-то ты старовата для первокурсницы.

— Не стала сразу поступать после школы.

— Завалила экзамены? — с насмешкой поинтересовался Егор, на секунду переключив взгляд с дороги на меня.

— Не совсем так... — неохотно призналась я. — Проблема была в деньгах. Туда, где хочу учиться, попасть нереально. У нас с бабушкой таких денег не было. Поэтому и отложила поступление на год, чтобы подзаработать на обучение.

— А ты целеустремлённая оказывается. Похвально, — по его интонации нельзя было понять: то ли это сарказм, то ли и правда похвала. — Но как-то ты сильно заморочилась с такими вопросами в восемнадцать лет, — хмыкнул Егор.

— Лучше же бесцельно слоняться по клубам и вечеринкам — пренебрежительно высказалась я, но решила задать встречный вопрос. — А где ты учишься?

— Юридический.

— Юрист, значит. И как? Интересно?

Он откинулся плечами на сидение и запустил ладонь в свои волосы, слегка взъерошив их, продолжая одной рукой держаться руль.

— Честно? Не очень, — ответил Егор, немного призадумавшись.

— А забрать документы и перевестись на другой факультет, слабо?

Странные глаза одарили меня таким взглядом, как будто я сморозила несусветную чушь. Егор скептически приподнял уголки своих губ и молча продолжил вести машину. Дальше мы ехали в полной тишине. Благо авто уже подъезжало к городу.

— Давай сюда свой телефон, — произнес он, паркуя машину возле салона сотовой связи.

— Зачем? Дальше я и сама могу, — мои пальцы потянулись к двери, которая тут же щелкнув, была заблокирована Егором.

— Нет, я разбил, мне и решать, — его разноцветные глаза решительно блеснули, а передо мной оказалась вытянутая широкая ладонь. — Телефон.

Вздохнув, я потянулась к сумочке и вручила ему разбитый мобильник. Действительно, сам разбил — пусть и занимается.

— Жди здесь. Я быстро, — он выскочил из машины и скрылся в дверях салона связи.

Солнце нагревало чёрную машину не хуже горячей бани, откуда выкачали весь воздух. Посидев еще минут пять, я все же решила выскочить за водой в ближайший супермаркет. Черный кроссовер мелодично пикнул и подмигнул своими фарами, отвечая мне на нажатие кнопочки на брелоке сигнализации. Потратив совсем немного времени, я уже возвращалась к черному кроссоверу. Но это оказалось не так-то просто. То место, где по идее и была припаркована авто пустовало.

«Не могли же угнать ее за десять, ладно, двадцать минут, пока меня не было?» — я в панике оглядывалась вокруг, стараясь не поддаваться неприятным подозрениям.

— Кира, а ты чего тут? — раздался голос Егора за моей спиной.

Закусив губы, я медленно повернулась к нему, боясь даже предугадать его реакцию.

— Тут такое дело... Я за водой вышла и...

— Кира, а где ключи от машины? Ты хоть закрыла ее?

— Да, точно. Но дело в другом...

Егор выхватил из моих рук ключи и нажал на сигнализацию, слушая в ответ тишину.

— Твою же мать... Машина где? — он смотрел на меня, округлив свои разноцветные

Глаза.

---

* **Генри Дэвид Торо — американский писатель, философ.**

— Не знаю, — промямлила я, опустив взгляд. — Егор, я вышла воды купить. Машина точно пикнула в ответ на сигнал, а пришла — ее нет на месте.

— А ты зачем вообще вышла из нее? — повысил голос Егор. — Я же сказал сидеть там.

— Воды купить, — я виновато повторила и протянула ему бутылку, но взгляд разноцветных глаз устремился куда-то мимо меня.

— Здесь стоит знак «парковка запрещена», — мой спутник состроил измученное выражение лица и взъерошил ладонью свои волосы. — Так, доставай кошелек, будем искать такси, — вдруг уверенно заявил он.

— Телефон остался у тебя в машине, — запищала я, сжимаясь под пристальным взглядом Егора, который тут же закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов. — Позвони со своего...

— Кира, с какого? Я тоже оставил его в тачке, которую только что увез эвакуатор. И, между прочим, по твоей милости, — блондин сделал резкий шаг вперед в мою сторону, сжав кулаки.

— А не офигел ли ты часом, парень? Глаза разуй, прежде чем оставлять машину в неполюженном месте! — я возмущенно уставилась на Егора, недоумевая, каким образом оказалась крайней.

— Тебя попросили сидеть в машине! Зачем ты выперлась из нее? — наполненные наглостью разноцветные глаза смотрели на меня с нескрываемым раздражением, а я была готова задохнуться от нахлынувшей яростной вспышки.

Пару секунд мы просто молча буравили друг друга взглядами.

— Ладно, — уже спокойнее произнес Егор, делая от меня шаг назад и начиная шарить по своим карманам в шортах. — Черт, этого даже одному из нас на автобус не хватит, — он выудил лишь одинокую смятую купюру минимального номинала и недовольно запихнул ее обратно.

— И что делать? — я растерянно осмотрелась. — Не пешком же нам домой идти?

— Есть одна мысль... — он тут же подхватил меня за локоть и буквально поволок за собой, что я еле поспевала за его широкими шагами.

Егор остановился возле автобусной остановки, переполненной людьми, несмотря на усиливающееся с каждой минутой пекло.

— Ты же сказал, что у тебя нет денег даже на автобус? — я озадаченно нахмурилась.

— А кто сказал, что мы будем платить? — он жуликовато подмигнул, наклонившись ближе, а мятное дыхание защекотало мне шею.

— Ты сейчас серьезно? — я дернулась в сторону от лица парня, вглядываясь в его улыбку.

— Критикуешь — предлагай, — развёл своими ручищами Егор. — Как хочешь, но мне сегодня позарез нужна моя машина. А забрать ее смогу, только добравшись до денег и связи.

— Да тебя поймают на раз-два. Как ты проскочишь в автобус? — я все еще не понимала, как он собирается проверить свою «аферу».

Егор осторожно положил мне на плечи свои огромные горячие ладони, отчего я буквально чуть ли не просела под их тяжестью, и развернул меня в противоположную сторону, став за моей спиной:

— Видишь, едет автобус? Он проходит через наш поселок. Сейчас нужно просто заскочить в заднюю дверь, пока основная толпа будет толкаться у передней и платить водителю, — пояснил он так спокойно и просто будто бы проделывал подобный трюк не один раз.

— У тебя не получится, — уверенно произнесла я, качая головой и видя, как тот самый автобус приближается к нам в общем дорожном потоке.

— Уверена? — мужские пальцы слегка сжали мои плечи, а позади меня над ухом снова ощущалось его дыхание. — Если нет, то буду должен тебе новый телефон.

Я резко повернулась к Егору, скидывая его руки с себя:

— Ты и так мне его должен. Из-за тебя он разбит, — недовольно процедила я, пронзая взглядом эту почти двухметровую наглость.

— Это спорный вопрос, — хмыкнул парень, скрестив на груди руки.

Но мои назревающие обвинения прервал скрип тормозов нужного нам автобуса. К старенькому красному железному бочонку на колесах гуськом поползла небольшая кучка людей, пытаясь скорее протиснуться в переднюю открытую дверь. В то время как Егор юркнул к другой, откуда выскочило на выход всего несколько человек.

— Бегом, — шикнул блондин, задержавшись на ступеньках автобуса и протягивая мне руку.

Никак не ожидая, что он действительно решится поехать «зайцем», я затормозилась на месте и опасливо оглянулась по сторонам. Мне казалось, что сейчас все глаза мира направлены именно на нас.

— Кира! — его рука все еще нетерпеливо тянулась ко мне, а уверенный взгляд настойчиво звал за собой.

Моя ладонь коснулась его ладони раньше, чем я успела что-то сообразить. Секунда, и Егор затащил меня за собой.

«Я же могла просто поехать к Машке» — пронеслось в голове, но поздно. Двери с громким стуком захлопнулись за нашими спинами, и автобус медленно стал набирать скорость. Вот он — лестничный ум в действии.

Испуганно хлопая глазами, я смотрела на довольную улыбку Егора, словно он не закон нарушил, а спас все человечество.

— Дальше что? — зашептала я, сжимаясь от стыда.

— Растворяемся в толпе и едем домой.

Егор совершенно спокойно уселся на последнее кресло и придвинулся к окну, освобождая место для меня. Я нервно сглотнула и осторожно примостилась рядом, больше всего боясь того, что вдруг нас заметил кто-то из пассажиров в автобусе, или, чего хуже, сам водитель. Осматривая глазами немногочисленных людей в салоне, я все пыталась выискать хоть один подозрительный взгляд в нашу сторону.

— Выдыхай, — Егор слегка толкнул меня в плечо, — всем пофиг. Через двадцать минут будешь вспоминать и радоваться, что не зря протянула мне руку, — задорно подмигнув, он отвернулся к окну.

— Угу, и с кабачками не зря к вам в дом пришла, — буркнула я.

Автобус выехал за город, не спеша плетясь по трассе. Если Егор сидел расслабленно и просто смотрел на плавно мелькающие пейзажи за окном, то я постоянно дергалась, чувствуя, как покрывалась мелкой испариной. Но даже обжигающие воздушные вихри, кружащие по автобусу, не спасли меня от ледящего чувства оцепенения, когда по салону

разнёсся громкий возглас водителя:

— Ну что, ребятки? Вы оплачивать думаете?

Я с опаской посмотрела на Егора, который, даже не подав растерянно вида, продолжал отстраненно изучать природу за окном, пока автобус спокойно съезжал на обочину. И теперь уже действительно десятки пар глаз с интересом устремили свои взгляды в нашу сторону.

— Эй, вы, белобрысенькие! Это я к вам обращаюсь, — водитель высунул голову в проход и выжидающе уставился на нас.

Мне хотелось испариться от стыда. Ну, или хотя бы залезть под кресло. Я позорно метала свой взгляд по автобусу.

— А мы уже заплатили, — раздался рядом со мной уверенный ответ Егора.

— Я видел, как ты и твоя подружка лихо заскочили на остановке через заднюю дверь, — с самодовольной улыбкой заявил водитель. — У меня уже глаз на таких, как вы, наметан. Как у орла, — он важно поднял указательный палец вверх. — Так что или оплачиваем, или... — двери автобуса распахнулись.

Такого чувства стыда и конфуза я не испытывала еще ни разу. Особенно в момент, когда бабуля, божий одуванчик, смерила меня негодующим взглядом, качая головой, прежде чем за мной и Егором захлопнулись двери автобуса.

Мы молча стояли посреди дороги, смотря вслед красному бочонку на колесах.

— Да ты у нас гений! Гроза преступного мира, — я повернулась к Егору, осаживая в себе желание отвесить ему здоровый подзатыльник.

— Чуть-чуть не угадал, — спокойно ответил он, смотря куда-то в одну точку.

— Замечательно. А домой нам как попасть? — с каждой микросекундой я теряла свое самообладание. — Какого черта я села к тебе в машину? Сейчас бы на этом же автобусе уже домой мчала...

Егор напряжённо молчал, словно и не слышал мои воззвания к небесам. Оглядевшись вокруг, он вдруг резко улыбнулся и зашагал от меня и от дороги в другую сторону.

— Ты всегда такая нудная, а? — вздохнул блондин, но опять протянул мне свою руку. — Я знаю, как нам попасть домой. Скажи спасибо Ангелине Семеновне, что в детстве она таскала меня с собой в походы.

Я недоумевающе смотрела на парня и понимала, что мне ничего не оставалось, как поправить распушившийся пучок волос на голове и последовать за ним. Егор расплылся в улыбке и уверенно зашагал по зарослям травы, сойдя с асфальтированной дороги.

— По моим подсчётам по трассе идти примерно километров пятнадцать, а по тропе — около пяти-шести. Не так уж и далеко, — подбадривающее бросил он через плечо, активно топая по бездорожью.

— Ага, два лаптя по карте и три часа весёлой песни, — пробормотала я себе под нос.

С каждым шагом мы отходили от дороги все дальше. Деревья стали появляться чаще, пока совсем не скрыли за нашими спинами горизонт. Егор периодически останавливался, что-то бубнил и оглядывался. Мне ужасно хотелось узнать у него, как он ориентируется в пространстве без карт. Но вид у него был такой серьёзный, что я боялась сбить его с мысли лишними вопросами, поэтому мы шли около получаса молча. Мой проводник продолжал шагать, уверенно петляя между деревьями, но в какой-то момент все же радостно воскликнул:

— Есть! — он уже стоял на тропинке, победно раскинув руки вверх. — Мы с бабушкой ходили здесь каждое лето по несколько раз. Вспомнил, представляешь?

Глаза парня горели от гордости, а его лицо сияло искренней улыбкой. Егор выглядел очень по-детски, но так мило. Был бы он всегда таким...

— Ну ты прямо круче, чем Гугл-карты, — запыхавшись, я тоже вышла к нему на тропу.

— Теперь еще пару километров вдоль обрыва, а там дальше спуск прямо к морю.

Он так уверенно вел по тропе, что у меня уже не было сомнений — парень знает, куда идет. Прямо под нами шёл довольно крутой обрыв в море, открывая потрясающий вид. Засмотревшись на горизонт впереди себя, я и не заметила в какой момент Егор стащил с себя футболку и теперь щеголял передо мной голым торсом. Я приоткрыла рот от удивления, а глаза против моей воли уставились на его тело. Егор не выглядел, как типичный качок с целой горой неправдоподобных грузных мышц. Помимо мощных плеч, он имел «сухое» и подтянутое тело. Его фигура напоминала четко перевернутый треугольник с обтекаемыми рельефными мускулами, где вдоль рёбер с левой стороны была наколота татуировка: что-то с изображением солнечной системы.

Мне нечасто доводилось видеть такое мужское тело так близко, точнее, никогда, и от этого во мне боролись два чувства: стыд и желание продолжать рассматривать каждый сантиметр загорелой кожи. Но первое взяло вверх над вторым, и я смущённо отвела глаза.

— Жарко, — пояснил Егор, заметив замешательство на моем лице. — Да и ты уже бордового цвета. Смотри не грохнись в обморок.

Покорно плетясь за ним, я ловила себя на мысли, что почти без остановки смотрю на ярко выраженные широчайшие мышцы спины. Облако аромата его духов и вид загорелой мускулатуры играли с моими ощущениями: приятная тяжесть разливалась по низу живота. Солнце явно припекало мне голову. Пытаясь не обращать внимания на странные ощущения в теле, я даже не заметила, как мы подошли к спуску, который вел прямо к песчаному пляжу. Легко совершив прыжок, Егор протянул ко мне рельефные руки, заметив, как я боязливо смотрю вниз. Он без промедления обхватил широкими ладонями мою талию, помогая спуститься на берег.

— Вот и все, — усмехнулся он, заглядывая мне в глаза.

Наши лица случайно оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Я ощутила, как мужские пальцы аккуратно сжали ткань платья, а тянущее тепло бесцеремонно стало разливаться где-то позвонкам.

— Кир, — убрав ладони, но не отстраняясь от меня, Егор загадочно приподнял уголки крупных чувственных губ, — предупреждаю сразу — здесь не совсем обычный пляж.

— В смысле «не совсем обычный»? Там что? Гуляют сказочные единороги? — пыталась сообразить я о чем речь, пока голова плыла от его рук, которые только что были ко мне так близко.

Он многозначительно хмыкнул, оглядевшись по сторонам:

— Можно сказать и так...

— Егор, мне не до твоих приколов. Пойдем уже, а? — окончательно вернув себе возможность трезво мыслить, я раздражённо обогнула блондина и продолжила идти вперед.

— Ты предупреждена, если что, — слышалось за моей спиной.

— Взрослый, а выходки на уровне первоклассника. — Но стоило сделать шаг в сторону, как пришлось со стоном зажмуриться. — Черт, только не это!

— А я говорил, — раздался за спиной смех Егора. — Это же nudistский пляж. И про гуляющих единорогов ты практически угадала.

— Мерзость. У меня нет желания смотреть на чьи-либо гениталии. Может, есть другая дорога? — с ужасом простонала я, отвернувшись от немногочисленных отдыхающих на песке, и с надеждой посмотрела в разноцветные глаза.

Егор помотал головой и усмехнулся с явной издевкой:

— Что за ханжество, Кира? Люди здесь отдыхают. Никому не мешают. Это ты пришла сюда.

— Ты нас повел этой дорогой, — я ткнула пальцем Егора в твёрдые мышцы груди.

— Забыла из-за кого мы вынуждены волочиться по жаре домой? — он сощурил взгляд.

— Еще слово, и я тебя стукну, — огрызнулась я, сквозь зубы.

— Так, все, — Егор схватил мою руку, развернул и привлек к себе, — идешь рядом со мной и смотришь в противоположную сторону. И никто никому не помешает.

От его кожи пахло морем и чем-то по-мужскому терпким. Обнаженный торс был так близко к моему телу, что я ощущала насколько он был нагрет солнечными лучами. В голове все потихоньку плыло. Удерживая меня возле себя, блондин быстро шагал вперед мимо лежащих на песочке «необычных» отдыхающих.

— Кошмар, — прошептала я, сильнее прижимаясь к Егору, когда мимо нас гордо прошёл совершенно голый мужик.

— Да ладно тебе, — посмеиваясь, он увел меня в сторону, — как будто ты никогда мужских членов не видела?

Если бы пунцовыми щеками можно было бы оставить ожог, то на его шее точно образовался бы след от него. Я проигнорировала этот вопрос, надеясь, что он был риторическим. Как будто почувствовав смущение, Егор чуть отодвинулся от меня, заглянув удивленными глазами в мое раскрасневшееся лицо.

— Погоди-ка. Реально не видела голого мужчину перед собой?

— Чего ты докопался до меня, а? — я замерла на песке и возмущенно уставилась на него. — Я же не спрашиваю, сколько девушек побывали в твоей постели?

— Ну так спроси, — совершенно равнодушным голосом ответил он, шагая дальше по берегу.

— Мне это неинтересно, — бросила я ему в спину, но тут же добавила. — Штук двадцать, по-любому.

— Плюс-минус, — откликнулся Егор, даже не обернувшись.

— Проститутка, — крикнула я ему вслед.

Женщина, лежащая голыми ягодицами к солнцу, подняла голову и неодобрительно нахмурила лицо.

— Ой, это не вам! Простите! — Поспешно извинившись перед мадам, я поплелась вслед за Егором.

Вскоре мой проводник опять увел нас по какой-то крутой тропинке вверх, которая петляла вдоль пляжа, набирая с каждым метром высоту над ним. Солнечные лучи прожигали кожу, но спрятаться было негде: с одной стороны крутые скалы, с другой — море. Местами идти было совсем трудно, а мои ноги то и дело спотыкались на каменистой узкой тропе.

Если бы не крепкие руки Егора и его отменная реакция, то я бы точно пару раз позорно расстелилась прямо на дороге. И каждый раз, когда он ловил меня и крепко прижимал к себе, мое дыхание сбивалось с ровного ритма. Как бы мы цеплялись словами, как бы он ни раздражал меня своими вопросами и не отгоняла я от себя мысли о спортивном теле, мозг предательски направлял глаза на обнажённые мышцы, мелькающие впереди меня.

— Почему именно архитектурный? — вдруг спросил Егор после недолгого молчания вдоль шелестящих волн.

— Просто не хотелось быть юристом, — съязвила я.

Даже не видя его лица, а смотря лишь на широкую спину, я четко представила, как он надменно закатил свои разноцветные глаза. Егор вдруг остановился и повернулся ко мне, склонив голову набок:

— А ты не думала о том, что у меня не было возможности учиться там, где хотелось? — он успел подать мне руку, прежде чем я чертыхнулась через небольшую насыпь камней. — Вообще-то, с детства планировал связать свою жизнь со спортом и до восемнадцати лет профессионально занимался плаванием. Но из-за травмы пришлось поменять свои планы, — на его сосредоточенном лице промелькнуло что-то похожее на сожаление, но Егор тут же продолжил идти вперед.

— Ну, конечно! Можно было догадаться, что ты пловец, имея такие плечи.

Произнеся это, я поняла, что сдала сама себя по полной программе, а мои щеки мгновенно стали покрываться румянцем. Егор опять обернулся, приподняв уголки губ в ироничной усмешке:

— А я то думаю, чего это мне так жарко. Кто-то не может удержать своих пылких взглядов в мою сторону.

— Нет, просто из-за твоих плеч мне дороги не видно, — соврала я, надеясь, что это прозвучало правдоподобно.

— А тебе и смотреть больше не придется, — Егор отступил чуть в сторону с тропы, открывая передо мной вид на знакомые пейзажи нашего пляжа.

— Не могу поверить, что мы дошли, — выдохнула я, мысленно порадовавшись, что не придется больше краснеть и следить за тем, что и как говорю, пока нахожусь в зоне воздействия разноцветных глаз. — Скорее бы оказаться дома...

— А я сначала освежусь, — блондин бодро спустился вниз с тропы на песок и направился к ласково шипящим волнам. — Идешь? — он быстро скинул с себя кеды и шорты.

Теперь Егор стоял передо мной в одних черных боксерах, оголив свои длинные крепкие ноги. Черт. И почему именно в этот момент нужно было оказаться без таких спасительных солнцезащитных очков? Я лишь отрицательно замотала головой и демонстративно отвернулась от мужского спортивного тела.

— У меня нет купальника, — «Главное, не пялиться на него. Не пялиться, Кира».

Егор, зайдя по пояс в воду, остановился и, хитро сузив свои глаза, опять направился ко мне.

— Ты что удумал? — я инстинктивно отпрянула назад от надвигающейся широкоплечей фигуры.

— Почему ты такая зануда, — поморщился он и, схватив меня за руки, перекинул через свое плечо.

— Эй, отпусти! Сейчас же! — я беспомощно забрыкалась в его лапищах.

Но тщетно, Егор держал меня слишком крепко. Пройдя пару метров, он просто швырнул меня в воду. Я даже не успела пикнуть, как мое тело окатило прохладой.

— Придурок! — яростно завопила я, забив ладонями по воде.

Вынырнув в нескольких метрах от меня, Егор хитро сверкнул глазами:

— Раз ты все равно уже мокрая, то плыви сюда. Здесь прохладнее.

Насупившись, я сделала шаг навстречу Егору и погрузилась всем телом в море с одним единственным желанием: стукнуть его по белобрысой макушке. Вода действительно была приятно освежающей, а спокойно играющие волны цепляли ткань моего платья, заставляя ее медузой двигаться вокруг меня.

— Теперь вся одежда и белье мокрое! — пробурчала я.

— Снимай или то, или другое. Я буду рад любому твоему решению. — Заигрывающее блеснули притягательно странные глаза.

А может, отблески воды на солнце создавали такой эффект. Не знаю, но я не могла переключить свое внимание от его лица.

— Это гетерохромия, — вдруг произнес он, не сводя с меня взгляда.

— Что? — переспросила я, не сообразив о чем речь.

— Гетерохромия, — повторил Егор с ухмылкой. — Разный цвет глаз. Притягивает, не правда ли?

— Просто никогда не видела такого. — Мое смущённое бормотание, наверное, могла услышать только я.

— Так смотри. — Егор оказался передо мной и, потянув за талию, приблизил меня к себе, а его руки без стеснения переместились за мою спину.

Не почувствовав под собой дна, я машинально обхватила мужской торс ногами, и ладони сами оказались на крепких плечах. Даже в прохладной воде они были горячими. От близости его полуобнаженного тела по мне волной прошлось ощущение мурашек.

— А парня у тебя нет, — утвердительно отметил он, сложив губы в хитрой улыбке, а наглая рука под водой скользнула вверх от моих щиколоток к бедрам. — Ножки колючие. Обычно девушки, у которых есть кто-то, не ходят так.

Это было бесцеремонно, вызывающе и, черт, но от его пальцев на моей коже затряслись поджилки, а пульс предательски набрал оборотов.

— Ну ты и наглец, — зашипела я и, расцепив ноги, с силой надавила на широкие плечи.

Егор ловко увернулся от меня и расслабленно лёг на спину, доверившись волнам. Его тело оказалось на уровне моих глаз так близко, что можно было без труда рассмотреть татуировку на боку. Это было изображение парада планет: от Меркурия до крошечного Плутона. Они были выстроены в ряд, а вокруг них тонкими линиями обозначены их оси и спутники. Создавалась иллюзия, что планеты вращаются. Татуировка была выполнена настолько филигранно, что желание прикоснуться к ней пересиливало простой интерес.

— Парад планет? — очень хотелось провести рукой от Меркурия до Сатурна, но я тут же одернула себя. Это слишком интимное прикосновение к телу.

Егор хмыкнул, продолжая лежать на волнах.

— Не нравится?

— Наоборот. Очень интересная задумка, — честно призналась я, рассматривая его тату. — А это что-то означает? И тут нет Солнца?

Парень хохотнул:

— Означает, что пить надо меньше. Короче, упал, очнулся — татуировка. Потом ещё

пару лет ходил сдавать анализы на всякий случай. А почему нет Солнца — сам не знаю. — Егор и снова погрузился под воду, окатив меня брызгами.

Я с улыбкой поморщилась от прохладных капель попавших на мое лицо и поймала себя на мысли, что первый раз за день присутствие блондина рядом уже не так напрягает. Не успев даже обдумать это, меня резко потянуло вниз. В панике я открыла глаза под водой и попыталась сделать вдох. Солёная влага обжигала мне горло и жалила глаза. Такое знакомое, мерзкое чувство страха сковало тело, полностью обездвиживая его. Но что-то крепко сжало мою талию, а через мгновение меня потащило обратно к поверхности.

— Кира, ты чего? — прозвучал над ухом испуганный голос Егора.

Он удерживал меня за плечи, вытаскивая на берег.

— Это я у тебя хочу спросить, — хрипло произнесла я, рухнув на раскаленный песок. — Зачем ты меня пытался утопить? — Горло ужасно саднило от солёной воды.

— Утопить? Я ради веселья дернул тебя вниз, а ты вдруг начала барахтаться, потом вообще камнем пошла ко дну.

Мне хотелось озвучить парню целый словарь «ласковых» мыслей, но смогла лишь обессилено повернуться и произнести:

— Никогда! Слышишь, никогда так не делай больше. Не смей!

Разноцветные глаза быстро заморгали, а рот открылся, видимо, намереваясь возразить что-то в оправдание, но я вложила в свой взгляд столько эмоций, что Егор сразу сжал губы и согласно кивнул.

— Просто никогда не ныряю с головой... — натянуто пояснила я, отгоняя неприятные детские воспоминания. — Кто-то боится замкнутых пространств, а я вот боюсь нырять.

— Но ты же плаваешь в воде? — Егор недоверчиво глянул на меня.

Перед глазами опять хаусом замелькали мерзкие картинки из моего детдомовского прошлого, давая ясно понять, что сколько лет бы не прошло, а помнить все равно буду...

— Плаваю и никогда не ныряю. С детства не люблю, — на все еще дрожащих ногах, я поднялась с песка, бесполезно пытаюсь отряхнуть прилипшие желтые крупинки от мокрого шифона, который вызывающе обтянул формы моего тела. — Ты как хочешь, а мне домой.

— Тебя, может, проводить? — Егор тут же подскочил, натягивая на себя шорты.

— Переживаешь, что сама не дойду? — Мой ответ прозвучал грубее, чем нужно, так как я все ещё тряслась от его выходки.

Егор за секунду поменялся в лице, одарив меня равнодушным взглядом.

— И в мыслях не было. Не утонула, значит, все отлично, — он скривил губы в ухмылке.

Даже не помахав мне на прощание, Егор развернулся в сторону своего дома, пока я с досадным чувством смотрела на удаляющуюся от меня широкую загорелую спину, которая очень быстро исчезла за поворотом. Вздохнув, я было направилась за ним, но боковым зрением выловила чёрную футболку, забытую Егором.

Очень хотелось просто из вредности оставить ее на пляже, но бережливое отношение к вещам, даже чужим, заставило меня поднять забытый кусок ткани и аккуратно отряхнуть от песка. Мой нос с предательским наслаждением уловил тонкий древесно-морской аромат, от которого тут же скрутился теплый узел внизу живота.

— Ба, все вопросы потом, хорошо? — простионала я, с трудом поднимая ноги по лестнице к себе.

— Кира, ты где была? — она в ужасе уставилась на меня. — Тебя не было полдня. И... и почему ты вся мокрая?

— Поехала в город с внуком Ангелины Семеновны, у нас забрали машину и пришлось идти пешком домой, — вымученно протараторила я, сократив наше приключение по максимуму. — Бабуль, правда, все расскажу, но потом.

— Кира! — возмущено окликнула меня бабушка, но я уже захлопнула за собой дверь.

Скинув себя влажное платье, я задумчиво повертела в руках футболку Егора, аккуратно повесила ее на стул и прилегла на кровать, неосознанно гипнотизируя черную ткань глазами. Я проспала до самого вечера и выползла из своей комнаты только к ужину. Бабушка подозрительно косилась на меня, пока я залпом вливала в себя литр воды.

— Жду объяснений.

Выложив все, как на духу, я исключила только детали про нудистский пляж.

— Так я знаю, где это тропа. Парень, конечно, молодец. Сориентировался, — высказалась она, но без особого энтузиазма.

— Серьезно? Как он вообще права получил, если даже на знаки не смотрит?

— Поэтому, Кира, нечего разъезжать по чужим машинам. Поехала бы на автобусе, давно бы дома была.

Я состроила недовольную физиономию — все вокруг были виноваты, но только не Егор.

— Кирочка, я, конечно, понимаю, что после вчерашних походов не хочется в грядки лезть, но мне надо в город отлучиться, — обратилась ко мне бабуля за завтраком на следующее утро.

— Конечно. Без проблем, ба, — согласилась я, но с ужасом представила, как вечером придётся бегать по огороду. Мои мышцы все-таки противно побаливали после той пешей прогулки.

— Кстати, Егор забрал уже свою машину, — произнесла бабушка, расставляя кружечки в геометрическом порядке на полке. — Ангелина Семеновна уже звонила из аэропорта. Внук повёз ее туда час назад.

— Она куда-то уезжает? — удивилась я.

— В какой-то то крутой пансионат за границей на несколько недель.

Я сдержанно хмыкнула — хоть в благородных целях мы совершали этот отважный поход, а не для того, чтобы он слинял вечером на очередную тусовку.

«Какое тебе до этого дела, Кира?» — тут же одернула сама себя, отгоняя лишние мысли и ковыряясь вилкой в овощах.

Оставалось забрать из его машины мою забытую сумочку с документами. Так как у меня не было ни номера телефона Егора, ни даже просто мобильника, я лишь надеялась, что он догадается привезти мои вещи.

Но Егор не приехал ни через час, ни через два, и даже после полудня. Все больше становилось понятно, что свои вещи придётся забирать самой.

«Огородные дела же могут подождать?» — подумала я, хватая ключи с полки в коридоре.

Оказавшись перед знакомыми мне воротами и оглушив тишину деревенских улиц трелью домофона, я вдруг поняла, как неоднозначно выглядит мой визит. Однако сбежать обратно домой у меня не вышло, хотя надо было.

Калитка мгновенно распахнулась, пропуская во двор. Ругая себя за спонтанность своей идеи прийти сюда самой, я все-таки осторожно прошла за ворота и даже не успела оглядеться вокруг, как перепугано вздрогнула от бархатного голоса, раздавшегося за припаркованным черным кроссовером перед домом.

— А ты, смотрю, нетерпеливая, — улыбался Егор, выходя из-за машины. — Я вот только собирался к тебе ехать, вещи вернуть. Ты же за этим пришла? Или... — направленный на меня взгляд разноцветных глаз опять обволакивал странным чувством.

— Именно, — произнесла я, чувствуя себя, мягко говоря, глупо, отчего стало пересыхать в горле.

— А ты, кстати, загорела так неплохо. И этот розовый цвет теперь к лицу, — усмехнулся он, подходя ближе и окидывая меня с головы до ног оценивающим взглядом, нагло задержав его где-то в районе моей груди. — Прогулка под солнцем пошла тебе на пользу.

Сам же Егор выглядел весьма свежо и бодро. Обычная белая футболка, слегка обтягивающая его широкие плечи, простые чёрные шорты, часы на правом запястье и немного растрёпанная в разные стороны копна волос — ничего такого, но на секунду мой взгляд «завис» на парне, а где-то под ребрами защекотало.

— Да и ты не смотришься уставшим после вчерашних приключений, — попыталась отмазаться я, поправляя свое скромное декольте на домашнем платье.

— Твое? — загадочно улыбнулся он, протягивая мне мою сумочку.

— Спасибо, — я потянулась за ней, но не успела даже прикоснуться, как Егор одернул руку.

— А моя футболка? — вдруг спросил он прищурившись. — Она же у тебя?

— Допустим... — я все еще тянулась за сумкой.

— Чужие вещи брать не хорошо, — наигранно покачал головой Егор.

— Кто бы говорил! — фыркнула я, успев зацепить ремешок сумочки и дернуть его к себе.

— Эй, нечестно, сначала моя футболка, — воскликнул блондин, рывком кинувшись в мою сторону, но девичий голосок за его спиной заставил замереть в шаге от меня.

— Егор! Ты где застрял? — Из-за угла дома вышла темноволосая девочка лет одиннадцати-двенадцати в смешной пижамке с Микки Маусом.

Она перевела взгляд с Егора и недружелюбно посмотрела на меня своими огромными заплаканными глазами. Я сконфуженно отступила подальше от парня, сжимая сумку в руке.

— Привет, — проямлила я.

— Ты кто? — Девочка сердито нахмурила свои изящные темные брови и скрестила руки на груди.

— Кира, — произнесла я, слегка опешив от ее уверенного напора. — А ты... Даша? — В голове всплыли бабушкины слова про сестру Егора.

Девочка, как и ее брат, захлопала глазами, удивленно смотря на меня.

— Верно, — протянула она, перестав хмуриться. — Ты же не очередная гувернантка? — вдруг настороженно поинтересовалась Даша.

— А...

— Нет, Кира просто моя подруга, — за меня уверенно ответил Егор.

«Подруга? Вот, значит, как...» — усмехнулась я про себя и вопросительно посмотрела на брата Даши. Но он или не заметил этого, или сделал вид.

— Если не гувернантка, — девочка захлопала носом, обращаясь именно ко мне, — тогда пошли пить чай, а то мне скучно. Все же лучше, чем с моим братцем находиться наедине.

— Ой, нет. Мне домой уже надо, вообще-то... — я неловко топталась на месте, теребя ремешок от сумки в руках.

Но Егор, сделав один широкий шаг ко мне, положил ладони, от которых исходило тепло, на мою поясницу и слегка подтолкнул вперед.

— Она с нами! Куда ей теперь деваться? — Егор опять озвучил ответ вместо меня и с этими словами подмигнул Даше. — Правда же? — его пальцы едва ощутимо смяли тонкую ткань моего платья, намекая, какой ответ сейчас я должна произнести.

Дашка выжидательно уставилась на меня своими красными и припухшими глазами. По всей видимости, до этого она плакала, причем не один час. Стоя в смешной пижаме, заплаканная, эта девочка показалась мне ужасно трогательной и уязвимой, несмотря на то, что сейчас она так отважно пыталась устроить мне допрос. Да и рука Егора на моей спине, не давала возможности сказать, что-то другое, кроме как...

— Хорошо, но только на одну чашку, — я увернулась от горячей мужской ладони, начиная ощущать, что от ее прикосновений тянет низ живота.

Даша опять громко втянула носом воздух, улыбнулась и, сделав зовущий жест рукой, скрылась за углом.

Оказавшись в доме Королевых, я почувствовала себя откровенно неловко: много света, нереальных размеров потолок в гостиной на всю высоту дома, огромная широкая деревянная лестница со стеклянными перилами, тёплые тона мебели и стен делали пространство невероятно уютным, а черные элементы декора и текстиля придавали лаконичность и строгость; и тут я — вся такая в розовом платье посреди этого храма стиля и моды.

Сестра Егора уже расположилась на диванчике в гостиной, устроившись в самом его уголке, поджав ноги и прижимая подушку к себе.

— Девочки, чай-кофе придется подождать, пока все организую на кухне, — произнес блондин, проходя дальше через гостиную вглубь дома.

— Тебе помочь? — встрепенулась я, все еще ощущая себя дико неуверенно, что согласилась на совместное чаепитие.

Егор отрицательно поморщился и глазами указал мне на диван.

— Мне две ложки сахара, — отозвалась Даша, прежде чем ее брат скрылся из виду.

— Сама закинешь! Не безрукая, — послышался возглас из коридора.

Дашка скривилась и показала язык в сторону, откуда до этого слышался голос Егора.

— А ты Егора откуда знаешь? — с интересом спросила девочка, переключив внимание на меня.

— Ну... — протянула я, осторожно присаживаясь в кресло и ощущая, как моя пятая точка оказывается в невероятном комфорте, — знаю его благодаря кабачкам. Принесла их вашей бабушке, а потом твой братец разбил мой телефон.

— П-ф, Егор — придурок! — Дашка смешно наморщила нос.

Я не сдержала улыбку и, сделав заговорщический вид, прошептала:

— Говорю по секрету: твоему брату я сказала то же самое.

Девочка улыбнулась в ответ. Она была абсолютно не похожа на брата — симпатичная девчушка с огромными насыщенно-зелеными глазами и с шикарной копной волнистых локонов цвета молочного шоколада, лежавшие ровными завитушками на хрупких детских плечах.

— Ну вот улыбаться ты можешь. Так чего тогда зареванная такая?

— Мы переехали, но мне тут не нравится, — произнесла она срывающимся голосом. — Все просто бросили меня. Привезли и бросили. Бабушка, мама, папа. У всех свои дела.

Я удивленно подняла брови:

— Егор же здесь.

— Ага, по полчаса в день, — она поджала губу и шмыгнула носом, вытирая вновь появившиеся слезы.

Видя, что девочка вот-вот разревется с новой силой, я аккуратно переместилась со своего кресла к ней на диван.

— Слушай, сидеть и наматывать сопли на кулак не имеет смысла. Пусть сейчас в огромном доме никого нет, это не значит, что ты никому не нужна. У взрослых все сложнее: работа, дела. Уверена, что скоро вся ваша семья соберется здесь и не будет так тоскливо, — как могла, выкручивалась я. — Сколько тебе лет?

Дашка молча вытерла слезы и сделала прерывистый вздох, уткнувшись глазами в подушку на коленях, и смешно потерла сопливый вздернутый носик рукой:

— Двенадцать.

— Так же, как и ты, я приехала сюда из другого города, — я решила продолжить свой монолог, пока девочка начинала внимательно вслушиваться в то, что говорю. — Мне тоже было двенадцать и казалось здесь все унылым. Теперь люблю это место всей душой. Недаром говорят, что первое впечатление обманчиво: видишь человека и, кажется, что никогда не сможешь с ним общаться, что он противный и неинтересный. Но потом, узнавая этого его ближе, все больше располагает к себе. Так и с нашей деревушкой.

— И как мне узнать что-то большее об этом месте? — Даша серьезно нахмурила свое еще по-детски милое личико.

— Здесь невероятно чистый и спокойный пляж. Есть огромная территория яблоневых садов. Весной и осенью там просто сказка. И Егор, кстати, неплохой экскурсовод, — я с намеком подмигнула девочке.

На ее лице было мелькнула улыбка, как тут же сменилась на унылое выражение:

— Пляж сразу отпадает — не умею плавать.

— Твой брат профессионально занимался плаванием, а ты не умеешь? — с неподдельным изумлением я посмотрела на Дашу. — Так напряги Егора! Пусть научит. Хочешь, могу поговорить с ним? Думаю, что он сможет найти время, — это предложение поступило от меня, даже не успев мною же обмозговаться.

— Правда? Ты поговоришь с ним? — Слезы на щеках Даши практически высохли, сменяясь уверенной улыбкой. — Если ты его и правда уговоришь, то это будет круто! Хотя, не удивлюсь, если Егор откажет. Он иногда такой противный

— Согласна, — засмеялась я, а у самой в голове вертелась мысль: лишь бы теперь не облажаться с данным вопросом. — Егор он...

— «Егор он» что? — раздался на пороге голос обсуждаемого. — А я то думаю, чего у меня так лицо горит. Сплетничаете? Клуб Егороненавистников?

Белобрысая голова появилась из-за угла коридора. Егор сощурил глаза и с любопытством оглядел меня и Дашу.

— Подслушивать некрасиво! — его сестра схватила диванную подушку и запустила в торчащую в дверном проёме голову.

Он технично увернулся, исчезнув буквально на секунду из вида и тут же снова появился в дверном проеме, но уже в полный рост.

— Вижу, вы нашли общую тему для разговора, — он многозначительно покосился в мою сторону, а я взмолилась, чтобы никто не заметил моих порозовевших щек. — Отлично, тогда пойдёмте поедим.

Девчушка подскочила с дивана и, быстро прошмыгнув через всю гостиную, оказалась рядом с братом, начиная щекотать ему ребра.

— Дашка! Отвали! — вскрикнул он, пытаясь увернуться от сестры.

— Кира, если Егор много умничает, то щекотка быстро приводит его в чувство, — она убрала руки от него и с довольным видом скрылась в коридоре.

***

— И о чем вы говорили с Дашкой? Как тебе удалось поднять ей настроение? — поинтересовался Егор, нажимая кнопку на кофемашине.

Резкий звук перемалывания зёрен заполнил эхом просторную кухню. Он сам накрыл на

стол, пока мы с Дашей находились в комнате. Аккуратно нарезанные бутерброды, овощи, ровно сложенные сладости в бонбоньерке расположились на огромном длинном столе вдоль витражных окон. Кухня сияла чистотой и стилем, собственно, как и все остальное в доме.

— Ну-у, — потянула я, вертя пальцами пустую кружку перед собой, — мне пришлось пообещать, что ты научишь ее плавать. Тем более, сам говорил, что занимался раньше профессионально.

Я осторожно подняла взгляд на Егора. Мое дыхание замерло в ожидании его реакции. Он повернулся ко мне и озадаченно захлопал глазами:

— В смысле пообещала? Кира, я занимался плаванием, а не тренировал. — Егор со стуком поставил сахарницу на стол. — Меня отдали в бассейн, когда мне было три года к профессиональным тренерам. Да, я умею плавать, но без понятия, как сделать так, чтобы человек не боялся воды и поплыл сам.

— Егор...

— Кира-а, — недовольно простонал он.

Набрав в грудь побольше воздуха, мне ничего не оставалось, как идти до конца. Мне почему-то очень не хотелось подвести эту заплаканную зеленоглазую девчущку.

— Ты хотя бы попробуй. Ей сейчас очень нужно внимание, — я заглянула в его разноцветные глаза и, почувствовав контакт между нами, продолжила. — Она ощущает себя подавленной: переезд, новый дом. Плюс подростковый возраст. И если ты ей сейчас откажешь, то Даша точно будет считать себя одинокой и никому не нужной.

Егор слушал меня, не моргая, а я с надеждой всматривалась в его лицо, мысленно посылая флюиды на положительный ответ.

— Я подумаю... — как-то неуверенно пробормотал он.

— Егор! Вода не закрывается! Помогите! — откуда-то из глубины дома раздался Дашкин возглас.

Не отрывая от меня своих глаз, парень попятился к двери и скрылся за ней. Пищание кофемашины противным звуком заполнило возникшую тишину на кухне, а аромат свежесваренного кофе мгновенно разлетелся по воздуху. Но раздавшийся шум в коридоре, заставил меня замереть с чашкой в руках.

— Ау! Кто дома? — позвал незнакомый женский голос.

Через несколько секунд в дверях появилась невысокая светловолосая дама в строгом кремовом брючном костюме. Она осмотрела кухню глазами, остановив взгляд на мне. Ее черты лица показалась мне очень знакомыми, а особенно то, как она прищуривала голубые глаза...

— Ой, как хорошо, что вы уже здесь, — перестав хмуриться, зашебетала мадам. — А то я так устала с дороги. Мне сделайте американо без сахара и омлет с овощами. И все это ко мне в комнату принесите. Хорошо?

Я ошеломленно захлопала ресницами, а язык просто прилип к небу.

— Ах да. Там чемоданы возле входа, — длинным красным ногтем она указала куда-то в сторону. — Вещи нужно все кинуть в стирку. Вас как зовут?

— Кира, — промямлила я, но тут же опомнилась. — Извините, вы не так поняли. Я не...

Но не успела договорить, как на пороге кухни возник Егор.

— Мама?

«Мама?» — от этой мысли захотелось мгновенно телепортироваться. А самым

позорным было то, что меня так легко приняли за прислугу.

— Для начала «привет», — женщина улыбнулась, потянувшись к сыну за поцелуем, но тот довольно резко отстранился.

— Ты же должна была приехать завтра, — слишком холодно ответил Егор.

— Смотрю ты очень рад меня видеть, — улыбка на лице его матери сменилась усмешкой, а голос тут же стал неприветливым. — Саша здесь?

— Отца нет здесь. И в ближайшее время не будет, — отчеканил он так, что мне стало не по себе.

Вся притягательность его глаз испарилась за секунду. Было ужасно некомфортно наблюдать за тем, как сын так исказился в лице при виде своей матери. Я сконфуженно стояла посреди кухни, ощущая, что пространство заполнялось чем-то тяжёлым и неприятным.

— Извините, — пропищала я, понимая, что нужно как можно скорее ретироваться отсюда. — Мне пора...

Мать Егора повернулась в мою сторону, озадаченно сверля голубыми глазами.

— А разве ты не... — она собиралась сказать что-то еще, но Егор опередил ее.

— Кира — это моя мать. А это Кира, моя подруга, — его бархатный голос приобрел металлические нотки.

— А, — идеальной формы брови на ухоженном лице женщины сдвинулись переносице, образуя едва заметные морщинки над ней. — Подру-у-га.

— Мне и правда пора, — осторожно на ватных ногах я проскользнула из кухни мимо Егора и его матери, пролепетав лишь тихое: «До свидания».

— До свидания... Кира, — ответила женщина и, как мне показалось, сделала акцент на моем имени.

— Я провожу, — за спиной послышался голос Егора и его быстрые шаги.

Оказавшись на улице, мы оба молчали в каком-то неловком напряжении. Блондин запустил ладони в свои волосы, взъерошив их на голове.

— Времяпрепровождение с моей матерью — не самый лучший вариант для досуга, так что... — заговорил он, словно пытался оправдаться.

— Все нормально. Мне и правда пора. Обещала бабушке помочь с огородными делами сегодня, — непринуждённо отмахнулась я, стараясь не показывать, что это была жутко неловкая сцена на кухне. — Только я с Дашей не попрощалась. Она у тебя очень милая, — улыбка непроизвольно заиграла на моем лице.

— Дашка? Милая? — усмехнулся Егор. — Скорее, как банный листик. Не переживай. Она сейчас может и не заметит, что ты ушла. С матерью не виделась месяц, — он опять напрягся, выдавая свое явное раздражение.

— Кстати, а что с моим телефоном? Когда отремонтируют? — я быстро нашла нужный вопрос для смены этого некомфортного разговора.

— Я завтра сам съезжу, заберу его и привезу тебе, — в разноцветных радужках Егора промелькнул неоднозначный блеск.

— Хорошо. Тогда до завтра? — произнесла я, чувствуя, как начинаю глупо улыбаться только от одной мысли, что ближайшая встреча с ним не за горами.

Он лишь кивнул, внимательно смотря на меня, попутно ковыряя носком кед зеленый газон.

Неловко махнув рукой на прощание, я быстро зашагала по каменным дорожкам на

выход, ощущая пристальный провожающий взгляд на себе. Или же мне просто так хотелось...

— Да что же ты такой неподъемный! — я со злостью пнула длинный шланг, который уже несколько минут пыталась протащить по дорожке между грядками. — Что б тебя! Зараза!

— Фу, как некультурно, — знакомый голос за спиной заставил меня резко подпрыгнуть.

— Господи, Егор! Напугал! — я облегченно выдохнула, увидев парня, стоящего за невысоким забором, который разделял двор дома от нашей огромной плантации. — Можешь не подкрадываться так больше?

— Что же ты такая пугливая? — он растянул губы в улыбке, оперевшись на деревянные колья. — Ты кое-что так и не забрала у меня, — его рука помахала моей сумочкой.

— Спасибо! — смутилась я, вспоминая, как убежала из его дома в полном смятении чувств. — Меня просто срочно ждали неполитые грядки.

— Могу помочь, — предложение Егора прозвучало достаточно неожиданно. — Я видел, как ты этот бедный шланг насильовала. Жалкое зрелище, — ухмыльнувшись, он, положив сумочку на забор, ловко перепрыгнул через него и с энтузиазмом потер руки. — Командуй что и куда.

Я растерянно похлопала глазами, ощущая, что бабочки в животе уже оживлённо замахали крылышками. Но мой палец уверенно указал на изрядно доставший меня шланг. Егор утвердительно кивнул и легко поднял его с земли, перетащив на нужное место, попутно демонстрируя, как напряглись его мышцы под футболкой. Глубоким вздохом я постаралась скрыть накотившее ощущение трепета в теле.

«Кира, ты как гормонально нестабильная школьница», — строго отчитала саму себя за косые взгляды в сторону напряженных мышц.

— Теперь что? — спросил он, отряхивая руки.

На его кипенно-белой футболке уже появились пыльные следы, но Егор даже не обратил на них внимание.

— Нам надо все здесь полить, — я окинула руками пространство вокруг себя, а он, к моему приятному удивлению, послушно принялся поливать грядки.

Краем глаза подглядывая за ним, я старательно скрывала свою улыбку. Егор с серьёзным лицом наблюдал, как вода заполняет сухую землю и время от времени протягивал шланг дальше. Белые кеды уже всюду были облеплены сырой землёй, а ноги забрызганы каплями грязи по самые шорты. Смотрелся он весьма нелепо в своем наряде среди грядок.

— А чем ты занималась, кроме того, что жила, ковыряясь в помидорах? Ты вообще была хоть где-нибудь, помимо этого огорода? — вдруг поинтересовался Егор, продолжая усердно заниматься садовым фитнесом.

Его вопрос заставил меня на мгновение зависнуть. После того как семь лет назад моя бабушка появилась на пороге детдома и забрала к себе, у меня было одно желание — никогда не покидать место, которое я теперь могла называть своим домом.

— У меня не такая интересная жизнь, как у тебя, — пожалала я плечами. — Может, мне и в грядках весело?

— Да ладно, — иронично протянула Егор, покосившись на меня. — А как же друзья, тусовки, походы в бары, кино?

— У меня есть одна подруга — Машка, — но после небольшой паузы я вдруг

ляпнула. — Да и в кино-то ни разу не была...

— В смысле?

— В прямом. Как-то времени и возможности не находилось.

Егор задумчиво хмыкнул и несколько секунд сосредоточенно не сводил с меня своих притягательно странных глаз, будто бы гипнотизируя. Пока я, словно замороженная, стояла посреди грядок, чувствуя, что его взгляд стал притягивать меня сильнее, чем можно было подумать, блондин, весело хохотнув, направил на меня воду из шланга, окатывая ей от макушки до пят. От неожиданности мне даже не пришло в голову хоть как-то сдвинуться в сторону от ледяного потока. Я просто ошарашенно стояла посреди огорода насквозь мокрая, размахивая руками и лоя ртом воздух.

— Ты...ты... — мои глаза расширились, а я пыталась собрать цензурный ответ. — Егор! — мой вопль разнесся над огородом.

В его разноцветных глазах заплясали азартные огоньки. Отбросив шлангу на землю, Егор, перепрыгивая грядки, быстро оказался на безопасном расстоянии от меня.

— Ну, сейчас ты получишь, — зловеще прошептала себе под нос и быстрым шагом направилась к зачинщику беспорядка.

Успев увернуться от меня, он виртуозно перескочил через несколько грядок:

— Кира, прости, — Егор прижал руки к груди и состроил виноватое выражение лица, но глаза его все еще игриво сверкали.

Со всей своей быстротой и ловкостью, которой меня наделила природа, я ринулась в сторону смеющегося парня. Оглядевшись, он, не придумав ничего другого, нырнул в дверной проем теплицы, а я с коварной улыбкой направилась туда же, понимая, что теперь-то Егор точно в ловушке.

— Пытаешься придумать план побега? Не выйдет, — ухмыльнулась я, прислонившись к дверному проему плечом.

— И что ты мне сделаешь? Закидаешь кабачками? — он с вызовом обратился ко мне, стоя посреди грядок и скрестив руки на груди.

Его глаза смотрели на меня с прищуром, кончики губ приподнялись в наглой усмешке, но от этого его лицо становилось еще более притягательным. Я с видом победителя нажала на кнопку возле входа. Раздалось громкое шипение, а под потолком закрутились разбрызгиватели, создавая мелкий ледяной дождь. Округлив глаза, Егор тут же разразился открытым смехом.

— Да, ладно! — он поднял лицо и руки навстречу к каплям. — Слушай, а это круто! Чего стоишь там? Иди, — Егор махнул мне рукой, подзывая к себе.

— О, нет, — я с опаской отпрянула назад. — Уже накупалась, спасибо!

— Кира- зану-у-уда, — протянул он и направился ко мне, сверкая глазами.

— Егор, нет! Даже не думай!

Но крепкие руки уже затянули меня под «дождь». Мелкие ледяные капли стали иголками изрешечивать мою кожу. Я поморщилась и не удержалась от писка, крепко зажмурившись.

— Это всего лишь вода. — Голос Егора раздался совсем близко, а его пальцы вдруг аккуратно прикоснулись к моему лицу.

Четко ощущавшийся контраст между ледяной водой с потолка и горячими руками заставили меня затаить дыхание. Каждое прикосновение к моей коже отдавалось лёгким спазмом где-то под рёбрами.

— Дышать вообще-то не запрещалось, — хмыкнул он, одарив меня своим колким замечанием.

С закрытыми глазами его голос казался мне ещё более глубоким и бархатным. Одна ладонь аккуратно обхватила затылок, путаясь в моих волосах, другая — смахивала колючие капли со щек. Специально или нет — Егор провел пальцем по моим губам. Тепло его кожи сделали спазмы в груди ощутимее. А когда руками он прикоснулся к моей шее, я вздрогнула и распахнула глаза.

Лицо Егора находилось на достаточном расстоянии, чтобы можно было заметить, что намокшие ресницы казались теперь темнее, делая разноцветные радужки еще более гипнотическими. Горячая мужская ладонь вместе со скользящими ледяным каплями опускалась вниз к ключицам. Задержав пальцы там, где у меня бешено пульсировала вена, Егор опустил взгляд и приподнял кончики губ в усмешке.

— У тебя что? Аритмия?

— Разве с тобой можно ощущать себя спокойно? — прошептала я вполголоса и тут же поняла, как двусмысленно прозвучал вопрос.

Какое-то странное сковывающее ощущение зарождалось под рёбрами — тянущее, жгучее и тяжёлое. В теплице был слышен только трещащий звук разбрызгивателей. Мы оба замерли под ледяным импровизированный дождем, глядясь в глаза друг другу.

«Кира, очнись», — одернул меня внутренний голос.

Махнув головой, я не придумала ничего лучше, чем ущипнуть Егор за бок.

— Ай, пожалуйста, только не щекотка! Кира-а-а! Остановись! — с придыханием взмолился он, начиная хрипнуть от смеха.

— Ладно, живи, — с напускной важностью произнесла я, убрав от него руки.

Егор на несколько секунд замер, переводя сбитое дыхание, пока по его светлым волосам ручьями стекала вода. Резко распрямив свои широкие плечи, он одернул насквозь промокшую футболку и сверкнул глазами.

— А теперь — беги. — Ровный низкий голос отозвался где-то глубоко внутри меня.

Издав нервный смешок, я успела лишь развернуться спиной и сделать полшага, как меня крепко обхватили сильные руки, прижав к мужской груди.

— Думаешь, я теперь так просто отпущу тебя? — Обволакивающий голос заставил мое тело напрячься, а дыхание показалось головокружительно обжигающим.

— Егор... — нервно прохрипела я.

— Кира! Ты где? — голос бабушки вернул меня в действительность и заставил дернуться из кольца рук.

Отодвинувшись от парня, я с нервной дрожью в руках, пригладила свои волосы, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

— Здесь, — отозвалась я в ответ, по-прежнему чувствуя взор блондина на себе.

— Батюшки, — возникшая на пороге теплицы бабушка несдержанно всплеснула руками. — Дети, вы чего тут?

— Мы? Поливаем, — мои щеки сковал румянец, и я покосилась в сторону Егора, ища поддержки. — А он вот помогать пришел. — Тот уверенно закивал, невинно хлопая ресницами.

— Это, конечно, хорошо, но вы не там поливаете, — бабушка подозрительно перевела взгляд с меня на Егора и одним нажатием кнопки остановила дождь над нами. — Вас обоих выжимать можно. Бегом по домам переодеваться! Помощнички... — пробубнила она нам в

спины, когда мы оба, сдерживая смех и сконфуженно переглядываясь, проскользнули мимо нее прочь от садовых грядок.

Егор!

Это первое слово, которое возникло у меня утром следующего дня. Наш с ним огородный аквапарк не прошел даром. В ответ на бабушкино поздравление меня с днем рождения я смогла ответить ей лишь хрипом, сипом и свистящими звуками. У меня просто исчез голос. Еще вчера вечером ощущался дискомфорт в теле, но было решено не заморачиваться. А теперь стало понятно, что свой день рождения я проведу не примеряя невероятной красоты синее платье в тонкую белую полоску — подарок бабушки, а в обнимку с градусником и леденцами для горла. Противное чувство досады приветливо помахало мне рукой, и слезы градом хлынули из глаз.

— Вот вам ваши вчерашние ледяные ванны. Доигрались? Так, не раскисать, — скомандовала бабуля, пока я хлюпала носом. — Значит, будет постельный режим и обет молчания, — она тут же ласково прижала меня к себе, чмокнув в макушку. — Примерка и самолюбование — все потом, а я в аптеку, — еще раз поцеловав меня в лоб, бабушка собиралась уже подниматься с кровати, но мои руки крепко обняли ее за плечи.

— Спасибо за подарок, — сипло прошептала я. — Я так тебя люблю.

— Родная... — ответила она также шепотом, еще сильнее обнимая меня в ответ. — Все, сырость не разводим. Бегу в аптеку.

Еще раз заботливо подтолкнув под мои ноги плед, бабуля скрылась за дверью комнаты. Я откинулась обратно на подушки, не выпуская ткань платья из ладоней, которая дарила коже лёгкое ощущение прохлады. Только и оставалось, лежать, обнимать подарок, а в качестве праздничного меню — ассортимент из аптеки.

«Машка по-любому расстроится, что не встретится сегодня» — Мысль о подруге заставила меня хрипло простонать. — *«Черт! Она даже не сможет дозвониться ко мне сегодня»*.

Было нестерпимое желание все высказать Егору, если он, конечно, появился бы на пороге нашего дома.

Собрав свое вялое тело воедино, я приняла душ и постаралась хоть как-то привести себя в порядок — день рождение, как-никак. Но и после душа на меня в отражении смотрела бледнолицая девушка-зомби. Алые щеки создавали яркий контраст с болезненными кругами под мутно-серыми глазами. Слабость в теле так и направляла обратно в мягкую кровать.

Не успела я и прилечь на комфортную гору подушек, как на первом этаже раздался шум. Это явно была не бабушка — она еще не успела бы вернуться из аптеки. Сердце против моей воли застучало сильнее, и совсем не от страха, что кто-то незнакомый пробрался в дом. Я догадывалась кто это.

— Ау! — Голос, от которого мой пульс прибавил оборотов, нарушив тишину в доме.

На трясущихся ногах я спустилась по лестнице, мысленно гадая, что он тут делает? Неужели пришел, чтобы...

— С Днем рождения, — радостно произнес огромный букет цветов голосом Егора, возникший прямо перед моим носом из-за угла гостиной.

От неожиданности я вскрикнула, а точнее, издала звук похожий одновременно на скрип старой двери и кошачий кашель.

— Так ты все-таки простудилась, — белобрысая голова появилась за букетом и

сочувствующее посмотрела на меня своими разноцветными глазами.

Я остановилась на последней ступеньке и скрестила руки на груди, одарив Егора многозначительным сердитым взглядом. Парень непонимающе похлопал ресницами. Даже в темно-зеленой футболке поло и в черных шортах, он выглядел как-то торжественно и парадно.

— Ты меня винишь? — спросил Егор, правильно уловив посыл в моем взгляде. — Может, ты вчера мороженое ледяной водой запивала, а я виноват?

— Егор! — прохрипела я, округлив свои глаза от возмущения.

— Да, понял-понял, — поднял он руки вверх вместе с букетом. — А ты молчи или этот ужасный голос мне будет сниться в кошмарах, — и, как обычно, растянул губы в усмешке.

У меня даже не было сил рассердиться на него, поэтому я просто обреченно закатила глаза.

— Кстати, это тебе, — Егор протянул мне букет и какую-то небольшую белую коробку, обвитую яркой лентой, сменив усмешку на искреннюю и открытую улыбку.

Все мое негодование по поводу его причастности к тому, что свой праздник я проведу в кровати, куда-то, само собой, улетучилось. Немного смутившись, я сделала неуклюжий шаг вперед к парню и, не успев ухватиться за перила лестницы, потеряла равновесие.

Егор ловко поймал меня в полете одной свободной рукой, крепко прижав к своей груди. От запаха его тела по мне прокатилась волна жаркой дрожи, без того ватные ноги просто подкосились, едва удерживая меня в вертикальном положении. Не контролируя себя, я зачем-то сделала глубокий вдох, ощущая, как кружится мое сознание. А этот аромат чего-то морского с древесными нотами... Желание вдыхать и выдыхать его становилось слишком навязчивым. Надеюсь, что он не услышал моих вдохов, я робко подняла взгляд на Егора.

И почему при первой нашей встрече я решила, что в его чертах ничего симпатичного? Теперь мне уже так не казалось вовсе. Лицо Егора было так близко: притягательные глаза смотрели на меня неподвижно из-под полуопущенных ресниц, а полные мягкие губы... Еще секунда под взглядом этого разноцветного омута — моя несообразная голова отключилась, и я потянулась вперед, готовая послать все к черту.

— С ума сойти, ты вся просто горишь, — обеспокоенный низкий шепот остановил меня в миллиметре от поцелуя. — Температуру измеряла?

Сдерживая стон разочарования, я отрицательно покачала головой. Егор неодобрительно цокнул и нахмурил брови. Одним движением он поднял меня на руки и, не выпуская при этом букет, стал подниматься по лестнице.

Я послушно обхватила Егора за шею, уткнувшись в нее своим носом, прижась к нему так крепко, как это позволяла моя слабость, которая захватывала тело все сильнее. Он, будто бы не замечая, что к нему так откровенно и недвусмысленно льнут, без труда преодолел немногочисленные ступени на второй этаж.

Меня бережно переложили в кровать, а цветы и коробка переместились на тумбочку рядом. Только сейчас я обратила внимание, что букет выглядел необычно: фиолетовый, розовый, белый, изумрудно-зеленый, золотистый создавали невероятную палитру. В крафтовую бумагу была завёрнута очень странная цветочная композиция.

— Это лаванда, хлопок, лагурус, хамелациум и эвкалипт, — с довольной интонацией произнес Егор, видимо, заметив, как я рассматриваю букет.

Мой изумленный взгляд с неммым вопросом задержался на цветах, а потом перескочил на парня.

— Там бирка висит с названием, — усмехнулся он моей реакции. — Где градусник?

Я кивнула в сторону верхнего ящика в прикроватной тумбочке. Егор присел на край кровати и протянул электронный градусник, не сводя с меня прямого взгляда. Хотелось поинтересоваться, к чему все эти гипнотизирующие гляделки, но мои веки становились такими тяжёлыми, что через редкие моргания глаз, я видела, как лицо парня с серьёзного выражения меняется на мягкую улыбку.

— Тебе надо поспать, — сквозь дремоту услышала я бархатный тембр.

Еще через несколько минут пикнул градусник, но Егор вытащил его раньше, чем я.

— Странно, — произнес он озадаченно, прикоснувшись ладонью к моему лбу — его пальцы казались до приятной жути обжигающими. — Не такая уж и большая температура, а горячая, словно кипятилок.

«*Это все ты...*» — пронеслось в моей голове, прежде чем меня окутал сон.

***

Только через день я стала ощущать себя более адекватно. Бабуля все это время отпаивала меня каким-то травяными чаями, настоянками, но пока еще строго-настрого запрещала что-либо делать по дому. Поэтому я бесполезно валялась на кровати уже вторые сутки с книгой в руках.

— Кстати, забыла сказать. Букет потрясающий. Как я понимаю, это Егор принёс? — спросила бабуля, ставя очередную порцию чая мне на тумбочку у моей кровати.

— Угу, — подтвердила я и, не скрывая улыбки, посмотрела на цветы.

— А у него есть вкус. Не розы, а эвкалипт, хлопок. Очень небанально. Парень прямо-таки заморочился.

— Угу, — я задумчиво потрогала в букете белый мягкий комочек хлопка подушечкой пальца.

— Что-то внук Королевой зачастил к нам. Тебе так не кажется? — бабушка скрестила руки на груди и вопросительно посмотрела на меня.

— Кх-кх, — прочистила я горло перед ответом, — нет, не кажется.

— Ну-ну, — хмыкнула бабуля, оставив меня в комнате наедине с букетом, чаем и своими мыслями.

Не знаю почему, но я так и не сказала бабушке, что вместе с невероятным букетом мне был подарен и новый телефон. Проснувшись после дневного визита блондина, первое на что помимо цветов упал мой взгляд — это та самая коробочка с яркой лентой на тумбочке. Не нужно было и раскрывать ее, чтобы знать, что там — новый смартфон. Я, округлив глаза, смотрела на дорогуший подарок, ощущая, как меня нервно потряхивает. К коробке была прикреплена записка, исчерченная корявым подчерком:

«Был неправ. Твой разбитый телефон — это только мой косяк.

Очень надеюсь, что тебе понравится.

Егор

P.s. Да и спор я тебе проиграл...»

Своим жестом он полностью сбил меня с толку. Я перечитывала записку несколько раз, и на его имени мое сердце дергалось и слетало с привычных оборотов.

А еще сильнее оно стучало, когда все-таки мне дозвонилась Машка. Я ожидала, что вот-

вот начнется допрос с пристрастием, где я пропадала эти несколько дней. Но обошлось лишь очень душевным поздравлением в мой адрес. Оказывается, подруга, получив долгожданное повышение в виде заместителя директора ресторана, в эти последние несколько дней погрузилась в работу в головой и честно призналась, что чуть не забыла про меня. Поэтому, быстро выслушав, как обстоят дела в нашем ресторане, приняла от Машки клятву, что в первый свой выходной она сразу же приезжает ко мне. Так что, к счастью или нет, но удалось избежать расспросов про то, почему мой телефон был недоступен. С одной стороны, и скрывать было не за чем, но и говорить о чем-либо тоже не имело смысла, потому что несмотря на дорогой подарок, Егор затих. Не могу сказать, что меня это не беспокоило, но воспоминания про то, как я буквально прилипла к нему в температурной горячке, сразу вызвали дикий стыд. Может, было и к лучшему, что он скрылся с радаров.

Но, как оказалось, не надолго. Этим же вечером мой мобильник завибрировал на кровати, а я тут же опешила, взглянув на экран, на котором светилось оповещение о двух непрочитанных сообщениях от абонента «Егор». Пульс мгновенно подскочил до запредельных оборотов.

Откуда у него мой номер? А главное, откуда у меня его номер? Ответ пришел в голову тут же — к подаренному смартфону была приложена моя же сим-карта, а значит Егор легко мог забить в нее свой телефон, собственно, как и узнать мой.

На экране появилось два не загруженных файла: видео и фото. Открыв первый, было невозможно сдержать смех.

Дашка в смешном купальнике с единорогом, объявляющая в камеру с радостным лицом: «Смотри уже как могу!». Девочка с размаху прыгнула в бассейн и, смешно барахтаясь, пыталась плыть. В кадре появился рельефный торс Егора. Он протягивал руки к сестре и сосредоточенно давал команды: «держи спину», «руками активнее», «носом, дыши носом». Но Даша лишь создавала вокруг себя тучу брызг, периодически выкрикивая: «Я уже хотя бы не тону!». Видео было до безобразия смешным и милым.

Широко улыбаясь, я открыла второе сообщение. На фото красовались все те же лица: Егор, сложивший губы уточкой и Даша, показывающая язык и козу на пальцах. Все-таки он выполнил о чем я просила. Не подвел.

Я тут же отправила одобряющий смайлик, но мой собеседник уже вышел из мессенджера и замолчал. Не теряя надежды, набрала следом еще одно сообщение: «*Спасибо, что не подвел и уделил время Даше*».

Подождав немного, я отложила телефон, мысленно отчитав себя за ожидание ответа.

«*Не стоит так заморачиваться, Кира*», — утвердительно объявила я сама себе, утыкаясь носом обратно в раскрытую книгу. Но еще в течение нескольких минут все же искоса подглядывала на мобильный, который продолжал гордо молчать.

Еще пару дней я провалялась в кровати. Хотя мое здоровье быстро шло на поправку, бабуля строго-настрого запрещала делать что-либо по дому, а уж тем более по огороду. Спорить с ней — что танк лбом останавливать, поэтому я покорно отлеживалась на кровати.

Если не кривить душой, то такое времяпрепровождение было для меня идеальным: тишина, книги, любимая атмосфера моей уютной крошечной комнаты и самое главное — я сама с собой наедине.

И лишь одна мысль выбивалась из остальных, понятных моей голове. Мысль, которая проскакивала с такой частой периодичностью, что приходилось отмахиваться от нее, как от назойливой мухи. Она появлялась в любой удобный ей, но неожиданный для меня, момент. Я могла читать книгу, чистить зубы, пить чай, думать о своей предстоящей учебе, работе, засыпать или просыпаться, а после ее возникновения оставался дискомфортный шлейф вопросов.

Это мысль была о нем. После последнего визита Егор пропал. Непривычно было вообще осознавать, что я думаю об этом, но все равно продолжала держать его в своей голове, хотелось мне того или нет.

***

— Кир, — бабушка нервно обратилась ко мне за завтраком ранним утром. — А Мила объявлялась?

Я затормозила пережевывание омлета со шпинатом, чтобы отсрочить момент ответа на этот вопрос. Сегодня наконец-то выйдя из своего «заточения» с прекрасным настроением, мне никак не хотелось общаться на эту тему. И даже не потому, что разговор о моей матери мог испортить настроение. Я давно уже приняла и отпустила все то, что связано с женщиной, которая меня родила, но это однозначно расстроило бы бабушку.

— Да, поздравила, — бодро соврала я, не моргнув глазом.

— Она звонила? — встрепелась она.

— Не-а, сообщение прислала, — стараясь не сталкиваться с ней взглядом, я продолжила свою маленькую ложь.

Но женщина по имени Мила не присылала сообщений, а уж тем более не звонила. И бабушке знать об этом было необязательно.

— Хорошо, — на бабулином лице появилась слабая улыбка, но глаза, как всегда, потухли, когда заходила речь о ней.

— Ба, я люблю тебя, — с чувством произнесла я, сдерживая комок в горле.

— Знаю, хитруля — уже веселее улыбнулась она. — Думаешь, отвертишься от огородных работ. Нет уж. Доедай и вперед мне на помощь.

— Уже бегу, — я быстро запихнула в себя остатки омлета, тихо радуясь, что мой крошечный обман не вызвал подозрений и ничье настроение не пострадало.

Мы оставили свои грядки, когда солнечные лучи уже покусывали открытые участки тела. Сняв с себя грязные вещи и напевая под нос выдуманную мелодию, я уже направлялась

в свою ванную, но мое внимание привлёк мигающий огонёк в углу экрана телефона, лежащего на столе. Тут же забыв про душ, про слой огородной пыли на теле, я схватила мобильный и радостно вздрогнула.

Егор: «Утро доброе! Как здоровье? Куда пропала?».

Я присела на кровать, не обращая внимание, что оставила грязные следы на полу комнаты.

Я: «Привет. Кто еще из нас пропал... Здоровье отлично, спасибо»

Егор: «Ну, я был немного занят. Дашка, кстати, приглашает тебя оценить ее успехи в плавании. Приходи, когда будет удобно».

Глупо улыбнувшись сообщению, я набрала ответ: «Если только ради Дашки...».

Егор ответил улыбающимся смайликом и вышел из сети. Я откинулась спиной на кровать, задумчиво устаивавшись в потолок с глупой улыбкой на лице и со странным дергающим чувством где-то под ребрами.

***

— Ты как раз вовремя, — объявил Егор, появившись в стеклянных дверях дома, когда я, как и обещала, пришла по Дашиному приглашению. По крайней мере, именно так я и сказала бабушке, собираясь в дом Королёвых. — Сестра уже переодевается, все уши мне прожужжала, что ты должна увидеть ее успехи.

Он стоял в плавательных синих шортах и с полотенцем, перевешанным через его мускулистое плечо. Мой взгляд мельком прошелся по его натренированным бицепсам, груди, татуировке, и предательски замерли где-то в районе низа живота с вызывающей дорожкой волос.

Заметив, как я быстро прячу глаза от его тела, Егор хмыкнул и оглядел меня с ног до головы, сменив приветливое выражение лица на озадаченное.

— Не понял. А купальник где?

— Как бы ни планировалось лезть в бассейн, — растерянно развела я руками.

— Стесняешься появиться передо мной в бикини? — игриво усмехнулся Егор. Он склонил голову и, прикусывая нижнюю губу, прошелся по мне оценивающим взглядом. — Зря. По мне, отличные формы: где надо округло, а где нужно — изящно, — его глаза недвусмысленно вспыхнули.

Комплимент? Как мило, — ответила я ему, смело встретившись с ним взглядом, стараясь мысленно уговорить свои щеки не пылать.

Он уже набрал воздуха в легких, чтобы выдать мне в ответ, и, скорее всего, это было бы что-то колкое, но из-за широченной спины парня неожиданно вылетела радостная Дашка, размахивая соломенной панамкой:

— Кира! Выздоровела? Егор говорил, что ты приболела? Переживал, между прочим.

Не переставая щебетать, она кинулась ко мне на шею. Не ожидавшая такой бурной встречи, я сконфуженно приобняла ее в ответ.

— Привет! Действительно, переживал? — спросила я, кидая хитрый взгляд в сторону ее брата.

Егор недовольно поднял глаза вверх, цокнув языком:

— Чего переживать? Обычный ларингит.

— Да не слушай ты его, — махнула Даша рукой, отстраняясь от меня. — Он и не признается.

— Дашка, а не пошла бы ты... в бассейн, — Егор шутливо шлепнул сестру полотенцем по пятой точке и направился туда сам.

— Переживал-переживал, — заговорщически зашептала девочка, начиная подталкивать меня вперед.

Мой взгляд непроизвольно устремился в сторону Егора, который уже замер на бортике бассейна и технично подняв руки вверх, нырнул в него, войдя в воду практически не создавая брызг вокруг себя.

— Так ты не будешь с нами купаться? — расстроилась Даша, оглядев мой наряд и наблюдая, как я усаживаюсь поудобнее на бортике бассейна под огромным зонтом.

— Я сегодня в роли судьи. Буду оценивать ваш прогресс в плавательном искусстве, — подмигнула я ей и важно спустила свои солнечные очки на нос.

— Надеюсь, что твое объективное мнение будет касаться не только моего брата, — хихикнула Дашка, собирая свои волосы на затылке.

— Плыви уже, — рассмеялась я.

Она показала мне язык и зашла в бассейн, где ее брат уже рассекал брасом от бортика к бортику. Доплыв до края, где сидела я, Егор, как бы случайно, окатил меня брызгами.

— Осторожнее, — я возмущенно увернулась от капель.

— Это просто вода, Кира, ничего с тобой не случится, — расплылся в белоснежной улыбке Егор, оперевшись локтями о борт бассейна.

— Ага, я это уже где-то слышала...

Он демонстративно закатил глаза и одной рукой схватил меня за ноги. Его ладонь была настолько широкой, что без труда сжала две мои лодыжки одновременно и развернула их, погрузив в воду.

— Егор!

Но он ловко поднялся на руки, и теперь его мокрое тело нависало надо мной, как огромная скала. Капли воды струями сбегали с загорелой кожи прямо на меня, оставляя множество прохладных влажных точек на моем очередном зеленом платье в мелкий узор. Егор подался чуть вперед и голым торсом упёрся мне в колени. Его кожа была одновременно и прохладной от воды, и будоражащей горячей, а лицо оказалось на возбуждающе близком расстоянии. Было заметно, как играют мышцы на сильных руках, удерживая мощное тело на весу. Хищно сузив разноцветные глаза, Егор приподнял уголки губ усмешке. Я шумно втянула воздух ртом, замерев с диким сердцебиением в груди.

— Это всего лишь вода, Кира, — грудным низким голосом прошептал он, пытаясь заглянуть мне в глаза через темные очки, потом медленно перевел взгляд ниже на декольте.

Сохраняя на лице ухмылку, еще несколько секунд он зависал надо мной, освежая кожу мокрыми каплями. Блондин приоткрыл влажные губы, проведя кончиком языка по краю белоснежных зубов.

Тянущее, трепещущее чувство внизу живота напомнило о себе. Я пыталась сохранять максимальное хладнокровнее, но, черт... Внутри меня искрами вспыхивало что-то, что до этого момента было мне незнакомо. Это «что-то» тягучими нитями связывало ощущения с разных точек моего тела в одно жгучее где-то под рёбрами. Оно одновременно и заполняло меня, и сжимало в один комок нервов.

— Ау, на меня кто-нибудь обратит внимание? — рассерженный голос Дашки, заставил

вздогнуть нас обоих.

Егор, не переставая сверлить меня глазами, оттолкнулся от бортика и скрылся с головой в переливающейся на солнце бирюзовой хлорированной глади, а я постаралась максимально незаметно выдохнуть все напряжение, разливающееся от груди к низу живота.

— Давай уже, демонстрируй, — скомандовал блондин, подплыв к Дашке. — Не подведи, сестра. Не опозорь меня, как тренера.

Девочка, сделав глубокий вдох, погрузилась в воду и... поплыла. Неуверенно, медленно, но плыла. Даша беспрекословно слушала команды и советы брата. А тот очень сосредоточенно смотрел на сестру, находясь всегда рядом. Я наблюдала за ними с нескрываемым восторгом и искренней улыбкой на лице, совсем отключившись от лишних мыслей и ощущений.

— Ну, как? — с огоньком в глазах поинтересовалась у меня Даша, проплыв несколько кругов по бассейну.

— Молодец! Держи, — я протянула ей свою пятерню.

Девочка радостно хлопнула по моей ладони, хватаясь свободной рукой за борт.

— А меня похвалить? — надул губы Егор, подплыв ко мне.

— И ты молодец, — присюсюкивая, как с маленьким ребенком, похвалила я и его.

— Мой брат и правда молодец, — гордо заявила Даша, одарив его восхищенным взглядом.

— Ну, так мастерство не пропьешь, — хмыкнул Егор и, легко подтянувшись на крепких руках, переместился из воды на бортик рядом со мной.

— Так, вы как хотите, а я хочу обедать, — объявила Дашка, выныривая из бассейна. — Пойдем?

Она протянула мне руку, приглашая следовать за ней, но Егор тут же опередил меня с ответом:

— Даш, иди уже, а? Ты там есть хотела, вроде? — его бархатная интонация была наполнена намёками, а разноцветные глаза невинно захлопали светлыми ресницами.

Дашка кинула рассерженный взгляд на брата, но тут же расплылась в хитрой улыбке.

— А-а-а, да. Пойду поем, — попятившись назад, она махнула мне рукой и, пританцовывая, направилась в сторону дома.

Я повернулась к Егору, вопросительно приподняв брови, но он даже не обратил на меня никакого внимания, лишь задумчиво смотрел куда-то перед собой, медленно плескаясь ногами в небесно-голубом цвете воды.

— Ты знаешь, спасибо, что в твою голову пришла мысль про плавание. Я, может, и не самый идеальный брат и тренер, но старался. Мне нравилось учить ее тому, что, возможно, лучше всего умею в этой жизни. Классно ощущать себя наставником, — Егор повернулся ко мне, встретившись со мной взглядом. — Так что в этом есть и твоя заслуга.

— Вот видишь, нужно было лишь попробовать, — проговорила я, медленно утопая в странных глазах.

— И раз уж из-за меня тебе пришлось просидеть в день рождения дома, — произнес он с серьёзным лицом, непринуждённо продолжая болтать ногами в воде, — то мне бы стоило как-то исправить эту неприятность.

Я вскинула брови в недоумении, не улавливая, куда он клонит.

— Твои затеи обычно так себе.

— Я серьёзно. В общем, ничего не планируй на вечер. Заеду за тобой в девять.

— Ты приглашаешь меня на свидание? — Мои бабочки в животе закружили сумасшедший хоровод.

— Губу закатай, но, если хочешь, то презервативы могу взять с собой, — игриво произнёс Егор, чуть наклонившись ко мне.

В его взгляде промелькнул оживлённый огонёк. Округлив глаза, я с силой толкнула парня в бассейн, подскочив на ноги. Он тут же вынырнул, весело хохоча.

— Это ты губу закатай. Для своих баб будешь резинки таскать, — набирающий оборот жара в щеках готов был выдать меня с головой.

В очередной раз он умело заставил меня краснеть, всего одной фразой. Подплыв к бортику, Егор приподнялся на локтях и схватил меня за лодыжку. Попытавшись дернуть ногой, я чуть не свалилась в бассейн, едва сохранив равновесие.

— Егор!

— Заеду в девять, — отчеканил он, и расплывшись в ухмылке, выпустил мою ногу, оставив на ней мокрый прохладный след.

Оттолкнувшись, Егор нырнул в воду, расслабленно рассекая голубую гладь широченными взмахами рук.

«Хрен я с тобой куда поеду», — эта установка казалась мне непоколебимой, ровно до тех пор, пока я, нацепив босоножки и решительно затопав домой, не оказалась за пределами двора Королёвых.

Дома с семи часов вечера меня стала пробирать нервная дрожь, и после ужина я все время поглядывала на часы.

— В чём дело, Кира? — меня аккуратно потрясли за плечо. — Ты тарелку трёшь минут пять и за это время раз двадцать посмотрела на часы.

— Извини, — я тряхнула головой и поставила идеально сухую посуду в шкаф.

— Тебе куда-то надо? — бабушка подала мне следующую мокрую тарелку.

«Мне нужно сменить мысли в голове», — подумала я, но лишь вздохнула, продолжив помогать ей.

— Кира... — не отстала она.

— Нет, мне никуда не надо, — соврала я, тщательно натирая керамику до скрипта, и опять бросила взгляд в сторону настенных часов — 19:25.

Бабуля, вытерев мокрые руки о яркий клетчатый фартук, недоверчиво приподняла бровь, но так ничего и не произнеся, скрылась из кухни. А мои глаза опять проткнули взглядом стрелки на часах — половина восьмого. И я кого хотела обмануть?

Все оставшееся время я, как метеор, металась по комнате, пытаюсь одновременно и пролихорадить свой гардероб в поисках лучшего варианта, и хоть как-то привести себя в порядок. Но сама же и путалась в производимых действиях, бегая из ванны в комнату и обратно. Мытье головы, гладкие ножки — всё это с паническими попытками выбрать подходящее платье. Но мои глаза вовремя зацепились за синий кусок ткани, торчащий из пакета — бабушкин подарок на день рождения. Совершив прыжок гепарда, я вытянула оттуда платье — идеально.

Самым проблематичным оказался макияж. Я так редко пользовалась косметикой, особенно летом, что хватило фантазии и умений только на то, чтобы очертить свои светлые брови, аккуратно подвести глаза и пройтись по ресницам тушью.

Пока я развивала свои влажные волосы горячим воздухом, мой взгляд практически каждую секунду падал на циферблат. Чем ближе большая стрелка подбиралась к цифре «двенадцать», тем сильнее по телу проносился лёгкий трепет.

«Боже, по рукам бы надавать дизайнеру за это», — раздражённо мелькало в моей голове, когда я остервенело пыталась справиться с застёжкой на спине, в прямом смысле этого слова выворачивая себе руки.

— Кира, к тебе приехали, — с первого этажа донёлся бабушкин голос.

— Да, иду. Бегу! — Последняя пуговица проскользнула в петельку. — Вот же пунктуальный засранец, — буркнула я сама себе же.

Облегчённо выдохнув, я схватила сумочку, телефон и уже перед дверью ещё раз кинулась к зеркалу. Может, это выглядело простовато, но в отражении на меня смотрела симпатичная, высокая девушка с растрёпанными волнами волос, сливочный цвет которых заметно контрастировал с синим платьем, с ярким румянцем на щеках, с выразительно аккуратными бровями, дымчато-серые глаза теперь казались больше и выразительнее, а губы — соблазнительнее. Моё сердце совершало тысячу ударов в секунду из-за этих дурацких пуговиц. И это точно, не из-за того, что внизу меня кто-то ждал.

На летящих ногах я пролетела ступеньки на лестнице и, с трепещущим ощущением в животе, была готова выскочить во двор, как столкнулась с бабулей в дверях дома.

— И куда это мы? — она с явным неодобрением оглядела меня с ног до головы.

— Да так... — уклончиво ответила я, застёгивая ремешок на босоножках. — Пока не знаю. Просто погулять.

— Погулять? На ночь глядя? — весь недовольный вид бабули ясно говорил о том, что она бы сейчас предпочла услышать от меня немного другой ответ.

Но кого это уже волновало, когда я знала, что на улице меня ждёт чёрный кроссовер. Чмокнув бабушку в её напряжённую щеку, я выпорхнула из дома.

— Только без глупостей там. Прошу тебя, Кира! — бабушкино напутствие долетело до моих ушей уже возле калитки.

Я поморщилась. Услышь это блондин, то можно было и не представлять его ухмылочку.

Чёрный автомобиль уже ждал возле моего двора. Егор стоял, подперев спиной переднюю дверь, и сосредоточенно водил пальцем по дисплею телефона. Он был так погружён во что-то на экране мобильного, что даже и ухом не повёл, когда звякнул замок на калитке, и я просто молча стояла напротив Егора, который продолжал скользить пальцем по смартфону. Он был одет, как всегда, просто: серая футболка обтягивала его торс и руки, в зауженных чёрных джинсах и без того длинные ноги смотрелись еще длиннее.

— Ты опоздала, — произнёс Егор, не поднимая головы в мою сторону.

— Я всё жду, когда ты отвлечёшься от телефона.

Наконец оторвавшись от экрана мобильного, его глаза сузились, буквально впиваясь заинтересованным взглядом в моё лицо. Медленно осматривая меня, Егор улыбнулся.

— Что-то не так? — я обеспокоенно пригладила рукой платье.

— Выглядишь просто непривычно.

— Сочту это за комплимент, — фыркнула я и направилась к машине, начиная чувствовать себя по-дурацки. И попробуй разбери: непривычно плохо или непривычно хорошо?

— Комплименты — это банально, — Егор сунул телефон в карман и открыл мне пассажирскую дверь.

— А придержать ее даме — прямо находка.

— Тю, да без проблем, — усмехнулся он, хлопнув ею перед моим носом.

— Очень смешно, — я дёрнула дверь за ручку, но та и не думала открываться.

— Егор!

— Волшебное слово?

— Иди ты знаешь куда?!

Он поморщился, но нажал кнопку на брелоке сигнализации. Кинув на него испепеляющий взгляд, я со вздохом уселась на переднее сидение. И как привыкнуть к подобной манере общения?

— Тебе надо расстегнуть свое платье, — выдал Егор, усаживаясь за руль.

— Чего? — я даже подскочила на сидении, резко повернувшись к нему.

— Платье, говорю, расстегнуть надо, — он также спокойно повторил то, что я услышала секунду назад.

— А тебе не кажется что...

— Ходи тогда в криво застёгнутом платье, — Егор невозмутимо пожал плечами, но губы растянулись в неоднозначной улыбке.

Нахмурившись, я завела руки назад и нащупала пуговицы на спине, понимая, что действительно в спешке пропустила одну. Черт!

— Извини, я быстро, — моя рука потянулась к дверной ручке, а чувство неловкости настойчиво подгоняло скорее скрыть щеки, мигом ставшие пунцовыми.

— А, ну, повернись, — остановил меня Егор.

— Зачем? — я с опаской глянула на него.

— Дольше вопросы задаёшь. Сейчас все исправлю.

В замешательстве я развернулась на сидении к нему спиной. Он придвинулся ближе и аккуратно собрал мои волосы, рассыпанные по плечам, на одну сторону. Его пальцы принялись расстёгивать пуговицы, а внутри меня все тут же сжалось. Едва дотрагиваясь до кожи, Егор стал опускать горячие пальцы к талии. Каждое мимолётное касание отзывалось электрическими разрядами где-то внизу живота. Я сдержанно прикусила губу от ощущения, что он опять так близко к моему телу, но более интимно.

«Дыши ровно. Дыши ровно», — пыталась я уговорить саму себя, но ощущения ловко обходили приказы мозга. Все неконтролируемо покрывалось мурашками.

— Тебе холодно, что ли? — удивился Егор, продолжая расстёгивать платье и, будто бы нарочно, стал все чаще касаться моей спины.

Ощущения, те же, что и сегодня днём, отзывались где-то внутри. Такие же теплые и тянущее. Егор, будто бы испытывая меня, прошёлся кончиками пальцев по моим позвонкам. Его прикосновения палили каждый миллиметр кожи и, проникая через нее, наполняли кровь глубоко в венах обжигающей волной возбуждения.

— Буду называть тебя Дракошей. — негромко произнёс он, аккуратно задерживая пальцы на моей спине. — У тебя заметно каждый позвонок, как гребень у дракона.

Немного повернув голову, я видела, как бесцеремонно скользит его взгляд по моему оголенному участку тела. А от этого стук сердца нервно набирал обороты. Как сопротивляться тому, чему уже хочется сдаться?

— Кажется, теперь понятно, почему ты считаешь, что комплименты — это банальность. Полное отсутствие умения их произносить, — я не смогла проглотить эту колкость.

Егор хмыкнул, продолжая держать мой взгляд на крючке, пока его пальцы застёгивали пуговицы.

— Целенаправленно — значит, неискренне. Комплимент зачастую просто дежурная фраза, а я предпочитаю говорить, что чувствую и не всегда это происходит в тот момент, в который требуют правила. И тем более, к чему это сейчас? У нас же не свидание, — горячие пальцы ловко застегнули последнюю пуговицу. — Готово. Поехали?

Стараясь не показывать накотившее чувство разочарования, я отодвинулась обратно на свое сидение и кратко кивнула.

«Значит, не свидание...».

— И куда мы едем? — я решила сменить тему, чтобы не портить себе настрой на вечер.

— О, об этом узнаешь в последнюю очередь, — Егор загадочно улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги.

Машина, зарывав, стала пролетать дома за окном еще быстрее, а я с интересом вглядывалась в сумерки, пытаюсь понять, куда мы едем.

— Ага, значит, в город. Ресторан? — я щёлкнула пальцами в воздухе, подтверждая свою догадку, когда авто выехало на дорогу, ведущую из нашего поселка.

— Нет.

— Хм, — я опять уставилась в окно, будто бы там находился ответ. — Гулять по набережной?

— Не трать время на угадывания, а лучше наслаждайся моментом трепетного ожидания. Я уверен, что тебе понравится эта затея, — Егор вдруг убрал одну руку с руля и протянул ее к моей ладони. Его длинные горячие пальцы мягко сжали ее и тут же вернулись на руль.

— Если эта затея, как все предыдущие, то даже не знаю, — хмыкнула я, начиная неосознанно мечтать, чтобы эти прикосновения задержались на моих пальцах подольше.

Егор уже собирался что-то ответить мне, переводя взгляд с дороги в мою сторону, но нашу беседу нарушила трель мобильного телефона, раздавшаяся из его кармана. Переключившись опять на трассу, рассекаемую светом фар, он не спешил доставать надрывающийся мобильник, словно не замечая звонка. Трель затихла, но через секунду телефон опять ожил.

— Да возьми ты уже. Вдруг что-то срочное. Или родители? — предположила я.

— Это точно не они, — вздохнул Егор и, держа руль одной рукой, второй полез за мобильным.

Достав его, он нахмурился и сбросил вызов, но звонящего никак это не устроило — сотовый снова запиликал. Я попыталась перебороть свое любопытство, но все же незаметно прочла на экране имя — Белла.

— Да чтоб тебя, — буркнул себе под нос Егор, нажав клавишу сброса вызова, положил телефон на приборную панель.

«Белла? Кто это? Подруга? Троюродная сестра? Или девушка? Почему он сбрасывает?» — меня укололо неприятное холодное чувство. Я отвернулась к окну, придав своему лицу максимальную незаинтересованность, но звонки не прекратились. Теперь телефон монотонно жужжал, подпрыгивая на панели.

— Может, ответишь? Кому-то ты явно очень нужен сейчас, — меня уже самую начинала напрягать звонившая Белла.

На лице Егора явно читалось раздражение. Он резко схватил телефон и, не переключая внимание от дороги, с силой зажал его в руках. Мобильник дёрнулся, затих и был закинут на заднее сидение.

— Вот так лучше, — Егор улыбнулся, но лицо все еще было напряжено.

— Но тебя кто-то очень хотел, — я выжидающе уставилась на Егора.

Проигнорировав мой вопросительный взгляд, он вдруг притормозил, выводя машину на обочину.

— Ты куда меня привёз? — захлопала я глазами в полном недоумении, вглядываясь за окно автомобиля, где уже виднелись огоньки ночного города.

Мы остановились прямо на въезде. Егор лишь загадочно приподнял уголки своих крупных губ и достал из ящика в подлокотнике какой-то кусочек ткани.

— Чтобы ты не догадалась раньше времени куда мы едем, тебе надо надеть вот это.

— Что это? — я взяла из его рук плюшевую синюю ткань, а мои глаза молниеносно округлились еще больше. — Повязка для сна? Ты серьезно?

— Надевай и не выпендривайся, — уверенно кивнул Егор, считав с моего лица полный спектр недоумения.

Вздохнув, он забрал повязку и аккуратно надел её мне на голову.

— Просто доверься. Если ты будешь все видеть, то получается, я зря потратил время, чтобы это организовать.

Его разноцветные глаза излучали флюиды веры и надежды. Мог ли мой категоричный настрой устоять перед его хлопающими ресницами?

— Даже боюсь представить, что ты задумал, — проворчала я, но послушно надвинула повязку себе на глаза.

— Между прочим, я с душой подошёл к этому делу, — бархатный голос, вдруг оказавшийся совсем близко возле моей шеи, раскалёнными мурашками рассеялся по коже.

Не дав мне даже момента, чтобы вздрогнуть или расплавиться безвольной лужицей прямо на сидении, Егор резко дал машине ход, лишая еще и возможности ориентации в пространстве. Но я толком не успела настроиться на странные ощущения от движения в полной темноте перед глазами, как автомобиль уже замедлил ход и остановился.

— Сиди, помогу тебе выйти, — распорядился голос рядом.

Пара секунд тишины, два последовательных хлопка дверью, и сильные руки потянули меня вперёд. Я неуклюже выпала из салона авто, успев схватиться широкие плечи.

— Сама грациозность, — со смехом прокомментировал мой поводырь.

Я замахнулась ладонью, чтобы стукнуть Егора хоть по чему-нибудь, но, естественно, промазала, ощущая себя совершенно беспомощной в крошечной темноте. Я сделала неуверенный шаг вперёд, и нога тут же провалилась вниз.

— Куда собралась? Мне тебя не отпустить теперь, — сильные руки ухватились за мои плечи, спасая от приветствия с асфальтом.

Держа рядом с собой, Егор повел меня вперед. Правда, пару раз мне пришлось знатно чертыхнуться, так как он забыл предупредить про ступеньки впереди. Но самым тяжёлым оказалось даже не идти с закрытыми глазами по неизвестному тебе маршруту, а позволить другому человеку вести тебя, отдав ему контроль над своими движениями и телом.

— Между прочим, это тест на доверие, — выдал Егор, ведя мне по ступенькам. — И судя по тому, как ты напряжена, то не доверяешь мне.

— А должна? — в очередной раз моя нога промазала со ступенькой.

— Почему бы и нет?

— Если хочешь, чтобы я тебе доверяла, то в следующий раз приглашая меня куда-либо, можно я пойду с открытыми глазами? — меня нервно трясло от любопытства, но начинала терять терпение, находясь в этой дурацкой повязке.

Закончившиеся ступеньки сменились разноголосьем, негромкой музыкой и приятным ароматом не то выпечки, не то чего-то карамельного. Меня все еще уверенно вели, а я покорно следовала. Раздался глухой стук закрывающейся двери, и все звуки одновременно стерлись вокруг.

«Что взбрело в голову этому ненормальному?» — дотошно вертелось в моих мыслях.

— Готова? — знакомый бархатный тембр снова раздался передо мной, а руки дотронулись до повязки, — На счет «три». Три, — Егор стянул кусочек плюша с моего лица.

Я резко зажмурилась от внезапно вспыхнувшей белым светом стены, которая выгашила из крошечной темноты все, что находилось в этом помещении. Но это была непросто стена — это был огромный экран.

— Мы в кино, — ахнула я.

Егор улыбнулся и сделал два шага назад, победно разводя руки в стороны.

— То есть ты запомнил, да? И решил привезти меня сюда? — я все еще ошарашено оглядывалась по сторонам.

Он молча кивнул с довольным лицом.

— Но если мы в кино, то где все люди? Здесь никого.

— Никого и не будет. Этот зал только в нашем распоряжении на несколько часов, — Егор небрежно махнул в сторону рядов с креслами.

Не переставая улыбаться, он смотрел на мою реакцию с неподдельным интересом.

— В смысле никого не будет? Егор, ты что? Выкупил все билеты? — я округлила глаза.

— Будь проще, мадам! — хмыкнул он. — Сюда можно прийти с небольшой компанией, так сказать, на VIP-сеанс, или арендовать его на двоих.

Мой взгляд растеряно метался от немногочисленных рядов к Егору. Что я могла ответить? Он впечатлил меня.

— Но это же не свидание? — я начинала потихоньку путаться в его словах, как в ребусе.

Егор пожал плечами, но глаза вызывающе бликовали от ослепляющего белоснежного экрана:

— Я и не утверждаю обратное. Сидеть мы будем на разных местах и уж точно не на последнем ряду, — он проследовал вглубь кинозала, а широкоплечий силуэт скрылся в полумраке.

— Не крайний ряд, значит? — хмыкнула я, направляясь к намеченному взглядом креслу. — Отлично, я сяду именно там.

А сам Егор же выбрал место на предпоследнем ряду. Меня давно посещало желание оказаться в кинотеатре и нырнуть в атмосферу невероятных картинок и объемного звука. Но почему-то всегда откладывала этот поход, довольствуясь фильмами на стареньком экране своего ноутбука. И теперь, когда я сидела в комфортабельном кресле, то вместо мелькающего изображения в 3D практически постоянно косилась на пшеничный затылок, сидящий впереди меня. Я тщетно пыталась погрузиться в сюжет фильма, но мои мысли вертелись совершенно о другом.

***

— И как тебе первый в жизни поход в кино? — поинтересовался Егор, когда наш частный киносеанс был окончен.

— Не ожидала, что будет так оригинально и романтично, — и мои слова были совершенно искренними.

«Ты, главное, не поинтересуйся у меня, о чём кино», — уже про себя добавила я, но лишь мило тянула глупую улыбку.

— С романтичностью ты загнула, — остановившись возле машины, он не торопился сесть за руль, перебирая пальцами ключи в руках. Тёплый ночной августовский воздух прошёлся по моим распущенным волосам и паутиной надвинул их мне на лицо. — Так,

искупление вины за испорченный день рождения. Куда дальше? — Егор аккуратно заправил разлетевшиеся пряди мне за ухо, едва касаясь моей кожи.

— Дальше? — переспросила я, внутренне вздрагивая от его жеста.

— Если хочешь, то отвезу домой, но есть предложение лучше. Давай поедem перекусим чего-нибудь?

— Всё-таки ресторан будет?

— Не угадала. Так что? Едем?

«Боже, он ещё и спрашивает», — тихо простонал мой внутренний голос. — «Что за глупый вопрос? Конечно...»

— Едем, — пожалала я плечами, осаживая трепет в животе.

Машина лавировала по узеньким улочкам еще неспящего города. Я знала практически каждый приличный ресторан, но мы проехали их все до единого.

— Серьёзно? Ты привёз меня поужинать сюда? — изумленно уставилась я на Егора, паркующего машину в конце набережной.

— А это проблема? — он удивленно приподнял брови. — Ты мне не казалась заносчивой сучкой, которую только в «Селфи» водить нужно?

— Куда?

— Неважно, — отмахнулся Егор. — Пойдём, тебе понравится.

— Не подумай ничего такого, но просто любой местный знает, что пробовать еду на набережной — это как играть в рулетку, — начала я, выходя из машины.

— Кира, не нуди, — поморщился он, ставя на сигнализацию кроссовер и отойдя от него, погрузился в толпу на тротуаре. — Не отставай.

Я без энтузиазма покачала головой, но поплелась за ним, стараясь не потерять из виду широченную спину в серой футболке, что оказалось не совсем выполнимой задачей. Отдыхающие, словно броуновские частицы, хаотично перемещались по дорожке набережной, создавая монотонный гул голосов, разбавленный напевами про Марджанджу. В какой-то момент Егор растворился в этом движении, пока я растерянно вглядывалась в толпу. Резкий захват моего запястья мигom настроил меня как минимум стукнуть предполагаемого обидчика, но облегчённо выдохнула, узнав разноцветные глаза перед собой.

— Эй, я же сказал — не отставай, — взяв меня за ладонь, Егор крепко переплел наши пальцы и уверенно повел за собой.

Аура тепла от его кожи дурманила, и я все четче осознавала, что без проблем пойду за ним куда угодно, даже есть чебуреки на пляже. Только бы он не отпускал меня. Как я и думала, моя ладонь просто растворилась в его лапе. Прохожие мелькали мимо с такой частотой, что все лица сливались в одно, пока мы не остановились возле какого-то ларька с огромным баннером.

— Шаурма? — я удивленно открыла рот, похлопав глазами.

— Ты просто еще не знаешь, какая здесь шаурма, — задорно подмигнул мне Егор, привлекая ближе к себе, не отпуская моей руки. — Барев дзес¹, Артур, — с широкой улыбкой он обратился к видному мужчине, который что-то нарезал за прилавком.

— А! — радостно воскликнул тот, подняв руки вверх. — Барев дзес, Жора джян. Сколько лет, сколько зим, — запричитал он с сильным акцентом.

— Инчпес ен горцере²? — легко проговорил Егор непонятный для меня набор букв.

Они оба перебросились еще парочкой странных фраз на языке, очень напоминающий

армянский, пока я ошарашенно перекидывала взгляд то с мужчины за прилавком, то на своего спутника.

— Откуда ты знаешь армянский? — прошептала я, когда Артур принялся за приготовление нашего заказа.

— Тренировался в команде с его племянником. Мы раньше часто общались, пока я не ушел из плавания, — также тихо объяснил мне Егор. — Он и познакомил со своим дядей, — и едва заметно кивнул на мужчину, который уже виртуозно что-то шинковал огромным ножом. — Здесь самая офигенная шаурма.

— С ума сойти, никогда бы не подумала, что ты знаешь армянский.

— Только банальные фразы и предложения, — невозмутимо пожал он плечами, но уголки его губ загадочно приподнялись.

Артур, радостно улыбаясь, протянул нам две длинных шаурмы, завёрнутых в бумагу. Егор хотел расплатиться, но армянин, категорически отказался брать деньги.

— Шат шнохракал ем³, — произнес он, на что Артур широко улыбнулся ему и задорно подмигнул мне.

Не отпуская моей руки, Егор повел меня в самый конец набережной. Я молча следовала за ним, пытаясь предположить, что же еще скрывают эти горячие ладони и притягательные глаза?

Мы спустились прямо к берегу моря. Всего каких-то двести метров и словно в другой мир: ни людей, ни запахов, ни фонарей. Только шум моря под луной, песчаный берег и отголоски все той же Марджанджи. Беззаботно сняв кеды, Егор уселся на песок.

— Прошу, — он похлопал ладонью возле себя.

— Прямо здесь? — я сомнительно оглядел вокруг.

Парень закатил глаза и дёрнул меня за руку вниз:

— Прямо здесь.

Я неуклюже примостилась рядом с ним.

— Приятного аппетита, — пожелал мне он и жадно впился зубами в шаурму. — М-м-м! Великолепно.

Я аккуратно развернула свою еду и принялась. Пахло вроде вкусно, и на вид выглядело достаточно аппетитно. Мой желудок тут же предательски заурчал.

— Да, еф уфе, — хохотнул Егор прожевывая.

Осторожно откусив край шаурмы, я поняла, что совершила ошибку. Надо было кусать много и сразу. Это действительно оказалось невероятно вкусно. Вмиг отбросив все свои принципы — не употреблять еду из ларьков, я блаженно закатила глаза.

Покончив с мини-ужином всего за считанные минуты, довольные и сытые, мы откинулись на еще сохранивший теплоту дневного солнца песок, устремив свои взгляды в ночное небо. Из-за ярких огней набережной звезд практически не было видно. И лишь половинка луны, одиноко зависшая над морем, покачиваясь, отражалась в волнах.

Развернув голову в сторону Егора, я задержала взгляд на его волевом профиле. Блондин лежал неподвижно всего в паре сантиметров от меня, уставившись в зыбкую темноту неба, периодически моргая. Удивительно, я лежала в чистеньком платице на общественном пляже, головой в песке, но это никак меня не заботило. Мне вдруг стало все равно. Я просто хотела быть рядом с ним.

— Как думаешь? — неожиданно спросил Егор, не поворачиваясь ко мне. — В прибрежных ресторанах включают что-нибудь помимо Шуфутинского?

— М-м-м... — я перебирала в голове все ранее услышанные мелодии набережной. — Думаю, да — Ваенгу.

— Уже два раза играла «Марджанджа» и один — «Левый берег Дона».

— Скажи спасибо, сегодня не третье сентября, — я улыбнулась, надеясь, что остаток вечера мне не придется напевать всем известный мотив.

— О, да-а-а, — засмеялся он. — Я кое-что загадал...

— Ты о чем? — я заинтересованно приподнялась на песке.

— Если сейчас в третий раз заиграет «Марджанджа», то мы идем танцевать.

— Танцевать? Куда?

— Никуда. Здесь.

— Егор...

— Тс-с, — оборвал меня он, подняв свои руки вверх. — «Левый берег Дона» закончилась. И-и-и... Следующая песня... Бинго! «Марджанджа».

Егор резко сел, подкатил свои джинсы повыше, поднялся с песка и протянул мне руки, начиная пританцовывать в такт музыке, раздававшейся из кафе неподалёку.

— Мадам, не составите ли мне компанию?

— Не дури, — не удержалась я от смеха, наблюдая за его забавными, плавными движениями.

— Кира, а ты не нуди, — он все еще тянул ко мне руки.

Оглядевшись по сторонам, будто бы боясь, что нас могут заметить, я вздохнула и сдалась. Выскользнув из босоножек, мои голые ступни погрузились во влажный теплый песок. Егор тут же легко подхватил меня руку, закружив на месте. Неуклюже споткнувшись, я не устояла на ногах и налетела на парня.

— Просто двигайся, как чувствуешь, — вполголоса произнес он, снова беря меня за руку.

Ох, лучше ему никогда не знать, что я чувствовала, пока на ватных ногах кружилась под его рукой. Блондин хитро сузил свои глаза, которые уже игриво прошлись по мне взглядом. Резко развернув спиной, Егор прижал к себе, положив свои ладони чуть ниже талии. Его бедра так близко соприкасались с моими, что мое тело вторило их движениям.

Плавный шаг вперед, шаг назад... Сильные мужские руки легко и непринужденно управляли мной. Я нервно сглотнула, стараясь не выдавать свою дрожь, которая уже разливалась по телу тягучим медом.

— Расслабься, Кира, — прошептал с хрипотцой Егор, едва коснувшись губами виска.

Развернув обратно лицом к себе, он снова устроил ладони на талии. Я инстинктивно положила руки на крепкие предплечья и набравшись, смелости, подняла глаза, ощущая, как тяжело звучит сердцебиение в груди, пока мое тело полностью становилось ведóмым. Взяв нужный ритм, наши движения стали напоминать что-то отдаленно похожее на бачату. В разноцветных глазах огоньком промелькнула незнакомая ранее эмоция: если его губы маняще улыбались, то взгляд стал будто бы стеклянный.

Егор привлек меня еще ближе к себе, продолжая двигаться под музыку, а пронзительно гипнотические глаза затягивали глубоко в зыбкий плен. Опьянев от собственных ощущений, я сама подалась чуть вперед к тому, кто управлял моим телом, словно кукловод. Мы даже не заметили, как в движении подобралась ближе к шуршащим волнам, которые тепло обхватили мне щиколотки.

Снова оказавшись за моей спиной, Егор прижал к себе так крепко, что я чувствовала,

как ремень на его джинсах неприятно упёрся в поясницу. Мужские руки уверенно скользили по изгибам моего тела, не останавливая движений нашего танца. Я просто двигалась за ним, просто разрешила своему телу двигаться так, как хочется, не подчиняясь моей голове.

Дышала ли я в этот момент? Я ощущала его дыхание. И с каждым вздохом и выходом, меня пробирала дрожь, которую уже невозможно было скрыть.

— Знаешь, что сводит меня с ума? — обжигающий шепот капканом впился в каждый доступный ему сантиметр моей кожи на шее. — Твоя искренность. Искренность во всем. Даже в твоём запахе. Ты не скрываешься под дорогими шлейфами, — его ладонь сжала платье и заскользила вверх, медленно оголяя мое бедро. — Твоя простота и естественность — это то, что путает мысли, а желания делает некультурными.

— Это комплимент? — срывающимся шёпотом произнесла я, боясь даже пошевелиться.

— Нет, — уверенно произнес он, медленно разворачивая меня к себе.

Примечания:

¹ **Здравствуй**

² **Как ваши дела?**

³ **Больше спасибо**

Если до начала этого вечера ещё были сомнения, то теперь знала точно — я готова к большему, чем обмен колкостями и долгим взглядом. Мне не хочется быть ему просто новой знакомой. И сейчас я могла переступить эту чёрту.

Егор, придерживая меня за талию одной рукой, другой бережно провел по щеке вниз к шее, осторожно обхватив её, и приблизил мое лицо к своим приоткрытым губам, но не спешил начинать поцелуй. Его потемневший взгляд бегло скользил по моему лицу. Это уже становилось невыносимой пыткой, от которой внутри все сжалось в ком, готовый вытолкнуть весь воздух из лёгких.

— Кир, я...

— Молодые люди, я прошу прощения, — скрипящий мужской голос резко отрезвил нас, и мы отпрянули друг от друга, — у вас огонька не найдётся.

В нескольких метрах от нас стоял мужчина, покачивающийся на ногах, с явными признаками алкогольной

— Не найдётся, — процедил Егор сквозь зубы.

— А сигаретки? — не отставал пьяный прохожий.

— Мужик, чего тебе надо? Я же сказал — нет.

— Эй, а что так невежливо? Я нормально спросил, — мужчина скривил лицо и сделал пьяный шаг вперед в нашу сторону.

Егор напрягся и, со сжатыми ладонями в кулак, закрыл меня своей спиной.

— Отвали, — рявкнул он.

— Я не понял: ты борзый? — взгляд пьяного прохожего тут же озверел.

— Егор... — испуганно прошептала я, хватаясь за его руку и начиная мысленно молиться, чтобы сейчас не было драки.

— Пошел на хер отсюда, — зарычал Егор, и схватив меня в охапку, двинулся в сторону наших вещей, по-прежнему лежавших на песке.

— Слышишь, сука, иди сюда, — заорал мужчина, кинувшись к нам.

Егор, вовремя обернувшись, мгновенно оттолкнул его с такой силой, что тот отлетел назад, с глухим звуком приземлившись на песок. Я сжалась в страхе, еще сильнее впившись пальцами в руку блондина.

— Уходим, — отчеканил он.

— Сзади! — испуганно закричала я, замечая, как неадекватный знакомый бежит прямо на Егора.

Но в этот раз он не успел среагировать, и мужик четко ударил его прямо по лицу. Егор пошатнулся и со стоном прижал ладони к голове. Я почувствовала, как мои лёгкие сжались, а отяжелевшие ноги приросли к земле. Все стало происходить будто бы в замедленной съёмке. Бросая испуганный взгляд то на Егора, державшего руки у своего лица, то на пьяного мужика, который уже зверски скалил зубы в мою сторону, я осторожно отступила.

— А ты что пялишься, потаскушка? Сейчас мы и тебе личико покрасим, — зашипел он, двигаясь ко мне.

Я даже не успела поддаться панике, как Егор резко расправил плечи и одним ударом в голову отключил неадекватного, оставив его отдыхать на песке без сознания.

— С тобой все в порядке? — Егор подскочил ко мне и, схватив за плечи, взволнованно

осмотрел глазами.

— Ты убил его? — едва шевеля губами, произнесла я, не отрывая взгляда от обездвиженного тела на берегу.

— Нет, конечно, но очень хотелось. Очнется скоро, так что лучше идем.

Не выпуская из своих рук, Егор повел меня за собой. Я по-прежнему ошалело хлопала глазами, пытаюсь осознать, что только что стала свидетелем настоящей драки. Последний раз я наблюдала подобное воочию еще в детском доме, более десяти лет назад. И мне совсем забылось, что это такое: слышать глухие удары падающего тела и звуки ломающихся костей. Только на сцене драка может выглядеть эстетично, но в жизни это мерзкое, леденящее и пугающее зрелище.

— Ты как? — По-прежнему обеспокоенный голос заставил меня поднять взгляд на Егора и вздрогнуть.

Нижняя часть лица парня была вся в крови, которая стекала по подбородку, шею, оставляя следы на серой футболке, казавшиеся черными в ночном свете.

— Егор, кровь... — пролепетала я, округлив свои глаза.

Он прошелся тыльной стороной ладони по уже припухшим губам:

— Блять, вот урод. Салфетки есть с собой?

Я лишь отрицатель затрясла головой.

— Ладно, все равно надо к машине.

Мы вышли на освещенный фонарями тротуар набережной. Прогуливающихся людей стало гораздо меньше, и теперь наша парочка точно привлекала внимание прохожих: статный блондин с лицом в крови, прижимающий к себе хрупкую растрепанную девочку в синеньком платице.

— Дай посмотрю, что там, — обратилась я к Егору, когда мы оказались в его машине.

— Не нужно, — он дернулся от меня, как от огня, откидывая голову на кресло, — лучше подай салфетки из бардачка.

Я нахмурила брови, но послушно полезла за ними. Егор, скривившись, разглядывал свое лицо в зеркало заднего вида, стирая следы запекшейся крови.

— Дай сюда, — я выхватила салфетку из его рук и развернула лицом к себе, всматриваясь в распухшие губы.

— Кир, отстань, не надо, — заартачился он, пытаюсь снова отвернуться от меня.

— Заткнись и сиди, не двигайся, — неожиданно для самой себя громко шикнула в ответ, крепче сжимая пальцы у его подбородка.

Разноцветные глаза округлились, но Егор больше не стал уворачиваться.

— Надо в аптеку, — скомандовала я, осматривая рану на его губе.

— Зачем?

— За презервативами!

— Я не могу так быстро, не готов, — спокойно ответил он, даже не моргнув, словно это и не шутка. — Или надо было все-таки брать?

— Егор, рули в аптеку, — устало повторила я.

Он беспрекословно повел машину, петляя по практически безлюдным улицам. Заехав в первый попавшийся аптечный пункт, я быстро заскочила обратно в салон авто, держа в руках все необходимое для медицинской обработки.

— Повернись, надо промыть рану обязательно, — произнесла я, начав распаковывать вату.

— Давай не здесь. Поехали отсюда, — поморщился Егор.

Не став спорить с ним, я лишь согласна кивнула, удобнее устраиваясь на сидении, пока машина разворачивалась на выезд из города. Мне однозначно требовалось перевести дыхание и попытаться собрать мысли в кучу, но все такая же горячая ладонь коснулась моей, придвигая ее ближе к себе. Переплетя наши пальцы, Егор едва заметно приподнял уголки своих губ, не отводя взгляда от дороги. А я впивалась глазами в мужской профиль, подсвеченный приборной панелью, поэтому, подогнув ноги, уселась вполборота, крепче сжимая его руку.

Я влюбилась.

Машина остановилась на выезде из города неподалёку от того самого места, откуда неделю назад началось наше путешествие.

— Давай, доктор, проводи осмотр, — Егор повернулся ко мне лицом и измученно закатил глаза.

— Две руки надо, — улыbnулась я, поднимая в воздух ладонь, которая все еще утопала в его руке.

Усмехнувшись, он разъединил наши пальцы и прислонился головой к сидению, терпеливо ожидая, когда начнутся медицинские манипуляции.

— Будет немного щипать, — предупредила я, перед тем, как залить рану на губе перекисью.

— Кир, я немаленький уже. Знаешь сколько раз кости себе ломал, а количество вывихов и не сосчитать, — горделиво произнёс он.

Раствор зашипел на коже, и Егор, закрыв глаза, с тихим стоном поморщил нос.

— Немаленький, говоришь? Давай, — рассмеялась я, принимаясь слегка дуть на рассеченную губу, держа в своих ладонях его лицо.

Он покорно сидел с закрытыми глазами. Я непроизвольно провела большим пальцем по гладко выбритой щеке, всматриваясь в его лицо: в эти высокие скулы, широкие брови, чётко очерченные губы, которые отекли от полученного удара и теперь смотрелись еще крупнее, в широкий волевой подбородок. Совершенно не смазливый красавчик, зато от него исходила какая-то мужская сила, от которой у меня скручивало все жилки внутри.

Я влюбилась в Егора по уши меньше, чем за две недели. Влюбилась так, что в моей голове больше не было места для других мыслей и переживаний. Я больше не принадлежала себе.

Он приоткрыл свои глаза и придвинулся еще ближе ко мне. Теперь мы сидели, соприкоснувшись лбами и слушая тишину в машине. Его пальцы едва ощутимо перебирали пряди спутанных волос возле моего лица, в то время как моя ладонь все ещё скользила по его щеке.

— По закону жанра сейчас я должен тебя поцеловать, но... — Егор дотронулся до разбитой губы и издал протяжный вздох.

— Зато это можно сделать мне, — чуть отстранившись, я осторожно прикоснулась губами к его щеке.

— Мне этого мало, — он опять глубоко вздохнул, издавая страдальческий стон. — Ты, кстати, молодец. Даже не скривилась при виде моего разбитого лица.

— Поверь, в детдоме приходилось видеть после драк раны и похлеще, — усмехнулась я и тут же осеклась, поняв, о чем ляпнула.

«Вот идиотка!» — очень хотелось озвучить в свой адрес и не только это, и не только мысленно.

— В детдоме? — Егор изумленно вскинул свои брови вверх.

Язык мой — враг мой. Убрав руки от его лица, отвернулась и уставилась в окно, злясь на саму себя. Совсем не хотелось рассказывать об этом ему, тем более сейчас. Хотя я прекрасно понимала, что всегда скрывать про детский дом не получится. Все равно пришлось рассказать ему, но совсем не хотелось говорить на эту тему сейчас.

— Кир. — Тихо позвал бархатный голос.

Я сидела, не поворачиваясь и считая в голове мерцающие вдалеке огоньки ночного города. Все же лучше, чем общаться на подобную тему.

— Чего ты замолчала?

— По-моему, уже наговорила, — пробормотала я.

— Кир, иди ко мне. — Руки Егора обхватили мою талию и уверенно потянули к себе на сидение.

Обняв мускулистыми руками, Егор крепко прижал меня к своей груди. Напряжение, которое завладело мною несколькими минутами ранее, тут же испарилось, и я расслабленно откинулась назад, прильнув к тёплому, мужскому телу. Его аромат, ставший по-своему родным, позволял растворяться в кольце сильных рук.

— Если это болезненная тема для тебя, то больше никогда... — начал Егор, но я прервала его на полуслове.

— Просто это не то, о чем можно говорить на первом свидании.

— А у нас и не свидание. Забыла?

— На самом деле там ничего сверхъестественного нет, — рассмеялась я, осторожно проводя кончиком пальца по его руке, которая тут же покрылась гусиной кожей. Лёгкие набрали воздуха, давая мне возможность говорить дальше, а Егор, словно поддерживая, очень осторожно сжал ладонь, снова переплетая наши пальцы. — Все банально: моя мать родила меня и оставила в роддоме. Ей только исполнилось восемнадцать. Одна в чужом городе, без денег, студентка первого курса, живущая в общежитии — видимо, этими причинами она руководствовалась. До двенадцати лет я жила в детском доме. Потом судьба решила, что хватит с меня и появилась моя родная бабушка, забрав к себе, пройдя адский путь бумажной волокиты. Вот собственно и все, — выдохнула я, стараясь не выдать свое внезапно появившееся волнение.

— А твоя мать? Где она сейчас? — напряженно спросил Егор.

— Живет в другом городе. У нее муж и все хорошо, — иронично усмехнулась я.

— Подожди, он не знает о тебе? — в голосе блондина было слышно искреннее изумление. Егор был явно поражён озвученной мной информацией.

— Нет. И даже не догадывается.

— Как так? — повысив тон голоса, он дернулся на сидении. — А твоя бабушка, она разве не общается с дочерью?

— Последний раз они виделись, когда бабуля забрала меня из детского дома, — произнесла я, перебирая пальцами складки из ткани на платье. — Мила, моя мать, приехала тогда единожды и больше не появлялась в нашем доме. Только поздравления по телефону.

— Ничего не понимаю, — хмуро изрек он.

Мне пришлось снова набрать полную грудь воздуха:

— Не вникала во все подробности, но знаю, что бабушка воспитывала мою мать одна. Она всегда хотела жить у моря, поэтому отправила свою дочь учиться сюда. А моя мать, вырвавшись на свободу, расслабилась, да так, что сразу после первого курса родила меня, скрыв при этом свою беременность от бабули, — я перевела дыхание и продолжила. — Потом Мила встретила нынешнего мужа, который гораздо старше нее, выскочила замуж, так и не окончив институт. И после этого отношения бабушки и моей матери совсем испортились...

— А как Нина Иванова узнала о тебе?

Я хмыкнула:

— Видимо, Милу совесть заклевала. Ей понадобилось двенадцать лет, чтобы сознаться в том, что оставила ребёнка. А после этого признания они вообще не общаются. Только одно помню, что когда Мила всё-таки приехала к нам, нормального разговора не вышло. Бабушка кричала, что ее дочь самое настоящие чудовище, а моя мать, перед тем как захлопнуть дверь, произнесла: «Да, я чудовище, но я и была воспитана таким же чудовищем».

В моей голове всплыло воспоминание того дня — заплаканная бабушка, искривленное от злости лицо матери и я, тихо затаившийся на лестнице ребенок, который испугано наблюдал, как кидают друг в друга омерзительные слова два самых близких на свете человека.

— А твой отец?

— Понятия не имею кто он, — пожала я плечами, прильнув щекой к груди парня.

— Охренеть, — натянуто произнес Егор. — Поражает, что ты так спокойно рассказываешь об этом. Меня всего трясёт изнутри, — он сильнее прижал к себе, зарываясь лицом в мои волосы.

В ответ я вжалась в его руки с диким трепетом — еще никто и никогда не обнимал меня так.

— Егор, — мне приходилось унимать свое нарастающее сердцебиение, даже несмотря на то, что рядом с ним было невероятно уютно, — я не могу иначе. В детском доме почти каждый ребенок с похожей историей испытывает страх, боль, чувство вины. Слишком много обиды внутри. Я хочу жить нормально, не заикливаясь на том, что сделала Мила. Мне проще ее простить. Это не моя вина в том, что случилось. Она должна нести ношу за свое решение, но никак не я. Не хочу больше ощущать себя не нужной, — мой голос ненамеренно сошел в дрожащий хрип.

Егор вдруг резко приподнялся в кресле, развернув к себе лицом.

— Ты теперь нужна мне, — он прижался своим лбом к моему. — Боже, как я хочу сейчас поцеловать тебя.

Мое тело вмиг задрожало, то ли оттого, что только что я рассказала о том, чего не слышал ни один человек на белом свете, то ли потому, что хриплый шепот Егора обжигал мне губы.

— Представить не могу, как у тебя там в душе, — его ладонь легла на середину моей груди, — но знаю одно — она бездонная. Я не понимаю, как можно простить то, что не прощается никогда.

Егор прижимал к себе так властно, словно я могла вот-вот исчезнуть в его руках. Мое сердце начинало бешено колотиться, разгоняя пульс до запредельной скорости. Уткнувшись носом ему в шею, я уже без какого-либо стеснения, вдыхала ее аромат, круживший сознание каруселью. Его руки гладили мою спину, плечи. Каждое касание отдавалось теплом где-то глубоко внизу живота, но когда мужская ладонь аккуратно прошлась по обнаженной коже под тканью моего платья, оставляя горячий след от прикосновений, меня затрясло так, что ему пришлось остановиться и отодвинуться.

— Это какая-то дикая попытка, — простонал он, бессильно закрывая, словно одурманенные, глаза. — Даже поцеловать тебя не могу. Моя крыша скоро съедет на хрен.

Егор убрал от меня руки и протёр ладонями лицо, шумно выдохнув, а я сглотнула нервно возбужденный ком в горле. Наше тяжёлое дыхание прервало монотонное жужжание в моей сумочке.

— Это бабушка, — прошептала я и, пересев обратно на пассажирское сидение, достала гудящий мобильник.

— Кирочка, — обеспокоенный бабушкин голос в трубке вернул меня в реальность, — скоро домой? Ты просто без ключей ушла, а я спать собираюсь.

— Уже едем, ба, — я взглянула на Егора, который все так же сидел, закрыв глаза и откинувшись на подголовник.

Не сказав ни слова, она отключилась, а я со вздохом убрала телефон обратно в сумку.

— Н-да, наши с тобой встречи не обходятся без каких-либо приключений, — осторожно улыбнулся Егор, чтобы не задеть губу. — Хотел тебя покорить своими супер не типичными идеями, а вышло...

— За этот вечер эмоционально я испытала столько всего, что и за всю жизнь не испытывала.

— Это все потому, что ты... Кира с кабачками, — сдерживая смех, произнес он.

— Егор! — я с силой ткнула кулаком в его плечо.

Как же я давно хотела это сделать — стукнуть этого белобрысого. Но он даже не шелохнулся, а лишь схватил мою руку и, переплетая наши пальцы, завел мотор машины. Домой мы ехали молча, размышляя каждый о своем. Даже не могу предположить о чем думал Егор, но знала точно, о чем думала я.

Первое, я была влюблена в него. Сильно, трепетно и бесповоротно.

Второе, я ни капли не жалею, что рассказала ему о чем всегда молчала. И почему-то теперь мне стало еще легче. Как будто непросто перевернула страницу той жизни, ведь перевернута она уже давно, а теперь я пригладила ее, выровняв оставшиеся мелкие заломы.

И третье, шаурма все-таки была действительно нереально вкусная.

Во мраке комнаты, освещённой только одной неоновой лампой, на кровати лежали двое. Её пухлые чувственные губы скользили вниз по его рельефным широким плечам и мужской груди. Задержавшись возле татуировки, темноволосая девушка провела острым ноготком по ее контуру:

— Я скучала, — жарко прошептала она, продолжая скользить своим кошачьим маникюром по животу парня, опускаясь все ниже к ширинке на джинсах.

Тот шумно вдохнул, покрываясь мурашками, но перехватил запястье девушки, останавливая ее.

— М-м-м, хочешь поиграть? — произнесла темноволосая и тут же перекинула свою ногу через его бедро, садясь сверху.

Он облизнул сухие губы и скривился от неприятных ощущений. Девушка опустила его ладони к себе на талию:

— Как всегда, горячие...

Парень попытался отодвинуть девушку в сторону, но она одним движением пальцев щелкнула застёжкой лифчика. Сквозь плотную пелену пьяного тумана в сознании, его взгляд выхватил очертания обнажённой крепкой женской груди. Он замотал головой, пытаясь поменять картинку перед глазами, но стало только хуже: пространство хаотично завертелось.

Взяв мужские широкие ладони, она приложила их к своей груди и, слегка сжав, издала протяжный стон. Даже приличный уровень алкоголя в крови не помешал возбуждению распространиться по венам. Почувствовав тёплое напряжение между своих ног, он закрыл глаза, пытаясь не поддаваться своим инстинктам, но черт... Сколько у него не было секса? Месяц? Два? Это слишком много. Нужна была разрядка.

«Надо валить отсюда», — вертелось у него в голове, но темноволосая уже опускала поцелуи всё ниже. Он сделал попытку подняться, но тело, накаченное то ли виски, то ли коньяком, плохо слушалось, голова шумела, а еще эта чёртова эрекция — так и притягивала обратно к кровати. Парень плохо помнил, как очутился в этой комнате, да еще и именно с ней наедине.

— Если нельзя целовать тебя в губы, то можно попробовать в более интересные места, — шептала девушка, медленно расстёгивая ширинку.

Ладонь с длинными коготками проскользнула под натянутую ткань мужского белья, сжимая пальчики. Темноволосая собрала свои волосы набок и без стеснения опустила боксеры, склоняясь над пьяным телом на кровати.

Он со свистом втянул воздух сквозь зубы, ощущая, как ее губы обхватывают его, начиная плавные движения. С трудом разлепив глаза, парень приподнялся на локтях. Ему кое-как удалось сконцентрировать взгляд в одной точке, но мельтешащая голова девушки над его бедрами заставила ощутить головокружение и опять откинуться на спину. Застонав от пульсирующего чувства возбуждения, он безвольно расслабил свое тело, поддавшись похотливому желанию. Его мутный взгляд устремился в потолок, на котором висела зеленая неоновая лампа, имеющая форму в виде надписи NEON.

— Ты должна собрать свои вещи и съехать с моей квартиры, — прохрипел он, взлохмачивая пальцами светлые волосы.

Девушка замерла и подняла голову, округлив свои почти черные глаза.

— Чего?

Собрав все силы и остатки совести, блондин, сдвинув темноволосую с бедер, рывком поднялся с кровати. Сдерживая подступившую тошноту от резких движений, он ухватился за стену.

— Я хочу, чтобы ты съехала, — голос прозвучал уже громче.

Продолжая облакачиваться рукой о стену, он натянул белье и джинсы.

— Егор, ты охренел? — девушка явно не ожидала подобного поворота. — Из-за тебя я осталась здесь.

Она сидела на кровати в одних шортах и изумленно хлопала ресницами, смотря на широченную спину парня.

— Третий раз повторять не буду. Ключи от квартиры оставишь у консьержа, — шатаясь, он направился к двери, попутно захватив с тумбочки свою черную футболку.

Его ужасно мучило и даже больше не от алкоголя, а от мерзкого чувства, что он дал себе слабину. Пора завязывать. Девушка подскочила с кровати и, забыв прикрыв свою голую грудь, истерично запричитала:

— Ты хочешь закончить все эти три года вот так? Это из-за неё, да? Из-за той девицы из инсты? С меня хватит! Я-то уйду, но больше не стану возвращаться к тебе!

Раньше Егор сходил с ума по ней, а сейчас ничего. Только раздражение от тошнотворно сладкого запаха ее духов.

— А мне больше и не надо.

Он натянул футболку и уже собирался выйти из комнаты, как в его спину прилетело что-то тяжёлое и с глухим стуком упало на пол. Егор дернулся от резкой боли в районе лопаток и опустил взгляд под ноги, удерживая очередную волну тошноты. На полу валялась крупная статуэтка железного слона.

Парень ошарашенно повернулся к полуголой девице:

— Ты совсем охуела?

— Иди к черту, мудака, — прошипела темноволосая, прожигая его ненавистным взглядом.

— С удовольствием, — равнодушно произнес он, закрывая за собой дверь.

Шатаясь, Егор побрел по коридору в сторону ванной, стараясь не давать звукам музыки и голосам проникать в голову. Или иначе она взорвётся. В дверях блондин столкнулся со своим долговязым другом, чьё тело практически полностью было покрыто татуировками.

— Ого, быстро вы сегодня, — усмехнулся он, кивая в сторону комнаты, где осталась девушка. — Даже ширинку не успел застегнуть.

— Отвали, Гер, — поморщился Егор и, оттолкнув друга, протиснулся в ванну.

Закрывшись на замок, блондин упёрся руками в раковину и вгляделся в свое отражение в зеркале. Взъерошенные светлые волосы, торчащие в разные стороны, красные пьяные глаза, которые из-за своей разноцветной особенности смотрелись совсем дико и небольшая рана, красовавшаяся на губе, как напоминание о том, что сейчас он должен быть не здесь. Не пьяный и не здесь.

Забравшись под душ, парень просидел нам около получаса, сгоняя ледяными струями туман в голове. Постепенно чистое сознание стало проникать сквозь бесчисленные промилле алкоголя. Выйдя из ванной, Егор просто завалился в первую попавшуюся свободную комнату с диваном, в надежде, что хоть несколько часов беспробудного сна

позволят ему прийти в адекватное состояние. Он мог бы сесть за руль и сейчас, толком не протрезвав. Не привыкать, опыт вождения в подобном состоянии имеется и не один. Но приехать именно к ней в таком виде Егор не мог. Ему хотелось прикоснуться к ее сладким, манящим губам не находясь в пьяном угаре. Отключая свое сознание, он думал о ней.

Уже ближе к полуночи, блондин пришел в себя после почти двухдневного запоя.

— О-о-о, выспался? — все тот же друг в татуировках встретил его на кухне, затягиваясь сигаретой.

— Гера, а есть кофе?

— Егорыч, только растворимый остался.

— Плевать. Давай.

За стеной кухни послышался дикий гогот, разнёсшийся эхом в полупустой квартире. Егор дёрнулся от боли, которая сдавила ему виски.

— Они ржут, как кони.

— В бутылочку играют, — усмехнулся Гера, засыпая кофе в кружку. — По хер, лишь бы квартиру мою не трогали.

Блондин потер пальцами голову:

— Есть обычные сигареты?

— Совсем плохо, да? — Гера с сочувствием посмотрел на «помятое» лицо своего собеседника и протянул ему пачку.

— Надо прийти в себя и ехать домой, — произнёс он, раскуривая сигарету.

«Или не домой», — проскочило в его голове, а глубокая затыжка жгла горло.

— А чего ты так нажрался? Давно тебя в таком состоянии не видел. Случилось чего? Опять трахнул кого-то, пока был в разводе с Беллой, а она теперь полоскает мозг тебе? — с сарказмом произнес долговязый, стоя спиной к курящему.

Не ответив, Егор вытолкнул едкий дым из своих лёгких, заполняя пространство вокруг мутным облаком. Теперь в его голове была лишь она: девочка с дымчато-серыми глазами в смешных нарядах. Сделав глоток горького кофе, он тут же выплюнул его обратно в кружку и поморщился:

— Гер, ты на кой хрен коньяка добавил?

— Эту растворимую бадягу в чистом виде пить невозможно.

— Мне сейчас за руль.

— Да тебя не узнать, — Гера закатил свои темно-карие глаза.

Загушив сигарету о кружку и достав телефон из кармана, Егор смахнул с экрана массу уведомлений от инстаграм, ожидая увидеть другой значок. Но нет — сотни лайков и сообщений в директ. *Теперь не только его интересует все о ней...*

«Обиделась? Время — половина двенадцатого. Еще успею», — Не допив кофе, блондин смел со стола ключи от машины, телефон и напрямик направился из кухни на выход.

— Егор, слушай, а она действительно существует? Или это так, позлить Беллу? — Гера задал вопрос в спину уходящего друга.

— Ты о чем?

— Ну, эта мадам... в неоновом наряде. Просто кто, вообще, покупает платья такого цвета?

Егор лишь хмыкнул, ощущая, как в груди встрепенулось опьяневшее сердце, и молча вышел из квартиры.

Он опять пропал. Просто взял и пропал, мать вашу, не позвонив и не написав ни разу за двое суток.

Хотя нет, следующим утром, после нашего приключения на набережной, Егор прислал мне сообщение: улыбающийся смайлик с фразой: *«Весь день буду занят по просьбе отца. До вечера»*.

А в полночь первого дня ожидания я из прекрасной порхающей принцессы превратилась в обычную продинамленную девушку, где вместо хрустальных туфелек старая пижама, вместо замка — крошечная комната, и не чёрный кроссовер за окном, а бабушкина тыква в огороде. Про принца было лучше промолчать...

Я не спала всю ночь. Вертелась в кровати юлой, периодически хватая телефон, но видела только пустой экран. И весь следующий день я слонялась по дому, как неприкаянная, сжимая в руке раздражающе молчащий телефон и ничего не могла с собой поделать. Моя эйфория с каждым часом молчания завязывалась где-то в животе тугим узлом, который мерзко холодел при одной лишь мысли, что Егор просто слился. А они как противная мелкая мошка, так и норовили роём влезть поглубже в мою голову.

Впервые в жизни мне было не комфортно оставаться наедине самой с собой. Чем больше я находилась в одиночестве, тем сильнее сжималось мое сердце. Мне хотелось быть с ним. И я не знала, куда теперь приткнуться со своими новыми ощущениями.

И как назло, Маша тоже пропала — не отвечала на мои звонки и сообщения. Лишь вечером пришел ответ от нее:

«Кира, извини-извини. Вчера пришлось ночевать прямо на работе. Разгребаю косяки прошлого заместителя. Времени нет совсем даже телефон взять, не то что общаться. Целую. Обещаю, как только возьму выходной, то сразу к тебе!»

Поэтому весь вечер я преследовала бабулю и практически без умолку болтала о всякой ерунде, чтобы не дать моим мыслям даже помахать мне ручкой издалека.

— Кир, а с тобой все нормально сегодня? — бабушка уставилась на меня намекающим взглядом.

— Да, а что?

— Ты просто уже целый час сидишь со мной и смотришь про колеровку садовых деревьев, так еще и вопросы задаёшь между делом.

— А мне нельзя провести время с любимой бабулей? — я невинно похлопала своими глазками, ласково прижимаясь к ее плечу.

— Нет. Нельзя, — она, нахмутив брови, внимательно вгляделась в мое лицо, — здесь что-то нечисто, дорогуша. Вчера порхала, сегодня раз сто дом шагами измерила, а потом за мной, как хвостик. Ты не заболела?

«Ой, бабушка... Заболела. И мой молчаливый вирус где-то носит», — проползла в голове тоскливая мысль.

— Я просто соскучилась. Давно время вместе не проводили, — приврала я, кинув с надеждой взгляд на часы — половина двенадцатого.

Ждать больше не имело смысла. Бабуля вздохнула и грустно поцеловала меня в лоб:

— Да, мой ты золотой. Соскучилась она... Знаю я, о ком твоя скука. Ложись спать, Кирюш. Утро вечера мудренее.

— Ба, не называй меня так, — состроила я недовольное лицо. — Ужасное прозвище — Кирюша!

— А Егор как тебя называет? — вдруг спросила она.

От одного только имени у меня внутри все завертелось в режиме сальто.

— Никак не называет, — с плохо скрываемой грустью ответила я, целуя ее в щеку. — Спокойной ночи.

Но в дверях меня остановил ещё один бабушкин вопрос:

— Так, ты сегодня дома?

— Конечно. Время-то уже.

— Хорошо, — мне показалось, или она облегченно выдохнула? — Спокойной ночи, милая.

Я вяло улыбнулась и поплелась наверх к себе в комнату. Переодевшись в пижаму, разлеглась на середину своей кровати в позе звезды, уставившись в потолок.

«Может, надо самой позвонить, написать? В двадцать первом веке живем...», — Я дотянулась до телефона, который все так же предательски молчал, но одумавшись, стёрла буквы на экране. — *«Нет, одна барышня уже написала письмо первая, оставив урок будущим поколениям таких же влюблённых дурочек».*

Чувствуя, что сойду с ума вконец, если останусь в комнате, я тихо выскользнула в коридор, наступив только на одну скрипящую ступеньку лестницы. За столько лет жизни в этом доме, мне так и не удалось запомнить, какие половицы скрипят. Сто процентов проведённых здесь ночей я всегда спала в это время. Но не сегодня... Бесшумно закрыв за собой дверь, я вздохнула тяжелый, влажный воздух. Вокруг играла ночь, ворковали сверчки и плыла моя дурная голова. Это было шикарно, но всего пять секунд, пока взгляд не выхватил из темноты очертания черного автомобиля, припаркованного прямо на дороге перед нашим домом.

Сердце в груди подпрыгнуло так, что его стук нокаутом сбил мое дыхание. По телу прошла мелкая дрожь, которая прошибла до коленей. Обхватив голые плечи, пыталась удержать саму себя в руках в прямом смысле этого слова. Я стояла на ступеньках перед домом в ожидании непонятно чего, а из машины никто и не думал выходить.

Чёрный автомобиль игриво подмигнул мне фарами, словно подзывая к себе.

«Серьёзно? Егор думает, что я сразу побегу, а он даже не соизволит выйти?» — я скептически уставилась на машину, будто бы вела немую беседу.

Кроссовер опять подал световой сигнал несколько раз подряд, но я не двигалась с порога, посылая сердитые взгляды в сторону зовущего автомобиля. Мотор машины яростно зарычал, газуя на месте.

— Придунок, он сейчас всех перебудит в округе, — возмущенно зашептала я.

Фыркнув, мигом спустилась к калитке, попутно схватив лежащий на табуретке бабушкин старый кардиган, так как мою наготу скрывала лишь пижама. Закутавшись в него, выскочила за калитку, поздно вспомнив про ключи, но возвращаться в дом — значит, разбудить бабушку, а это было не в моих интересах...

Глубоко вздохнув, я поправила собранные в растрепавшийся пучок волосы, крепче сжала края кардигана вокруг талии и, с трепещущим сердцем и на ватных ногах, направилась к машине Егора.

Я не успела закрыть за собой дверь, как машина рванула с места. Егор не повернул головы и даже бровью не повёл в мою сторону, не то чтобы просто сказать мне: «Привет».

Изумлённо хлопая ресницами, я буравила взглядом его профиль, подсвеченный только огнями приборной панели, ощущая, что меня вдавливают в кресло по мере того, как машина набирала скорость. Стрелка на спидометре за минуту добралась до ста сорока километров в час. Мгновение — скорость сто восемьдесят. Мы уже выехали из нашего посёлка, и теперь авто летело по дороге в неизвестном мне направлении, но точно не в сторону города.

— Егор, — тихо позвала я, начиная ощущать липкий страх в груди от такой скорости. — Пожалуйста, тормози, — и осторожно потянулась к его руке.

Он отреагировал на мои прикосновения, приподняв уголки своих губ и сбавив обороты двигателя. Убрав одну ладонь с руля, Егор крепко сжал своей горячей ладонью мои пальцы, пуская такое долгожданное тепло по венам.

— Куда мы едем?

Улыбка на лице парня стала ещё загадочнее, а машина свернула с трассы на грунтовую дорогу и, проехав совсем немного, остановилась прямо посреди неё. Егор все же соизволил повернуться ко мне лицом, жадно облизнув свои губы, на которых практически и не осталось следа от раны. Мне ужасно хотелось разозлиться на него и высказать всё, о чём думалось, но растормошить в себе чувство злости как-то не получалось. Он был слишком близко, а я слишком ждала его эти два дня.

— Егор...

Блондин резко подался вперёд ко мне. Положив свою ладонь мне на затылок и запустив пальцы в волосы, одним движением приблизил мои губы к своим.

— Идём со мной, — прошептал он, скользя взглядом по мне.

Нос тут же уловил едва ощутимый запах алкоголя.

— Ты пьян? — поморщилась я и чуть отодвинулась, насколько это позволяла сделать ладонь в моих волосах.

— Нет. Если только тобой. Последний раз алкоголь был во мне почти... — он мельком глянул на циферблат у себя на запястье, — десять часов назад.

— И где ты был десять часов назад? — я постаралась придать своему выражению лица хотя бы хмурый вид.

Проигнорировав вопрос, он наклонился, и его кончик носа едва коснулся моей шеи. Егор глубоко вдохнул воздух и зашептал, оставляя горячий след на коже:

— Твой аромат... Можно я тебя съем?

— Подавишься, — отодвинулась я от его лица, но у самой затряслись поджилки от мягкого бархатного голоса.

— Кира... — с хрипом продолжал шептать он, опуская горячую ладонь вниз по моей спине, а вторая рука аккуратно сжала талию.

«Дура, ты, Кира», — подумала я, понимая, как предательски реагирует мое тело на его голос и руки. Мне нужно было злиться или хотя бы обидеться, но не могла.

— Я скучал по тебе, — промурчал Егор, потеревшись слегка колючей щекой о предплечье.

— Ага, что не видно, неслышно было, — я с трудом сдерживала себя в руках, плаваясь от

каждого слова и вдоха.

— Так получилось. Честно был занят до вечера, решал дела отца в его новом офисе, так как его сейчас нет в городе, — спокойно проговаривал он своё оправдание, медленно стягивая ткань кардигана с моего плеча. — Потом позвонил друг, я совсем забыл, что он звал на свое новоселье. Поехал и немного перебрал там. Знаю, придурок. Прости, — его пальцы дотронулись до оголённой кожи, заставляя меня буквально вздрагивать от каждого прикосновения.

Стараясь не растерять крупницы самообладания, я дёрнулась в сторону от его рук:

— То есть: «прости»?

Егор с тяжёлым вздохом прильнул спиной к сидению:

— Да, перебрал. Не буду искать оправданий, поэтому я хочу реабилитироваться в твоих глазах и прошу сейчас пойти со мной.

— Куда?

На его лице опять промелькнула лисья хитрость, и он молча вышел из машины, приближаясь к моей двери. Открыв ее, Егор протянул мне ладонь.

— Ты привез нас черт знает куда ночью. Что ты задумал? — я в нерешительности задержала в воздухе свою ладонь над его. — Хочу знать.

— Увидишь, — усмехнулся он, помещая мою ладошку к себе в горячую лапу. — Считаю, это будет извинение за два дня ожидания.

Тепло его рук мгновенно отбросило лишние вопросы, гордость, и я просто последовала за ним. Меня распирало любопытство, и чутье подсказывало, что это будет необычная прогулка. Особенно когда мы свернули с грунтовой дороги. Удерживая взгляд на его черной футболке, которая практически растворялась в ночном мраке, я неуклюже семенила за парнем. Деревьев становилось все больше, а тропинка все уже, пока совсем не исчезла из-под ног, сменившись просто дикорастущей травой, от которой начинали чесаться мои голые икры и лодыжки.

— Не мог придумать просто поход в ресторан, — процедила я себе под нос, надеясь, что никто не услышит моего недовольного бурчания, а то опять назовут нудной.

Все было прекрасно: теплая августовская ночь, поющие сверчки, лёгкий ветер и едва слышный шум деревьев. Этакая своеобразная романтика — меня привезли за город, на трассу и вели куда-то в лес.

— Пришли, — вдруг передо мной раздался громкий шепот.

Егор остановился прямо среди деревьев. Точнее, мне сначала так показалось, пока глаза не выхватили очертания невысокого забора в плотную сетку, за которой, присмотревшись, можно было разглядеть ровно высаженные ряды деревьев.

— Яблоневый сад? — мои глаза широко раскрылись от изумления.

— А ты о-о-чень догадливая.

Мне хотелось одновременно и расхохотаться, и дать подзатыльник по его златовласой макушке.

— Пойдем, там есть проход, — Егор с азартом в голосе, потащил меня ближе к забору.

— Ты рехнулся? Если нас поймают? — шикнула я шепотом, хватая его за руку.

— Да ладно тебе? Сейчас на дворе глубокая ночь. Там никого нет.

— А сторож? Это же не огород. Это охраняемая территория.

Егор плутовато посмотрел на меня и нырнул в дыру в сетке, оставив меня в недоумении по другую сторону забора.

— Кир, давай. Не будешь же ты там стоять все время, — из темноты послышался знакомый шёпот, пока мои глаза с опаской осматривались по сторонам.

«Действительно, что я теряю? Если вести себя тихо, то ничего и не будет?» — пронеслось в голове, и я, завернув края кардигана вокруг талии и сделав решающий вдох, нырнула через сетку. Знакомая горячая ладонь подхватила меня за руку и затянула по другую сторону не только забора, но и закона.

— Мы, как Бони и Клайд, — заговорщически зашептал Егор, сжимая ладонь.

— Ты хоть помнишь, чем их история закончилась? А наша незаконная поездка на автобусе? — проворчала я, но любопытство брало свое — мои глаза с интересом вглядывались по сторонам в темноту.

— Не нуди. Пошли просто походим. Это же так романтично и так будоражит.

— Скорее безрассудно и глупо.

Даже в кромешной ночи я разглядела, как Егор растянул свои губы в усмешке:

— Кира, ты зануда.

Я фыркнула, но все же не удержалась от улыбки. Мы аккуратно пробирались через длинные ровные ряды деревьев. С каждым шагом в моей крови потихоньку начинал играть адреналин.

— Что мы будем здесь делать? Воровать яблоки? — нервно хихикнула я.

— Сейчас август, а это значит, что можно увидеть Персииды. Нам нужен хороший обзор, — Егор, подняв лицо вверх, изучающе осматривал темное небо.

«Он сумасшедший. И все же, я сама схожу по нему с ума. Привезти меня смотреть звездопад на охраняемую территорию. Такое может придумать или ненормальный, или...» — мои мысли и чувства продолжали скакать в полном раздразе, пока я покорно следовала за ним между бесконечными линиями деревьев.

Пройдя еще через пару ровных рядов яблонь, Егор остановился и огляделся, подняв голову к ночному небу. Осторожно обогнув раскидистые ветви яблони, я вышла на дорогу между рядами. Он сделал шаг мне навстречу и, взяв мою ладонь, притянул к себе. Я уже даже не пыталась унять бешеный пульс. Его губы оказались так близко, а кончик моего носа вплотную упирался в кончик носа Егора.

— Посмотри наверх, — еле слышно прошептал он.

Изумленный вздох непроизвольно вырвался из моих лёгких, когда взгляд утонул в огромном тёмном полотне, усыпанным миллионами огоньков, которое не было засвечено ночными огнями города и уличными фонарями.

— Невероятно, — почти беззвучно произнесла я.

Хотелось окинуть глазами все небо, рассмотреть каждую мерцающую точку, но чем сильнее я впивалась взглядом в космическую бездну, тем больше начинала кружиться голова. Чтобы устоять на ногах, мне пришлось вцепиться в ладонь Егора. Наши пальцы тут же переплелись, а верх кардигана мягко опустился с моих плеч, освежая кожу тёплым ночным воздухом. Егор, подавшись вперед всего на миллиметр, очень аккуратно прижался своей щекой к моей. Я чувствовала, как его дыхание грело мне висок, а по венам разливался адреналин на пару с диким возбуждением. Одно движение, и я могла получить то, чего так давно хотела, то, что даже в мыслях давало ощущение тепла в теле. Но мы оба стояли неподвижно посреди бесконечных линий яблонь.

— Ты видел? — От восторга я с силой сжала его руку, когда яркая вспышка стремительно пронеслась через весь небосвод. — Я даже не успела желание загадать. А ты?

Расцепив наши пальцы, Егор обнял мое лицо ладонями, смотря на меня в упор затуманенным взглядом. Запах его духов одурманивал так, что я уже еле держалась на ватных ногах.

— Это желание можешь исполнить только ты. — Его шепот до обжигающего онемения коснулся моих губ.

Остановившись лишь на секунду, он едва ощутимо улыбнулся, зашептав не своим голосом:

— Что ты творишь со мной, Кира...

Медленно его губы накрыли мои, а кончик языка осторожно коснулся моего, совершая плавные движения.

Боже, как давно я хотела этого: этот аромат, дыхание, губы...

Опустив одну руку на талию, Егор прижал меня к своему неровно дышащему телу как можно крепче. Другая ладонь обвивала мою шею горячими пальцами, изучающе скользя по ней. Его тёплые, мягкие губы начинали двигаться все увереннее и быстрее, делая поцелуй более глубоким и жарким. Каждое толчок горячего языка отзывался приятной тяжестью где-то внизу живота. Я издала неконтролируемый стон и чуть приподнялась на носочки, чтобы оказаться к Егору ещё ближе. Меня как будто скручивали изнутри горячими жгутами, завязывая пыточный узел внизу живота. Слегка прикусив нижнюю губу, награждая меня приятной болью, Егор отстранился, осматривая моё лицо возбужденным взглядом, а я тихо застонала, перестав ощущать вкус его губ — вкус сладкой мяты.

Мы так и стояли, не произнося ни слова: он, прижав свой лоб к моему, гладил волосы, плечи, вдыхал запах кожи; и я, вцепившаяся руками в его шею, как за спасательный якорь, так как еле держалась на дрожащих ногах.

— Знаешь, мне хотелось поцеловать тебя еще тогда, под импровизированным дождём в теплице, — вдруг сипло зашептал Егор, нежно ластясь своей щетиной к моей щеке. — Но решил, что ты меня лопатой там же и прибьешь.

Мой хохот растворился эхом по всему ночному саду.

— Ш-ш, тихо, — он попытался остановить смех поцелуем, притянув меня ближе, но сам еле сдерживался, чтобы не засмеяться во весь голос.

— Радует, что тебе пришлось ждать поцелуя дольше, чем мне, — шептала я сквозь смех.

— А сколько ждала ты? — его тёплые губы мягко соприкоснулись с моими.

— С момента, когда я упала на тебя с лестницы в свой день рождения, — тихо произнесла я, не отрываясь от него.

— Так и думал. Оттягивал этот момент, как мог. И оно того стоило.

— Ах, ты... — я коснулась пальцами его ребер снизу вверх.

Дернувшись, Егор чуть отодвинулся от меня, но не выпускал из своих сильных рук. Опасно сверкнув глазами, он чуть склонился надо мной, обдавая мои губы мятным жаром. Я проглотила ком в горле, начиная терять только что вернувшееся спокойное дыхание.

— Моя, — Егор потянулся за новым поцелуем, но его планы нарушил лай собаки, который эхом пролетел через ряды яблонь.

— Это что? — я резко выпрямилась, прижавшись к крепкому телу.

— Собака... — медленно произнес он, напряжённо прислушиваясь к звукам в темноте.

— Кто здесь? — громкий грозный мужской голос вонзился в ночную тишину вместе с лаем собаки и блуждающим светом фонаря среди деревьев.

— Твою же мать! Бежим! — схватив меня за руку, Егор с дикой скоростью начал петлять среди деревьев, таща меня за собой.

Внезапно с бухающим эхом стали включаться фонари по периметру забора. Длинные

ровные линии посаженных яблонь теперь легко просматривались почти со всех сторон. Лай собаки и матерная брань сторожа слышались еще ближе. Мы пулей неслись к спасительной дыре в заборе, огибая деревья. Пару раз ветки цеплялись за кардиган, да так прочно, что я слышала треск рвущейся ткани. Добежав до тайного прохода из сада, Егор резко протолкнул меня через сетку и следом нырнул туда сам. Он схватил меня в охапку и со словами: «Пиздец, беги как можно быстрее», — потащил сквозь ночную темноту среди деревьев.

Все мои открытые участки тела были безжалостно расцарапаны. Но в крови бурлил такой дикий адреналин, что теперь и море по колено. Боль в теле менялась на лёгкость и энергию. Впервые в жизни мне было все равно. Я, не думая, неслась за ним. Мы уже давно удалились от сада, но играющий азарт в крови не давал возможности остановиться. Не знаю точно, сколько длился наш марафон, но затормозила лишь тогда, когда крепкие руки обвили меня позади и прижали к себе.

— Кажется, сбежали. Идем к машине, — бархатный шёпот раздался у меня над ухом.

Впрочем, до нее мы лишь пытались идти, а не шли. Через каждые пару метров он то и дело норовил сжать меня в своих руках и жадно красть мои поцелуи. Понимание того, что теперь мы можем быть свободны в своих действиях и желаниях по отношению друг к другу, давало ощущение дикого наслаждения и расслабленности.

Все вокруг затихло под звездным небом. И только мы, двое ненормальных, все никак не могли погрузить себя в чувство адекватности, даже очутившись в салоне автомобиля.

— Черт, я не могу оторваться от тебя, — Егор в очередной раз привлек к себе.

Мы безудержно целовались на заднем сидении его машины, приютившись, друг возле друга.

— Егор, — простонала я с глупой улыбкой на лице, утыкаясь в его шею и ощущая запах кожи, — надо ехать уже.

— Нет, — твёрдо произнес он, приподнимая мое лицо за подбородок.

Прижимая одной рукой к себе за талию, другой Егор прошелся вверх по моему животу, сменяя пижаму. Его ладонь на моей груди, никак не защищенной тоненьким шелком, пальцы, касающиеся через ткань напряжённого соска — и я мучительно свела ноги от пульсации между ними.

— Ты дрожишь, Кира...

Егор сильнее придвинулся ко мне и, придерживая мой подбородок ладонью, большим пальцем провел по губам. Откинув спутавшиеся волосы, он наклонился к моей шее и сделал вдох. Я замерла, упираясь затылком в подголовник, а его горячие, мягкие губы коснулись места за ухом и медленно стали спускаться к ключицам, покрывая мою кожу едва ощутимыми поцелуями. Вцепившись ему в футболку, я не сдержала стон, а Егор лишь сильнее вдавливал меня в сидение.

Рука парня заскользила по телу, перебирая шелк в пальцах. Осознание того, что под старым бабушкиным кардиганом по большому счету ничего нет, добавляло лишнюю остроту в ноющие ощущения внизу живота. Нависнув надо мной, Егор с шипением втянул в себя воздух и начал нежно оставлять поцелуи на моей шее. Податливо выгнувшись, я просто потеряла самообладание.

— Ты сводишь меня с ума, — хриплый шепот Егора заставлял меня изнывать от возбуждения.

— Я... ничего не делаю, — с трудом удавалось собирать буквы по смыслу, но мои

пальцы уже сами устремились вниз по телу парня, забираясь под ткань его футболки.

Меня знобило от желания, лихорадило, кидало в жар. Кажется, я была готова уже на все... Но Егор резко отстранился от меня, откидываясь на спинку сидения.

— Кира, если ты думаешь, что секс будет прямо здесь и сейчас, то ошибаешься? — прошептал он, глубоко дыша.

— Почему? — мой голос показался более растерянным, чем мне этого хотелось бы.

— Хочу тебя. Очень, — он взял мою руку и по-свойски положил точно на твёрдый бугор между своих ног, при этом так мучительно сглотнул воздух, что я тут же убрала ладонь обратно.

— Но ты такой благородный принц? — хрипло выпалила я, чувствуя, как нагреваются мои щеки.

Егор стойко в течение нескольких секунд держал лицо, но потом просто громко рассмеялся.

— Кира, — светя в темноте открытой улыбкой, он нежно коснулся моей щеки, — я вряд ли сойду за благородного принца, но точно не планировал секс в машине

— То есть ты вез меня куда-то в лес ночью, чтобы просто посмотреть на звезды? — мне было и стыдно, и смешно одновременно.

— Во-первых, я всего лишь хочу, чтобы ты дрожала, не от боли, а от возбуждения. Ты не получишь удовольствия, пока не нырнешь с головой во все то, что у тебя вот здесь, — Егор не сводил с меня взгляда, а его ладонь дотронулась до места, где колотилось мое сердце. — И меня напрягает мысль, что в первый раз со мной будешь думать лишь о том, чтобы скорее все закончилось.

— Откуда ты знаешь, что я... не... — сконфуженно произнесла я.

— Еще на пляже догадался, — непринужденно ответил он, продолжая снисходительно улыбаться. — Во-вторых, это же так мучительно приятно оттягивать то, отчего я готов кончать уже просто в мыслях.

Произнеси он еще хоть одно слово вызывающим бархатным шепотом, и я бы окончательно слетела с благочестивых катушек. Егор выкручивал из меня все желания. Впиваясь в губы поцелуем, он втянул в себя мой стон. Пальцами я описывала каждую твёрдую мышцу мужской груди и уверенно опускала их к низу живота, ощущая, как под ладонью напрягаются мускулы.

— Кира... — тихо зашипел Егор, откидывая голову назад.

— А я что? Ничего. Мы все мучительно оттягиваем... до свадьбы, — мой голос прозвучал максимально невинно.

— Нет, я не настолько благородный, — проворчал Королев, сильнее прижимая к себе.

Уложившись на грудь парня, я свернулась калачиком на тесном сидении автомобиля. Тихий смех Егора растворился в моих волосах, обдавая висок горячим дыханием.

— Моя.

Этого хватило, чтобы ощутить, что сердце забилось в бешеном ритме, а внутри все сжалось от щемящего трепета.

— Твоя, — прошептала я.

Мы просто молча лежали на заднем сидении машины, тесно прижавшись друг к другу. Я наслаждалась каждой секундой, каждым вдохом древесно-морского аромата и размеренным стуком сердца, пока не почувствовала, как монотонно поднимается и опускается грудная клетка Егора — он попросту уснул. Осторожно приподнявшись, я прошла пальцами по

очертаниям его скул, подбородка. Сопит, как невинный ангелочек. Такая, почти двухметровая невинность, которая пробуждала во мне совсем неангельские фантазии.

Из приоткрытых окон машины перестали доноситься какие-либо звуки, даже ворчание сверчков смолкло. Как будто одни в мире этой ночью — я, он и тёмная тишина вокруг. Но боковым зрением, я зацепилась за мигающий экран его телефона, стоящего в подставке для кофе. Осторожно, чтобы не разбудить Егора, я потянулась рукой к телефону. На экране «висел» звонок от некой Беллы. Видимо, той самой, что была и в прошлый раз.

«Кто ты такая и почему звонишь в два часа ночи?», — этот неприятный вопрос болезненно полоснул меня изнутри, а экран телефона успел потухнуть.

Ругая себя за излишнее любопытство, я хотела вернуть мобильный на место, но...

«Кира, копаться в чужих телефонах — это мерзко и подло. Остановись», — отчитала себя, а пальцы уже скользнули по экрану, пытаюсь разблокировать. Мне до чертиков хотелось знать кто звонил Егору.

Ну, конечно — нужно было ввести пароль. Кто бы сомневался! Повертев смартфон в руках еще пару секунд, я нервно выдохнула и положила его обратно. Меньше знаешь — крепче спишь. Егор спал и даже не вздрогнул, пока я пыталась взломать его телефон, не отреагировав на движения рядом.

Вернув себя обратно на теплое, сопящее тело парня, я поудобнее устроилась на сидении и не надеясь задремать, но стоило мне только прикрыть глаза, как я провалилась в глубокий сон.

***

— Думаешь бабушка будет ругать? — обеспокоенно покосился на меня Егор, притормаживая кроссовер возле моего дома.

— Понятия не имею, — я нервно поправила кардиган. — Ни разу не приходила в половине пятого утра.

Как собственно и ни разу не сбегала ночью куда-либо втайне от бабушки. Мы проспали в машине до рассвета. И спали еще дольше, если бы его огромное, тяжелое тело «слегка» не придавило меня во сне. И, скорее всего, сейчас придётся объясняться за мое ночное исчезновение, но эта ночь стоила того.

— Хочешь, пойду с тобой? — неуверенно предложил он, стуча пальцами по рулю.

Ему уж точно не хотелось идти сейчас со мной и встречаться с моей бабулей. Да и Егор — не лучший вариант для объяснений, где я была всю ночь.

— Я сама.

— Тогда, до вечера, — томно прошептал Егор, наклоняясь чуть ближе ко мне за поцелуем, а его разноцветные глаза завораживающе блеснули.

До изнывания низа живота хотелось впиться в эти мягкие мятные губы, прижаться к крепким мышцам Егора, разрешить ему прикасаться до самых сокровенных мест моего тела. Ему было достаточно просто дотронуться до меня, чтобы я сорвалась и осталась в этой машине еще надолго. Но все, что смогла себе позволить — это поддаться секундному порыву и, придвинувшись ближе, провести пальцем по колючей щеке:

— А что будет вечером? — прошептала я, практически касаясь его губ.

— Кира. Иди. Домой, — взгляд Егора заволокло бесноватым туманом.

Я выпорхнула из машины, крепко сжимая кардиган вокруг талии, пытаюсь унять разбушевавшийся пульс.

Он точно меня доведёт, ибо я была уже не совсем я.

Дом заполняла тишина, а на кухне не пахло свежесваренным кофе — значит, бабушка еще спала. С облегчением выдохнув, я проскочила пару скрипящих ступенек и с легкой душой приготовилась проникнуть в свою комнату.

— Кира! — раздался голос за спиной.

Стыдливо зажмурив глаза, я повернулась к бабушке:

— Привет.

— Доброе утро, ночная странница. Где мы были? — она стояла перед лестницей, скрестив руки на груди, одаривая меня хмурым взглядом.

По ее внешнему виду было заметно, что проснулась буквально недавно — волосы еще не были уложены, а сама она была одета в домашний халат.

— Просто на улицу подышать выходила, очень душно в комнате, — неуверенно отмазалась я, переминаясь с ноги на ногу.

— М-м, и как тебе всю ночь с Егором-то дышалось? — ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Откуда ты узнала? — сконфуженно поморщившись, я спустилась по лестнице, ощущая, как начинают пылать мои щеки.

— Кира, мне не пять лет. Встала ночью, смотрю дверь входная приоткрыта, думала, залез кто, а это внучка из дома сбежала.

— Ба...

— У тебя совесть есть? Я всю ночь глаз не сомкнула, телефон твой здесь, тебя нет. Где искать? — бабулино лицо засветилось тревогой. — То, что ты к внучку Королевой сбежала! Это стало понятно сразу, но вот то, что втихаря сбегаешь, меня не устраивает.

— Бабуль, прости, — я виновато опустила глаза.

О чем я думала, когда сбежала сегодня ночью к Егору вот так? Явно не головой...

— Кир, — бабушка вздохнула уставшим голосом и как-то нервно пригладила растрепанные волосы, — я не собираюсь совершать ту же ошибку, что и с твоей матерью — не буду контролировать тебя, решать с кем общаться и когда. Тем более ты уже совершеннолетняя, но я хочу, чтобы между нами было доверие и чтобы твоя голова не отключалась.

— Ба, я не врала, когда говорила, что собираюсь провести ночь дома. Просто... — я запнулась и встретилась с бабулей взглядом.

— Просто ты влюбилась, — она присела на стул, смотря на меня глазами полными грусти.

Закусив губу, я почувствовала, как к моим щекам опять приливает жар, а сердце готово расколотить мне ребра.

— Влюбилась... — тихо призналась и ей, и самой себе в очередной раз.

Присев прямо на ступеньку, я прислонилась головой к перилам посмотрела на бабушку, сидящую на кухне, прямо через них. В доме стояла такая тишина, что было слышно, как стучит мое сердце, и как в соседней комнате тикают настенные часы.

— Влюбилась, — повторила я, уже с глупой улыбкой на лице. — И что теперь с этим делать — не знаю...

— Не терять разум, — бабуля покачала своей седой головой.

Закрыв глаза, я тяжело вздохнула, совершенно не понимая, как быть дальше. Егора спутал все карты. Я перестала думать об учёбе, о будущем, не знала, как пройдет мой новый день, потому что любой проведённый день с ним, не поддавался никакой логике. Мои мысли занимал только он, а телу нужны его прикосновения и поцелуи.

— Кир, я безумно за тебя переживаю и только об одном прошу, — бабушка нежно погладила меня по голове, присаживаясь рядом на лестнице. Она заботливо поправила на моем плече свой украденный кардиган, — будь осторожна.

— Ты о чем? — вскинула я брови вверх, не догадываясь, куда клонит бабуля.

— Я понимаю, что это молодость, влюблённость, голова кругом, но предохраняйтесь.

— Ба! — воскликнула я, боясь даже представить, чего она там напридумывала, видя, как ее внучка возвращается домой в одной пижаме после ночной прогулки.

— Что «ба»? Все знаем, откуда дети берутся, — пробубнила она, обнимая меня за плечи, но чувствовалось, что ей так же неловко, как и мне.

— Мы не...

— Знать подробности не хочу. Сегодня «нет», а завтра «да». Не повторяй ошибок: ни моих, не своей матери.

Все, что я смогла — это согласно закивать в ответ.

— И пообещай мне, что тайных ночных побегов больше не будет. Я доверяю тебе, Кира.

— Обещаю, — прошептала я и, искренне веря в это, обняла бабушку, мысленно выдыхая, что отделалась лишь коротким разговором, а не длинными нотациями.

— Так, началось еще одно прекрасное утро, — громко объявила она, выпуская меня из объятий. — Вперед к новым свершениям — я к своим кабачкам, а ты бегом спать. Мне сегодня будет нужна твоя помощь.

— Есть, мэм!

— И да, не знаю, как на тебе оказался мой кардиган, но даже опасаюсь предположить, как ты умудрилась его порвать, — подозрительно поморщилась бабуля, поднимаясь со ступенек.

Не сдерживая улыбку, я опять прильнула лбом к перилам, выгружая из воспоминаний события сегодняшней ночи.

«Егор...»

***

— Кира! Просыпайся, уже девять утра! — бабушкин голос и легкое потрепывание меня за плечо сработали, как катапульта — я подорвалась на кровати в секунду, пытаюсь сориентироваться в пространстве. Все-таки ночь без сна не прошла даром — моя голова витала в тумане.

— Да встала уже, — пробормотала я, пытаюсь опустить свои босые ноги на пол.

— Держи, — бабушка всунула мне в руки небольшую лиловую коробку, аккуратно перехваченная белой лентой. — Это, кажется, тебе.

— Мне? — Я изучающе повертела ее в руках, пытаюсь сообразить сонными мозгами, что это.

— Тебе. Курьер привез, — сухо ответила бабушка, направляясь с корзиной для белья в мою ванную.

«Курьер? Кто мог... А, ну конечно...» — закатив глаза, я тут же расплылась в широченной улыбке, думая лишь о том, остановится ли когда-нибудь Егор в своих фантазиях?

Находясь в трепетном предвкушении, я присела на край кровати, расположила коробку у себя на коленях.

— И что там тебе прислали? — раздался бабушкин голос уже из-за стен ванной.

— Надеюсь, это не очередной новый телефон, — отрешенно ответила я, медленно потянув за белую ленту, а через секунду из моих лёгких вырвался тихий возглас.

Из коробки выпорхнули десяток огромных бабочек, закружив вокруг меня в порхающем танце. Они взмахивали своими цветными узорчатыми крыльями, рассыпаясь в солнечных лучах по моей комнате. У меня просто не было слов, а эмоции... Как описать, то, что даже толком осознать не получалось?

Знала и понимала я только одно — с каждым разом, с очередным его безумным действием или решением, с вот такими вот бабочками, которые порхают теперь не только в моем животе — я погружалась в свои чувства сильнее, влюблялась сильнее, нуждалась в нем все больше...

— Батюшки, это что такое? Откуда здесь рой бабочек? — воскликнула бабушка, со стуком ставя корзину с бельём на пол.

— Это Егор... — тихо ответила я и скромно улыбнулась, наблюдая за пляшущими в воздухе красочными пятнами

Бабушка несколько секунд просто ошарашенно следила, как бабочки постепенно разлетаются по моей комнате, рассаживаясь то на лампу, то на шторы.

— Черная мужская футболка в твоей стирке, порванный, грязный кардиган, ночные побеги из дома в пижаме, теперь вот бабочки... Романтика — не то слово. Ты только голову свою окончательно не потеряй, Кирюш, — в ее интонации ясно прослеживались зачатки недовольства. Ей это все не нравилось. Молча она скрылась за дверью комнаты.

«Легко сказать, бабушка. Это уже мне не подчиняется», — отозвалось в моих мыслях.

Не сводя восхищенного взгляда с бабочек, я даже не сразу расслышала монотонное жужжание мобильного. Можно было и не смотреть на экран, чтобы знать кто звонит.

— Доброе утро. Надеюсь, у тебя нет лепидоптерофобии? — раздался бархатный тембр в трубке.

— Гетерохромия, лепидоптерофобия... А есть такая фобия-боязнь незнакомых слов?

Егор залился открытым смехом, который приятным эхом отзывался где-то внутри меня. Было непривычно слышать этот голос через динамик телефона, он даже звучал как-то по-другому.

— Надеюсь, Нина Ивановна не сильно ругалась за летающих насекомых по дому.

— Только за порванный кардиган.

— И все? Бабуля не посадила тебя под замок за наши ночные приключения? — томно принёс Егор, немного понизив голос, будто бы моя бабушка могла услышать о чем он говорит.

— Нет, — прошептала я, вспоминая о поцелуях в саду и в машине.

— Отлично, — усмехнулся он, — но все же сегодня я жду тебя в моем доме. Так сказать, в свободную территорию от бабулиного надзора.

— У тебя? — я немного напряглась, услышав его предложение, и с надеждой в голосе задала вопрос. — А, может, прогуляемся где-нибудь?

— Кир, там все небо тучами затягивает. Отказ не принимается. Жду тебя вечером, Моя... — произнёс Егор, очень нежно делая акцент на последнем слове, отчего я чуть ли не растворилась на простынях.

— Умеешь ты уговаривать...

— Я умею языком не только уговаривать... — загадочно прошептал в трубку Егор. — До вечера.

Мое дыхание мгновенно отяжелело, и мучительно затянул низ живота, а я так шумно выдохнула, что Егор тут же отреагировал:

— Кир, с тобой все в порядке? — это фраза прозвучала, как лёгкая насмешка.

— Кх, ага...

— Тогда до вечера.

Но не успела я отложить свой телефон, как тут же пришло сообщение от Егора: *«На дне коробки записка»*. Схватив ее в руки, я прошлась пальцами среди цветов, нащупав небольшой кусочек бумаги, свернутый пополам.

«Я безумно в тебя влюблен...»

Небо грозно хмурилось, обдавая глухими раскатами грома все в округе и медленно погружая улицы в ранние сумерки. Это были первые тучи на небе за последний месяц, природа даже не пыталась сопротивляться надвигающейся стихии-деревья не шевелились, все замерло в ожидании дождя, грома и молнии, но только не я.

Я ненавидела грозу, боясь ее до бешеной дрожи. Что может быть ужаснее сильных ударов грома, леденящих всполохов света в ночном небе и бьющего по ушам стука дождя? Только если ты в это время один.

Поежившись в своем лёгком сером платье с мелким цветным узором и длинной чередой пуговиц впереди, я понадеялась, что стихия все же обойдёт наш посёлок стороной. Но оказавшись на пороге дома Королевых, быстро забыла и о тучах, и о возможной грозе, когда сильные горячие руки подхватили меня за талию и закружили в воздухе.

— Привет, — прошептал Егор мне в губы, опустив на землю и тут же впиваясь в меня жадным поцелуем со вкусом мяты, от которого начинало сносить крышу.

— Мы же не можем стоять и так нагло целоваться. А если мама твоя увидит? Или Дашка? — я с трудом оторвалась от его губ.

— Что подумает моя мать, мне все равно. А Дашка видит в школе картинки и похлеще, — усмехнулся он, даже не собираясь сокращать между нами дистанцию.

— И чем мы сегодня займёмся? — осторожно поинтересовалась я.

Егор хитро сощурил разноцветные глаза:

— Исполняем обязательную программу вечера, — он забрал из моих рук сумочку, закинув ее на кресло и завел свои руки мне за спину, начиная шагать задом наперед и увлекая за собой через гостиную к лестнице.

— Обязательную программу? — я неуклюже семенила за Егором, стараясь не отдавить ему ноги.

— Чипсы, кола и кино с Дашкой, — он продолжал делать уверенные шаги назад. — А потом... — в его глазах заиграл вызывающий недвусмысленный намек.

— Потом? — я подозрительно прищурилась, приподнимая уголки губ.

Ладонь Егора прошлась по моей спине и опустилась на ягодицы. Я на секунду задержала свое дыхание, чтобы не застонать, а мои губы сами потянулись за поцелуем. Он глубоко вдохнул и едва слышно издал короткий стон, когда я слегка прикусила его за нижнюю губу. Запустив пальцы в мои волосы, Егор одним рывком пригвоздил меня спиной к стене в гостиной. Мужская рука медленно заскользила по моим формам и бесстыдно опустилась под платье. Я замерла, ощущая, как его пальцы, едва касаясь кожи, исследовали внутреннюю сторону бедер, уверенно поднимаясь, туда, куда тянулись все жгуты моего возбуждения. Он, словно издеваясь надо мной, аккуратно провел горячей ладонью у меня между ног, давая выброс бешеному желанию, которое сдавливало низ живота. Наглые пальцы осторожно продолжали гладить меня под платьем, а сам Егор улыбался сквозь поцелуй. Не знаю, чем закончился этот номер возле стены, если бы за его широкими плечами не раздался женский возглас.

— Что здесь происходит?

Мы отпрянули друг от друга, как ударенные разрядом тока. Я только и успела поправить преступно задравшийся подол своего платья, а Егор пригладить на себе синее поло. В дверях

кухни, сверля сына глазами и периодически косясь на меня, стояла его мать.

— Здравствуйте, — смущённо пробубнила я, но не услышала ответного приветствия.

Я попыталась неловко отодвинуться от Егора подальше, но тот лишь переместился за мою спину и крепче прижал к себе, скрещивая руки впереди.

— Ничего, — спокойной произнес он, но я даже спиной чувствовала, как беспокойно вибрирует под рёбрами его сердце, выдавая нервозность. — Идем к Дашке в комнату смотреть фильм.

Мать Егора выглядела не так, как в нашу первую встречу: растрепанные светлые волосы, заспанные глаза с тёмными кругами под ними, выдававшие ее недружелюбное настроение, домашняя одежда, но даже так она выглядела достаточно молодо.

— Потихе смотрите. У меня дико болит голова, — хозяйка дома и не пыталась скрыть свое недовольство.

— Прими таблетку и ложись спать, — ровным тоном ответил Егор.

— Мог бы предупредить, что в моем доме будут гости. Я никого не ждала, — жестко отдекламировала женщина, пройдясь по мне равнодушным взглядом.

За моей спиной напряженно поднялась грудь Егора, но он лишь сильнее держал меня в руках, положив свой подбородок на мою макушку.

— Я ждал, — твердо произнес он, словно не замечая, что перед ним стоит его мать.

Смерив нас неодобрительным взглядом, она проскользнула мимо, оставляя холодный шлейф за собой, и «мило» бросив через плечо:

— Развлекайтесь, приятного вечера. До свидания, Кира, — исчезла в коридоре.

Было диким облегчением не находиться под взглядом этой женщины. От нее веяло такой надменностью, которая не оставляла ничего, кроме неприятного осадка.

— По-моему, я не особо нравлюсь твоей матери, — тихо произнесла я, поворачиваясь к блондину.

Чуть ли не скрипя зубами, Егор настойчиво приблизил меня обратно к себе.

— Кир, давай только не будем обращать внимание на нее. Поверь, оно того не стоит, — хоть его бархатный тембр прозвучал мягко и спокойно, но в глубине разноцветных глаз играла откровенная неприязнь.

— Мне просто не хочется быть причиной вашего недопонимания и...

— Моя, ты наименьшая из причин, по которой у меня может быть, как ты выразилась, недопонимание с этой женщиной, — хмуро отметил он, смотря на меня исподлобья, открыто намекая, что разговор об этом окончен.

После секундного молчания я вздохнула, приложив свои ладони к его беспокойно вздымающейся груди и неуверенно озвучивая:

— Пойдем? Дашка же ждет...

Но не дав мне и шанса договорить, Егор вдруг резко обвил мое тело руками, легко приподнимая над полом.

— Знаешь, к черту кино и колу. Сестра найдет, чем заняться эти вечером и без нас, — не выпуская из своих крепких лап, он за какие-то секунды преодолел лестничный пролет и также быстро направился со мной в самый конец коридора, пока я изумленно хлопала ресницами, упиравшись ладонями в его плечи.

Я даже не успела поинтересоваться причиной такой внезапной смены настроения, как Егор, закрыв дверь комнаты, так сильно прижал меня к стене, что буквально выбил из моих лёгких воздух.

Был глубокий полумрак, черные тучи давно затянули все небо, приблизив ощущение ночи. Его взгляд блуждал в темноте по моему лицу, а руки медленно прошлись по изгибам моего тела, развеивая из мыслей все лишнее. Я сама потянулась к нему за поцелуем, до дрожи желая ощутить вкус сладкой мяты. Егор совершенно не сопротивлялся, он отвечал на каждое движение моих губ и языка, распаляя во мне потребность чего-то большего... Не переставая вжимать меня в стену, он принялся медленно расстегивать бесчисленное количество пуговиц на моем платье.

— Ты специально выбрала это платье, чтобы я окончательно чокнулся? — нервно прохрипел Егор, заплетаясь пальцами в мелких пуговицах. — Я сейчас порву к чертям это издевательство.

— Не вздумай, — прошептала я, в ответ скользя своими руками по его крепкому телу. — Мне ещё домой идти...

— А с чего ты взяла, что я отпущу тебя сегодня? — усмехнулся он, продолжая бороться с застёжками.

С каждой поверженной петелькой мой пульс начинал учащаться, а вдох-выдох становились всё хаотичнее.

Расправившись, наконец, с пуговицами, Егор издал победный стон. Его руки медленно раздвинули расстёгнутое платье, а взгляд жадно заскользил по моему телу, которое теперь бесстыдно красовалось в одном белье. Закусив свои губы, он осторожно провёл пальцами по изгибу талии. От его рук прошла тёплая волна желания, которое пылающим шаром тянулось вниз живота.

Закрыв глаза и перестав контролировать свое дыхание, я прильнула к Егору, сжав в кулак ткань его футболки. Хрипло застонав, он грубо впился в мои губы, заставляя буквально задыхаться от быстрых и глубоких движений его языка. Я хаотично погрузила свои ладони в его мягкие пряди, перебирая их в пальцах. Сумасшедший темп поцелуя кружил голову, а ноги предательски дрожали и подкашивались. Чувствуя, что я едва держала равновесие, Егор двинулся куда-то вглубь комнаты, не отстраняясь от моих губ и ведя за собой, а его ладони все так же скользили вдоль моего тела...

— Осторожно, нам сюда, — просипел он, потянув куда-то вниз за собой.

Было уже достаточно темно, поэтому все, что я смогла увидеть через пелену возбуждения перед глазами, так это то, что комната была практически пустой. Какие-то коробки, вешалки и даже то, куда тянул меня Егор, не было похоже на кровать. Скорее огромный застеленный матрас, кинутый прямо на пол. Но мне уже было без разницы, где будут целовать желанные губы, и ласкать горячие руки.

Расположившись на импровизированной кровати, Егор стянул с себя футболку, оставшись в одних шортах. Я с наслаждением рассматривала его спортивное тело, чувствуя, что хочу не только смотреть, но и целовать, впиваться в него ногтями, кусать. Моя ладонь робко потянулась к его татуировке, очертив ее контур. Это было головокружительное чувство — прикоснуться к мужчине, от дыхания которого дрожало тело.

Очередной стон Егора, и моя голова окончательно отключала все предохранители у рассудка, совести и адекватности. Его свободная ладонь ещё сильнее развернула моё платье в разные стороны, словно фантик от конфетки. Мягкие и горячие пальцы осторожными движениями заскользили от ключиц всё ниже. Он описывал на коже абстрактные узоры, продолжая спускаться к моим бёдрам, заставляя вздрагивать меня как и от щекотки, так и от возбуждающего напряжения. Опустившись к линии моего белья, Егор остановил движение своих пальцев.

Не сдерживая разочарованный стон, я попыталась придвинуться к нему еще ближе, но лишь ощутила твёрдую эрекцию, которая теперь упиралась в мое бедро. Приподнявшись надо мной, Егор заскользил жадным взглядом по моему телу, а его пальцы гладили низ

живота, одаривая меня обжигающим жаром, расстилаясь по каждому миллиметру кожи.

— Скажи, ты когда-нибудь испытывала оргазм? — прошептал он, немного хрипя.

— Ты же знаешь, что... я... не... — своей затуманенной головой даже не сразу сообразила о чём он спрашивает и зачем.

— Чтобы испытать это, не всегда нужен мужчина.

Заметив мое недоумение, Егор, не сводя с меня взгляда, медленно опустил ладонь ещё ниже.

— Ласкала ли ты сама себя хоть раз? — его пальцы бесстыдно скользнули под ткань кружевного белья.

У меня даже не получилось издать хоть какой-либо звук. Я просто молча выгнулась, двинув бёдрами, чувствуя, как его тёплые пальцы сделали вращательное движение вокруг той самой ноющей, уже столько времени, точки.

— Ответь, Моя... — продолжал шептать мне в шею Егор, держа свои пальцы все там же, медленно двигая ими, разнося по венам адский жар.

— Я... не... нет. — Меня начинало трясти.

— Никогда и ни разу?

Я стыдливо зажмурилась, чувствуя, что огнем пылает теперь все тело. Егор шумно вздохнул и кончиком языка провел по моей шее, начиная теперь двигать пальцами по кругу. Я уже не знала, куда деться от болезненного желания и лишь сильнее придвинулась к мужскому телу.

— Тебе надо просто расслабиться и ни о чем не думать. Хочу, чтобы сейчас в твоей голове не было мыслей. Только желание, — прошептал он, убирая руку от пульсирующей точки между моих ног.

Мне хотелось тут же вернуть его пальцы на место, но я боялась пошевелиться. Нарастающее во мне возбуждение не сыграло мне на руку — оно сделало мое тело тяжёлым, мысли затуманенными. Егор медленно отодвинул лиф в сторону, а его пальцы слегка сжали мою грудь, заставив меня закрыть глаза и прогнуться в спине. Ощущение жара мужских губ пробирало до сладкой дрожи в теле, разливаясь горячей истомой по венам. Каждое движение языка вокруг соска — очередной головокружительный вираж в моем сознании. Это оставляло настолько дикий шлейф наслаждения, что я даже не заметила, как Егор опустил свои поцелуи еще ниже, слегка дотрагиваясь языком до моей кожи. Я очнулась только тогда, когда почувствовала, что мужские горячие пальцы медленно стягивали белье. Секундная неловкость подтолкнула меня инстинктивно сжать ноги.

— Не надо, — прошептал он. — Просто доверься мне...

В такой крошечной темноте невозможно было увидеть взгляд — только широкоплечий силуэт у моих ног, но я чувствовала, что Егор смотрит на меня без какой-либо похоти. Сглотнув горячий ком воздуха и нервно закусив губу, я расслабилась, разрешая ему обнажить мои бедра. Я прежде никогда не была нагой перед парнем. Меня потихоньку начинало колотить изнутри так, что буквально подбрасывало на простынях, а зубы стучали друг о друга.

Это была адская смесь эмоций и ощущений — страх, волнение, желание, возбуждение. И что в каких пропорциях распространялось по венам, не поддавалось расчёту. Егор медленно развел мои ноги в стороны.

— Расслабься, — совсем тихо произнес он.

Слегка сжав ладонями бедра, Егор придвинул меня ближе к себе. Невольно вздрогнув, я даже не успела отреагировать, как его влажный язык скользнул вниз, начиная медленное движение, обжигая самую тайную часть моего тела. Я тут же выгнулась, громко ахнув, а воздух в лёгких мгновенно стал таким тяжёлым, что не получалось ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Егор нежно гладил мои бедра ладонями, а языком продолжал вырисовывать узоры, уверенно лаская именно то место, от прикосновения к которому по всему телу расходилось торнадо. Колотящая меня дрожь стала сменяться на ощущение эйфории. Из моей головы исчезали совершенно все мысли, а телом завладевала лёгкость. Теперь я чувствовала только возбуждающие, умелые ласки Егора. Начиная растворяться в медленной дрожи, я вцепилась пальцами в его волосы, прижимая голову парня сильнее к себе. Он мучительно издал стон и сжал пальцами мои бедра так, что я всхлипнула от боли.

Его язык уверенно выписывал круги, очень нежно прикасаясь к самому чувствительному месту. Между моих ног все сильнее разрастался тяжелый горячий шар. Я выгибалась и вздрагивала от каждого ласкающего движения. Наши стоны тихим эхом разлетались по полупустой комнате. Мои пальцы до скрипа сжимали простынь в кулак, а бедра сами приподнимались в такт ласкающего языка. Меня начинало затягивать в жгучий омут. Я больше не слышала ни звуков, ни запахов. Резко запрокинув голову, я глубоко втянула воздух, а из моих легких вырвался тихий грудной стон. От низа живота по каждой клеточке тела разливалось дикое наслаждение.

Мои ноги сжались так, что каким-то чудом я чуть не свернула Егору шею. Он, тихо посмеиваясь, аккуратно разъединил их со своих плеч.

— Ух ты, какая. Я еще жить хочу, — он осторожно оставил поцелуй на моем животе.

Вздрогнув, я открыла глаза и, сдерживая смущенную улыбку, опустила взгляд себе в ноги. Широкоплечая тень еще пару секунд зависла надо мной, продолжая прикасаться губами к моему телу. Поднявшись на руках, Егор прилег рядом, бережно обнимая меня. Я расслабленно прильнула обнаженной грудью к горячему мужскому торсу. Егор зарылся лицом мои волосы с наслаждением дыша мной, а я дышала им, уткнувшись носом ему в шею. Мы просто лежали молча, слушая дыхание друг друга.

— Ты как? — не выдержав тишины, осторожно поинтересовался Егор, скользя ладонью по очертаниям моей груди.

— Это было... Очень... — смущённо прошептала я, глядя его сильные руки.

— Твои стоны говорили сами за себя. Спасибо, что хоть не задушила.

Я возмущенно стукнула Егора кулаком в плечо:

— Издеваешься, да?

— Ни в коем случае. Разрешаю сворачивать мне шею так каждый раз, — рассмеялся Егор, перебирая пальцами мои спутанные локоны. — Если хочешь, можешь немного подремать. У нас еще вся ночь впереди.

— Мне надо до...

— Кир, я не шутил, когда сказал, что не отпущу тебя, — он приподнял мое лицо за подбородок. — Моя...

— Моя, а ты настоящая?

— Конечно. Хочешь, могу пощекотать?

— Не надо, — Егор рассмеялся, но все равно дернулся от меня.

Сколько мы так пролежали на простынях? Час? Два? Я совершенно потеряла счет времени, утопая в тепле его рук и трепетных поцелуях.

— Егор... А почему ты так странно меня зовёшь — «Моя»?

— Ты же ни кошечка, ни зайчик, ни цветочек и ни рыбка... Ты — моя.

— Спасибо, объяснил, — усмехнулась я, но в душе все так же приятно завибрировало от этого слова. — Слушай, мне действительно уже пора...

— Кир, кто в такую погоду выходит из дома? Я не хочу, чтобы тебя по дороге молнией шарахнуло. Так что сидим, а, точнее, лежим здесь.

Про погоду он не приукрашивал. Замирающая тишина на улице сменилась сильными порывами ветра, а раскаты грома слышались все чаще и отчётливее. Если не кривить душой, то мне и самой не хотелось вылезать из тёплых, сильных объятий Егора и заменять их на ощущение липкого страха, сидя у себя на кровати.

— Кстати, а что это за странная комната? — я чуть отодвинулась от крепко сжимающих меня рук и огляделась вокруг.

Даже мой возбужденный разум смог правильно уловить основные детали комнаты: по углам были расставлены какие-то коробки, небольшое кресло возле огромного панорамного окна, завешенного полупрозрачной занавеской, а рядом с нашим ложе скромно стояла напольная вешалка, на которой также скромно висело небольшое количество какой-то одежды. В комнате не наблюдалось ни шкафов, ни тумбочек. И отсутствовала кровать. Мы и правда лежали на огромном застеленном матрасе на полу.

— Это мое убежище, — усмехнулся Егор, наблюдая, как я подозрительно осматриваюсь.

— Твое? — мне даже пришлось приподняться на локтях, чтобы еще раз обвести взглядом пространство. — Но тут же ничего нет...

Егор улыбнулся и, лежа на спине, уставился глазами в потолок, но его пальцы продолжали гладить мои руки, живот, бедра.

— Зачем мне больше? Я не живу здесь все время.

— И где ты живёшь? — спросила я и развернулась набок, снова прижимаясь к Егору, с интересом ожидая услышать ответ. — Я думала ты постоянный обитатель этих стен.

— У меня квартира. Отец купил на девятнадцатилетие, — он снова усмехнулся. — Когда я намекнул ему, что хотел бы съехать от них, то он согласился, но только на условии — платить за нее буду сам. Вот и плачу. Пока успешно.

— Ты где-то работаешь?

— Ну, так... Есть кое-что. За счет этого и выезжаю, — ответ Егора прозвучал достаточно уклончиво.

— А что за подработка? — меня начинало разбирать от любопытства.

— Ты и правда хочешь поговорить о этом? — Его ладони нырнули под платье, которое еще до сих пор в расстегнутом виде держалось на моих плечах, и легким движением окончательно оставляя меня обнаженной. — Не думал, что тебя заводят такие разговоры, — Пальцы слегка сжали мне ягодицы.

Я тихонько простонала от приятной возбуждающей боли. Егор довольно улыбнулся и потянулся ко мне за поцелуем. Упираясь своими ладонками в его грудь, я обхватила мужские бедра ногами и уселась сверху. Даже в крошечной темноте было заметно, как сверкнули глаза парня, а губы расплылись в томной улыбке.

— Потрясающее зрелище, — хмыкнул он, накрывая своей широкой ладонью мой скромный размер бюста.

Дразнящими движениями его пальцы гладили соски, отчего появлялась приятная тяжесть в груди, которая электрическими разрядами спускалась в низ живота. Я закусил губы и откинулась немного назад, давая наслаждению завладеть разумом. Мои руки беспорядочными линиями гладили атлетичное мужское тело, ощущая, как под пальцами вздрагивали его мышцы. Было нереально оторваться от Егора и возвращаться домой хотелось меньше всего.

— Кир, предупреди бабушку, что ты сегодня будешь ночевать у меня, — словно прочитав мои мысли, хрипло произнёс Егор.

— Как? Она уже спит, наверное, — я протяжно вздохнула, плаваясь под взглядом разноцветных глаз и горячих пальцев на своих ягодицах.

— Отправь сообщение.

На секунду задумавшись над этим вариантом, я осмотрела пол вокруг нашего лежбища в поисках телефона.

— Кажется, он остался внизу в сумочке, — простонала я, поднимаясь с мужского тела. — Придется спуститься.

— Платье только не надевай, — Егор осмотрел обнажённые формы, представшие перед ним, — а то до утра мне его снова снимать. Возьми во-о-н ту белую длинную футболку.

Стараясь не поддаваться стеснению от своей наготы, я быстро засемила к напольной вешалке. Вытащив белую футболку, я с немым вопросом повернулась к Егору, который уже скинул с себя шорты и вальяжно улегся на полу под простыней сложа руки за голову.

— Это не футболка, а настоящий балахон, — усмехнулась я, прикладывая вещь к себе. Она доходила до колена. — Ты разве носишь подобное?

— Это стиль оверсайз... И это меня отчитывает человек, у которого неоновое платье в горох в гардеробе, — наигранно фыркнул Егор.

— Королев, иди ты знаешь куда, — я наморщила нос, быстро накинула на себя его белый балахон и, состроив ему смешную рожицу, выскользнула за дверь.

Спустившись по тёмному дому в гостиную, я без труда обнаружила свою сумочку, все так же брошенную на кресле. Дом был просто погружён во мрак, а глухие раскаты грома создавали немного гнетущую атмосферу. Быстро достав телефон, я проскочила лестницу и направилась в конец коридора в нашу тайную комнату. Но знакомый женский голос за закрытой дверью, из-под которой пробивалась полоска тусклого света, заставил меня притормозить.

— Беллочка, милая, ты же знаешь моего сына. Не думаю, что *она* — это повод для твоего беспокойства...

Голос матери Егора замолчал, видимо, слушая собеседника на том конце провода.

Я затаила дыхание, перестав даже ощущать, как стучит мое сердце. А оно рухнуло куда-то вниз...

— Конечно, милая. Конечно, звони. Вы столько лет вместе... Это просто очередная блажь Егора... Да... Да... Уверена, что она не задержится в нашем доме...

Меня затрясло так, что удар током ощущался бы лишь легким пинком, а глаза предательски оказались на мокром месте. Подслушанный разговор с той самой Беллой, встряхнул мои чувства, как коктейль в шейкере. Зажав рот рукой, я заставила себя проскользнуть дальше по коридору, чтобы не оказаться пойманной под дверью.

«Да кто она такая? Звонит ему посреди ночи, общается с его матерью. Девушка? Тогда что я здесь делаю?» — Эти вопросы болезненным хороводом кружили в моей голове, пока я на леденеющих ногах шла обратно.

Оказавшись в комнате, я, с силой сжимая телефон в руке, быстрым шагом подлетела к матрасу, на котором свободно разлегся Егор. Стараясь скрыть свою дрожь, опустилась рядом. Видимо, от меня шла какая-то невидимая волна нервов, что он тут же сел, и его довольная и расслабленная улыбка резко сменилась на обеспокоенное выражение лица.

— Моя, все нормально? — Бархатный голос проник в сердце, ещё сильнее сдавливая там тревогу.

Я имела право знать!

— Егор, кто такая Белла?

В комнате повисло несколько секунд тишины, которая тут же была сбита мощным раскатом грома и яркой вспышкой молнии, чей свет выхватил из темноты напряжённое лицо Егора с прищуренным взглядом. Прямо-таки сцена из фильма ужасов, только с элементами какой-то дешёвой мелодрамы.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — медленно произнёс он, не сводя с меня глаз.

— Наверное, потому, что хочу знать об этом, — отчеканила я, проглатывая нервный ком в горле.

— Мне нечего ответить, кроме того, что она мне никто.

— Никто, значит... — я пошарила рукой по полу и, найдя своё бельё и брошенное платье, направилась к выходу.

«Господи, да я идиотка!» — Ревностно стучало в моей голове.

— Куда? — рявкнул Егор, хватая меня край футболки, так что я пошатнулась, но устояла на ногах.

— У меня нет никакого желания слушать это вранье, Егор. Пусти, — процедила сквозь зубы и дёрнула футболку обратно на себя.

Меня начинало нервно трясти изнутри. За окном опять вспыхнула молния, а глаза парня вспыхнули вместе с ней. Издав глубокий вдох, Егор совершил один легкий, но точный удар ребром ладони мне под коленную чашечку. Мои ноги сами подкосились, и я просто рухнула точно к нему в руки. Крепко прижав меня спиной к матрасу и обвив мои запястья своей лапицей, словно наручниками, он мощно навис надо мной. Его дыхание оказалось в сантиметре от моих губ. Я чувствовала, как напряжен каждый мускул на лице напротив. Очередной, пробирающий чуть ли не до костей раскат грома, добавил нагнетающего ощущения.

— Смотрю, ты с первого раза меня не понимаешь? — его вопрос прозвучал достаточно холодно.

От милого и расслабленного Егора не осталось и следа. Как будто это не он какое-то время назад дарил мне сводящие с ума ласки.

— А ты, смотрю, любитель приврать, — резко ответила я, сквозь пробирающую бешеную дрожь, не ожидая, что он станет вести себя так грубовато.

— Что не устраивает тебя в этом ответе? — все таким же ровным, холодным тоном был задан вопрос.

— Пусти, — моё тело попыталось вырваться, но тщетно — я была полностью в его власти.

— Кира, — тихо прорычал он, придавливая своим весом к полу.

Его мятное, горячее дыхание у моих губ зашепотало мне нервы.

— Что не устраивает? Не устраивает, что эта Белла звонит тебе посреди ночи, как тогда в машине. А теперь твоя мама мило беседует с ней по телефону, называя меня очередной блажью. И ты мне просто говоришь, что она тебе никто. Совсем держишь меня за дуру? — протараторила я все на одном дыхании, стараясь не взорваться от закипающего во мне незнакомого чувства.

В груди сильно жгло и совсем не от страсти. Это ощущение было довольно болезненным, прожигая где-то под рёбрами и ядовитыми расплавленными каплями

распространялось по венам. Стиснув зубы и отвернувшись, я старалась сдерживать выступающие слёзы.

— Моя мать разговаривала с Беллой? — Его голос лязгнул металлом. — Откуда ты знаешь?

Услышав это имя из его уст, ревностный яд еще быстрее разошёлся по моему организму.

— Слышала.

— Ты подслушиваешь под дверьми? — усмехнулся он, а его ровное глубокое дыхание коснулось моей щеки.

— Егор, отпусти меня, — прошипела я, начиная выкручиваться из-под его тёплого голого тела.

Внутри меня уже все дробилось от ревности, а щеки пылали от стыда. Я только что сама созналась в подслушанном разговоре. Но он так крепко держал меня под собой, что я даже не сдвинулась и на миллиметр.

— Что ты слышала ещё?

— Что я — не повод для чьего-либо беспокойства... — мой шепот срывался в нервный хрип.

— Кир, — Егор вдруг нежно потерся кончиком носа о мою щеку. Его голос стал мягче, а наручники из пальцев на запястьях ослабили хватку. — Ты действительно так переживаешь за то, что говорит моя мать? Это же глупо.

— Ты мне так нормально и не ответил: кто она? — осмелившись, я повернулась к нему, встречаясь с пристальным взглядом.

— Она бывшая, — спокойно пояснил он.

— Бывшая? — я осторожно начала сыпать вопросами. — И как долго вы были вместе? Когда разошлись?

— Наши отношения длились три года, расстались мы до начала лета, но закончить это надо было ещё три года назад, как минимум. Меня не интересует, кому она звонит: мне или матери. Разговаривать об этом больше нет смысла — это прошлое. Сейчас есть ты и я. Еще вопросы? — крепкие тиски рук Егора уже плавно перешли в тёплое кольцо объятий.

Ядовитое чувство еще несколькими каплями прожгло меня изнутри. Нервно прикусывая свои губы, я решала в голове — озвучивать ли вслух то, что мимолётно проскользнуло в воздухе еще тогда, ночью в машине, когда Егор приехал ко мне. Главное, не начать вопрос со вступления «скажи мне честно», так как обычно после этой фразы и рождается ложь.

— Егор, мне просто... Я хочу... Скажи мне только правду, — черт! — тогда, когда ты заявился от друзей, она была там? Ты был с ней до того, как приехать ко мне?

Не моргая, он провел большим пальцем по моей щеке и отодвинул пряди волос с лица.

— Нет, — его ответ прозвучал так четко и ясно, что у меня не было больше оснований не верить.

Я не сдержала облегчённый выдох и прижалась лбом к плечу парня.

— Ты ревнуешь, — с тихим смехом Егор стал покрывать мое лицо лёгкими поцелуями, едва прикасаясь к нему губами.

— Еще чего, — буркнула я и отвернулась, ощущая, как от его прикосновений меня отпускает этот жгучий яд.

— Да-а, — он снова повернул мое лицо к себе за подбородок, — я же вижу. Ревнуешь... — его губы стали все настойчивее искать ответ на поцелуй, а руки скользнули под футболку, наглаживая голое тело под ней.

— Нет! — но поддавшись какому-то внезапному порыву прямо под жуткий и леденящий раскат грома, я страстно прильнула к мягким, влажным губам.

Обняв руками за шею, я прижалась к нему так, словно хотела бы раствориться в нем, если бы могла. Мысль о том, что Егор принадлежал другой, пакостно заскреблась в моей голове. И только его сводящее с ума дыхание, жаркий ритм нашего поцелуя, лихорадочно скользящие мужские руки по моей спине помогали отделаться от этого противного ощущения.

— Кир, пожалуйста, верь мне, — прошептал он, аккуратно ластясь своей щекой к моему лицу, отчего сердце трепетно защемило в груди. — Я только с тобой... Моя.

Я снова уткнулась носом в его шею, окончательно выбросив все ненужные мысли из головы. Не знаю сколько мы пролежали, прижимаясь друг к другу и периодически целуясь. Мне показалось, что в какой-то момент я стала проваливаться в сон, пока громкий стук капель по стеклу не заставил вздрогнуть нас обоих. За окном началась та самая настоящая жуткая гроза с сильнейшими раскатами грома и порывами ветра.

— Теперь ты точно уже никуда не денешься сегодня ночью, — довольно произнес Егор и, развернув меня спиной к себе, сложил свои руки в замок на моем животе.

— Черт, забыла предупредить бабушку, — вздохнула я, понимая, что по такой погоде действительно идти домой нелогично.

Моя рука потянулась к телефону. Напечатав короткое сообщение, что сегодня остаюсь у Егора, я с волнением нажала кнопку «отправить». И еще больше переживала, ожидая ответа, но его не было ни через пять минут и даже через десять.

— Наверное, уже спит, — без особой уверенности в голосе произнесла я, откладывая телефон. — Время половина второго.

— И нам пора, — Егор сладко зевнул, сильнее обнимая меня и устраиваясь поудобнее. — Хотя нет, подожди...

Он слегка приподнялся и потянул белый балахон вверх, снимая его через мою голову и оставляя полностью обнаженной.

— Что ты делаешь? — я с подозрением покосилась на широкоплечий силуэт.

— Хочу спать так, — Егор пристроился снова рядом, накрыв нас простыней. — Шикарно... — прошептал он, нежно целуя меня в плечо.

Этой ночью я впервые не боялась грозы.

Нравится: 18 071

egor. korolev Она снова рядом. Спит. А я просто молча смотрю, как вспышки молнии вылавливают ее обнаженные формы из темноты. Я хочу ее... Хочу, как женщину... До трясучки, до какого-то дикого, животного желания обладать ей. И совсем не потому, чтобы просто стать первым.

А после того, что она творила сегодня со мной, с моим телом и разумом... Охренеть, она та еще штучка. Ее губы, затуманенный взгляд... Это только с виду ее серые огромные глаза невинно хлопают ресницами, она сама еще не понимает и не знает, какой пожар может устроить. Есть только одно «но» — спички все еще в моих руках.

К тому же она оказывается ревнивая сучка. Хотелось взять ее на полу в этот же момент, как она сверкнула своими глазами от бешеной ревности.

Что мешает мне заполучить желаемое, если оно так мучительно близко? Ответ — я сам себе и мешаю. В моем голове происходит какая-то нездоровая, больная, неадекватная тема. Мне мало просто получить желаемое. Я хочу большего. И она не какая-то там очередная моя блажь. Она моя ревнивая, невинная...

Она моя...

Посмотреть все комментарии (630)

Что может быть сложнее, чем встать летом в шесть часов пасмурного утра? Только если тебя обнимают сильные руки, шею щекочет тихое похрапывание, а в бок нагло упирается горячее, мужское «доброе утро».

Буквально заставив себя проснуться, я осторожно выскользнула из объятий Егора. Он даже не вздрогнул, продолжая мирно спать, распластавшись своими мощными плечами и длинными руками практически на все пространство «кровати». И как он не раздавил меня своими ручищами и телом ночью?

Я с улыбкой несколько минут просто наблюдала за ним. Спящий мужчина — наверно, одно из самых милых и невинных зрелищ. Милее и невиннее спят только младенцы. Куда девается вся мужественность и сила, когда широкие мужские плечи окутывает сон? Правильно, сладко засыпают вместе с ним. Им тоже необходим отдых.

Ужасно хотелось зацеловать эту сопящую милоту, но отсутствие каких-либо звонков или смс на мое предупреждение о том, что собираюсь ночевать у Егора, начинало уже напрягать.

Я быстро отыскала на полу только свое платье и лифчик, надев их на себя. А вот нижняя часть моего белья куда-то благополучно испарилась. Мне даже пришлось поверхностно заглянуть в содержимое коробок, стоящих на полу. Было жутко неудобно заглядывать в чужие вещи, но мало ли куда в порыве страсти Егор мог отшвырнуть мои.

В коробках не было обнаружено ни моего белья и ничего криминального. Один с одеждой, другой с какими-то проводами, третий — со странными банками, очень похожих на спортивное питание. Я перевела взгляд с них на накаченные мышцы, мирно спящие под простынёй. Он что, на анаболиках себе такую форму нарастил? Так и не отыскав свое белье, мне пришлось будить сопящее мужское тело.

— Егор, просыпайся, — зашептала я ему в самое ухо, а ладонью скользнула под покрывало, медленно, но уверенно, спускаясь в низ мужского живота.

Я задержала пальцы возле края боксеров, очертив ноготками бессмысленный узор на твердых, тёплых мышцах. Разноцветные глаза распахнулись за одну секунду, быстро освободившись от сонной пелены.

— Кира? — забормотал он.

— А ты ожидал увидеть кого-то другого? — одарив его суровым взглядом, я еще сильнее вжала коготки в кожу, чувствуя, как под пальцами сократились мышцы пресса.

— Ух, — Егор облизнул губы, — нет, конечно... Ты куда так рано?

— Домой, — я убрала руку из-под простыни, а он издал тихий грустный вздох. — Бабушка ничего так и не ответила. Боюсь, она будет не сильно довольна, что я снова провела ночь вне дома, поставив её уже перед фактом. Я обещала так не делать.

— Давай я тебя отвезу, — Егор начал выбираться из простыни.

— Не надо, — я остановила его, положив руки ему на плечи. — Я сама дойду. Ты мне лучше найди мое белье. Не могу же явиться домой без него.

— М-м-м... — Мужская рука стала игриво забираться под платье.

— Угомонись, маньяк, — шикнула я, отодвигаясь как можно дальше.

Ловким пальцам хватило бы всего пару сантиметров, и меня пришлось бы саму оттаскивать от Егора. Внизу живота по-прежнему напряженно тянуло.

— Опять вернулась занудная Кира. Но ночью от моего языка стонала точно не она... — подразнил он, начиная тянуть ко мне руки. — Видимо, твоя сексуальная чakra открывается только с приходом темноты.

— Мне сейчас придется пнуть твою чакру, если ты не найдёшь мое белье, — я подскочила и слегка толкнула торчащие под простыней длинные ноги Егора.

— Держи, — он закатил глаза и вытащил откуда-то из-под себя недостающую часть моего гардероба, подкинув ее ко мне точно в руки.

С горящими взглядом Егор наблюдал, как я аккуратно натягиваю кружева на свои бедра.

— Ну, точно... маньяк, — фыркнула я, поправляя подол платья.

— Пойдем, провожу, — потягиваясь, он поднялся с матраса.

Я, всеми силами пытаюсь потушить нарастающее во мне возбуждение, отвела взгляд от парня, чье мужское достоинство было нескромно обтянуто облегающими боксерами.

— Не нужно, здесь идти пять минут.

— Есть такая примета: если ты хочешь, чтобы человек еще не раз посетил твой дом, то его всегда надо провожать до двери, — он уже застегнул свои шорты и направился к выходу. — А в моих планах сделать так, чтобы ты стала здесь постоянным гостем.

В доме Королевых царил идеальная тишина, которая создавала ощущение какой-то пустоты, несмотря на то, что каждый сантиметр пространства был выверен и продуман дизайнерами. На пороге Егор потянулся за поцелуем, но рассмеявшись, я ловко увернулась, не давая себе даже секундой возможности начать плыть в его объятиях.

— Мне пора. Есть дурацкое чувство, что по голове меня не погладят за ночёвку в твоём доме...

— Тебе девятнадцать. Мне кажется, что ты уже не должна спрашивать разрешения, где и с кем тебе проводить ночь.

— Егор, бабушка просто переживает.

Я еще раз чмокнула его в щеку и развернулась в сторону калитки, ощущая, как приятная утренняя прохлада спасительно осаживает навязчивое желание поменять свои шаги в обратном направлении.

— Моя, — окликнул меня его голос.

— М-м? — я обернулась с трепещущим чувством в груди.

Егор стоял в одних шортах, засунув руки в карманы и подперев голым плечом дверной проем. Он слегка наклонил голову, сверкнув своими разноцветными глазами:

— Я тебя хочу.

***

Дверь в наш с бабулей дом была не заперта. Я осторожно разулась на пороге, прислушиваясь к звукам в комнатах и надеясь, что бабушка еще спит. Прошмыгнув по коридору, уже собиралась незаметно проскользнуть вверх по лестнице, как боковым зрением выловила бабушкин силуэт, сидящий за столом, перед которым дымилась чашка с каким-то горячим напитком.

— Привет, — я неловко замаялась на своих двоих возле ступенек.

— Привет, — сухо ответила мне бабуля.

Но даже в утреннем пасмурном полумраке комнаты было невозможно не ощущать

волны бабулиного строгого взгляда из-под нахмуренных бровей.

— Давно встала?

— Нет, полчаса назад.

Мое предчувствие оказалось правильным — бабуля не в восторге.

— Понятно... — я снова переминалась с ноги на ногу. — Ты же получала мое сообщение?

— Получала, — бабушкин ответ прозвучал все так же сухо и холодно.

— А... почему не ответила? Я ждала...

— Что мне надо было тебе ответить, Кира, в два часа ночи? — голос бабули повысился на полтона.

— Ба, понимаю, как это выглядит, но... — я набрала в грудь побольше воздуха, не желая слушать нотации, — но мне уже не десять лет и я, как бы, совершеннолетняя и отдаю отчёт в том, что делаю. Я же имею права на личную жизнь?

Выпалив эти мысли, внутри меня все сжалось в комок, надеясь, что это было не слишком грубо.

— Имеешь, — она даже не изменила свою интонацию.

«Прекрасно. А дальше то что мне говорить?», — я продолжала стоять у лестницы, нервно постукивая по перилам пальцами. Помолчав несколько секунд и не дождавшись больше никакой реакции от нее, я решила, что уже можно отправиться в свою комнату:

— Тогда посплю немного, а потом меня можешь загружать домашними делами, — произнесла я, поднимаясь по лестнице.

Но бабушкины слова заставили меня замереть на ступеньках:

— Ты сейчас так похожа на свою мать.

— Что? — я медленно развернулась, обескураженно смотря на нее.

— Это какое-то дежавю, — она покачала головой, закрыв свои глаза. — Дежавю двадцатилетней давности. «Я имею право на личную жизнь», — бабушка зачем-то процитировала сказанную мной же фразу.

— Ты о чем?

Бабуля сидела с закрытыми глазами и качала головой. Я спустилась с лестницы и присела за стол рядом с ней, аккуратно положив свою руку на ее ладонь. Она крепко сжала мои пальцы и открыла глаза, в которых стояли слезы.

— Ба...

— Кира, я все это уже видела двадцать лет назад с твоей матерью. Горящие глаза, распухшие от поцелуев губы, ночные приключения вне дома. Этот безумный затуманенный взгляд, эти заявления «я имею право...». Она сбегала из дома втихаря ночью, а утром от нее пахло мужскими духами, как и от тебя сейчас. Твоя мать не слышала и не видела ничего вокруг...

— Не надо меня сравнивать с ней, — я резко оборвала бабушку, ощущая в груди глухое раздражение. — Она не я.

— Кирюш, — она сжала мои пальцы, — я лишь вижу, как ты меняешься. И не могу понять — хорошо это или плохо. Была бы моя воля, то я посадила тебя под замок и не подпускала бы внука Королевой к тебе на пушечный выстрел.

Я вскинула свои брови вверх, совершенно не ожидая услышать подобное заявление в адрес Егора.

— Ба, все не так, как ты думаешь. Егор он...

— Детка, — она чуть ли не взвыла, снова крепко схватив мою ладонь, — я это все уже слышала, и сама такими же фразами говорила. Ты видишь, только то, что хочешь видеть, а я вижу, что реальность. Поэтому и желаю уберечь тебя от ошибок, которые ты можешь совершить. Но понимаю, что и это не выход. Твою мать я спрятала, да так, что в выпускном классе по утрам ее очень часто стало тошнить...

Бабушка замолчала, убирая руки от моих, и нервно пригладила свои седые волосы. Я напряглась и с трудом пыталась начать переваривать то, что только что услышала.

— А как же рассказ про то, что Мила родила меня на первом курсе, и ты даже не знала.

— Про тебя я не знала, а вот про ее первую беременность догадалась сразу, — бабушкин голос дрогнул. — Думаешь почему твоя мать так люто меня ненавидит? За то, что я просто ее на ночные свидания не пускала?

Я непонимающе смотрела на нее, ощущая, как что-то неприятное сдавливает мои лёгкие. Бабушка глубоко вздохнула и тыльной стороной ладони смахнула слезу.

— В одиннадцатом классе твоя мать так же, как ты с дикими глазами бегала на свидания, пока я в целях безопасности буквально не закрыла ее на замок. Но и это не помогло, она сбегала ночью. Скандалили мы жутко. А через пару месяцев я поняла, что Мила беременна.

Она снова замолчала, а мое горло стянуло жгучей удавкой, не давая даже возможности вдохнуть.

— А потом я совершила то, что сломало жизнь твоей матери и, скорее всего, даже твою, — Бабушка смотрела просто в одну точку перед собой, а по ее лицу градом лились слезы.

— Сломало жизнь? — прохрипела я.

— Кира, я силой отправила твою мать на аборт, — произнесла она не своим голосом, проглатывая нервный всхлип. — Тогда мне казалось, что я поступаю правильно, потому что сама воспитывала ребенка одна. Мила должна была закончить в школу, университет, а только потом думать о чем-то другом. Я мечтала, что переедем жить к морю. Это был мой план. А эта ее сумасшедшая любовь, ранняя беременность... Господи, если бы ты знала, как я себя ненавижу.

В комнате застыло все: воздух, звуки, чувства и эмоции, погружая меня в неестественную тишину. Бабушка закрыла лицо ладонями, а ее плечи задрожали. А я просто хлопала глазами и молчала, не веря во все то, что слышу.

— Так что Мила имеет полное право называть меня чудовищем, — она всхлипнула, а ее трясущиеся пальцы стёрли мокрые разводы с опухших щек. — Мне нет оправдания, Кира. Меня есть за что ненавидеть. И ты тоже можешь меня ненавидеть.

Я открыла рот, чтобы произнести хоть что-то, но получилось лишь схватить глоток воздуха. Мы сидели несколько минут молча под тихие бабушкины всхлипы. У меня не было слов. Да и эмоций тоже не было. Только давящее чувство пустоты.

— А потом твоя мать отлично притворялась, что вся эта история с абортом была благополучно забыта, — убрав ладони от лица, бабушка продолжила говорить, уставившись пустыми глазами перед собой. — Я успокоилась, надеясь, что Мила все правильно поняла и обдумала. Она окончила школу, поступила здесь в университет, как и планировалось, и уехала учиться. А через год Мила исчезла в прямом смысле этого слова, — она завертела пальцами кружку на столе. — Просто решила вычеркнуть меня из своей жизни. Мне пришлось обморочно лететь сюда и разыскивать ее через друзей, знакомых. А когда нашла,

то она высказала мне все, о чем думала на протяжении этих лет.

— Как ты узнала обо мне? — тихо спросила я, нервно теребя пуговицу на платье, даже не замечая, что она практически оторвалась.

Я ведь по серьёзному никогда и не спрашивала об этом бабушку. Мне казалось, что это все неважно, но когда кажется...

— Потом я перебралась сюда жить, купила этот дом и еще надеялась наладить отношения с Милой. Через пару лет, когда твоя мать вышла замуж, то она попросила не появляться на пороге ее дома, давая мне четкое осознание того, что я все-таки натворила, — бабуля горько усмехнулась. — Мила обрубила все мосты почти на десять лет. Но потом как-то приехала ко мне сама. Правда, в стельку пьяная...

— И? — я с трудом уже удерживала в себе холодную дрожь.

— И долго плакала, кричала, что это я во всем виновата, что испортила ей жизнь, и что за десять лет брака она так и не смогла родить мужу общих детей. А потом она просто сказала, что, если бы не я, то она никогда не довела бы себя до такого состояния, чтобы оставить ребенка в роддоме. А дальше ты и так знаешь...

Прижав свои ладони к лицу, я грубо потерла щеки, пытаясь хоть немного отрезвить себя от услышанного. В голове творилась какая-то каша. До этого история про мою мать казалась более прозаичной. Просто родила и просто оставила. Все. Никаких тебе семейных тайн.

Я посмотрела на свою бабушку, встретившись с ней взглядом. В моей голове никак не могла уложиться мысль, что эта женщина, которая никогда и голоса на меня не повысила, всегда бережно и заботливо относилась ко мне могла отправить же собственную дочь на аборт. Это было просто невозможно.

Бабушка вдруг схватила меня за руки и с силой сжала на них свои пальцы:

— Кирочка, прости меня. Прости, детка...

— Ба, я...

— Может, если не моя ошибка с твоей матерью, то ты могла бы расти в полной семье, — она продолжала цепляться за мои пальцы, а из ее красных опухших глаз градом катились слезы. — Я так виновата перед тобой и Милой. И теперь, когда я вижу, как теряешь голову от Королева... Ты говоришь словами своей матери, у тебя глаза горят, как горели у нее. Мне страшно. Я не хочу, чтобы ты потом пожалела о том, что кинулась в омут с головой. Ты становишься другой и даже смотришь на меня по-другому, — бабушка снова стирала солёные следы со своих щек. — Мне было достаточно один раз увидеть тебя и Егора вместе, чтобы понять, что ты просто утопаешь в нем.

Я сглотнула тяжелый сухой ком в горле. Ее слова про Егора подняли во мне еще больший шквал эмоций. И это было совсем не ощущение какого-то предостережения. Нет, лишь пылающее чувство под ребрами, и полное непонимание происходящего.

— Кирочка, я не знаю, как ты будешь относиться ко мне после того, что рассказала тебе. Я не стану просить понять. Это невозможно понять. Да и простить, наверное, тоже. Об одном умоляю- живи, радуйся, но оставайся мыслями в этом мире, а не в облаках, — бабушка гладила меня по волосам, с паникой заглядывая мне в глаза. — Я очень люблю тебя и не хочу, чтобы ты страдала. Мне не вымолить никогда прощения у твоей матери, но у меня, кроме тебя, никого больше нет.

Я проплакала все утро. И это были не судорожные рыдания с завыванием в подушку. Я просто молча лежала на кровати, свернувшись калачиком.

Была ли нужна мне эта правда? Не знаю. Но теперь знаю одну правду — все лгут. И даже я. Самой себе, утверждая, что меня ничего не касается. Нет, я не стала любить бабушку меньше, но мысль, что все могло быть по-другому крутилась в моей голове. И мне бы очень хотелось, чтобы она исчезла оттуда.

Я всегда думала, что моя мать просто неблагодарная безответственная девица, бросившая ребёнка в роддоме, и не имеющая никаких оснований так равнодушно относиться к своей же матери. А теперь, оказывается, и бабушка не святая...

В водовороте слез и путающихся мыслей я едва расслышала вибрирующий телефон.

— Моя, я... — но в трубке тут же повисла секундная тишина. — Кир, ты плачешь?

— Нет, — соврала я, шмыгнув носом, даже не стараясь сделать ложь более правдоподобной.

— Что случилось? — голос Егора напрягся.

Я лишь снова зашмыгала носом в трубку.

— Я сейчас приду.

— Егор, не надо.

Теперь было непонятно, как отнесётся бабушка к его визиту, но она же и не запрещала. А если бы и запретила...

— Кира, если Нина Ивановна решит не пускать меня на порог, меня все равно ничего не остановит, — произнес он, словно считав мои мысли. — Жди, скоро буду, — коротко ответил Егор, сбросив вызов.

Как только меня обняли его руки, я почему-то моментально разревелась с новой силой.

— Маленькая моя, — шептал он мне в макушку, еще крепче прижимая к своей груди и окутывая своим теплом. — Ну, что ты...

Расположившись на кровати, Егор грел меня в кольце рук, осторожно глядя по спине, пока мое лицо, уткнувшееся ему в грудь, оставляло мокрые следы на футболке. Он ни о чем не спрашивал, а просто давал мне выплакаться. Мне всегда казалось, что если держать любые эмоции под контролем, то так легче оценить то, что происходит вокруг и повести себя правильнее. А сейчас я понятия не имела, что такое «правильно». Как оказалось, наша женская семейная линия вообще не подходила под определение этого слова.

— Ведь все и правда в моей жизни могло быть по-другому, — прошептала я лежа головой на груди Егора и ощущая, как монотонно стучит его сердце.

Он молча слушал мой рассказ, разбавленный хаотичными всхлипами, бережно вытирая пальцами мне слезы и зарываясь лицом в мои волосы. Я рассказала ему все. Как есть.

— Кир, — Егор приподнял мое лицо за подбородок, напряженно заглядывая мне в глаза, — не надо терзать себя этой мыслью. В той части прошлой жизни уже ничего не будет по-другому. Но ведь ошибки твоей семьи и свели нас друг к другу. И пусть это прозвучит жестоко, но мне плевать даже на миллионы ошибок, совершенных в мире, если они привели меня к тебе. — Очерчивая большим пальцами мои скулы, он улыбнулся. — Собирайся. Поехали. — Его глаза сверкнули знакомым огоньком.

— Егор, — я уткнулась лбом в мужскую грудь, — не-е-ет, пожа-а-а-луйста.

Грудная клетка парня завибрировала от тихого смеха.

— Мы будем один стресс заменять другим, — Егор подхватил меня за талию и встал с кровати, легко держа в своих руках. — Бери купальник.

Я уже готовилась начать сопротивление, но непоколебимый взгляд и крепкие руки, обнимавшие мою талию... Возникло жгучее желание послать к черту все. Не хотелось больше ни о чем думать, прокручивать в голове этот утренний разговор. Хотелось просто свалить из этой комнаты и провести день не занимаясь самобичеванием.

— Думаю, что тебе надо будет обмолвиться парочкой фраз с бабушкой, поэтому жду тебя в машине, — он оставил на моих губах еще один поцелуй и скрылся за дверью.

Мне хватило пяти минут, чтобы переодеться в купальник, юбку и чёрную футболку Егора, которая так и осталась у меня с момента нашего первого путешествия.

«Как он там говорил? Стиль оверсайз. Отлично. И на лице у меня тоже полный оверсайз, — я наигранно улыбнулась своему опухшему отражению в зеркале, завязывая высокий хвост.

Перед дверью бабушкиной комнаты я сделала несколько глубоких вдохов и осторожно заглянула за дверь.

— Ба, я с Егором уеду ненадолго.

С отсутствующим выражением лица она сидела на своем диванчике и смотрела телевизор. Где-то в глубине души неприятно защемило, и правильным было бы пойти и обнять ее, но я продолжала стоять в дверях, ожидая ответа.

— Тебя ждать ночевать домой? — спросила бабушка севшим голосом, не переводя на меня взгляд.

— Не знаю, — я решила не юлить с ответом, ведь мне и правда было не знать.

— Кира... — она все-таки подняла на меня свои красные опухшие глаза, наполненные тоской.

— Ба, все будет нормально, — сухо ответила я и постаралась улыбнуться.

Егор уже ждал в машине, и достаточно сосредоточенно стучал большим пальцем по экрану телефона, что-то печатая в нем. Поэтому когда я резко открыла пассажирскую дверь, он вздрогнул и выронил сотовый под сидение.

— Что делаем?

— Фух, Кира, напугала.

— Серьезно? — я недоверчиво посмотрела на него, усевшись на сидение. — Я напугала Егора Королёва?

— И не только, — он поднял телефон с пола и сразу же убрал его в карман на боковой двери автомобиля. — Ты ещё и украла его сердце...

Потянувшись ко мне, Егор впился в мои губы. Дразнящими движениями языка, он заставил забыть обо всем и дать моему телу снова почувствовать приятную, возбуждающую свободу.

— Какой банальный подкат, — шептала я, слегла покусывая в поцелуе его губы. — Поехали уже...

Он напряженно застонал, отстраняясь от меня.

— И ты даже не устроишь допрос куда?

— Мне все равно, лишь бы с тобой.

— А ты уверен, что вода тёплая и можно купаться? — я покосилась на Егора, топчась босыми ногами на крошечной гальке

— Поверь, вода сейчас идеальная, — он улыбнулся, скидывая с себя шорты и футболку, оставшись в одних спортивных боксерах. — Я не планировал эту поездку сегодня, так что буду купаться прям так.

Один взгляд на его подтянутое тело мигом разбудил во мне бесноватые мысли. Мои гормоны явно играли против меня: с утра хотелось выть, утопая в слезах, а сейчас — утонуть от желания в мужских объятиях.

— Кстати, знакомая футболка, — Егор прошелся по мне горящим взглядом, а его пальцы уже вытягивали ее края из пояса джинсовой юбки, настойчиво прикасаясь к телу. — Вернуть не хочешь?

— Смотря как ты попросишь, — вызывающе прошептала я, помогая ему стянуть черную ткань.

— Ты же знаешь, как я могу уговаривать... языком, — Егор привлёк меня к своим голым кубикам пресса.

— Сравним, чей язык более талантливый? — я облизала губы и заглянула в разноцветные глаза, в которых уже расширились зрачки.

Одна моя рука заскользила вниз по его животу, а второй я расстегнула пуговицу на юбке, и джинсовая ткань тут же упала к моим ногам.

— Кира, — зашипел Егор, сжимая до боли ладонь на моей талии, — если сейчас не остановишься, то я не посмотрю, что мы не совсем одни на этом пляже и трахну тебя прямо здесь.

От его слов у меня дико заныл низ живота. Это было так пошло, неизменно... И так заводило.

— Рискни... — усмехнулась я и отступила назад, ощущая, как тёплая волна окутала мои ступни.

Егор не ошибся — вода идеальная, несмотря на то, что почти всю ночь лил дождь, и сейчас погода оставалась пасмурной. Небо все так же было затянуто серо-синими тучами, а лёгкий ветер создавал небольшие плавные волны, которые с тихим шуршанием растворялись у берега в мелкой гальке.

Заходя в воду спиной к горизонту, я окинула взглядом достаточно длинную линию пляжа и с наслаждением позволяя волнам прикасаться к тем участкам кожи, которые не были укрыты под цветной тканью моего бикини. Егор первым погрузился в воду и, вынырнув рядом, приподнял меня за бедра. Он утаскивал на глубину нас обоих, держа меня в своих руках. Обвив его шею руками, я прильнула к мокрым губам. На моем языке тут же почувствовался их вкус — вкус моря с нотами сладкой мяты. Зайдя в воду примерно по шею, мы просто замерли, дразня друг друга, то ускоряя, то мучительно замедляя движение наших губ. Тёплые волны, назойливо пытались влезть в наш поцелуй, периодически добавляя солёного привкуса.

Ощущение какой-то лёгкости своего тела в воде, давало мне возможность без труда ерзать вверх-вниз вдоль горячего торса Егора, продолжая все так же крепко держаться своими ногами за его талию. Блондин уже начинал дышать неровно, а его руки все наглее

скользили под водой, огибая мои формы, заставляя сбиваться и мой ритм дыхания.

— Когда я говорил, что мы едем заменять один стресс другим, то не имелся ввиду стресс, связанный с невозможностью заняться с тобой сексом, — тяжело выдохнул он, соединяя свой лоб с моим.

— А что тогда? — промурлыкала я, глядя под водой его плечи.

— Ты будешь учиться нырять.

— Что? Нет!

— Да.

Мои ноги отпустили его талию из своих пут, но забыв, что я ниже Егора ростом, то чуть не ушла по макушку в воду, не ощутив дна под собой. Он, как всегда, ловко пришел на помощь, успев ухватить за талию.

— Нырять не буду, — я нахмурила брови, смахивая солёные капли с лица. — Не проси.

— Кира, надо учиться преодолевать свои страхи.

— Это фобия. Ты никогда не играл в «утопленника», — я отвела взгляд от разноцветных глаз и сглотнула неприятный ком в горле.

— Так ты все-таки когда-то чуть не утонула в море? — Егор осторожно пытался поймать мой взгляд.

— Угу. В ведре, — нехотя пояснила я, всячески увиливая от зрительного контакта.

— Что-о?

— Забава была такая в детском доме. Называлась «Утопленник». Набиралось ведро воды, и в туалете караулилась жертва. Заходящий тут же схватывался и нырял туда с головой. И держался там, порой, до потери сознания, — я снова протолкнула внутрь себя мерзкий ком воспоминаний, наблюдая, как начинает темнеть небо над горизонтом.

— И с тобой тоже так делали? — медленно произнес он.

На его шее, усыпанной морскими каплями, запульсировали вены, а тело стало еще напряжённее, словно я теперь обнимала горячий камень.

— И не раз, пока я не научилась давать отпор, — отчеканила я, посмотрев прямо ему в глаза.

— Пиздец, — прошептал Егор, сильнее обвивая меня руками под водой. — Я и подумать не мог.

Глубоко вздохнув, я приложила ладонь к его щеке, глядя большим пальцем выступающую скулу:

— Давай не будем к этому возвращаться. Кто-то боится ездить в лифте, а я боюсь нырять с головой. Это просто дурацкое воспоминание из прошлого...

— Нет, тебе надо избавиться от этого, — вдруг серьёзно заявил он, прожигая меня взглядом.

— Да что же ты такой упёртый!

Мы несколько минут молча просто стояли посреди волн, обнимая друг друга. Как можно побороть этот мерзкий страх, что своими липкими ручонками сжимает горло лишь при одной мысли, что можно оказаться под водой? Видя мое замешательство, он, видимо, решил идти до победного.

— Кир, я же рядом, — Его влажные солёные губы оказались напротив моих на расстоянии миллиметра.

— Не смогу... — зашептала я и буквально вцепилась пальцами за его шею, чувствуя, как в легкие начинает заползать холодная мерзость.

— Я держу тебя. Ты не утонешь.

Он медленно стал опускаться, но мне хватило лишь ощутить тёплую воду в районе своих губ, как я резко дернулась вверх от ощущения, что мне начали перекрывать кислород.

— Нет, Егор. Это плохая затея, — затараторила я, пытаюсь выбраться из его нежных оков.

Но на его лице не дрогнул ни один мускул, а руки по-прежнему уверенно держали меня в воде. Егор вдруг подался вперед, накрывая мои губы своими. Его язык плавно и мягко подчинял подстраиваться под ритм поцелуя. Мое тело постепенно расслаблялось, и я уже не так остервенело пыталась проткнуть пальцами шею Егору. Практически не отрываясь от поцелуя, он горячо зашептал, обжигая не только мои губы, но и душу:

— Доверься мне, прошу. У меня ко всем чертям летит крыша. В моей голове больше нет мыслей — только ты. Я не отпущу тебя. Верь мне, Моя...

Каждое его слово тёплой тяжестью отзывалось где-то глубоко внутри под рёбрами. Он не убирал губ и не шевелил ими. Продолжались только размеренные движения его языка вокруг моего, словно пытаюсь связать нас вместе. Я чувствовала, как морская вода начинает щекотать мне лицо, медленно пробираясь холодом через жилы.

Но я доверилась, сделав за секунду «до», глубокий вдох.

Поняв, что я не собираюсь вырваться из его рук, Егор потянул меня за собой. Одно движение, и мы погрузились вдвоём под воду. Я крепко вцепилась в его плечи, ожидая, что вот-вот горло сдавит страх. Но нет. Лишь лёгкий дискомфорт, не более. Движения тела под водой — это абсолютно другие ощущения пространства и времени. Все словно в тягучем замедленном действии... Если это можно сравнить с невесомостью, то я была именно в ней, а он дарил чувство безопасности в своих руках.

Больше не было сомнений и страха.

Если это и был тот самый «в омут с головой», то почему его так боятся?

— У тебя уже губы синие, надо выходить.

Приблизительно час мы дурачились в море, даже не вылезая на берег.

— Вернулась, значит, Кира зануда, — улыбнулся Егор, медленно кружа меня в воде. — А я думал, что я ее утопил.

— Придурок, — смеясь, я потянула руки к мужским плечам, чтобы самого его отправить под воду, но одно секундное движение рук, и Егор развернул меня к себе спиной:

— Ко дну пойдешь вместе со мной. Нырять-то теперь можешь... — его уже холодные мокрые губы прошлись от предплечья к шее, заставляя мое тело тут же среагировать.

Прогнувшись в спине, я задвигала своим ягодицами вверх-вниз по бёдрам Егора. Мгновенно мне в пятую точку упёрся твёрдый бугор. Я расплылась в довольной улыбке, закусив губы, чувствуя, как меня саму это чертовски заводит.

— Мне, вообще-то, надо будет как-то попасть на берег, — захрипел мне в ухо Егор, сжав в своих ладонях мои ягодицы.

— А в чем проблема? — я продолжала дразнить его и сильнее прижиматься к бедрам блондина.

Его тяжёлое дыхание эхом отдавалось внизу моего живота.

— И все-таки, я ее утопил... — усмехнулся Егор и попытался снова развернуть меня лицом к себе, но я, уличив удобный момент, выскользнула из его рук.

— Тебе придется потопить другой вставший «корабль», прежде чем выйти на берег, — я усмехнулась ему в ответ, кинув многозначительный взгляд на нижнюю часть тела, что скрыта под водой.

— Ты играешь нечестно, Кира! — услышала я возглас с нотками отчаяния в спину.

Оставив Егора рассекать волны кролем, я успела лишь подняться с пляжа обратно в машину и переодеться там, как поток крошечных капель быстро заставил и его спастись позорным бегством.

— Ты не могла и мои вещи захватить тоже? — возмутился блондин, закидывая напрочь мокрые футболку и шорты на заднее сидение. — Мне даже переодеться не во что.

— Киры зануды больше нет, так что теперь некому думать о подобных скучных вещах. Привыкай, — я невинно пожалала своими плечами, но в душе все равно забеспокоилась: ему и правда не во что переодеться, не заболел бы...

Егор дёрнул плечами, завел машину и включил обогреватель на полную мощность.

— Моя, а достань-ка с заднего сидения пледик, пожалуйста, — он похлопал своими разноцветными глазами, покрываясь по всему телу мелкими мурашками.

Я послушно завела руки за свое сидение. Огромный красно-серый плед невероятной красоты оказался у меня под пальцами.

— Это что? Кашемир? — я изумленно уставилась на парня, протягивая ему красно-серое чудо.

— Угу, — он дрожащими руками взял плед и обернул им свой голый торс.

— А говоришь не мажорчик... Таскать подобное в машине.

— Кира-зануда, это ты? — я тут же была одарена скептическим взглядом разноцветных глаз.

Дорога домой затянулась дольше, чем планировалось. Егор вел машину по трассе очень

медленно, так как видимость стояла нулевая. Впереди можно было разглядеть только силуэт чёрного капота, мелькающего из-за постоянно работающих дворников. Дождь шёл с такой силой, создавая иллюзию, что небо и землю теперь связывают полупрозрачные натянутые нити из воды.

Я сидела, тихо примостившись на рядом. В этот раз машине мы не держались за руки, не играла фоном музыка. Чувствовалось, что Егор очень напряжен. Хотя и выглядело это немного комично — эдакий серьезный Апполон, завернутый в плед за рулем.

— Нет, дальше не поеду, — он вдруг увёл машину куда-то с дороги под выступ, похожий на скалу. — Там серпантин. Придётся ждать, когда закончится дождь, — Егор заглушил мотор и, улыбнувшись, развел руками.

— А если он так до вечера будет идти?

— Если до вечера, то извини, сидеть в мокром, знаешь ли, не очень приятно, — блондин вдруг зарезал и приподнялся в кресле.

Мои щеки вспыхнули огнем, как только я поняла, что он собирается остаться обнаженный. Отвернувшись в окно, где все вокруг также было скрыто под пеленой дождя, я настойчиво осаживала возбуждающую дрожь. Одна крошечная мысль, что его сильное, горячее тело не скрывается под одеждой — и между ног сладко затянуло. А непривычные ощущения самой себя же без белья, только добавляло остроты.

— Можешь поворачиваться обратно, — горячий шёпот над моим виском заставил меня вздрогнуть. — Я прикрыл кашемиром свое мажорное неприличие.

Боковыми зрением я осмотрела его тело, задержавшись глазами где-то между его ног — и правда прикрылся. А надо ли было? Почему-то у меня не колотилось бешено сердце, не дрожали руки и ноги, не было волнения, а нервное ощущение возбуждения сменилось на одно точное чувство-желание.

Желания действительно стать Его. Он должен говорить «Моя» и знать, что у этого нет другого смысла или неточностей.

Егор потянулся ко мне за поцелуем, но я приложила палец к его губам. Он удивленно вскинул брови вверх, а когда моя рука расстегнула пуговицу на юбке и быстрым движением отправила ее под сидение, его зрачки расширились так, что уже даже нельзя было сказать, что у парня какая-то там гетерохромия.

Ухватившись за его шею, я ловко перелезла на водительское место, откинув изумленного Егора спиной на кресло. Ногами обхватила мужские бедра и аккуратно села сверху. Мое желание уже во всю крутило свои горячие жгуты. Нас разделял только до безобразия мягкий кашемир.

— Кира, что ты... — но я закрыла ему рот поцелуем, уверенно скользя по его губам и ища языком ответа.

Но Егор даже не пытался дотронуться до меня, держа свои ладони на расстоянии от моих бёдер. Он сидел не двигаясь и лишь тяжело дышал, принуждая мое тело болезненно ныть от растущего в нем желания. Пытаясь хоть как-то вывести Егора из себя, я едва ощутимо вонзила зубы ему в шею, ощущая солёный привкус моря на губах, и одновременно заерзала бедрами, сильнее прижимаясь к его паху.

— Прекрати, — вдруг шикнул он, дернувшись от моих губ.

— Что? — я опешила от его реакции.

— Кира, остановись пока не поздно.

Я изумленно захлопала ресницами.

— Егор... — Мои руки заскользили по его плечам и груди, описывая тату по контуру, а пульсирующие вены на шее не скрывали, как бешено колотится его сердце.

Может, Егор не хотел? Но выпирающий бугор между его ног говорил, что все происходило правильно.

— Я не могу больше... — он тяжело застонал, упираясь затылком в подголовник сидения. — Если ты решила поиздеваться надо мной, то прошу тебя — остановись. Иначе я трахну тебя прямо здесь...

Обхватив ладонями его лицо, я очертила большими пальцами контур напряжённых скул.

— Я тебя хочу.

Разноцветные глаза встретились с моими, смотря, если не с недоверием, то с удивлением точно.

— Кир, не шути так, — Егор нервно перевел дыхание, но горячие пальцы наконец-то осторожно коснулись моих обнаженных бёдер. — У меня больше нет сил играть в благородного рыцаря. Хочу чувствовать тебя, слушать твои стоны, ощущать, как ты сжимаешься внутри, когда будешь кончать... Я... Черт возьми, что я несу... — Он снова застонал, закрывая глаза.

Его слова с дикой силой разворотили во мне остатки благоразумия и целомудрия.

— Я хочу быть твоей...

— Кир, мы же в машине, где-то на дороге под дождём...

— Хочу. Здесь. Сейчас. — Мой шёпот сорвался в хрип. — Пожалуйста, Королёв...

— Если бы ты только знала, как я боюсь сделать тебе больно... — Сипло процедил он, осторожно сжимая мои ягодицы, вызывая во мне ответный стон.

— Я не боюсь. Я ничего не боюсь с тобой, Егор.

Пальцами прошлась по еще влажным волосам, опускаясь на шею и скользя по широким плечам. Я до безумия хотела ощущать, как буду впиваться в них ногтями, оставляя следы, чувствовать, как тяжесть его тела будет ритмично двигаться надо мной. Отстранившись, Егор одним махом стянул с меня футболку, оставляя абсолютно голой. Только это чертов кашемир мешал насладиться ощущением наготы. Откинув его назад, я взглядом прошлась по рельефному телу. Мои ладони следом за глазами заскользили по его груди, прессу, описывая вокруг мышц беспорядочные узоры, уверенно прокладывая путь к низу мужского живота, а Егор напряженно следил за мной. Его руки, жадно очерчивали каждый изгиб моего тела, а губы оставляли обжигающие следы на коже, вызывая острую пульсацию между ног. Я со стоном выгнулась в спине, отдавая свое тело на ласки.

Егор осторожно провел рукой по ягодицам, опуская ладонь еще ниже. Я протяжно застонала, инстинктивно дернув бедрами — мне хотелось большего... Внизу живота все разрывалось от бешеного желания. Спокойными движениями он касался нежной кожи, едва проникая пальцем внутрь, а губами и языком беспардонно оставлял засосы на шее.

— Кира... ты такая горячая... влажная, — сквозь одурманивающие волны возбуждения, я даже не узнавала его голос: низкий, хриплый, грубый.

— Пожалуйста... — шёпотом просила я, давая осторожным пальцам полную свободу.

Это был уже не стон, а мольба.

«И он мне рассказывает про то, какая я горячая?» — Моя ладонь, сжимаясь, совершала плавные движения у низа мужского живота, лаская Егора и заставляя его издавать что-то похожее на рык.

— В бардачке, Кир...

Маленькая цветная упаковка упорно не поддавалась вскрытию. Егор тихо выругался нецензурной бранью, пытаясь оторвать верх от квадратной блестяшки. К моему изумлению у него мелкой дрожью тряслись руки. И сам Королёв вдруг стал заметно нервничать. Улыбаясь, я наблюдала, как уже целую минуту этот белобрысый татуированный качок не может справиться с упаковкой презерватива. Это было просто невероятно милое зрелище, но пришлось брать все в свои руки или я бы и дальше изнывала от жара внизу живота под звуки беспрерывно стучащего дождя.

— Дай сюда, неуч, — я выхватила из его рук презерватив и за одну секунду надорвала упаковку.

Можно было не сомневаться, что у Егора вспыхнули щеки, но он с невозмутимым лицом забрал средство защиты, хищно сверкнув своими глазами:

— Отдай, это мое...

Наши губы опять слились в жарком поцелуе. Он осторожно приподнял меня за бедра, придвигая еще ближе к себе.

— Ты уверена? — прошептал он, настороженно ловя мой взгляд.

— Конечно.

Опершись на его сильные плечи, я приподнялась над ним. Глубоко вдохнув, я стала медленно опускаться, ощущая, как секунда за секундой меня начали накрывать болезненные ощущения внизу живота, отчего мои пальцы все сильнее впивались в мужские плечи. Егор не сводил с меня нервного взгляда, бережно глядя мою спину горячими кончиками пальцев. Я все еще ощущала возбуждение и желание, но боль волнами окатывала низ живота.

— Моя, если хочешь, остановись. Я сделаю все, как тебе нужно, — произнес он, боязливо дотрагиваясь губами к шее.

Егор дрожал. Трудно было не заметить, как вздрагивала каждая его мышца. Но я лишь отрицательно замотала головой. Прижимаясь всем телом к вздымающейся груди, я обвила руками его шею и уверенно опустила к мужским бёдрам, чувствуя через тянущее напряжение, что Егор заполнил меня всю. Мы оба вздрогнули сквозь стон, унимая резко подскочивший от одновременной боли и наслаждения пульс. Я уткнулась ему в шею, вдыхая ее аромат, стараясь не сосредотачиваться на неприятных ощущениях внутри. Мужские руки надежным кольцом обнимали мое тело, а неровное дыхание обжигало мне ключицы.

— Моя... Родная, любимая девочка, — шептал он.

Несколько минут мы просто держали друг друга в объятиях. К этим ощущениям нужно было привыкнуть, но именно так я поняла, что значит быть с мужчиной, как одно целое. Не духовно, а именно физически. Казалось, можно раствориться в неровном дыхании и скачущем сердцебиении на двоих.

Мои тихий стон заставил Егора поднять свой взгляд: застывший, полуопущенные ресницы, мутные зрачки. Ладонь парня прошлась вверх по моим ключицам к шее. Пальцы скользнули в волосы, вытаскивая оттуда заколку. Влажные, скрученные в тугий пучок локоны рассыпались по моим обнажённым плечам и спине.

— Ты невероятно сексуальная... — его шепот горячими иголками плавился на моей шее.

Я закрыла глаза, впившись в него поцелуем. С тихим грудным стоном Егор крепче ухватил меня за бедра, переворачивая на спину, а сидение оказалось полностью откинута назад. Снова ахнув от резкой боли, я с силой сжала пальцы на его плече, искренне надеясь,

что так происходит только первый раз.

— Прости, прости... Я... Извини, — виновато прошептал Егор, упираясь лбом в подголовник.

Его нервно потряхивало. Мои руки гладили напряжённую спину, плечи, я целовала его шею, проводя языком по обжигающей солёной коже, ощущая, как внутри меня начинает усиливаться пульсация. Я с огромной нежностью прижималась к сильному мужскому плечу. Прерывистое дыхание Егора, мелкая дрожь, охватившая каждый сантиметр загорелого тела, действовали на меня умиротворяющее.

— Твое спокойствие меня пугает, — вдруг выдал он, усмехнувшись, по-прежнему подпирая лбом сидение.

— Ты забыл, видимо, у кого из нас здесь первый раз? — улыбнулась я, запуская ладонь в его взлохмаченные мягкие волосы, приближая к себе.

— Моя...

Я крепко обвивала руками сильные плечи, пахнущие морем, уткнувшись в них носом и прикусывая их зубами. Между нами не осталось и миллиметра. Егор не прекращал целовать мое лицо, шею. Он шептал мне такие непристойные вещи, что начинали пылать щеки и глушилась боль внизу живота, чередуя это с нежным неадекватным бредом, от которого сердце трепетно билось между рёбер. Крепкое, горячее мужское тело, не спеша, скользило вдоль моего, заставляя меня замирать. Его руки бережно касались моей изнашиваемой груди. Наше дыхание постепенно стало настраиваться на один ритм. Каждый медленный толчок мужских бедер разливался по телу уже едва ощутимым электрическим разрядом, который приносил крошечные дозы теплого наслаждения.

Егор постепенно терял над собой контроль. Его кожа покрылась капельками пота, а низкие стоны становились сильнее. Я начинала растворяться в этом: в дыхании, в ощущении плавного ритма наших тел. Скрестив ноги над его ягодицами, сильнее прижала узкие мужские бедра к себе.

— Черт, — мучительно протянул он, — что ты делаешь со мной...

Егор завел одну руку мне за спину, другой приподнял меня за бедра, с силой сжимая их. Разноцветные глаза смотрели на меня голодным взглядом. Я видела, как начинают расширяться его зрачки, как напряглась крепкая шея с выступающими венами, а крупные губы беззвучно приоткрылись. Двигаясь все быстрее, он совершил еще несколько глубоких толчков во мне, от которых я дернулась, стараясь не вскрикнуть от болезненного ощущения. Но вид парня на грани своего оргазма, быстро притушил во мне любые болевые сигналы. Он сжал меня в своих руках так сильно, что закружилась голова и из легких исчез воздух.

Его вздрагивающие светлые ресницы, прикушенная нижняя губа, дикий стук сердца и неконтролируемый грудной стон — это все выглядело невероятно возбуждающим. Невозможно было и представить, что мое тело способно доводить его до такого состояния... Егор задрожал, замирая во мне.

Нас окутывало бешеное единение. Он не выпускал меня из рук не считанное количество времени, гладил мое расслабленное тело, вдыхал запах кожи, пока я с наслаждением слушала, как успокаивается его пульс, как становится ровнее дыхание, уткнувшись в шею с глупой улыбкой. Я решилась на это, потому что хотела стать ещё ближе к нему. Еще крепче связать себя с ним эмоционально. Мне это было нужно.

И сейчас, когда он был так близко, когда так трепетно обнимал, мурча опять что-то ласковое мне ввисок, нависая надо мной мощной скалой, наполняя меня каким-то пьяным

чувство. Чувством, заставляющее приятно неметь сердце в груди и стирающее все границы между мной и ним.

Громкий стук дождя стих вместе с нашими стонами и неровным дыханием. Запотевшие окна в машине создавали иллюзию того, что мир существует только в салоне чёрного кроссовера, где двое, я и он, тесно прижавшись друг к другу, ютились на водительском сидении, накрытые мягким кашемиром.

— Егор, а у тебя точно это не первый раз был? — наивно поинтересовалась я, глядя татуированные кольца Сатурна на его теле. — Ай! Больно!

Блондин ущипнул меня за ягодицу и сощурил глаза:

— Поиздеваться решила, да?

— Ни в коем случае, но... — на моем лице непроизвольно растянулась искренняя улыбка при одном воспоминании о его трясущихся пальцах, — но это было так забавно и мило.

— Моя, дай мне только добраться до тебя за пределами этой машины, — прорычал Егор, сильнее прижимая к себе мою ногу, закинутую ему на бедро. — И слово «мило» тебе будет только сниться.

— Ой, — я состроила напуганное лицо, — как страшно-то. Прямо жуть. Сначала презервативы научись открывать...

— Ах, ты... — попытался возмущаться он, но мои губы быстро заставили блондина замолчать, а от ладоней, заскользивших вниз по животу, вздрогнули мышцы его пресса.

Нежный долгий поцелуй опять погрузил салон автомобиля в тишину, разбавляемую только нашим тихим дыханием.

— Мне так хорошо с тобой, — прошептал Егор, заглянув мне в глаза, ласково скользя по моей скуле горячими пальцами.

— А я просто чувствую сейчас себя счастливой, — призналась я, мимолётно коснувшись его теплых мягких губ, но с еще большей силой прильнула к голому мощному телу, чувствуя, как его жар проникает в каждый сантиметр моей кожи.

— Даже несмотря на то, что все произошло в машине?

— А что не так? — я непонимающе нахмурила брови.

— Вряд ли ты «это» так представляла, — пальцы Егора продолжали очерчивать контуры моего лица.

— Честно, никак «это» не представляла. Я делала так, как чувствовала. Ты же сам мне сказал, что нужно нырнуть с головой во все то, что ощущаю. А сегодня я сделала это в прямом и в переносном смысле.

Он отодвинул свое лицо от моего, недоверчиво сверля меня глазами:

— То есть ты не мечтала, что это будет ночь, комната, заставленная горящими свечами, шампанское, клубника и постель, усыпанная лепестками роз?

— Боже упаси, и в мыслях не было, — я рассмеялась в голос. — погоди, — мне пришлось даже приподняться от удивления, — только не говори, что ты планировал сделать все именно так? — задала вопрос, хитро сузив глаза.

— П-ф, нет, конечно, — фыркнул Егор и смял меня в объятиях, прижимая носом к себе. — Моя мужская фантазия вообще рисовала чулки, плетки и наручники...

— О, да-а, — иронично протянула я, тихо посмеиваясь ему в шею.

Только вот что-то мне подсказывало, что он рассматривал именно первый вариант. Кто

бы мог подумать, что эти широкие плечи накачены не только тестостероном, но и романтикой.

***

— Кажется, у вас гости, — Егор кивнул подбородком в сторону моего дома, притормаживая у калитки.

— Это хозяева местного кемпинга. Закупаться, как всегда, приехали, — ответила я, узнав красный седан, припаркованный возле двора.

Отстегнув ремень безопасности, я потянулась к Егору. С улыбкой Чеширского Кота он прильнул к моим губам, медленно дразня меня языком, вызывая знакомые глухие спазмы внизу живота. Я со стоном еле нашла в себе силы оторваться от вкуса его поцелуя.

— Все-все, — мои ладошки упёрлись в его голые плечи, — пора идт... — Его язык снова скользнул между моих губ, заставив меня сдаться ему. Опять.

Тело отказывалось слушать мозг, млея от ненасытных мужских губ. Ладонь Егора удерживала меня за затылок, перебирая между пальцами все еще влажные локоны, а другая рука без какого-либо дозволения оказалась под юбкой, пытаясь нагло раздвинуть мои сжатые колени.

— Егор, не возле дома же.

— Понял, не дурак, — он убрал от меня руки, поднимая ладони вверх. — Тогда поехали сразу ко мне, — его разноцветные глаза блеснули огоньком.

— И что мы там будем делать? — усмехнулась я и подняла с пола заколку, начиная закручивать свои волосы в тугий пучок.

— Может на чашечку кофе?

— Не люблю кофе.

— Коллекция марок? — Егор с горящими глазами прожог меня умоляющим взглядом.

Расхохотавшись в голос, я не удержала руками собранный пучок на затылке, и пряди волос рассыпались обратно по плечам. Он сверкнул глазами, начиная опять наклоняться ко мне, но моя рука уже открыла дверь автомобиля.

— А ты так и заявишься в этом домой? — я задержалась на секунду и скептически окинула взглядом Егора, замотанного в плед на древнегреческий манер.

— Да, — он повел своими плечами, расправляя их в стороны. — Я похож на греческого Бога?

— На придурка ты похож, Егор, — рассмеялась я, захлопывая дверь машины.

Черный автомобиль подмигнул мне фарами, резко совершил разворот на мокром асфальте, оглушив улицу визгом шин, и рванул в сторону дома Королевых.

Мне оставалось только закатить глаза и, не скрывая улыбки, зашагать к калитке. Кое-как соорудив на голове пучок одной рукой, так как вторая сжимала влажный купальник в ладони, я в приподнятом настроении направилась к дому.

Во дворе были выставлены несколько десятков ящиков, наполненных под завязку различными овощами. Бабуля и семейная пара, хозяева кемпинга, приезжающие к нам уже несколько лет, стояли посреди овощного разнообразия и что-то сосредоточенно считали.

— Добрый день, — я вежливо поздоровалась, остановившись перед входной дверью дома.

— Здравствуй, Кирочка, — женщина подняла на меня глаза, которые тут же неловко были отведены в сторону.

Странный взгляд женщины заставил меня задаться вопросом: «А что со мной не так?».

Но когда и моя бабушка окинула меня взглядом, меня прошибло холодной испариной. Она еще никогда так не смотрела на меня: на ее лице напряженно застыли все немногочисленные морщинки, глаза искрились неприкрытой злостью, а губы сжались в одну линию.

Я нервно выдавила из себя улыбку и на ватных ногах скрылась в доме, не понимая, что происходит. Неужели всего одна моя незапланированная ночёвка у Егора могла до сих пор так злить ее? Или я теперь не должна видеться с ним, потому что бабушка боится, что я меня постигнет участь моей матери? Если так, то даже это не повод было смотреть на меня подобным образом.

Не успев зайти в дом дальше коридора, как бабушка появилась на пороге, все еще грозно стреляя молниями из глаз.

— Ба, ты теперь каждый раз так будешь реагировать после моих встреч с Егором? — я не выдержала и накинулась на нее с резким вопросом.

Однако она молча схватила мою руку, затолкнув меня в ванну прямо к зеркалу.

— Да что такое? Что... — но одного мимолетного взгляда в свое отражение мне хватило, чтобы ахнуть.

На меня смотрела я же, только теперь мои серые глаза горели, щеки светились здоровым румянцем, а волосы были довольно-таки красиво собраны на затылке. Однако не этот растрепано-игривый вид вызвал изумление. Правая сторона шеи была покрыта красно-фиолетовыми кровоподтеками.

Егор! Он оставил на мне множество засосов. Ярких, легко различимых пятен, которые словно кровавое украшение теперь красовались на моей коже. Я машинально приложила ладонь к этому месту. Мне даже показалось, что оно тут же вспыхнуло под пальцами.

Встретившись в зеркале со взглядом бабушки, мне ничего не оставалось, как просто шумно сглотнуть ком в горле. Теперь была ясна первопричина ее злости. И своим видом только подлила масло в огонь, после утреннего разговора. Бабушка, стиснув зубы, молча вышла из ванной, хлопнув дверью так, что я аж вздрогнула.

Первое, что я сделала, оказавшись в своей комнате — это схватила телефон и яростно застучала пальцами по экрану, с дикой силой вдавливая каждую букву, сообщая Егору о целом десятке засосов на моей шее.

Ответ пришёл незамедлительно: «Моя. Теперь уже безоговорочно».

Чтобы совсем не разомлеть от СМС подобного содержания, мне пришлось отложить телефон подальше от себя, дабы ненароком не отправить ему в ответ что-нибудь милое, уверенно решив, что обойдётся без нежностей до вечера. А мне до этого времени надо было как-то наладить контакт с бабушкой. Боязно было представить ее реакцию, когда скажу, что снова отправлюсь к Королёвым и, скорее всего, опять на ночь.

Усталость накатила на меня мощной волной, стоило мне только прилечь на кровать. Низ живота немного ныл и потягивал. Голова плыла, особенно при мысли о близости с Егором. Одного воспоминания о его затуманенном взгляде, дыхании, о тех пошлых фразочках, что шептались мне на ухо — и я вся покрылась тысячами мурашек, стоя под горячим дождём в ванной.

Мне еле хватило сил принять душ, но я собрала всю волю в кулак и выползла из

комнаты, чтобы помочь бабушке по дому, которая сновала по дому, наводя идеальный порядок.

Мы молча несколько часов занимались уборкой, обращая друг к другу только по бытовым вопросам. Бабушка изредка кидала косые взгляды в мою сторону, а конкретно мне на шею, где я старательно попыталась скрыть кровавую «татуировку» низким хвостом, завязанным набок. А я все никак не могла озвучить ей, что через пару часов хочу опять исчезнуть из дома и, вероятнее всего, до следующего утра.

Я не знаю, сколько раз мне пришлось прокрутить в голове все возможные бабушкины реакции, но проблема решилась сама собой неожиданно.

Ближе к вечеру от Егора пришло сообщение: «Кир, коллекцию марок не нашел. Придется просмотр перенести на завтра. Если серьёзно, то отец попросил сгонять в офис за документами и отвезти их и одного человека в аэропорт. Только не злись».

Прочитав сообщение, я где-то даже выдохнула. Наверное, мне и правда стоило бы остаться дома, но с другой стороны, зная Егора...

«Злиться не буду, если только ты не пропадешь на двое суток. Не подрывай мое доверие к тебе. Пожалуйста».

«Никогда», — его ответ заставил лишь с тревогой выдохнуть.

После ужина я все-таки решилась подойти к бабушке и осторожно обнять ее, пока она задумчиво натирала тарелки пеной для мытья посуды.

— Кир, — я почувствовала, как облегченно расслабились ее плечи, когда мои руки обвили ее со спины, — не злись на меня. Я ведь только добра тебе хочу. Чтобы в твоей жизни все сложилось правильно.

— Ба, — моя голова уткнулась ей в плечо, — не надо себя так накручивать. Егор — хороший...

Бабушка отложила посуду, но стояла все так же спиной ко мне, пока я обнимала ее руками.

— Деточка, никто не говорит, что плохой. Егор — он же мужик, они часто совсем не головой думают. А после твоего сегодняшнего вида, создаётся впечатление, что и ты не ей думаешь.

— Все будет нормально, — я постаралась вложить в свой ответ максимум уверенности.

Она снова замолчала, принявшись мыть посуду. В кухне повисло несколько минут тишины.

— Так ты сегодня дома? — бабушка украдкой бросила взгляд на часы, висящие на стене. Я закивала головой, лежащей на ее плече. Мне показалось, что бабуля расслабилась еще сильнее.

— Кира, — она вдруг опять оставила тарелки, а плечи ее снова напряглись, — по поводу утреннего разговора...

— Бабуль, давай не будем об этом, — сухо ответила я. — Мне пока нечего тебе сказать. Правда.

Бабушка лишь шумно выдохнув, намывая посуду дальше.

Перед сном я еще раз проверила телефон, но сообщений или звонков от Егора не было.

«Значит, занят», — эта мысль прозвучала в моей голове, но как-то неуверенно.

Можно было позвонить ему и точно узнать, где он и с кем, но становится параноидальной особой не хотелось. Отношения должны строиться на доверии в первую очередь. Поэтому я набрала Машкин номер, но та так и не взяла трубку. Подруга, видимо,

совсем заработалась.

Хватило всего пары секунд на родной и мягкой кровати, чтобы калейдоскоп эмоций сегодняшнего дня быстро закрутил меня в сонный омут. Засыпая, в голове промелькнула еще одна мысль: «Надеюсь, он действительно уехал в аэропорт...»

Глава 27. Instagram

Красивые, пластичные девушки соблазнительно крутились вокруг шеста, заставляя мужчин, сидевших за столиками, похотливо сверкать глазами и жадно отпивать из бокалов дорогое поило. Полуголые девицы скользили своими пальчиками с длинными коготками по округлым бёдрам и заигрывающее трогали себя за грудь в такт ритмичным низким басами, которые гипнотически будоражили мужские желания.

Музыка в полумраке проникала сквозь струящиеся ткани, свисающие с потолка, отгораживая троих парней в лаундж-зоне от суетливых силуэтов официантов, крутящихся на шестах девочек и остальных посетителей. Самый высокий и широкоплечий из этой троицы внаглую единолично разместился на небольшом диванчике полулежа, вытянув свои длинные ноги вперёд. Он уставился в телефон и сосредоточенно что-то печатал на экране. Двое его друзей скромно расположились напротив него, утопая в огромных подушках и выдыхая плотные клубы кальянного дыма.

— Егорыч, ау, — помахал рукой коренастый брюнет, чьи чёрные густые волосы волнистой копной аккуратно были уложены на голове, — оторвись от телефона. Ты затрахал уже. Гера, пни его, — обратился он к худому татуированному другу, сидящему рядом с ним.

— Жека, да отвали от Короля. У него любовь. Не видишь, что ли? — усмехнулся Гера и выпустил из легких серый дым.

— Любо-о-о- вь... — передразнил брюнет Геру, скривив лицо. — Или очередные потрахушки, а? Егор?

Егор даже не поднял головы в сторону своих друзей, по-прежнему сверля глазами экран телефона. Лишь только жест в виде среднего пальца давал понять, что он их хотя бы слышит.

— Спасибо, друг, — цокнул языком Гера. — Твой фак, как «Рафаэлло» — вместо тысячи слов...

— Егор, серьёзно, — Жека вдруг заерзал на подушках, сверкнув расширенными зрачками. — Почему ты ее прячешь? Боишься, что Белла ей космы повыдирает?

Блондин, не отрывая лица от сотового, снова выдвинул вперед руку с поднятым средним пальцем в кулаке.

— Да что ты пристал к нему, — Гера поправил тлеющий уголек в кальяне. — Он занятой человек. Монетизирует свою историю любви. Хренов блох-х-ер, мать его. Забей, короче.

— Нет, — Женя все никак не мог успокоиться, — а вот почему нам нельзя ее показать? Или наш Егорыч боится, что кто-то из нас окажется красивее, более опытный, богатый, и твоя невинная милаха переметнется от тебя... ко мне, например? — он хищно облизнул сухие губы.

Егор молча поднял разноцветные глаза, в которых заплясали огоньки бешенства, а в голове промелькнула лишь одна мысль: «Смейся, сука, смейся. Счет все равно «один: ноль» в мою пользу. Ты же не знаешь, где и как я трахал твою сестру».

Зацепившись с брюнетом взглядами, Егор ухмыльнулся и, наконец, отложив телефон, потянулся за пачкой сигарет в кармане джинсов. Слова про то, что та, кто не выходит из его головы уже которую неделю, может оказаться в лапах Жеки, неприятно резанули слух. Между рёбер прошелся холодок, а руки так и чесались двинуть по наглой, накаченной какой-то хренью, роже брюнета.

Вдыхая едкий сигаретный дым, Егор с наслаждением чувствовал, как никотин расходуется по его организму. Ему никогда не бросить курить, как и не выбросить из головы сегодняшний день, а точнее два часа, проведённых в его машине. Всплывшие картинки в его голове, которую уже слегка повело от первой дозы никотина, моментально вызвали неконтролируемую улыбку на лице.

— Ты гляди, он еще и лыбится, как дегенерат, — Жека заржал своим мерзким смехом гиены, одновременно выдавливая из себя дымовые всполохи.

— Мальчики, а чего это мы скучаем? — в струящемся водопаде из вуали всех оттенков бордового появился силуэт сексапильной рыжей девицы.

Ее упругую грудь едва прикрывал яркий топ, от которого даже в полумраке рябило в глазах, а на аппетитных бёдрах красовались крошечные трусики, усыпанные стразами.

Оглядев мужскую троицу, она вызывающе улыбнулась и юркнула в их лаундж-зону, напрямик направившись к Егору.

Следом за ней появилась вторая девушка: блондинка в бесстыжем купальнике, который буквально состоял всего их парочки ниточек на груди и ягодицах.

— Можно? — Рыжая попыталась присесть рядом с Егором, закрутив перед его носом бедрами.

— Нет, — достаточно резко ответил он, делая очередную затяжку.

Девушка игриво надула ярко-красные губы, наклоняясь прямо к лицу Егора:

— У-у-у, кто-то сегодня не в настроении. Может, тебе его поднять? — Ее рука заскользила вниз по его животу.

Он осмотрел рыжую незнакомку и внутренне содрогнулся: на лице девицы лежала тонна косметики, да так криво, что создавалось впечатление, что ее красил пьяный маляр-штукатур, а ядовито-приторным запахом ее духов можно было травить крыс.

— Ты тупая? Я сказал — нет, — Егор выпустил сигаретный дым прямо в лицо рыжей, надеясь, что та исчезнет перед ним.

Она злобно сверкнула глазами, но не успела ни рта открыть, как Жека за ее спиной засюсюкал:

— Киса, оставь его в покое. Он очарован и заколдован — не в себе, короче, — руки брюнета уже вовсю поглаживали полуголое тело блондинки, которая разместилась на его коленках. — Иди лучше к нам.

Рыжая молча отошла к Жеке и пристроилась рядом со своей подружкой.

Гера сморщив нос, отодвинулся от брюнета, бережно обхватив руками кальян, словно пытался даже не сам уберечься от стриптизерш, а спасти дымящее сокровище от цепких лап девушек.

Егор лишь ухмыльнулся и потушил бычок в пепельнице. У них с Герой было негласное правило: только смотреть на вызывающие танцы полуголых девиц, но никогда не трогать их руками.

— Держи, — татуированный протянул блондину стакан с тёмной жидкостью, похожей на колу.

— Нет, Гер...

Гера удивлённо вскинул свои брови вверх:

— Да ладно?

— Мне еще в аэропорт ехать, отец попросил. Кстати, уже пора, — Егор кинул взгляд на наручные часы и принял на диванчике вертикальное положение.

— Ну, батя — это святое, — вздохнул Гера, отпивая из стакана и тут же затягиваясь кальяном.

— Удачно повеселиться, а кому-то и потрахаться, — блондин оглянулся перед выходом, умиляясь тому, как его татуированный друг заботливо обнимал колбу кальяна, пересаживаясь на диванчик подальше от мерзопакостной картины: обкуренный Жека, лапающий рыженькую и блондинку одновременно. Перед тем как сделать шаг за бордовые вуалевые занавески, Егор достал телефон и, поскользвив взглядом по экрану, нажал лишь одну кнопку «Поделиться».

Правится: 28 764

egor.korolev Ее глаза светились таким огнем, что я был продать свою душу дьяволу сотни тысяч раз, чтобы этот огонь никогда не погас. Это не первый мой секс с девушкой, но меня трясло. И не потому, что боялся сделать что-то не то... Я ощущал себя наркоманом, у которого начинается гребаная дикая ломка.

Ее поцелуи иглами разносили дозы наркоты по моим венам. Ее запах — самый чистый кокаин.

Ни одна близость и рядом не стояла с тем, что навсегда будет скрыто под тем дождем. Изгибы ее тела, дыхание, сердцебиение, горячие губы, стоны... Это невероятно наблюдать и понимать, что именно ты для трепетной девочки становишься первым мужчиной... Это сокровенно и до одури рвётся сердце. Ты чувствуешь, как она открывает в себе новые ощущения, как отдается тебе и своим желаниям, и делит это только с тобой... Как она становится твоей.

Я подсел на нее...

Посмотреть все комментарии (1256)

— То есть про коллекцию марок была не шутка? — я удивленно хлопала глазами, смотря на увесистую синюю потрескавшуюся папку, которую Егор гордо вложил мне в руки.

— Нет. — Его лицо сияло довольной улыбкой.

— Егор! — я расхохоталась так громко, что небольшое эхо разнесло мой смех по полупустой комнате парня.

Только он мог выдать что-то за шутку, а потом легко сделать это правдой. Я с трудом удерживала альбом в своих руках. Немного мятые коричневые страницы с небольшими заломами были обклеены множеством цветных марок различных размеров.

— Да здесь, считай, вся история, — переложив альбом на ближайший коробок, я с интересом переворачивала каждую страницу, подписанную чьим-то каллиграфическим почерком. — «Двадцать пять лет октября», — мои пальцы скользили по шершавой бумаге, огибая цветные потрепанные марки, расклеенные по определённым тематикам. — Откуда это у тебя?

— Семейная реликвия, — улыбнулся Егор, и став за моей спиной, обнял меня за талию, положив свой подбородок на плечо. — Это еще то ли от «пра», то ли от «пра-пра» деда досталось.

— Очень круто, — прошептала я, продолжая рассматривать наклеенные картинки.

Руки блондина заскользили вдоль моего тела, сильнее прижимая к себе. Я тут же сбилась с мысли, ощущая, как начинает реагировать мой организм на его горячие ладони. Кровь в венах моментально стала какой-то тяжёлой, что сердцу пришлось застучать с удвоенной силой. Мягкие губы Егора застыли на моей шее, начиная потихоньку засасывать кожу на ней. От этого меня не слабо трянуло волной возбуждения, которая сконцентрировалась где-то между ног.

— Егор, — я тихо шикнула на него, пытаясь увильнуть от очередного засоса на шее, — еще один синяк, и меня бабушка точно запрет в комнате. У нас и так сейчас с ней напряженка...

И я ни капли не преувеличивала. Такого дискомфорта от нахождения друг с другом в одном помещении мы не испытывали ни разу. Даже когда я в первый день после детского дома, умудрилась разбить дорогую бабушкину вазу. За сегодня мы обмолвились всего парочкой фраз. Я даже старалась не смотреть ей в глаза, когда оповещала, что снова собираюсь на свидание.

— Все так плохо? — озабочено поинтересовался он, слегка ослабив свои жаркие тиски вокруг моей талии, но руки не убрал.

Расстроенный выдох вырвался из легких, пока пальцы переворачивали еще одну старую страницу в альбоме.

— Все как-то непонятно... Мне кажется, бабушка жалеет, что, поддавшись эмоциям, рассказала мне неприятную правду.

— Она боится, что я поведу тебя не по дорожке в загс, а по дороге похоти и разврата, — усмехнулся Егор, поворачивая меня к себе лицом, аккуратно обвивая мои запястья пальцами и укладывая руки на свои плечи. — Кир, она успокоится рано или поздно. Ей надо просто привыкнуть, что ты уже не маленькая девочка, которая только в куклы играет. Ты же всегда была домашней. У ее внучки теперь немного другие игры, — в его глазах заплясали

бесноватые искры, а пальцы уверенно сомкнулись на моей шее, отклоняя голову назад.

Язык и губы Егора медленно поднимались от ключиц к подбородку по той стороне, где на мне остались синяки со вчерашнего дня. Он словно пытался залечить их, осторожно покрывая новыми поцелуями. А по мне уже с неистовой силой растекалось желание. Желание сорвать с него всю одежду и чувствовать, как я буду тонуть под тяжестью его горячего тела. Мои руки сами нырнули под его футболку, слегка царапая ногтями мужской живот.

— Кира, я тебя хочу. Прямо сейчас, — прохрипел Егор мне в губы.

Резкий и грубый поцелуй — мои ноги подкосились сами.

— Хочешь? Возьми... — Это все, что смог выдать мне отключающийся мозг.

Его слова — и во мне как будто резанули ножницами последнюю нить самообладания. Ладонями он нагло скользнул под платье, прижав горячие пальцы именно к тому месту между ног, которое разрывалось от желания, чтобы к нему прикоснулись. Я с силой сжала бедра от накатившей огненной судороги. Мои руки опустились ниже, начиная расстегивать ремень на его джинсах.

— Ты невероятно горячая, — бархатный шепот и чувственный палец, который уже без разрешения погрузился в меня, заставили буквально обмякнуть в его руках и тихо застонать.

Я схватилась за шею Егора, расслабив свои бедра, позволяя ловким пальцам медленно двигаться во мне. Мое тело стало наливаясь одурманивающим ознобом, который прокатывался волной в ответ на ласкающие и дразнящие движения между ног.

— А я смотрю, тебе нравится... — Егор сверкнул глазами, приблизив свои губы к моим, заигрывающее обведя их языком.

— Егор... — я запрокинула голову, чувствуя, как его палец начинал двигаться во мне все быстрее, доводя жар между ног до предела.

Если бы не девчачий радостный визг раздавшийся за дверью комнаты и топот ног, то мне хватило бы и пары секунд, чтобы дойти до самого пика.

— Что это было? — встрепенулась я в руках парня.

Крик мигом отрезвил мне голову.

— Черт, — засмеялся Егор, поправляя пальцами под платьем белье, — немного не успели. Ну, или кто-то сам приехал раньше.

— Ты ждёшь гостей? — нахмурившись, я отпустила шею парня из своих объятий.

Я напряглась. Он не предупредил меня, что сегодня ожидает кого-либо.

— Это не гость, — Егор застегнул ремень на поясе. — Это хозяин этого дома — мой папа. Идем, — продолжая загадочно улыбаться, он потянул меня к двери.

— Стой, — я так резко дернула свою руку обратно, что пошатнулась на месте.

Егор поднял брови вверх, а разноцветные глаза с недопониманием уставились на меня с немым вопросом: что «за»?

— Не пойду, — я отрицательно завертела головой из стороны в сторону, чувствуя, что начинаю нервничать.

— Почему?

Очень хотелось ответить честно, что мне хватило знакомства с его матерью, а встречу с отцом я бы хотела оттянуть, как можно дальше.

— Я не одета, как подобает в подобных случаях. — Мои руки затеребили ткань очередного платья в цветочек.

Егор наклонил голову и прищурил глаза:

— Ты боишься? Кир, не выдумывай. Это всего лишь мой отец.

— Егор, но я ведь, правда, не в том виде, в котором стоит появляться перед родителями, — я поправила завязанный на правую сторону хвост, кое-как скрывающий красно-фиолетовый след от поцелуев. — Что он подумает?

— Моя, все, о чем он может подумать, так это о том, что его сын безумно влюблён.

Щеки залились огнём, и я смущённо сжала губы, соприкасаясь своим лбом с его грудью. Егор так крепко обнял меня, скрестив руки за моей спиной, что ощущалось, как равномерно стучит его сердце. Я еще сильнее прижалась к нему, наполняя свои лёгкие его ароматом, чувствуя, что он проделывает то же самое, зарываясь лицом в мои волосы.

— Ну что? Идем? — проговорил Егор мне в макушку.

Переплетя наши пальцы в ладонях, я покорно шла за ним, чувствуя себя не просто не в своей тарелке, а не в своей кастрюле, которая вдобавок стояла еще и не на своей кухне. Спускаясь по лестнице в гостиную, я с опаской огляделась вокруг, надеясь, что хозяйки дома еще нет внизу. Знакомиться с отцом Егора под пристальным взглядом его надменной матери мне хотелось меньше всего. Но посреди гостиной находились только двое: высокий светловолосый мужчина в деловом костюме цвета мокрого асфальта и девочка, которая висела на нем обезьянкой, зацеловывая его в щеки.

— Пап, — обратился Егор к мужчине, обнимающего Дашку у себя на руках, продолжая тянуть меня за собой вниз по лестнице.

Его голос и интонация значительно отличалась от той, с которой он обращался к своей матери: никаких холодных и металлических ноток.

— Привет, сын, — мужчина поставил Дашку на пол и тепло улыбнулся, открывая свои объятия.

Расцепив наши пальцы и оставив меня позади себя, Егор крепко обнял отца.

— Ты заканчивай жрать эти порошки, — отец отодвинулся от сына, прощупывая его за плечи. — А то тут раскачаешься, а там, — он кивнул подбородком на его нижнюю часть тела, — усохнет.

— Мы здесь не одни, — рассмеялся Егор, отходя в сторону, переставая закрывать меня плечами.

— Добрый вечер, — пролепетала я и подняла взгляд на мужчину, переминаясь с ноги на ногу.

Передо мной стояла взрослая, немного постаревшая копия Егора. Королев младший был похож на мать лишь в каких-то мимолетных чертах лица и мимике, но при виде этого мужчины можно было и не сомневаться — это отец Егора. Те же черты лица, нос, крупные губы, голубые глаза, только уже с мелкими морщинками вокруг, широкие брови, высокий лоб, тот же пшеничный цвет волос, только с проседью, такая же косая сажень в плечах, а вместо пресса из-под белоснежной рубашки виднелся небольшой пивной живот. На вид мужчине было примерно лет пятьдесят. Он лучезарно улыбнулся, протягивая свою огромную ладонь:

— Здравствуй, Кира. Я — Саша.

— Очень приятно, — я сдержанно пожала руку в ответ и недоуменно покосилась на улыбающегося Егора. Неужели он рассказывал обо мне отцу? — А по отчеству? — мой неуверенный вопрос заставил мужчину рассмеяться.

— Да Бога ради, какое отчество! Можно просто дядя Саша.

Я снова кинула растерянный взгляд на Егора, на что тот лишь невинно пожал плечами,

мол: а я что?

— Так, молодежь, — Александр заговорщически потер ладони, — для вас есть задание. Сын, ты ответственный за мангал, а вы, девочки, ответственные за моего сына. Я голодный и злой мужик, летевший шестнадцать часов в самолёте. Дико хочу мяса на костре, как в первобытные времена. Все, бегом в сад!

— Ура! Ура! Пикник! — довольная Дашка запрыгала на месте, снова целуя отца в щеку.

— Фу, Дашулик, — поморщился он, — что за буржуйские словечки — пикник? Правильно шашлычок под коньячок...

— ... вкусно очень... — в унисон зазвучали голоса отца и Егора, разразившись громким смехом, сотрясая стены гостиной.

Я невольно улыбнулась, даже не заметив, как перестала напрягаться. А дядя Саша все-таки разительно отличался от матери Егора. Заметив улыбку на моем лице, блондин сжал мою ладонь, погладив внутреннюю ее сторону большим пальцем. Но ощущение спокойствия длилось недолго.

— Саша, ты уже приехал? — мать Егора стояла на лестнице, прищуриваясь и осматривая нас всех сверху. Ее взгляд остановился на мне. — О, у нас опять гости, — холодно хмыкнула она.

— Здравствуйте, — внутри меня все съезжилось под ее недовольным взглядом.

Сегодня она выглядела, как и при первой нашей встрече: светлые короткие волосы идеально уложены, лёгкий макияж — не хватало вместо домашних брюк и футболки нарядного платья. Женщина лишь слегка приподняла уголки своих губ, отвечая на мое приветствие, что уже можно было расценивать, как прогресс. Почувствовав, как я снова напряглась, Егор приобнял меня за талию, привлекая ближе к себе.

Жутко странная картина: отец Егора улыбнулся, посмотрев на нас, а мать повела бровями с явным неодобрением. И только Дашка хлопала своими сверкающими зеленющими глазами, с нетерпением ожидая, когда мы отправимся в сад.

— Так, я всем дал задание, — Александр хлопнул в ладоши и направился к лестнице. — Через полчаса, чтобы костёр горел огнём любви и не только, — он задорно подмигнул сыну.

В этот момент было можно и не смотреть на лицо матери Егора — все и так понятно.

— Опять шашлык? — она чуть ли не скривилась.

— Не опять, а снова, Лиза, — ответил мужчина, проходя мимо своей недовольной жены и снимая пиджак.

Мать Егора, молча развернувшись, удалилась вслед за ним.

— Пошли? — блондин потянул меня за скачущей Дашкой.

Я притормозила, мягко убирая его руки со своей талии:

— Мне лучше пойти домой...

— С чего вдруг?

— У вас тут семейный ужин намечается.

— А в чем проблема?

Я вздохнула, изучая взглядом футболку парня и ковыряя ногтем яркий принт на ней:

— В том, что мне не место на подобном мероприятии.

Горячие пальцы осторожно коснулись моего подбородка, приподнимая его вверх:

— Твое место рядом со мной. Ты остаешься, — уверенно заявил он. — Идем.

В сумерках сад дома Королевых выглядел, словно из сказки. Витиеватые дорожки были подсвечены множеством крошечных фонариков, в свете которых стоящие фигурки садовых гномиков смотрелись волшебными живыми.

Пока Егор занимался подготовкой мангала, а Дашка радостно плясала вокруг, я скромно присела на скамейку в беседке, думая о том, что несколько недель назад пришла в этот дом даже не подозревая, что здесь живет человек, которому отдам и сердце, и мысли, да и саму себя полностью.

— Ты, кстати, на этом же месте и сидела тогда. — Бархатный шёпот раздался у меня над ухом, заставив вздрогнуть, только уже не от испуга, а от трепетной дрожи, которую вызывал его голос.

Тёплые ладони заскользили по моим плечам, а шею коснулся чувственный поцелуй.

— Егор... — я смущённо сдерживала улыбку, но внутри все переворачивалось от ощущения тепла его рук и губ.

— Хорошо, что я твой телефон разбил, — вдруг выдал он, не убирая своего дыхания с моей шеи.

— Почему?

— Потому что у меня и в планах не было заводить дальнейшее знакомство с тобой. Но в тот вечер, как-то совесть задергала за разбитый телефон... Потом наблюдал за тем, как ты реагируешь на то, когда я приближаюсь к тебе. Было сначала забавно. — Его губы стали медленно подниматься выше, — потом интересно, а позже и сам втянулся, начиная охреневать оттого, что так же реагирую на тебя в ответ, — Егор слегка прикусил мне мочку уха, обдав обжигающим шёпотом мою кожу. — А потом вообще понял, что пропал...

— Прекрати, — прохрипела я, чувствуя, как плывут мысли в моей голове, — мы тут не одни.

Я тяжело перевела дыхание, когда его руки и поцелуи оказались на безопасном расстоянии от меня. Сидеть среди его семьи с изнывающим чувством внизу живота — так себе перспектива.

На столе в беседке быстро появились нарезанные овощи, фрукты, сыры и еще какие-то закуски. Я все порывалась помочь, но Егор просто вцепился в меня руками, приставив к себе возле разгорающегося костра.

— Ничего, для этого есть специально обученные люди, — он кивнул в сторону Дашки, которая сосредоточенно решала: поставить посередине стола тарелку огурцов или помидоров? Вскоре появился его отец уже в домашнем спортивном костюме, неся в руках огромную чашу с маринованным мясом, от которого шёл невероятный аромат лука и специй, что аж сводило живот от голода.

— Так, детки-конфетки, а, ну брысь от костра и мяса, — Александр шутливо топнул ногой, отгоняя меня и Дашку к беседке. — Шашлык должен готовиться только в мужской ауре и флюидах и под божественный купаж восхитительного коньяка тридцатилетней выдержки, — проговорил он, откупоривая округлую бутылку.

Мы с Дашкой послушно уселись в беседку, болтая о всякой всячине. Оказывается, ребенок посещает и курсы английского, французского, немецкого, два раза в неделю скачет на танцах и вдобавок занятия по экономической культуре. Теперь в планах с нового учебного

года заниматься ещё и плаванием. В моей голове возник лишь один вопрос: а детство-то где?

— А у вас с Егором все серьёзно? — вдруг поинтересовалась она, после моих расспросах о ее учёбе и увлечениях.

— Наверное...

— И ты замуж за него выйдешь? — Даша похлопала своими наивными, зелёными глазками.

— Ну... — замялась я, косясь на Егора, стоявшего с отцом возле мангала, держа в руках бокал с коньяком и разговаривая о чем-то. Заметив мой взгляд, он расслабленно улыбнулся и игриво подмигнул мне. — Не знаю, я не думала об этом...

— А если позовёт?

— Куда?

— Замуж! — Сестра Егора нетерпеливо заерзала на скамейке.

— Дац, еще рано говорить об этом.

— Почему? — она все так же с искренней наивностью заглядывала мне в глаза.

— Мы с ним знакомы всего несколько недель, — произнесла я, продолжая кидать косые взгляды на ее брата.

— И что? Ты же любишь Егора?

У меня в груди с силой встрепенулось мое сердце, больно стукнувшись о ребра.

— Пока не думала на эту тему... — как под гипнозом я смотрела на широкоплечего парня, чьи безумно сексуальные пальцы, проворачивали в руке пухлый бокал с янтарной жидкостью, а разноцветные глаза светились спокойствием.

Мой растерянный ответ заставил Дашку улыбнуться.

— Кир, а ты вообще хоть иногда думаешь? — она хитро растянула свои губы.

— Так, Даша! — залившись пунцовым цветом, я схватила со стола яблоко и всунула его ей руки. — Лучше, вот, витамины жуй!

Девочка показала мне язык и, продолжая сверлить меня взглядом, с хрустом откусила яблоко. Вот же мелкий жук! Вроде ребенок, а вопросы задавала совсем не про азбуку...

— Дашулик, бегом за мамой. У нас все готово, — отец Егора уже ставил на стол дымящееся, румяное, сочное мясо.

Радостная Даша с яблоком в руке ускакала по волшебным тропинкам в сторону дома. На улице уже совсем стемнело, и большая часть приусадебного участка погрузилась в сумрак. Только дорожки и беседка оставались островком света, который кружил голову умопомрачительным ароматом специй.

— Все нормально? — Егор нежно коснулся моих губ, оставляя на них терпкий привкус алкоголя.

Он сел рядом, по-свойски расположив меня между ног, пытаюсь откинуть мое тело спиной на себя. Мне было жутко неловко устраивать такие фривольные объятия прямо за столом перед его семьёй, которая будет в сборе с минуты на минуту. Но Егор не замечал мои попытки пересесть просто рядом с ним или делал вид, что не замечает.

Бесполезно. Королев все равно делал, так как ему хотелось. Он крепко обхватил меня за талию, удерживая перед собой и спокойно уложил подбородок мне на плечо. Да и его отца это, видимо, никак не напрягало. Он лишь периодически, улыбаясь, переглядывался с сыном.

«Сейчас появится хозяйка дома, и будет веселье. Особенно мне», — от этой мысли по моему позвоночнику прошелся холодок.

Мать Егора с таким же непроницаемым лицом уселась за стол, ставя между тарелками

бутылку вина.

— Ага, значит, девочки на вине сегодня. Без проблем, — Александр легко откупорил и эту бутылку, начиная разливать красное тягучее в хрусталь.

— Мне не надо, я не пью, — моя рука метнулась к пустому бокалу, накрывая ладонью.

— Что уже? Так быстро, как кролики? — Елизаветта ехидно улыбнулась, кинув на меня холодный острый взгляд.

Я сжалась в комок, понимая на что она намекает. Но к моему удивлению Егор даже не напрягся. То ли это алкоголь в его крови расслабил его мысли и ощущения, то ли присутствие отца, а, может, и то, и другое.

— А ты, Лиза, разве внуков не хочешь? — непринужденного спросил отец Егора, наполняя бокал своей жены вином.

— Нет, — равнодушно ответила она, а ее выражение лица потеряло вообще какие-либо эмоции.

— Зря, а я вот не против, — улыбаясь, он подмигнул нам обоим. — Стать дедом, когда уже останется только вставной челюстью чавкать, как-то не хочется. А так хоть перед детьми своих детей можно оправдаться за столько лет потерянного времени. Как только появится внук или внучка, брошу компанию к чертям.

Его жена лишь закатила глаза и отпила вина из бокала, а Егор тихо усмехнулся мне в затылок. Ох, слышала бы моя бабушка эту пламенную речь про внуков... Я была готова провалиться сквозь землю и уже оттуда молить о смене темы: погода, цветы, кабачки или политика, на крайний случай. Но беседа сама собой плавно перетекла от детей и внуков к разговорам о делах в бизнесе отца.

До этого я никогда не задумывалась, чем занимается папа Егора. И только из семейного обсуждения этой темы мне стало понятно, что у Королева старшего какая-то строительная компания. Все члены семьи активно поддерживали разговор за столом. И даже Дашка умудрялась вставлять свои пять копеек, за что ее мать все время пыталась одернуть и не всегда корректно у нее это получалось. Мне казалось, что Егор, сидящий позади меня, каждый раз вздрагивал, когда Лиза шипела на дочь. А вот отцу, наоборот, нравилось, что Дашка проявляет интерес в беседе: он смешно взъерошивал ей волосы и заботливо целовал в макушку.

Даша и Королев старший были совершенно не похожи внешне. Сестра Егора больше походила на свою мать, только являлась обладательницей шикарных темно-каштановых волос. Но даже внешне различие отца и дочери ни капли не мешало выглядеть им, как одно целое. Невооруженным глазом было заметно, как трепетно и с любовью Александр смотрел на свою дочь, а та очень тянулась к отцу. Заметив, что я наблюдаю за этой парочкой, Егор вдруг ближе наклонился к моему уху, зашептав:

— Знаю, что он любит ее больше, но у меня нет даже и капли ревности... Дашку надо любить, пока не поздно.

Не совсем понимая, к чему относится его фраза про сестру, я лишь тихонько закивала головой в ответ. Его руки скрестились на моем животе, прижимая меня сильнее к своей груди. Егор слегка прикоснулся влажными от коньяка губами к моей щеке:

— Моя, — прошептал он, на секунду выдергивая меня из реальности.

Но тут же пришлось нервно сглотнуть ком в горле, поймав на себе прищуренный, ядовитый взгляд его матери.

— Так, а чем ты занимаешься, Кира? — Александр вдруг повернулся ко мне. — Где

учишься?

— Я только в этом году поступила. Архитектура.

Поглаживающие движения горячих ладоней Егора по моим рукам и животу позволяли хоть как-то не трястись под цепким взглядом хозяйки дома.

— Архитектура, — отец блондина, кажется, был рад подобному ответу. — Тогда я могу быть спокоен за будущее своей компании. Один юрист, вторая — архитектор, еще бы Дашулика пристроить в нужное русло, и бате можно на пенсию, — он вальяжно потянулся руками в стороны.

— Знаешь, Саш, я бы так не радовалась раньше времени, — подала голос мать Егора, допивая остатки вина. — Наш сын очень непостоянный — сегодня архитектура, а завтра? Кто знает... — она посмотрела мне в глаза с нескрываемой издевкой.

Меня прошибло холодом, а Егора за моей спиной дёрнуло так, что мне пришлось тут же впиться в его руку ногтями, чтобы он чего не натворил сейчас. Трясущая волна гнева прошла от него сквозь меня, подчистую смывая во мне единичные крупички хоть какого-то спокойствия. Егор буквально вдавил меня в свое тело, будто бы опасаясь, что я могу куда-то исчезнуть.

Всеми фибрами своей души я ясно понимала, что хозяйку этого дома я конкретно раздражаю. И ее фраза про непостоянство ее сына доказала это в прямом виде. Неужели эта женщина была настолько змеиной натуры?

— Да, ладно тебе, Лиз, — усмехнулся Королев старший, даже не заметив возникшего напряжения за столом. Почти допитая бутылка коньяка делала свое дело. — Наш сын и понятие «постоянство» не совсем чужие друг другу. У него отлично получается постоянно прибухивать и на пересдачи ходить. Да, Егор? — он весело блеснул своими уже пьяными глазами.

Лиза вздернула брови вверх, Дашка хихикнула себе в тарелку, а Егор молча вздохнул, опрокидывая в очередной глоток коньяка.

— Спасибо за ужин, муж, — сделав акцент на последнем слове, Елизавета поднялась из-за стола. — Было очень вкусно.

— Я рад, что хоть где-то ты осталась довольной, Лиза... — с такой же интонацией последовал ответ от отца.

Хоть на его губах играла улыбка, его глаза перестали светиться пьяным огнём. Он, не отрываясь, смотрел на свою жену. Несколько секунд они молча перекидывались взглядами, словно ведя немой диалог.

— Всем доброй ночи, — натянуто произнесла она и, захватив недопитую бутылку вина, не спеша направилась к дому.

Я выдохнула раз сто. Нет, триста. Мать Егора и я — подружками нам точно никогда не бывать. Он озабоченно развернул меня к себе, пытаюсь поймать мой взгляд:

— Что-то не так?

— Все хорошо. Просто немного непривычная для меня обстановка. Семейные ужины, как факт, незнакомая мне вещь, — тихо ответила я, ковыряя вилкой одинокий кусочек помидора в тарелке.

Да и откуда было взяться подобным посиделкам? Моя семья — это только бабушка.

— Придется тебе привыкать. Отец после длительного отсутствия дома всегда устраивает шашлык, коньяк и разговоры.

В моей голове тут же промелькнула мысль, от которой мерзко кольнуло у меня под

грудью: а часто ли Белла была здесь? Или теперь я на ее месте... Но нежные, сильные объятия Егора решительно откинули неприятные мысли. В этот вечер с ним была я, а не она.

Он ластился ко мне, как мартовский кот, налакавшийся валерьянки, так еще и действительно начиная помурлыкивать мне на ухо, безумно щекоча меня своим дыханием. Я старательно уворачивалась от фыркающего носа блондина, сгорая со стыда от прилюдных заигрываний. Но, кажется, оставшиеся за столом Даша и отец даже не замечали нас, увлеченно о чем-то беседуя и хихикая.

— В машине ты была не такая стыдливая, — усмехнулся Егор, целуя меня в шею.

— А тебе, походу, пить нельзя. Ведешь себя, как похотливый котяра, — я в очередной раз дернулась от его попыток добраться до моей шеи.

— Что я там выпил? Пять глотков коньяка. Не смейся... — буркнул он в ответ, даже и не пытаясь утихомирить свой пыл.

Егор уже без какого-либо стеснения сжал меня в объятиях с дикой силой, утыкаясь мне носом в шею, остервенело делая глубокие вздохи. С ним определённно что-то происходило... Я сама не заметила, как закрыла глаза, давая своему телу расслабиться.

Да, мы сидели перед его отцом и сестрой, растворяясь друг в друге. Наверное, это было некультурно, но, черт...

— Ты тлеешь и тлеешь во мне,

Во мне разгораешься ты... — Раздался тихий голос его отца.

—...На мерно-извечном огне

Кристалльной своей чистоты*, — шепча мне в волосы, подхватил слова четверостишья Егор.

Меня до крошечных молекул пробрало дрожью. Я открыла глаза. Александр, улыбаясь, пристально смотрел на нас. А мне было и стыдно, и буря эмоций сжигала меня изнутри от чувств к его же сыну.

— Красиво.... — раздался восхищенный девичий голосок.

Даша, так же как и отец, улыбаясь, уставилась на нас.

— Пойдем спать, Дашулик, — мужчина охапкой прижал дочь к себе, уводя ее за собой от беседки. — Сейчас здесь место только для двоих и явно не для нас. Спокойной ночи, молодежь, — его голос проникся загадочными намеками.

Мы оба только промолчали в ответ. Егор даже не поднял своей головы. Он сидел, уткнувшись лицом в мои волосы и вцепившись в меня мёртвой хваткой. Не знаю, что творилось у него в голове, но я однозначно ощущала хаос в своих мыслях — напряжение, смятение, вызванные семейным ужином, вперемешку с острым чувством привязанности. Наконец, Егор ослабил объятия, расслабленно откинувшись на спинку лавочки в беседке и принял позу полулежа. Моя голова расположилась на его плече так, что, повернув ей, я могла легко прикоснуться губами к лицу парня.

Вокруг стояла идеальная тишина. Даже не было слышно пения сверчков. Полупустая бутылка коньяка бликовала от светящихся фонариков вдоль дорожки. Не знаю зачем, но мои руки сами потянулись за ней.

— Ого, тяжёлая, — я начала вертеть бутылку, осматривая ее.

Пробку на коньяке украшал небольшой бюст из металла.

— Интересно, кто это?

— Егише Чаренц, — ответил Егор, целуя меня в висок.

— Мне, конечно, стыдно, но я не знаю кто это.

— Армянский поэт. Этот коньяк в честь него и назван — Чаренц.

— Ты разбираешься и в армянских коньяках, и в поэзии, — рассмеялась я, ставя бутылку обратно на край стола. — А скажи что-нибудь на армянском?

— Эс кез сирумем, — не задумываясь произнес он, слегка охрипшим голосом.

— Что означает?

— Я тебя люблю.

— Красиво... — улыбнулась я, — наверное, эта фраза на всех языках будет звучать красиво. А еще?

— Эс кез сирумем, — повторил Егор и вдруг напрягся всем телом, а его сердцебиение ударами стало отдавать мне в спину.

— Ну, это я уже слышала. А еще?

— Я тебя люблю.

— Да, Егор! Я же не тормоз, чтобы мне по десять раз повторять, — я недовольно надула губы, искоса поглядывая на его лицо.

— А по-моему, ты сейчас конкретно тормозишь, Кира... — усмехнулся он и слегка приподнялся, поворачивая меня лицом к себе.

— Издеваешься? — я уже начинала возмущенно поднимать тон своего голоса. — Мне прекрасно понятно, что ты меня лю...

Я осеклась на полуслове, чувствуя, как начинает неметь у меня в груди. Егор молча встретился со мной взглядом, а мои пальцы машинально зажали ткань его футболки в кулак. Дыхание прерывисто сбилось, сердце с размаху, кувыркаясь, рухнуло куда-то вниз, оставляя за собой огненный след.

Я замерла, боясь даже отвести глаз от его лица.

— Я люблю тебя, — опять повторил он.

Три слова — и моя душа разлетелась на миллион мелких осколков.

---

*Егишэ Чарэнц — армянский поэт, прозаик и переводчик. Классик армянской литературы.

За мои девятнадцать лет слова «Я люблю тебя» мне приходилось слышать только от одного человека — бабушка. И первый раз мое сердце скакало от радости, в душе было так тепло и уютно, что, казалось, весь мир такой прекрасный и светлый.

Но не сейчас...

Меня, как будто с силой вшибли в стену, а сердце и душа в этот момент разошлись по разным полюсам. Я действительно ощутила, как внутри под ребрами что-то рассыпалось на части.

— В чем дело? — Егор приподнял настороженно брови.

Я пыталась рассмотреть в его взгляде пьяные отблески, но нет. Совершенно трезвые глаза.

— Просто неожиданно.

— О, простите, что не предупредил за несколько дней.

— Егор, — я перебила его, переводя взгляд на свои руки, которые нервно теребили мужскую футболку, — ты же знаешь меня всего несколько недель...

Проговаривая это, в моей голове пульсировала лишь одна мысль: *«Боже, что я несу! Я должна в ответ сказать совсем не то...»*

— И что? Кира-зануда знает точные сроки, когда ее можно полюбить? Что за бред? — голос Егора сердито дрогнул, а мне страшно было даже поднять обратно на него глаза.

— За что тебе меня любить?

— Ты о чем сейчас вообще... — он попытался меня перебить, но меня уже понесло.

— Понятно, за что меня любит бабушка: мы родные, кроме меня у нее нет никого, и, возможно, она своей любовью ко мне как-то пытается искупить вину перед прошлыми, но ты... Я просто девочка-соседка, которая...

— Ты мне не веришь, — он раздраженно оборвал мои причитания. — Просто не веришь... супер, — хмыкнул Егор.

Его явно задевала такая реакция. Мое лицо горело от стыда так, что я машинально закрыла его ладонями, кусая губы до боли, чтобы не дать себе разреветься.

«Я дура! Конченная дура, которая все испортила.»

— Ты знаешь, не собираюсь сейчас красиво рассказывать, что к чему. Я сам не знаю, — Егор глубоко вдохнул и шумно выдохнул ночной августовский воздух. — Люблю и все. Мне плевать на поводы или причины. У меня их нет. Я тебя люблю просто так.

Его пальцы обхватили мои запястья, отгаскивая ладони от моего лица, переместив их к себе на плечи. Я все ещё сидела, крепко сжав губы и зажмурив свои глаза. Мне бы произнести то, что он, наверное, хочет услышать в ответ, но я продолжала молчать. Мое горло будто бы связали металлическими нитями: тяжело было просто дышать, не говоря уже о том, чтобы подать голос.

Егор легко усадил меня к себе на колени, расположив мои ноги по обе стороны своих бедер, а его руки медленно прошли по моему телу вверх. Он аккуратно убрал резинку с волос, расправив мои светлые локоны по плечам.

— Глаза открой, — произнёс он, запуская мне в волосы пальцы, поглаживая затылок.

Распахнув глаза, я тут же замерла, оказавшись под пристальным, потемневшим от эмоций, взглядом. Соприкоснувшись со мной лбом, он погладил кончиком носа мой нос.

— Я тебя люблю. Люблю. Люблю. Люблю, — с каждым произнесенным словом он прижимал к себе еще сильнее, а дыхание было так близко, что я могла ощущать горячий аромат коньяка. — И буду повторять это столько раз, пока ты не выкинешь из своей головы вопрос: «за что?». Ни за что. Запомни это раз и навсегда.

Его губы с терпким привкусом алкоголя нашли мои, пытаюсь начать поцелуй. Но невозможно было целоваться и шептать одновременно. Они лишь едва соприкасались с моими в беспорядочном движении, постоянно повторяя одно и то же. Каждое его «люблю» отдавалось таким острым ударом в груди, что у меня перехватывало дыхание, и до одури кружилась голова.

— Егор, я... — мой голос дрожал, а пальцы беспорядочно перебирали его мягкие пряди волос.

— Не надо, Кир. Я и без слов это знаю.

Легко подхватив меня на руки, он, не прекращая поцелуй, направился к дому. Я даже не сообразила, как быстро оказались в его комнате. Только тогда он опустил мои ноги на пол. Мы стояли в зыбкой темноте комнаты друг напротив друга, в такой идеальной тишине, что наше с ним тихое неровное дыхание оглушающе разносилось по комнате.

Поцелуи, пропитанные букетом коньяка, дарили не только разливающиеся тепло по венам, но и обжигающий вкус алкоголя. Сердце снова стало выдавать дозы опьяняющего жара. Обхватив Егора за шею, я сильнее прижалась к его губам и телу, давая понять, что в этот момент не хочу больше ни о чем думать и говорить. Я хотела его.

Он протяжно застонал, а его пальцы быстро нашли застёжку платья на спине. Одно движение — и оно с тихим шуршанием оказалось на полу под ногами. Я быстро стянула с Егора футболку, отбросив ее куда-то в угол. Мои ладони заскользили по его груди, по животу, опускаясь к ремню на брюках. Каждый сантиметр его горячей кожи вздрагивал по моими пальцами.

Оставляя огненные поцелуи на моей коже, Егор медленно опускал их вниз. Щелкнула застёжка лифчика, и он тоже устремился на пол. Пальцы тут же дотронулись до изнашиваемой по ласке груди, осторожно погладив соски. Еще секунда, и мужские тёплые губы оказались у низа живота, уже налившегося жгучей тяжестью. Оставшееся на мне белье так же быстро отправилось на пол. Рисуя влажные узоры, его язык, дразня меня, прошелся по внутренней стороне бедра. Вид широких и мускулистых плеч у моих ног заводил меня так сильно, что с губ непроизвольно слетел дрожащий стон.

Пока его горячие ладони возбуждающе гладили мои бедра, язык уверенно скользнул вниз. Я шумно схватила поток воздуха ртом, а пальцами вцепилась в волосы парня. Медленно, слово издеваясь надо мной, Егор выводил бесстыжим языком плавные линии, вокруг самого пульсирующего места, то слегка погружаясь в меня, то снова возвращаясь к нужной точке. С каждым ласкающим движением между ног в моих легких становилось все меньше воздуха, а сил сделать новый вдох не было. Тёплая волна приближающегося оргазма сковывала меня до дрожи, ноги становились ватными, а пальцы все яростнее тянули парня за волосы, заставляя его оставлять обжигающие стоны на моей нежной коже. Каждый миллиметр чувствительной точки наливался горячей влагой. Это был настоящий дикий кайф. Но это был бы не Егор, если бы не заставил меня в очередной раз негодующе вскрикнуть его имя:

— Егор! Нет... нет... нет... — запричитала я, почувствовав, как его губы стали подниматься обратно выше по животу.

Своими руками я попыталась надавить на мужские плечи вниз, но его тело даже не сместилось и на миллиметр в нужном направлении. Мне захотелось в очередной раз стукнуть по его белобрысой голове.

— Да... да... да... — с издевкой прошептал он над ухом и, схватив мое голое тело в охапку, переместил нас в сторону импровизированной кровати на полу.

Мы буквально рухнули на матрас с белоснежными простынями. Егор навис надо мной, приподнявшись на локтях. Я чувствовала, как его горячие и требовательные губы не спеша двигались вдоль моей шеи вниз, опускаясь к груди.

Он словно издевался надо мной, нежно лаская своим языком поочерёдно то одну, то другую грудь. Я податливо выгибалась в спине, ухватившись за его крепкую шею, разрываясь от похотливого, острого желания. Мои ладони заскользили по плечам, по накаченному прессу, чувствуя, как дико горит его кожа под моими прикосновениями. Я потянулась к застежке на ремне, но Егор одним грубым рывком схватил меня за запястья, заводя их наверх над моей головой.

Он хищно облизал губы, пристально смотря в глаза, а я просто была готова сгореть дотла в этом человеке.

Мои губы потянулись за поцелуем, но он так крепко прижимал меня к полу, что невозможно было и пошевелиться. Продолжая удерживать запястья в своих горячих тисках, он покрывал поцелуями мою грудь, а его пальцы, нежно пройдясь по рёбрам, по животу вниз, оказались между моих ног. Я прогнулась в спине в ответ на его прикосновение, а тело судорожно напряглось, выпуская из легких глубокий стон. Мне безумно хотелось двигать своими бедрами, но Егор властно держал меня под собой. Одновременные ласки груди и самого горячего чувствительного места сливались в такой клубок адской похоти, что я начинала извиваться под мужским телом.

— Королев... прошу... — я даже не узнавала свой ломаный голос.

Но его пальцы между ног лишь замедляли движения. Егор сам дышал уже через раз. Он измученно стонал, дразня языком мои соски, постепенно ослабляя хватку на моих руках. Собрав всю свою смелость и силу в один комок, я резко толкнула парня за плечи, переворачивая его на спину. Егор, не ожидавший подобных действий, легко поддался на мои манипуляции. Теперь он был подо мной. Не давая ему даже опомниться, я жадно впиалась в его крупные полуоткрытые губы.

— Может, ты наконец разденешься? — зашептала я.

Без лишних слов он расстегнул ремень. Я разрешила ему снять с себя только джинсы. Опуская свои далеко не скромные поцелуи к низу живота парня, я ощущала, как реагирует его тело на меня. Егор тяжело и прерывисто дышал, кусая свои губы. Мышцы вздрагивали под рисунками, которые вызывающе чертил мой язык, описывая контуры его татуировки. Мне нравилось его дразнить, нравилось прикасаться губами к горячему телу.

— Скажи, а ты ласкал себя сам когда-нибудь? — зашептала я, отзеркалив его же недавний вопрос и заглядывая в разноцветные глаза, положив руку точно на выпирающий бугор под боксерами.

Мое лицо тут же запылало с непривычки произношения таких вопросов, но меня начинали заводить подобные вещи... Его глаза, устремленные в потолок мгновенно расширились, и Егор издал звук очень похожий на шипение с нотками хрипоты.

— Твою ж... Кира-а... А что ты хочешь услышать?

— Правду, — мои губы и язык снова оставили влажные следы на его татуировке, а рука

все так же была «на пульсе».

Егор хмыкнул:

— Кира, запомни, все мужчины мастурбируют. Все. До единого.

— И когда ты занимался этим в последний раз? — моя рука осторожно скользнула под ткань боксеров.

Егор напрягся всем телом, жарко облизав свои крупные губы языком.

— Скажем так, после знакомства с тобой такие мысли появлялись достаточно часто, — прошептал он, сощурился лоб и потер двумя пальцами переносицу.

Дав волю своему возбуждению, я стянула с него боксеры. Мой взгляд заскользил по всему телу Егора: широкие плечи резко контрастировали с узкими бедрами, мускулистые длинные ноги, прекрасный пресс, заметная дорожка волос, вызывающе спускающаяся в самый низ живота. Я нарочно очень медленно склонилась над мужскими бедрами, а он лишь мучительно стонал, закрыв глаза. Обдав своим горячим дыханием напряжённую мужскую плоть, я осторожно провела по ней кончиком языка. Мне показалось, что было слышно, как заскрипели зубы Егора. Осмелившись продолжать, я все увереннее начинала плавно двигать языком и губами, но теперь уже было понятно, что он и слова мне не скажет. Егор был полностью в моей власти.

Я не сбавляла движений своего языка, чувствуя, как начинает дрожать каждый мускул на теле блондина. Даже мое собственное возбуждение ушло на второй план, когда я видела, как тяжело он дышит, как от скользящих и плавных движений моих губ, запрокидывает голову, что-то бормоча себе под нос и хрипло стонет, вытягиваясь в струну.

Он был беззащитен передо мной. Это заводило до чёртиков, до настоящего бесстыдства. Заводила лишь одна мысль, что я вообще могла иметь власть над ним, могла заставить его трястись от возбуждения, стонать до хрипоты, терять ориентацию в пространстве. Я с нескрываемым для себя наслаждением наблюдала, как мои ласки действуют на Егора. Почувствовав мой взгляд на себе, он приподнял голову и встретился со мной глазами, которые тут же дико расширились, и он откинулся обратно на подушки.

— Кира... я долго не выдержу, — это прозвучало как хрип отчаяния.

Он резко потянул меня за плечи вверх, переворачивая на спину. Я уже мучилась от возбуждения, кипящего в моей крови. Его ладонь скользнула куда-то под подушку, вытягивая оттуда блестящую упаковку.

— Сам справишься или мне помочь? — невинно поинтересовалась я, замечая, как по-детски нахмурились брови парня.

— То есть так, да? — зашипел он, легко разрывая зубами блестяшку. — А кто поможет тебе, когда ты будешь стонать подо мной? — склонившись, парень сжал мои бедра и придвинул их ближе к себе. — Кто поможет, когда твоя голова перестанет соображать, а твое тело станет полностью моим... — хриплый шёпот у шеи пустил по мне сладкую дрожь.

Я тихо ахнула, чувствуя, как медленно Егор накрывает меня приятной тяжестью своего тела. В этот раз было все по-другому — не было тянущей боли. Только лёгкий дискомфорт и ощущение, как от низа живота распространяется тепло. Он хрипло застонал, на секунду замерев во мне.

— Ты круче любой наркоты, — прошептал Егор, не отрывая от меня застывший взгляд.

Я приподняла бедра вверх, чувствуя, что хочу большего. Шумно засопев и не переставая терзать мои губы, он начал осторожно двигаться во мне. Замирая от сладкой боли, я разрешала ему целовать меня так, как ему хочется, кусать, сжимать и ласкать руками мое

тело, как ему нравится. Я выгибалась, тонула в глубоком нервном дыхании, начиная постепенно терять контроль над собой, когда отголоски боли внизу живота стали сменяться на пылающие спазмы.

Наши тела сплетались в один ритм, сжимая друг друга в горячих объятиях. Он покрывал мое лицо беспорядочными поцелуями, обжигая мои щеки, подбородок прерывистым дыханием. В секундном порыве я сильнее обвила его бедра ногами и двинулась всем телом вперед. Егор не сопротивлялся и, обхватив мою талию, уверенным движением усадил меня сверху. Его широкие плечи стали опорой для моих ладоней, и я полностью отдалась своим чувствам. Закусив губу, я тихо стонала от удовольствия, которое тонкими горячими нитями сплеталось между ног, медленно опускаясь и поднимаясь над ним, чувствуя все так глубоко, что мы оба вздрагивали от остроты ощущений.

— Моя... — прохрипел он, сжимая мне ягодицы горячими пальцами. — Любимая...

— Твоя... только твоя... всегда, — прошептала я, прижимаясь к нему.

Это было одуревшее чувство наслаждения и власти. Его дикий взгляд, наглые руки, скользящие по моей спине, бёдрам, ногам, груди, животные стоны. Мое тело само начинало двигаться быстрее. Соприкоснувшись лбами, я ненасытно кусала Егора через поцелуй, а он не отводил от меня своего взгляда, еще больше распаяясь от моих рваных от наслаждения вздохов. Я уже не стонала, а тихо вскрикивала ему в губы, двигаясь все резче и быстрее, чувствуя, как меня всю заполняет мой любимый мужчина.

Мы оба уже не сдерживали себя. Наше сумасшедшее дыхание и стоны эхом заполняли комнату. Мне было плевать, что мы не одни в доме. Мои пальцы стали с силой впиваться в мужские плечи, когда внизу живота горячее напряжение достигло такой точки, что я сама ощутила, как начинаю непроизвольно сжиматься внутри.

— Черт, да... — глубокий животный стон вырвался из груди Егора.

Он сжал мое тело в кольце рук, прижал бедра к своим и одним движением перевернул на спину, простонав что-то из нецензурной брани. Я шёпотом протянула его имя, чувствуя, как накрывают огненные спазмы внизу живота.

— Люблю тебя, слышишь... Люблю... Безумно... Моя... — слова, произнесенные бархатным голосом, произвели окончательный выстрел мне в голову, доведя в одну секунду до самого пика, который накрыл с такой силой, что не могла дышать.

Я чувствовала лишь, как меня наполняет наслаждение, а мое сознание растворяется в этом до дна. Егор уже сам не сдерживал себя, уверенно двигаясь во мне, напряженно вдыхая и выдыхая воздух. Он грубо накрыл мой рот поцелуем и прижал к матрасу всем своим весом. Я тут же ахнула от тонкой боли, а его тело мучительно задрожало между моих ног.

Мы оба замерли, чувствуя, как громко стучат наши сердца, не выпуская друг друга из рук, крепко сплетая обессиленные тела между собой. Убрав мои растрепанные волосы с лица, Егор ткнулся носом мне щеку:

— Я, наверное, сейчас скажу приторную хрень, но ты охуительная.

Мой смех снова эхом разлетелся по полупустой тёмной комнате:

— Нежность с привкусом мата?

— Скорее, любовь с ароматом счастья...

— Почему счастья?

— Потому что ты пахнешь счастьем. Моим счастьем, — тихо произнёс он.

— Нет, Королев, вот это и есть приторная хрень, — улыбнулась я, потянувшись к его поцелую, но сердце не обманешь — оно дрогнуло в ответ.

Мы просто лежали и разговаривали ни о чем, иногда замолкая, слушая дыхание друг друга, и вылавливая взглядом в пустой темноте силуэт наших переплетающихся рук в воздухе.

— Такая ладошка маленькая, — усмехнулся Егор, в очередной раз складывая наши пальцы в замок.

— Смотри, выскользнет такая маленькая из твоей лапищи — потеряешь и даже не заметишь, — я аккуратно перебрала своими тоненькими пальчиками между его длинных пальцев.

Он вдруг с силой сжал мою ладонь, крепче переплетая наши руки.

— Я сдохну, если потеряю тебя.

Еще один предательский прыжок моего сердца в груди.

Егор достаточно быстро провалился в сон, не разжимая сплетенных пальцев, а я все лежала на спокойно вздымающейся мужской груди, не сомкнув глаз и на секунду. Аккуратно достав свою ладонь из цепкой лапищи, я не спеша высвободилась из объятий Егора, слегка приподнявшись над ним на локте. Мои глаза всматривались в темноте каждый сантиметр его лица. Он даже не пошевелился, продолжая глубоко сопеть.

Мои пальцы осторожно потянулись к его губам и, едва коснувшись их, я убрала руку обратно. Егор спал так тихо и спокойно, а внутри меня все сжималось в тиски, и воздух исчезал из моих легких. Я понимала, что это за чувство, и не знала, почему не сказала ему об этом там, в саду. Почему промолчала... Мой дрожащий шепот почти не нарушил идеальную ночную тишину:

— Люблю... И теперь сдохнуть захочется не только тебе...

Нравится: 13 810

egor.korolev Может, не стоило говорить ей об этом. Рано. Необдуманно. Но я не мог молчать. В тот момент я задыхался от этой мысли и захлебнулся бы к чертям в этих трех словах, если бы промолчал.

Я и правда о ней практически ничего не знаю. Детдомовская девочка, брошенная собственной матерью и взятая под опеку строгой бабушкой, чтобы искупить свои грехи.

Я не знаю, какой ее любимый цвет? Что она слушает? Кто ее друзья? А есть ли вообще у нее друзья? Ее телефон все время молчит! Мне кажется, что она сама по себе в этом мире, но, даже не подозревая об этом, продолжает искренне смотреть на мир своими серыми глазами.

Три слова — и паника в ее взгляде. На меня смотрел загнанный в угол зверек.

Она как-то сказала, что ее можно любить, что не хочет связывать себя со своим прошлым. И я поверил, пока не увидел ее глаза. Тот кто верит в себя, никогда не посмотрит ТАК. Ей оказывается нужен повод для любви к себе.

А у меня его нет. Любовь есть, а повода — нет.

И я не испытал чувство охренительного счастья, произнеся эти слова. Какие на хрен полеты в эйфорию и ебучие разноцветные радости в голове? Лишь коктейль из страха и всратое чувство, что тебе скрутили все жилы и зашили легкие.

Я слышал, как она прошептала это в ответ, но боялся даже шелохнуться. Она что-то сломала во мне. Никогда и никого так, как люблю ее. Я вообще никогда не любил.

И это, блять, страшно, потому что мы теперь можем сдохнуть оба от этой любви...

Просмотреть все комментарии (1 235)

Тихое, с монотонной частотой жужжание медленно выводило меня из сна. Я, щурясь от яркого утреннего света, осторожно распахнула один глаз. Егор сидел лицом ко мне в позе лотоса, прикрывшись белоснежной простыней, сосредоточенно не сводя своего взгляда с телефона. Его большие пальцы обеих рук энергично касались экрана, выдавая ту самую монотонную вибрацию.

Не двигаясь и не подавая знаков, что уже не сплю, я одним прищуренным глазом наблюдала за ним. Выгоревшая от солнца шевелюра, смешно торчала в разные стороны, широкие, загорелые плечи, возбуждающе сильное рельефное тело, необычная татуировка на ребрах под сердцем, мощные, жилистые руки и ладони, которые всегда горячие.

«Он мой? Выкусите все вокруг! Он мой. И то, что происходит между нами — это только наша эйфория и наслаждение. Наш мир для двоих», — от этих мыслей по телу разошлось какое-то сладкое томное ощущение, и я непроизвольно потянулась на простынях с улыбкой на лице.

— О, проснулась... — встрепенулся Егор, — что так рано?

— Это ты чего... — не поднимая головы с подушки, я потянулась к его запястью с часами, поворачивая их циферблатом к себе, а мои глаза тут же расширились от удивления, — в половине шестого утра уже умудряешься залипнуть в телефон? С кем ты там переписываешься?

— Я не переписываюсь, а ставлю себе напоминание о просьбе отца сгонять сегодня в офис, — с серьезным лицом пояснил он, откладывая телефон под подушку. — Просто с тобой все вылетает, и остается лишь одна мысль в моей дурной голове: как ты стонешь, кончая и как бы скорее услышать это снова, — его разноцветные глаза сверкнули, плотно окинув взглядом мои формы, скрытые под тонкой простыней.

— Это уже две мысли, — хмыкнула я.

— Я же говорю — плохо соображаю...

— Ты съезжаешь с темы. Так говоришь, что не переписывался?

— Кажется, твоя ревность проснулась немного раньше тебя, — хитро подмигнул мне блондин, наклоняясь к моим губам.

— Не люблю целоваться по утрам, пока не приведу себя в порядок, — я увернулась от его соблазнительных губ, но он тут же впился поцелуем в шею.

Егор улегся снова рядом со мной, прижав мое все еще обнаженное тело к себе.

— А что ты вообще любишь по утрам? — спросил он, начиная исследовать влажными губами мою шею и ключицы.

— Тебя... — прошептала я, хаотично запуская пальцы в его и без того взъерошенные волосы.

— Любишь меня только по утрам?

— Я люблю тебя всегда, — сердце в моей груди застучало чуть быстрее.

Он довольно зафыркал носом мне в ухо, щекоча теплым дыханием:

— Ура-ура-ура! Ты все-таки любишь, а то я вчера уже и расстроился... Мало ли, вдруг ты со мной из-за денег.

Я уткнулась лбом в мускулистое плечо, обреченно вздохнув:

— Придурок!

— Я так понимаю, что дома теперь ночевать у нас не принято? — бабушка окинула меня холодным взглядом, встречая на нашей кухне.

— Так получилось... — я постаралась избежать с ней прямого контакта глаза в глаза, усаживаясь с кружкой чая за стол.

И не потому, что мне было стыдно. Мне просто не хотелось ей что-то объяснять. Видя ее неприветливую реакцию, я и не знала, как правильно реагировать. У меня с бабушкой никогда не было недопонимания. А тут...

— Интересно у тебя получается, Кира. Постыдилась того, что его родители в доме, а ты там проводишь почти каждую ночь. Ладно, первый раз была сильная гроза и это можно притянуть за уши к тому, что ты не ночевала дома. А что сегодня тебе помешало вернуться?

«Секс, бабушка. Жаркий, страстный секс», — тут же промелькнуло в моей голове, но я лишь промолчала, создавая ложкой в кружке водоворот из чая и не поднимая лица.

— Кира, скоро вернется Ангелина Семеновна домой, и мне будет очень стыдно смотреть ей в глаза, если подобные ночевки будут продолжаться, — бабушкин взгляд сверлил меня насквозь с такой энергией, что мне даже не надо было поворачивать и головы в ее сторону. — Ты меня слышишь?

Бабушка впервые за что-то меня отчитывала. И мне это жутко не нравилось.

— Ба, а если бы я ночевала в квартире у Егора, а не в доме его родителей? Ты бы тоже запрещала? — вдруг выдала я, не ожидая и сама от себя такого вопроса.

Я подняла голову и все же встретилась с бабушкой взглядом. Она стояла по другую сторону стола, вцепившись в резную спинку стула. Ее пальцы нервно постукивали по дереву, а лицо было напряжено так, что, казалось, вздрагивала каждая морщинка, в серых глазах, так похожих на мои, отчетливо читалось смятение и недовольство.

— Ты вообще не понимаешь, о чем я сейчас тебе говорю...

— Да, не понимаю. Не понимаю, почему ты против Егора.

— Мне не нравится то, как ты начинаешь себя вести. Есть рамки приличия, и сколько бы тебе не было лет, пока ты живешь в этом доме, пока Егор живет в доме своих родителей, пока вы оба сидите на шее у своей семьи, то будьте добры — соблюдайте эти рамки! Как-то быстро почувствовала себя взрослой, — отпарировала бабушка, не сводя с меня глаз.

— А как я себя веду? — мой вопрос прозвучал с вызовом, а чайная ложка со звоном стукнулась о чашку.

Бабушка резко набрала в легкие воздух, собираясь выдать мне речь, но лишь шумно выдохнула. Мне вдруг стало очень неловко. Я не должна была так реагировать на ее слова, ведь в них действительно есть смысл. Но лишь одна мысль, что что-то может препятствовать моим встречам с Егором, сразу выбивала из меня неприятные, неконтролируемые всполохи раздражения. Даже если это «что-то» просто намеки и слова.

— Извини, — я тут же потупила взгляд в кружку с чаем.

— Кириш, давай не будем ругаться, — бабушка немного смягчила свой холодный и отчитывающий тон. — Если ты любишь меня, то прошу, прислушайся к тому, что я тебе говорю.

— Конечно, люблю, бабушка! — я опять подняла на нее взгляд, чувствуя, что где-то я была неправа... Наверное.

Немного помолчав, она нервно сглотнула ком в горле, прежде чем произнести то, о чем ей меньше всего хотелось говорить:

— Кажется, нам все-таки надо вернуться к нашей беседе в то утро...

Я непроизвольно напряглась, чувствуя, что до сих пор не готова общаться на эту тему. Мне нечего было сказать ей. Да, ее поступок ужасен. Я, конечно, могла начать осуждать ее, но что это теперь изменит? Тот злополучный аборт не исправить. Обратного пути к моей матери не вернешь. Если все же размышлять об этом, то могу свихнуться от терзаний. А мои мысли сейчас и так набекрень из-за лавины эмоций, накрывших меня за последние несколько недель.

— Не знаю, что тебе сказать, ба, — проговорила я уже спокойнее. — Давай оставим эту тему раз и навсегда.

— Нет, Кир. Мне нужно, чтобы ты...

— Пожалуйста, — я посмотрела на нее умоляюще.

Помолчав еще пару секунд, она по-прежнему мерила меня озабоченным взглядом, поджав губы и стуча пальцами по спинке стула:

— Надеюсь, что ты поймешь меня правильно, Кира, — это все, что она смогла ответить.

Я уверенно закивала головой в ответ. Бабушка уже собиралась выйти из кухни, как я тут же слегла замаявшись, чуть ли не пропищала ей в спину:

— Ба, так во сколько я сегодня могу быть свободна?

— Кира...

***

— Судя по тому, как Нина Ивановна испепелила меня взглядом, то у вас с бабушкой по-прежнему какой-то напряг? — произнес Егор, отрываясь от нашего жаркого поцелуя.

— Ну, да... — грустно протянула я, усаживаясь поудобнее на сидение в машине. — Ей не особо нравятся мои ночевки в твоём доме — это неприлично.

— Неприлично, когда сын на соседа похож, — усмехнулся Егор, заводя машину. — Мне двадцать один, тебе — девятнадцать, мы поколение Z. Не в нарды же нам играть по вечерам. Да, и с завтрашнего дня в этом доме ближайшую неделю никого не будет, кроме нас, — он игриво дернул бровями и, убрав свою лапищу с руля, протянул ее мне.

Я без раздумий переплетая его чувственные пальцы со своими. Егор на секунду отвлекся от дороги, улыбнувшись мне разноцветными глазами, в которых можно было утонуть от той теплоты, что заполняла взгляд.

«Я люблю его», — и снова от этой мысли в груди все застыло.

— А где будут все? — поинтересовалась я, крепче сжимая его ладонь.

— Отец решил устроить Дашке небольшой тур по Европе, а на обратном пути они заберут из реабилитационного центра в Швеции Ангелину Семеновну домой. Не поверишь, но даже моя мать решила лететь вместе с ними.

— То есть мы будем в доме совершенно одни? — я таинственно понизила свой голос, наклоняясь к Егору ближе, и эротично задышала ему в ухо, слегка прикусив за мочку.

Не переставая смотреть на дорогу, он судорожно сглотнул и, расцепив наши пальцы, переместил свою ладонь на мое бедро, сжав в кулак однотонное бирюзовое полотно подола. Я наигранно издала тихий стон, а мотор машины угрожающе зарычал, вдавливая нас сильнее

в спинки кресел.

— Кира, я за рулем, — Егор резко дернул головой и уверенным движением отодвинул меня подальше от себя на пассажирское сидение. — Не дури.

— Уже давно одурела от тебя, — усмехнулась я, поправляя свое платье.

И я даже несколько не преувеличивала. Те чувства, которые играют во мне к Егору, можно назвать только так. И, черт возьми, мне это дико нравилось.

— Тогда нам место в психушке, — улыбнулся он, снова окинув меня секундным взглядом.

— Почему?

— Ты одурела от меня, а я схожу с ума по тебе.

— С тобой я и в психушку согласна, главное, чтобы нас поместили в одну палату.

Егор лишь тихо рассмеялся, снова протягивая мне ладонь.

— А зачем нам в офис твоего отца? — спросила я, вглядываясь в окно уже на подъезде к городу.

— Его компания переезжает на новое место, и сейчас там идет ремонт. Мне надо забрать кое-какие бумажки. Папе просто хочется больше времени с Дашкой провести, поэтому сегодня я у него вместо посыльного.

Офис Королева старшего располагался в небольшом трехэтажном кирпичном здании цвета бордо с огромной металлической вывеской на фасаде. В холле первого этажа от начищенного до блеска полов и керамогранитных серых стен невыносимо рябило в глазах. Вокруг вообще все сверкало бликами. Отдыхом для взгляда были только парочка диванчиков бордового винного цвета и какие-то ярко-зеленые растения, подстриженные шаром в огромных деревянных кадках. Если бы Егор не вел меня за руку, то я и шагу не смогла ступить в этой, колющей глаза, чистоте.

Мы ходили по третьему этажу из кабинета в кабинет, в каждом из которых шел на разном этапе ремонт. Коридор разительно отличался от сияющего холла внизу: пыльно, грязно, снующие рабочие с инструментами в руках, запах цемента и краски.

Егор все время что-то фотографировал, делал какие-то заметки в телефоне, параллельно переговариваясь с каким-то мужчиной, по всей видимости, прорабом. А я семенила за ними, пытаюсь не чертыхнуться через мешки цемента или коробки с плиткой. Но пару раз я все же умудрилась знатно споткнуться и даже случайно перевернуть ведро с какой-то сухой смесью. Если бы я не была спутницей сына их начальника, то прораб бы меня тут же закатал в стяжку на полу.

— В конце коридора дверь. Жди там, — скомандовал Егор, видя, как нервно косится на меня прораб.

Я послушно кивнула и тихонько нырнула туда, куда мне сказали. В отличие от остальных кабинетов здесь ремонт, по всей видимости, был уже окончен. Светло-серые стены, потолочные карнизы цвета бордо, а все пространство было заставлено новой, еще даже не распакованной мебелью: парочка тумбочек, шкафы, кресла, стулья.

Потоптавшись по кабинету, я осторожно облокотилась на край новенького стола.

— А вот и я, — белобрысая голова появилась в дверях. — Ты еще не успела ничего тут расколотить? Мне нужно еще кое-что записать, и мы можем ехать, — парень положил какие-то бумажки на соседний стол и, склонившись над ним, принялся что-то переписывать на бумагу с экрана телефона.

Я наблюдала, как он сосредоточенно водит ручкой по листку, слегка прищурив глаза и закусив нижнюю губу. Его левая ладонь очень странно держала ручку в пальцах. Казалось, что ему ужасно неудобно писать, но он легко выводил какие-то буквы и цифре на бумаге. Даже такая мелочь, как вид пишущего Егора левой рукой, вызывало во мне необъяснимое чувство трепета и нежности. Хотя нет, все объяснимо — я просто его любила.

Снова окинув кабинет взглядом, я вдруг представила, как Егор будет работать здесь. Как будет сидеть за этим столом, важно подписывая документы. Как его мускулистое тело будет сексуально выглядеть в белоснежной рубашке, как он будет закатывать рукава на ней, обнажая свои жилистые крепкие запястья, его длинные сильные пальцы будут расстегивать верхние пуговицы на вороте, после каких-нибудь важных переговоров о тендере.

Я еще ни разу не видела его в строгом костюме — только джинсы и футболка. Одна фантазия о широких плечах, обтянутых тканью рубашки и запахе дорогого мужского парфюма с древесно-морскими нотками — и низ моего живота томно напрягся.

«А у него будет секретарша или помощница?» — я снова ощутила, как меня дернуло от ревности. — «Нет, так не пойдет... Находясь здесь у него должна быть лишь одна мысль — обо мне»

— Егор... — тихо позвала я, закусывая губы.

— А? — он даже не поднял головы в мою сторону, продолжая извращаться левой рукой на бумаге.

— Возьми меня к себе секретаршей.

Блондин расплылся в улыбке, но все еще напряженно смотрел на свои каракули:

— И что ты будешь делать, работая здесь?

— Ну... приносить тебе кофе, напоминать о важных встречах, — руками я прошлась по телу, сминая ткань платья, — готовить документы... — мои ступни выскользнули из босоножек, — а иногда ты будешь звать меня в кабинет и отчитывать...

— За что? — хохотнул он, переписывая что-то с телефона на бумагу.

— Егор Александрович, — мой хриплый голос заставил его вздрогнуть. Я легко поддела ногой свою кружевную часть нижнего белья, уже упавшую на пол, и перекинула их прямо на стол к Егору. — Тот отчет, что вы просили, не готов...

Он замер, и невероятно медленно поднял свой взгляд.

— Кира...

Но меня уже было не остановить. Я аккуратно села на стол, приподняв подол платья.

— Егор Александрович, — зашептала я, вызывающе раздвигая ноги в стороны, — вы же меня не уволите...

В глазах Егора пробудились бесноватые огни. Было сложно не заметить, как напряглось его тело, грудь стала неровно дрожать от сбившегося дыхания. Он нервно облизнул губы, а я спокойно разрешала возбуждению и похоти отключать свое сознание.

— Твою же мать, — Егор пытался отвести взгляд от меня, но он равно возвращался ко мне. — Что ты творишь... — Его голос срывался.

— Слабо? — я еще сильнее развела ноги, начиная сама буквально дуреть от желания внизу живота.

Мой пульс совершал тысячу ударов в секунду, разнося по венам развратные чувства, которые проникали в самые потаенные точки тела и подсознания.

— Где моя Кира, которая краснела только при одном моем взгляде? Ты сейчас хочешь взять меня на слабо? — его нервный шепот и потемневший от желания взгляд распалили меня еще больше.

Я ощущала, как горит его тело, разум, как ему хочется взять меня прямо здесь и сейчас.

— У тебя два варианта: или я возьму тебя, или ты.

Даже не знаю, что это было: хрип, рычание или стон, но в одну секунду Егор оказался возле меня и, грубо взяв за руки, дернул к себе. Его бедра оказались прямо между моих ног, где никакое белье уже ничего не скрывало. Задержав лишь на мгновение свой обезумевший взгляд на моем лице, он жестко накрыл поцелуем мои губы. Мне хватило лишь одного властного движения его языка во рту, чтобы сбросить все тормоза.

Я схватилась за его шею, с силой вжимаясь него. Жадно, беспардонно руки Егора трогали волосы, путаясь в распущенных локонах, плечи, спину, талию, бедра. Он глубоко

дышал через поцелуй, дразня мой язык в жарких, грубых ласках. Каждое его прикосновение все больше сносило крышу, причем не только мне. Так по-хамски и вызывающе Егор еще никогда не прикасался к моему телу.

Он сильнее приподнял платье вверх, судорожно скользя ладонями по моим обнаженным ягодицам, и уверенным движением закинул мои ноги к себе на бедра. Грубая ткань джинсов тут же неприятно зацарапала нежную кожу. Егор, не контролируя себя, прикусил мне губу, а протянула болезненный стон. В голове все кружилось от ощущения мужских пальцев между моих ног. Егор двигал ими так быстро, что я забывала, как дышать. Внутри меня крутился огненный шар, который с каждым движением пальцев становился все более неуправляемым.

— Хочу тебя... — с трудом простонала я в бешеный ритм нашего поцелуя.

Его футболка оказалась на полу. Я прижалась всем своим телом к обнаженному мужскому торсу, мои губы хаотично заскользили по горячей коже, начиная оставлять засосы. Я чувствовала, как неистово бьется его сердце, разгоняя кровь по венам в безудержном пульсе. Мои бедра уже сами двигались навстречу его совсем неласковым пальцам. Но понимание того, что у нас сейчас нет времени на прелюдии заставляло лишь действовать, а не разводить палитру ощущений.

Слегка отстранившись от Егора, я торопливо расстегнула ремень на джинсах, а следом ширинку. Мышцы на крепком прессе заметно напряглись, когда моя ладонь скользнула под боксеры, и одним четким движением рук я легко обнажила узкие мужские бедра. Егор тяжело выдохнул, возбужденно облизав губы. Его ладони приподняли меня за ягодицы, придвигая ближе к себе. Я уже плохо соображала и лишь выгнулась в спине, поддавшись всем своим желаниям.

— Черт, — он резко дернулся, оперевшись руками о стол, и выпустил из легких дрожащее дыхание, — презервативы. У меня их нет с собой.

И я снова произнесла это раньше, чем успела подумать. Меня слишком знобило от похотливого безумия, что всецело поглотило мой разум:

— Давай без них. — Мой голос даже не дрогнул.

Он поднял затуманенный взгляд с дико расширенными зрачками. Было заметно, как в его мыслях борются между собой адекватность и желание заняться сексом прямо сейчас. А во мне уже однозначно победило второе.

— Нет... — прохрипел Егор, замотав головой, словно пытаюсь выкинуть противоположную мысль из сознания, — нет...

Он стоял передо мной стиснув зубы, до жути громко выдыхая воздух из напряженных ноздрей. Разноцветные глаза с вожделением смотрели на мои приоткрытые от желания губы, на мои ноги, которые обвивали его бедра, носильные жилистые руки по обе стороны от меня нервно сжимали край стола. Но не только ему можно было иметь власть надо мной...

— Королев, — зашептала я, стягивая вниз свое платье вместе с лифчиком, — почему мне всегда приходится тебя упрашивать? — взгляд Егора застыл на моей обнаженной груди, — Я тебя хочу.

Не давая ему даже опомниться, одной рукой я обхватила его шею, а ногами сильнее обвила бедра, придвигая их к себе. Идеальная высота стола. Все рассчиталось до миллиметров. Это было невыносимо горячо... В тысячу раз горячее, чем до этого те два раза.

— Остановись, Моя, — прохрипел он, обжигая мне шею, но движения совершал

совершенно противоположные.

— Я люблю тебя, — мой шепот заставил Егора поместить меня, вздрагивающую от огненных толчков внутри, в свои крепкие, надежные руки.

Он сдался нашему безумию, как и я.

— Ты меня погубишь... — Его губы нашли мои, заставляя терять себя и окружающий мир окончательно.

Дальше полный провал. Жесткий, властный провал. Никакой романтики и нежности. Все было грубо и быстро. Я впивалась в его плечи и шею ногтями так, что тут же оставались яркие следы. Движения его бедер были настолько резкими и четкими, что мое тело вздрагивало от боли, но чертов адреналин творил со мной странные вещи — мне это нравилось и возбуждало еще сильнее. Грань между болью и наслаждением становилась все прозрачнее.

Егор крепко держал меня за бедра, чтобы я и на миллиметр не могла сдвинуться на поверхности стола. Мы прижимались своими телами с такой остервенелой страстью, что могли переломать друг другу ребра. Он дышал сбивчиво, а сердце свирепо билось о грудную клетку. Его пальцы небрежно гладили мою грудь, пока я совсем не тихо стонала ему в шею от болезненно нарастающего возбуждения. Каждая мышца на его теле была пропитана желанием обладать мною полностью, без запретов. Егор, совершая мощные толчки внутри меня, напряжено хрипел:

— Моя девочка, ты такая горячая.

Хватая воздух, который закончился во мне уже давно, я дышала лишь им. Дышала его стонами, его грубостью, страстью. Его губы опять жалили синяками мои плечи и ключицы — мне было все равно. Мое тело само легко отзывалось на подобные ласки. Егор кусал губы, шипел, тихо матерился, сквозь стоны, которые с каждым его глубоким толчком становились громче. Он пытался закрыть мне рот поцелуями, но тщетно — я продолжала извиваться в его руках и стонать.

Огненные всполохи приближающейся разрядки, окончательно вывели меня в безумие. Я резко прижала бедра Егора к себе, чувствуя, как низ живота дрожит и сжимается. Мое сознание провалилось в глухой омут. Он, крепко обхватив мою талию, слегка приподнял меня над столом. Мое тело расслабленно прильнуло к горячим напряженным мышцам, нежно обхватив руками мужские плечи и спину. Сквозь туман наслаждения я видела, как задрожали ресницы парня, а зрачки заволокло пеленой экстаза. Я как можно сильнее сжала на весу свои ноги вокруг мужских бедер, давая свободу Егору двигаться во мне. Его глухие низкие стоны заполняли все свободное пространство вокруг. Ему нужна была всего лишь еще секунда...

Но резкий стук в дверь окатил нас обоим ледяным обухом, возвращая в реальность.

— Егор, можешь выйти? Это Георгий Иванович. Ты мне нужен, — раздался глухой мужской голос по ту сторону кабинета.

Несколько мгновений полной тишины и жуткой неловкости.

— Сейчас. Минутку, — хрипло выкрикнул Егор, опуская меня на пол и поспешно натягивая белье и джинсы.

Дрожащими руками я пыталась вернуть свои кружева туда, где ему место, попутно чувствуя, что щеки сейчас покроются ожогом. Мы с Егором нервно переглянулись, приглаживая свою одежду. Его разноцветные глаза все еще горели, а лицо точно так же пылало, как и мое.

— Люблю, — прошептал он, бешено сверкая глазами.

— И я люблю... — и сошла с ума. Сердце снова рухнуло вниз.

— Уже можно? — дверь слегка приоткрылась.

— Да, Георгий Иванович, заходите, — судорожно переводя дыхание, произнес Егор, продолжая смотреть на меня.

На пороге кабинета возник седовласый мужчина средних лет в строгом бежевом костюме. Он осторожно оглядел нас с ног до головы.

— Простите, что помешал, — Георгий Иванович сделал недвусмысленный акцент на последнем слове. — Решил, что лучше постучать. Вас очень хорошо было слышно за дверью. Здравствуй, Егор и...?

В моей голове пронеслись все известные мне матерные слова от «А» до «Я», и только после этого я сгорела со стыда.

— Кира, — смущенно пролепетала я, стараясь не думать, что этот мужчина слышал, как я только что жарко стонала.

— Очень приятно, — ему, видимо, было так же неловко, как и мне, потому что он старательно избегал со мной зрительного контакта. — Егор, ты мне нужен на пару слов.

— Да, конечно, сейчас, — он сдержанно улыбнулся и кивнул мне на ключи от машины лежащие на столе. — Кир, подожди внизу, пожалуйста.

А я была только и рада исчезнуть из этой комнаты. Я вылетела из офиса быстрее, чем скорость звука и перевела дыхание лишь тогда, когда захлопнула дверь черного кроссовера.

«Господи, чем я вообще думаю?» — я закрыла лицо руками, стыдливо пряча горящие щеки.

— И кто это был? — осторожно спросила я, когда Егор вернулся в машину.

— Это папин партнер, — помолчав секунду, он кинул на меня косой взгляд.

— Боже-е-е, — я посмотрела на него, растерянно хлопая глазами. — Извини.

— Моя, — Егор потянулся ко мне, беря мое напряженное лицо в ладони, — то, что ты вытворяла в кабинете... Если бы ты знала, как я связан тобой по рукам и ногам.

Я молча уткнулась ему в шею, краснея и улыбаясь одновременно.

— Отец звонит, — усмехнулся Егор, доставая из кармана вибрирующий мобильник и отвечая на звонок. — Да, пап. Я помню, что документы срочно. Уже забрал. Едем обратно, — отчеканил он и, задорно подмигнув мне, протянул ладонь.

Это становилось своеобразным ритуалом — наши переплетенные пальцы. Мы уже практически выехали из города, как у Егора снова засветились цифры на экране.

— Наверное, опять отец с корпоративного номера звонит. Нажми ответ, пожалуйста, — попросил меня Егор, бросив короткий взгляд на телефон.

Я послушно нажала зеленую кнопку на экране, а следом за ней кнопку громкой связи.

— Егор Александрович? — Раздался приятный женский голос в динамике.

Мой вопросительный взгляд буквально пропилил блондина насквозь.

— Вас беспокоит заведующая медицинской клиники. Вы просили позвонить вам лично, когда результаты будут готовы. Как мы и договаривались, вы можете забрать их в моем кабинете.

Я изумленно уставилась на Егора, чувствуя, как начинают холодеть его горячие пальцы. Он медленно освободил свою руку от моей и схватился за руль с такой силой, что костяшки пальцев приобрели белесый оттенок.

— Я вас понял. Спасибо, скоро буду. — Металлический тон голоса неприятно отозвался

в моих ушах.

Резко нажав по тормозам, что я буквально впилась руками в переднюю панель, Егор развернул кроссовер через две сплошные.

Сжатые губы, каменные скулы, застывший стальной взгляд, который он не сводил с дороги — все это не предвещало ничего хорошего. Даже рычащий мотор машины напряженно крутил обороты под стать внутреннему состоянию своего водителя, заставляя кроссовер стрелой лететь по трассе с запредельной скоростью. Я видела, как при каждом сжатии кулака на руле, по всей руке от запястья до плеч натягивались жилы и мышцы. Вопросов было много, а спросить язык не поворачивался, поэтому я молча притаилась на сидении, вздрагивая от каждого нового скоростного оборота мотора. Егор не проронил ни слова до ворот той самой клиники.

Мы несколько минут сидели молча, когда он остановил авто на парковке перед медицинским центром. Егор не сводил глаз с вывески над входом в здание. Это молчание в эфире уже начинало накалять нервы. По крайней мере, мои точно.

— Егор...

Он резко откинулся спиной на кресло, а рука достала из кармана в двери пачку сигарет. Одним ловким движением пальцев, Егор вытащил ее и тут же зажал губами. Чиркнув зажигалкой, он вдохнул никотин полной грудью, с наслаждением прикрыв глаза. Нахмутив брови, я повернулась к парню, смотря, как он осторожно выдыхает серый дым.

— Ты куришь? — недовольно заворчала я, не ожидая, что могу увидеть его с сигаретой в руках.

— Да, курю. И чтобы не было больше вопросов на эту тему, говорю сразу — курю на постоянной основе и бросать не собираюсь, — Егор напряженно выпустил дым изо рта.

Мне пришлось молча проглотить и едкий запах никотина, и наглое высказывание про то, что он собирается курить и дальше, так как ругаться на эту тему сейчас было бы бессмысленно.

— Ты мне ничего не хочешь сказать? — тихо спросила я, наблюдая, как быстро тлеет сигарета в его пальцах.

— Хочу, — он выкинул окурок, освобождая свои легкие от остатков дыма, — сиди здесь. Я скоро, — дверь кроссовера распахнулась, и Егор выскользнул на улицу.

— Но...

— Я сказал, жди в машине. И чтобы не как в прошлый раз, Кира, — он предостерегающе сверкнул глазами, прежде чем оставить меня в полном недоумении.

«Прекрасно», — промелькнуло в моей голове, пока я провожала взглядом широкую спину в серой футболке. Егора не было от силы минут десять, но за это время я успела пересчитать все машины на парковке, рассмотреть до мельчайших подробностей здание клиники. Я делала все, чтобы не пытаться загружать свой мозг мучительными вопросами и ответами, зачем мы сюда приехали. Когда Егор вернулся, то его лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций, а крупные губы были сжаты так, что выглядели как одна тонкая линия. Только трясущийся белый конверт в руках говорил, что парня изнутри бил сильнейший озноб.

— Что это? — еле слышно произнесла я, взглядом показывая на конверт.

Меня, как и Егора стала пробирать дрожь, которая потихоньку вытряхивала воздух из легких.

— Это? — он задумчиво повертел в руках конверт. — Это правда, Кира.

— Правда?

— Знаешь что общего между пулей в висок и ложью? — его разноцветные глаза прожгли меня пристальным взглядом.

Я сглотнула ком в горле и отрицательно повертела головой.

— И то и другое может убить. Только пуля в висок убьет тебя за секунду, а ложь — мучительно и медленно. Что выберешь ты? — такой холодный и вибрирующий тембр его голоса, и меня тут же настигло чувство, что передо мной вот-вот все поплывет.

— Ты пугаешь меня. Можешь не играть со словами сейчас? — воздуха говорить мне уже не хватало, а в голову упорно лезли самые страшные варианты ответа, которые нереально было бы и озвучить.

Видя, как меня начинает накрывать паника, Егор молча вытащил какой-то листок А4 с мелкими буквами и таблицами — это все, за что успели зацепиться мои перепуганные глаза, перед тем, как он повернул лист к себе. Я замерла в холодном страхе, пока Королев напряженно скользил взглядом по бумаге, а разум выдавал такие картинки, что меня затошнило.

— Блять... — Егор закрыл глаза, задышав с надрывом.

— Что! — чуть ли не истерично воскликнула я и уже была готова выдрать этот листок из его рук, но он сам протянул его мне.

— Читай. Внизу. Вслух.

Я выхватила бумагу, а мои глаза беспорядочно забегали по буквам.

«Исходя из результатов исследования, полученных путем анализа перечисленных локусов ДНК, вероятность того, что тестируемые лица имеют обоих общих родителей, составляет 0,3 %. Данные результаты основаны на предположении, что предполагаемые братья/сестры имеют одну общую мать».

— Чьё это ДНК? — я подняла взгляд на Егора, который судорожно втягивал мгновенно тлеющую сигарету.

— Мое и Даши, — прохрипел он, отрешенно смотря на меня в упор.

— Но... как?

— Вот так, Кира. Моя мать родила Дашу не от моего отца, — его голос дрожал, а пальцы снова доставали сигарету.

Я открыла рот, но ничего не произнесла, лишь переводила взгляд с напечатанного текста на Егора, глотающего дым, и обратно. Несколько минут мы просто молчали. Я пыталась уложить услышанное в своей голове, но оно упорно сопротивлялось.

— Как ты вообще додумался до этого?

Он затушил окурок. Дрожащие руки, не давали ему вытащить очередную сигарету из цветной картонной коробочки. Егора колотило с невероятной силой. Аккуратно забрав пачку, я сама вытащила сигарету, передавая ее в ледяные мужские пальцы. Он удивленно хмыкнул, вскинув свои брови, но тут же чуть ли не с благодарностью посмотрел мне в глаза.

— Знаешь, что спасло меня от неуда по биологии? — Егор приподнял уголки своих губ в усмешке, не сводя с меня взгляда, но не дожидаясь моего ответа, продолжил, делая затяжку. — Знание, что у родителей с первой группой крови вероятность рождения ребенка с такой же равна ста процентам. У Даши третья отрицательная, — уже натянуто добавил он.

— Ты как это провернул? Стащил у Даши ее волос?

Егор закатил глаза, нервно посмеиваясь:

— Все гораздо проще. Сестра месяц назад была в летнем лагере, и перед тем как туда поехать, нужно было сдать анализы. Отвозил ее в эту клинику я. — Очередная сигарета была докурена, а бычок спрятан в пепельницу под приборной панелью. — В медицинской карте увидел группу крови. Было два варианта: или врёт запись, или моя мать. Меня сразу что-то дернуло сдать кровь на ДНК, а «Хабаровск» в количестве пяти штук быстро обеспечил анонимность, — он кивнул подбородком на лист у меня в руке.

Егор замолчал. Я опять ошарашенно уставилась на результаты ДНК. У меня не было даже подходящих слов, чтобы хоть что-то сказать вразумительное. Егор запустил ладони в свои волосы и издал тяжкий вздох:

— Представляю лицо матери, когда я ткну ей этой бумажкой. — В его взгляде промелькнула что-то мерзко-зловещее.

— Не вздумай, — я встрепенулась на сидении, отодвигаясь от него чуть дальше, крепко держа листок.

Он замер на мгновение, сузив свои разноцветные глаза:

— Кира... — его широкая ладонь капканом потянулась ко мне, — отдай.

— И не подумаю, — мои пальцы еще сильнее вцепились в бумагу, — пока не придешь в себя.

— Кира, — зашипел парень и, замерев на секунду, резко дернулся к моей руке своей лапицей. — Отдай по-хорошему.

— Этот документ останется у меня до тех пор, пока ты начнешь размышлять адекватно, а не эмоциями, — я снова умудрилась ловко увернуться от его рук в тесном пространстве автомобиля.

Егор буквально навалился на меня всем своим телом, практически уже вплотную прижав к двери машины, обдавая едким запахом табака. Его глаза неадекватно горели, а по лицу заходили желваки.

— Сейчас жалею, что вообще дал тебе это в руки, — не осознавая, что начинает делать мне больно, он цепко держал меня за запястье, сжимая его все сильнее, пока наши свободные руки боролись между собой за листок с анализом ДНК. — Мне очень интересно послушать оправдания матери на этот счет.

— Егор, успокойся! Ты сейчас можешь сотворить какую-нибудь дичь и пожалеть потом об этом. Зачем тебе это надо?

— Да за тем! Она раздражает меня! — Голос Егора сорвался до крика, а глаза полыхнули таким зверским взглядом, что я неосознанно отпрянула от него.

В машине повисла идеальная тишина. Было слышно, как он нервно вдыхает и выдыхает воздух. На несколько секунд мы молча сцепились взглядами.

— Раздражает кто? Дашка? — тихо переспросила я.

— Нет, Кир, — он замотал головой, отодвигаясь от меня на свое сидение. — Моя мать.

По его растерянному виду можно было понять — Егор сам не ожидал, что скажет подобное. Он грубо потер свое лицо ладонями, потянулся опять к сигаретам, пока я ошарашено хлопала глазами.

— А из-за чего? Что произошло между вами?

— Ничего, — хмыкнул он. — В прямом смысле этого слова. Между нами никогда и ничего не происходило.

Заметив на моем лице все то же недопонимание, Егор сделал длинную затяжку и заговорил:

— Матери никогда особо не нужны были ни я, ни моя сестра. Она просто удачно женила на себе моего отца, забеременев мной. Это в бизнесе он жесток и непоколебим, но за пределами всего этого... — на его лице промелькнула тень разочарования. — Он настолько слеп в своей любви, что мне даже жаль его. А этот документ быстро откроет ему глаза.

— Ты хочешь устроить грандиозный скандал? — я в недоумении нахмурила лоб.

— А почему бы и нет, — холодно произнес Егор.

Я буквально опешила от его слов. У меня давно проскакивали мысли, что его отношения с матерью, мягко говоря, лишены тепла и заботы, но даже предположить не могла, что настолько.

— Егор, но она же твоя мать, как ни крути.

— Боже, Кира, — он нетерпеливо закатил глаза, а сигаретный дым клубом вырвался из его лёгких, — не всем быть такими святыми, как ты и прощать направо и налево. Моей маме не плевать только на кредитные карточки и дорогие отели, в которых она, как выяснилось, трахается за спиной моего отца. Эта женщина жила всегда только для себя. Она лишь при отце мило сюсюкала с нами а стоило ему уехать, то все, что мы получали с сестрой — это сухой поцелуй в лобик. Она за все годы моей спортивной карьеры ни разу даже не была на соревнованиях. Я, конечно, и отца мало видел дома, но любую свободную минуту он всегда проводил со мной и Дашей.

Он сделал последнюю глубокую затяжку, что сигарета дотлела практически до его пальцев, и выкинул окурок в окно. Выпустив дым через ноздри, Егор полез за следующей уже бесчисленной сигаретой. Мне очень хотелось его остановить, но то, сколько напряжения держал в себе его взгляд, как сжаты были его скулы, просто побоялась.

— А что будет с Дашей? — осторожно спросила я. — Ты подумал о ней? Каково будет узнать отцу и Даше, что они по факту никто друг другу? Когда я смотрела на них в беседке, то мне показалось, что роднее их на свете никого нет. Ты уверен, что им нужна твоя правда?

Разноцветные глаза озлобленно потемнели, а такие любимые черты лица исказились. Боже, сколько же в нем было обиды. От него исходили такие отталкивающие волны, что мне захотелось вжаться в сидение.

— Это твой эгоизм, основанный лишь на детских обидах. Этот листок — просто способ выместить злобу, вот и все, — я покачала головой, стараясь не оставлять в своей памяти этот взгляд.

— И что я должен делать, Кир? — он подался вперед ко мне, окутывая сигаретным дымом. — Молчать и знать, что моего отца дурили все двенадцать лет? — Бархатный голос наполнился сарказмом.

Преодолевая неприятное ощущение от ядовитого взгляда разноцветных глаз и запаха сигарет, я осторожно приблизилась к Егору.

— Как бы тебе ни нравился этот ответ, но да, — мои пальцы прикоснулись к скулам и спокойно очертили ее напряженный контур. — Сейчас у твоей сестры есть замечательный, любящий папа, а у твоего отца любимая дочь. Ты готов взять на себя ответственность за то, что произойдёт, когда громогласно заявишь об измене своей матери? Ведь тебя не просили озвучивать эту правду.

Егор замолчал, отстранённо смотря куда-то мимо меня. Затушив недокуренную сигарету о пепельницу, он закрыл глаза и взъерошил рукой свои волосы.

— Кира, но моя мать...

— Посмотри на меня, — я буквально заставила его повернуться ко мне, придерживая ладонью за подбородок, — Не разрешай своим эмоциям и обидам взять вверх. Одно наказание уже и так достигло ее...

— И какое же? — он иронично хмыкнул.

— Озлобленность собственного сына, — тихо произнесла я, ища в его взгляде хоть какой-то отклик на произнесенные мною слова и надеясь, что они были поняты правильно.

Он должен был понять. Егор замер, а я продолжала аккуратно водить пальцами по его щеке. Он судорожно сделал вдох и выдох, соприкоснув наши лица лбами.

— Кир, это сложнее, чем кажется... — прошептал Егор, и в каком-то секундном моменте его голос дрогнул.

— Сделай это ради Даши, — я как можно крепче сжала его ладонь. — Она и отец, правда, очень любят друг друга, а ты можешь все эгоистично разрушить. Твои родители должны разбираться в этом сами.

Он ничего не ответил, лишь через несколько мгновений согласно закивал, а я облегченно выдохнула. Его губы, пропитанные вкусом сигарет, показались мне каким-то чужими, но стоило лишь коснуться их, мигом забыла про то, что терпеть не могу запах табака. Егор углублял поцелуй все настойчивее, а руки уже потянулись к моей талии, чтобы перетащить меня к себе на колени, но всем всегда очень нравится встречать в наше личное пространство на самом интересном месте. Очередной телефонный звонок — и мы оба разочарованно простонали друг другу в губы. Не убирая своей горячей ладони с моей талии, свободной рукой Егор потянулся к телефону.

Я уткнулась блондину в шею, начиная привыкать, что теперь от него пахло не только древесно-морскими нотами, но и никотином.

— Сын, я же сказал — документы срочно. — даже без громкой связи можно было легко услышать голос Александра в трубке.

— Да едем уже, — запричитал Егор, прижимая меня еще крепче к себе.

***

Но одно дело сказать, другое — сделать.

Лицо Егора непросто предупреждало о том, что сейчас может произойти что-то очень нехорошее, оно напрямую это показывало. Глаза снова заволокла злобная пелена, а ноздри нервно вздрагивали, когда мы оказались в гостиной его дома, где Дашка и отец весело резвились в раскорячку на полу, играя в твистер.

Его мать сидела на диванчике, расслабленно листая какой-то гляцевый журнал, совершенно не проявляя интереса к гоготу прямо под ее ногами. Она-то и на нас внимание не обратила, лишь коротко кивнула головой на мое приветствие.

Мне не привыкать, да и было не до обмена любезностями: я запускала свои когти в руку Егору, чтобы хоть как-то отрезвить его и не дать сделать то, о чем он пожалеет.

— Вот документы, — прохрипел он отцу.

Папка со звонким хлопком упала на журнальный столик, четко попав звуком между смехом Королева старшего и Даши. Лиза подняла голову, невольно вздрогнув, а отец и дочь замерли в смешных позах на цветных кружках.

— Спасибо, мои детки-конфетки, — улыбнулся Александр, поднимаясь с пола и

отряхиваясь, но его взгляд с недоумением задержался на лице сына. — Егор, все нормально? Ты как будто ежа проглотил.

— Все отлично... пап, — медленно произнес он, играя с матерью в гляделки.

Мне кажется, если бы глаза умели говорить, то сейчас бы взгляд Егора откровенно вопил бы на весь дом, заставив все стеклянные предметы в округе разлететься на мельчайшие острые осколки. Елизавета, озадаченно прищурившись, смотрела на нас. Ее голубые глаза забегали от лица Егора к моему. Она как будто знала, что именно я могу понимать о чем говорит взгляд ее сына. Но я лишь сильнее вцепилась в напряженную руку Егора, напоминая ему о нашем уговоре, и посмотрела на Дашку, которая забавно перебирала руками и ногами по цветному полотну, не замечая троих взрослых, странно переглядывающихся в гостиной.

— У Егора просто очень голова болит, — я придала своему лицу максимально обеспокоенный вид, начиная толкать почти двухметровое тело в сторону лестницы. — На погоду, наверное...

— О, у мамы тоже так бывает, — Дашка отвлеклась от игры и расстроено покачала головой.

— Может, таблеточку? — отец все еще подозрительно косился на нас.

— Саш, да его сейчас и без таблеточки быстро убаюкают, — язвительно хмыкнула Елизаветта, утыкаясь носом обратно в журнал.

Здесь уже и мне пришлось стиснуть свои зубы, продолжая уводить Егора из гостиной.

«Знали бы вы, мама, что я сейчас же вас и спасаю, так бы не ядом не плевались», — пронеслось в голове.

Только оказавшись за закрытыми дверями нашего убежища, я смогла выдохнуть, но лишь на сотую долю секунды. Не успев толком закрыть дверь за нами, Егор со всего размаху врезал рукой по напольной вешалке. Проехавшись по полупустой комнате до противоположной стены, она с грохотом впечаталась в нее с такой силой, что всяческие на ней плечики с одеждой слетели на пол.

От громкого звука я инстинктивно зажмурилась, вжимаясь в дверь.

— Егор... тише... пожалуйста.

— Отдай документ, Кира, — тихо процедил он, стоя ко мне спиной и сжимая кулаки, а на его шее стали выступать вены.

— Наш уговор, помнишь? Ты обещал.

— Ты не понимаешь... Отдай.

Я осторожно приблизилась к нему. Руки заскользили по его широким плечам. Мне до безумия хотелось избавить его мысли от гнева, невыносимо видеть в таких пленяющих меня разноцветных глазах эти всполохи злобы. Подойдя еще ближе, прильнула к мужской спине, уткнувшись носом в шею, а мои ладони оказались на его груди. Я трепетно прижалась к Егору, обнимая его со спины и едва касалась губами невероятно пахнущей кожи.

— Любимый мой...

Под моей ладонью бешено заколотилось его сердце, да и я сама ощутила, как замираю, произнося эти слова.

— Это запрещенный прием, — буркнул Егор, повернув голову, и искоса взглянул на меня через плечо.

Но я чувствовала, что его тело перестает быть каменным в моих объятиях. Я сильнее скрестила руки впереди него, ласково целуя в шею.

— Черт, — он окончательно выдохнул напряжение и накрыл своей горячей лапой мои две ладошки у себя на груди, — скорее бы уже завтрашний вечер.

— А что завтра? — я продолжала ластиться к Егору, наслаждаясь его ароматом и теплотой, а руки крепче сжимали его в объятиях.

— Завтра только ты и я в этом доме. И ты не представляешь, как сильно мне это нужно.

Только я и он. Во всех смыслах. И это действительно было, как нельзя, кстати. В тот день Егора все равно периодически потряхивало, а взгляд то и дело косился на мою сумочку с секретом. Думаю, останься в доме кто-либо, он дал бы волю своему желанию хоть как-нибудь, да сцепиться с матерью. Правда, Королев все равно поступил эгоистично, только теперь в мой адрес.

— Если ты собираешься свалить от меня на сегодняшнюю ночь, то я могу не сдержаться и что-нибудь да ляпнуть. Случайно так. Не в твоих интересах оставлять меня сейчас без присмотра, — шептал он, медленно опуская поцелуи по моей обнажённой спине.

— Мне нельзя оставаться у тебя каждую ночь. Бабушка... она... — я мучительно закусила губы, сильнее прижимая подушку к лицу и глуша стон, чувствуя, как вздрагивают мои бедра, под ласками его горячих пальцев.

Егор легко перевернул меня с живота на спину. Его широкоплечий силуэт мощно навис надо мной в темноте. Он бережно заправил мешающие пряди мне за ухо, развратно сверкнув глазами, а его язык, заигрывая, скользнул к моим губам.

— Никуда тебя не отпущу, и завтра можно будет уже не сдерживать стоны, — отстранившись, Егор раздвинул мои ноги и опустился к низу моего живота. — А ты будешь стонать, можешь не сомневаться...

— Его-о-р... — я прогнулась в спине, давая полную свободу его языку и пальцам, которые, ловко чередуя друг друга, рисовали узоры, изматывающее лаская меня.

В ту ночь я так и не попала домой. Как и в последующие тоже. Мы буквально не могли оторваться друг от друга. Нас магнитило, притягивало, цепляло между собой. Несколько дней подряд я возвращалась уже утром под сердитые взгляды бабушки.

— Это не нормально, Кира, — качала она головой.

— Почему? Все так же помогаю тебе с огородными делами, просто остальное время провожу не дома, — я в очередной раз недовольно закатила глаза, встретившись с ней на пороге.

— Вот именно. У тебя, вообще-то, есть дом. Что же ты так вешаешься к нему на шею? Имей хоть немного совести, потому как о гордости и женском благоразумии уже и речи не идет, — холодно процедила она, смотря на меня чуть ли не с разочарованием.

— Ба, я не хочу ругаться. Хватит. Ничего такого не происходит. Мне девятнадцать, в конце концов, — я проскользнула мимо нее вверх по лестнице, стараясь больше не встречаться с бабушкиным тяжёлым взглядом.

— А ведёшь себя, как подросток. Глупо и на эмоциях. Кира! — долетело мне в спину, прежде чем я закрыла дверь своей комнаты.

Почему она даже не пыталась понять меня? Куда вообще делось нашей с ней взаимопонимание? Мы всегда были близки. Может, мне просто казалось, что мы прекрасно ладим друг с другом. У меня до этого никогда не было своих реальных желаний и планов. Бабушка все время вкладывала в мою голову, что нужно учиться, много работать над собой, чтобы добиться чего-то в жизни. И я хотела именно этого: учёба, достойная профессия, стабильное будущее.

А были ли это мои настоящие мысли? Теперь эти жизненные установки были каким-то чужими. Вроде все правильно, вроде мое, но... Настоящим и нужным казалось теперь другое

— я и он. И все, что происходило между нами — это была моя реальность.

И разве было возможно объяснить это бабушке? Она бы и не попыталась выслушать. Как рассказать, что, когда он не рядом, то меня будто бы начинало ломать. Даже несколько часов проведенные без него в какой-то момент становились истязаниями. Я с трудом выдерживала то время, которое проводила вне его объятий. Головой я понимала, что это уже зависимость в своем истинном понятии, но моя душа, сердце, тело поступало по-своему. Мне нужно было оказаться в руках Егора.

И он не отпускал меня. Каждая секунда рядом с ним — и я оживала. Мы легко разгоняли свои чувства от сумасшедшей нежности, когда начинало ныть сердце, до дурной страсти, при которой становилось невыносимо дышать.

Иногда это был настолько тонкий и чувственный секс, что сознание и подсознание растворялись на пару, погружая меня в эйфорию. А иногда Егор в прямом смысле брал меня так жестоко и грубо, что дрожал каждый сантиметр моего тела, а мужская спина и плечи были в ярких следах от впивавшихся в его кожу моих пальцев.

Я засыпала в кольце сильных рук. Просыпалась, чувствуя пьянящий запах его кожи и тепло. Порой сквозь сон я ощущала, как Егор осторожно целовал мне шею, как горячими пальцами скользил по изгибам моего обнаженного тела, едва прикасаясь ко мне, как он дрожал, когда прижимал к себе.

— Любимый мой, родной... — шептала я ему, пока губами хаотично прикасалась к его лицу, а ноги крепче обвивали узкие бедра. Мы уже бесчисленное количество времени сидели на смятых простынях в вечерних сумерках, пытаюсь, наконец, насладиться близостью наших тел. — Ты даже представить не можешь, как я люблю тебя.

— Могу, Кир, — мужские пальцы чувственно скользили по моей спине, спускаясь к ягодицам, а глубокое дыхание обжигало шею и ключицы.

— Это, наверное, ненормально...

— Почему? — тихо спросил он, оставляя дорожку из влажных поцелуев от моей шеи к подбородку.

— Когда я говорю, что люблю, то каждый раз внутри что-то ноет. Даже сейчас.

Егор протяжно вздохнул, запуская пальцы в мои волосы и приближая меня за затылок ближе к своим губам.

— Моя, веришь или нет, но не у одной тебя подобное чувство. У меня ломка от этого слова, — он слегка прикусил и втянул мою нижнюю губу. — Я хочу, чтобы ты была только моей...

— Я и так твоя, Егор.

— Мне и этого мало... — прошептал он, не отрываясь от поцелуя. Сжав мои бедра, слегка приподнял их над собой.

Я с тихим стоном втянула воздух, чувствуя, как он входит в меня. Начиная дуреть от горячего ощущения внутри себя, моё тело само подалось вниз, а возбуждение заставляло отключаться разум.

— Черт, — прошипел Егор, впиваясь пальцами в мои ягодицы, — начни пить таблетки, пожалуйста. Это невыносимо. Я хочу кончать в тебя каждый раз.

По мне прошла волна дикой дрожи, замерев где-то внизу живота. Я мучительно стиснула зубы, понимая, что сейчас мы опять не предохраняемся. Это были слишком разные ощущения: ярче, острее, горячее. Соприкоснувшись лбами, мы оба нервно дышали. И продолжать было опасно, а останавливаться не хотелось ни на секунду.

— Ты доверяешь мне? — прохрипел Егор, крепче прижимая к себе.

— Да... — я нервно сглотнула, начиная медленные движения.

Горячими ладонями он скользил по моему телу, а ласковые прикосновения языка заставляли растворяться пространство перед глазами. Я то наращивала свой темп, то испытывающее замедляла его, кусая мужские губы с привкусом сладкой мяты и едва ощутимым ароматом сигарет. Егор смотрел на меня, не отрываясь помутневшими от вожделения, глазами.

— Девочка моя... — Его бархатный шёпот разгонял пульс до предела.

Егор легко перевернул меня на спину, начиная двигаться во мне так плавно, что ощущения в низу живота заставили мучительно выгибаться под крепким телом и хватать ртом воздух. Переплетя наши пальцы, он вдавливал меня в прохладные простыни, двигаясь все так же медленно. Уткнувшись мне шею, Егор выводил языком влажные узоры. Мои бедра стали непроизвольно приподниматься навстречу плавным толчкам внутри. Мягкие, теплые губы слегка дернулись, оставляя свою ухмылку на моей шее и тут же ненасытно втянули кожу на ней. Очередной синяк был обеспечен.

Несмотря на мои вздрагивания и просящие стоны, Королев и не думал ускоряться. Если он дышал ровно, то я извивалась и стонала, вжимая свои пальцы в его широкую ладонь. Меня начинало накрывать жгучим ознобом, мои ноги, скрещенные на мужских ягодицах, пытались прижать их как можно сильнее к себе, давая возможность чувствовать все еще глубже. Ровное дыхание Егора стало сбиваться, а тело напряглось.

Он еле держался, пытаясь не прийти к разрядке первым. А у меня уже не было сил. Резко выгнувшись под накаченным влажным телом, я неконтролируемо задрожала, впиваясь ногтями в мужскую ладонь.

— Моя... — зарычал Егор, начиная двигаться все быстрее.

Несколько мгновений, и он резко дернулся, прижимаясь дрожащими бедрами к моему животу. Я трепетно обвила своими руками его широкие рельефные плечи, расслабленно целуя в мягкие губы. И, как всегда, мы оба потеряли счет времени, пока находились в объятиях друг друга. Если секс начался в сумерках, то закончился от уже в полной темноте.

— Ты со мной в душ? — я шутливо взъерошила копну волос блондина.

— А можно я сначала покурю? — спросил он, отрываясь от меня и откидываясь спиной на простыни.

— Егор, ты куришь при мне уже который раз, и только сейчас решил спросить? — усмехнулась я, приподнимаясь на локтях.

— Это был риторический вопрос, — улыбнулся он, потянувшись к лежащим на полу джинсам.

— Ты что, собрался курить прямо здесь? — округлила я глаза, наблюдая, как достаётся пачка сигарет из кармана.

Потянувшись куда-то своей длиннющей рукой за соседний коробок, Егор выудил оттуда стеклянную пепельницу.

— Угу, — промышчал он, озаряя свой силуэт вспышкой зажигалки. — Дома все равно никого, — с нескрываемым наслаждением им была сделана глубокая затяжка и тут же выпущены серые клубки дыма.

— Тебе и правда так это нравится?

И судя по расслабленному дыханию, ему непросто нравилось — он получал своеобразное наслаждение.

— Ты никогда не курила? — разноцветные глаза тут же распахнулись.

— Нет... И даже не пробовала.

Егор резко сел и повернулся лицом в мою сторону:

— Иди ко мне.

— Что ты хочешь? — я недоумевающе нахмурилась, но почему-то послушно приподнялась и села напротив него.

Сделав глубокую затяжку, он, гипнотизируя меня взглядом, положил свободную ладонь на мой затылок и приблизился к моим губам:

— Смотри на меня и вдыхай, — прошептал Егор, держа затяжку в себе, и тут же его язык скользнул ко мне в рот, а вместе с этим, он медленно выдохнул сигаретный дым.

Послушно сделав глубокий вдох, я чувствовала, как мои лёгкие наполняются чем-то горячим и горьким.

— Выдыхай, — разноцветные глаза вызывающе смотрели на меня.

Я выпустила серое облако из своих лёгких, изумленно уставившись на Егора. В груди и в горле все еще жгло. Не давая мне опомниться, он снова затянулся сигаретой и смял мои губы жарким поцелуем. Не знаю зачем, но я вдохнула в себя сигаретный дым, чувствуя, как начинает кружиться сознание от какого-то лёгкого тумана. Оторвавшись от любимых губ, я выпустила серое облако.

— Ну как? — улыбнулся Егор.

— Странные ощущения, — пролепетала я, пытаюсь сконцентрировать взгляд на его лице.

— Голову ведет, да?

— Да... и в груди горячо.

— Считай, что вдохнула мою душу. И теперь ты знаешь, как она горит, когда ты рядом, — произнес Егор, нежно проведя пальцем по моей щеке. — Я люблю тебя.

— У меня такое ощущение, будто бы все это не со мной происходит, — прошептала я, соединяя наши лбы.

— Почему? — Дразнящие губы, пахнущие сигаретами, касались моих.

— Потому что это безумие. Когда ты рядом, я чувствую себя абсолютно по-другому. И поступки совершают другие. Я не ночью дома, пробралась с тобой в чужой сад, мой первый раз произошёл в машине, потом этот спонтанный секс в офисе твоего отца... А самое непонятное для меня то, что мне это нравится.

— Значит, тебе нравится жизнь. Потому что это и есть жизнь. Настоящая, с драйвом, — Егор бережно поправил растрепанные пряди волос у моего лица. — Не все время же тебе грядки поливать.

— Может, ты и прав, но я даже не представляю, что будет дальше. Может, мне вообще в голову придет тату набить, чтобы уже совсем... — усмехнулась я, проведя пальцем по рисунку на его ребрах, чувствуя, как Егор поежился от щекотки.

— Иди в душ уже, — он чмокнул меня в губы, и снова потянулся к тлеющей сигарете в своих пальцах.

На секунду даже показалось, что на его лице промелькнуло именно то выражение, с которым ему обычно и приходят странные идеи. Но нет, не показалось. Вернувшись из душа в комнату, мне в руки тут же были кинуты мои же футболка и юбка, а Егор уже стоял одетый в дверях.

— И куда на этот раз? — оставалось только хмыкнуть и закатить глаза, так как я уже

больше ничему не удивлялась.

— Слабо поехать со мной без вопросов? — загадочно улыбаясь, он подпер плечом дверь, наблюдая, как я натягиваю на свои бедра юбку.

— Не слабо, — и в этом не было и капли лжи.

Чтобы он теперь не придумал, я буду с ним в любом случае.

— Тогда поехали, — сверкнув глазами, он протянул мне свою руку.

***

— Я, конечно, обещала ни о чем не спрашивать, но за окном ночь и мы уже почти час едем по трассе... — мои глаза пытались выловить из темноты хоть какие-то знакомые повороты, подсвеченные огнями фар, но нет.

Егор многозначительно улыбнулся, не сводя взгляда с дороги, и сжал наши сплетенные пальцы.

— Ясно... — пробубнила я, пытаясь прикинуть в голове хоть какие-то варианты, куда он меня везет.

Долго насиловать себя вопросами не пришлось. Машина свернула с трассы на узкую асфальтированную дорогу и через несколько минут в темноте среди деревьев замелькали огни домов.

— Мы едем кому-то в гости? — я ошарашенно повернулась к Егору, который тут же укоризненно покачал белобрысой головой.

— Моя, это был вопрос...

— А мне кажется, что уже самое время задавать вопросы. Половина двенадцатого вечера...

— Кира-а, — простонал он, цокая языком, — все-таки твою нудную натуру не утопить и не затрахать. Расслабься. Уже приехали, — машина свернула в проулок, ведущий в тупик.

Кроссовер притормозил у высоких кирпичных ворот, освещённых парочкой фонарей, в окружении огромных сосен.

— Так... — я нахмурила брови, — мы где?

Егор, сделав вид, что и не слышит, вышел из машины и, обойдя ее, открыл мне дверь, галантно подавая ладонь:

— На выход.

— Как галантно, — фыркнула я, но за руку все таки ухватилась.

Он привлёк меня к себе и ласково поцелова в кончик носа.

— Тебе понравится. Я уверен.

— Егор, здорова! А я уж думал, что вы не приедете. — Грудной бас раздался за нашими спинами.

В приоткрытых воротах появился огромный бородатый мужской силуэт в белой растянутой футболке и шортах.

— Привет, Верт, — Егор отстранился от меня, протягивая мощному бородачу ладонь для приветствия.

Мужчина растянул лицо в улыбке, отвечая на рукопожатие. Его руки от края футболки до кистей были напрочь забиты татуировками. И не только руки — шея и часть груди, видневшаяся через глубокий вырез футболки, тоже была покрыта замысловатыми узорами.

Навскидку, мужчине было около сорока.

«Так. Мощный бородатый дядя в татуировках. Что задумала на этот раз моя белобрысая любовь?» — я панически напрягала свои извилины, подкидывая варианты дальнейших событий, пока мужчины обменивались рукопожатиями и стандартными фразами приветствия. Хотя в голове ответ промелькнул практически сразу.

«Да ну. Это же была шутка.» — застонала я про себя.

— А со своей мадам познакомишь? — бородач весело подмигнул мне глазами, ведя нас за собой в небольшой двухэтажный домик.

— Кира, — ответил за меня Егор, крепко держа меня за руку.

— Очень приятно, — бородатый дядя не переставал улыбаться. — Верт.

Я лишь напряженно улыбнулась в ответ, послушно шагая по двору к дому, который стоял как светящаяся гирлянда среди окружавших его сосен. Не требовалось ни одного фонарика вдоль дорожек во дворе — все вокруг подсвечивалось бешеной иллюминацией на самом доме.

— Егор, — зашептала я и осторожно подергала его за руку, — а что мы тут делаем?

— Сейчас все увидишь... — он загадочно хмыкнул, придерживая передо мной дверь в дом, где уже скрылся Верт.

Проходя по коридору, мои глаза пытались выловить из окружающего интерьера хоть что-то, что могло бы, если не дать точный ответ, то хотя бы явно намекнуть, зачем мы здесь, так как мои догадки меня конкретно не устраивали. Но дизайн дома не давал никаких зацепок: стиль лофт в мягком полумраке с бесчисленными фотографиями татуированных девушек и мужчин на стенах.

«Егор решил устроить нам фотосессию? Да, бред...»

— Так, нам сюда, — бородач стоял в конце коридора, жестом предлагая пройти в открытую дверь.

Егор снова, подбадривая, подмигнул мне и протолкнул вперед в комнату.

«Нет. Только не это», — с бешеной паникой пронеслось у меня в голове, когда мои глаза выловили в ярко освещенной комнате специфическую атрибутику и оборудование. Интуиция меня не обманула.

Егор привез меня делать татуировку.

— Даже не думай, — я медленно покачала головой, пятясь обратно к выходу.

— Кир... — Егор мягко улыбнулся, протягивая ко мне свои руки. — Послушай...

— Так, я пойду перекурю, — усмехнулся Верт, оставляя нас наедине.

— Ты совсем уже ошалел? — я буквально накинулась на Егора.

— Нет, — его взгляд и лицо изучали уверенность и спокойствие, — у меня просто появилась мысль.

— Лучше бы у тебя разум появился. Ты зачем меня сюда притащил?

— Делать тату. Ты же сама озвучила.

— А если бы я про новый айфон ляпнула?

— У тебя и так вообще-то последний...

— Егор, — громко зашипела я, — так, все, вези меня обратно, — и попыталась протиснуться между широкими плечами и дверью, но он, закатив глаза, легко подхватил меня на руки.

Сделав несколько шагов вглубь комнаты, Егор усадил меня какую-то высокую кушетку, очень смахивающую на кресло в кабинете стоматолога, только черного цвета. Я даже не пыталась вырваться — бесполезно.

Оперевшись руками по обе стороны от меня, он внимательно заглянул в мои глаза:

— И почему такое категоричное «нет»?

— Во-первых, — вздохнула я, — ты привез меня в какой-то дом, к какому-то мужику. Это даже не салон...

— Хорошо он тебя сейчас не слышит, — рассмеялся Егор, закачав головой. — Кира, это хозяин нескольких тату салонов, а помимо этого его работы являются победителями различных фестивалей как здесь, так и за рубежом. К нему попасть практически нереально, для своих он бьет только у себя дома. Верте я уверен на все триста процентов. Что ещё?

— Ладно, допустим, твой бородатый друг суперспециалист и все такое, но это же больно, — я поморщилась, как будто меня уже затыкали иголками.

— Это просто неприятно. Я уверен, что ты сможешь выдержать. Ты у меня очень смелая и сильная девочка, — он ласково щелкнул меня по носу, расплывшись в улыбке. — Вспомни, как смело драпала от собаки из сада... А тут какая-то тату...

Я поморщилась:

— Так себе аргумент, конечно...

— Что еще тебя напрягает?

— Егор, татуировка делается на всю жизнь. А если мне потом разонравится эта надпись или что-то еще?

— Кир, — он приблизил свое лицо ко мне, а азартный блеск в его глазах доказывал то, что Егор не намерен отступить, — уверен, что мое предложение придется по вкусу, даже через пару лет ты не пожалеешь...

Я вопросительно приподняла свои брови.

— Хочу закончить свою татуировку недостающей деталью, но закончить ее на тебе, — пояснил блондин, но я продолжала непонимающе смотреть в разноцветные глаза. — Парад планет. Ты сама спросила тогда на пляже, где солнце?

— И?

— И я хочу предложить тебе набить его том же месте, что и моя тату. Солнце — это сумасшедший источник силы тяготения, которая и удерживает вокруг себя все планеты и спутники. Как и ты, — Егор уткнулся лбом в мой лоб, прикрыв глаза и снизив голос почти до шепота, — притягиваешь и удерживаешь меня рядом с собой.

Я прерывисто вдохнула терпкий никотиновый аромат любимых губ, а мои пальцы заскользили по широким мужским скулам, по коротким волосам, сцепившись в замок на его затылке.

— Егор, — мой голос тоже перешел в шепот, — это все очень романтично, но ведь татуировка делается и на всю жизнь. Тем более, когда она будет иметь связь с другой тату.

Он слегка отстранился и пристально впился разноцветными глазами в мое лицо:

— «На всю жизнь». Что ты имеешь против этого в отношении нас? — Не дожидаясь моего ответа, он прильнул к моим губам.

— Вы уже договорились? — Раздался бас в дверях. — Ну, что? Любовь-морковь-татуировка?

Я смущенно отпрянула от Егора, поджав губы. Он все еще испытывающее сверлил меня взглядом, ожидая моего ответа. Верт так же вопросительно смотрел в мою сторону, скрестив свои татуированные руки на груди. Мне казалось, что я сошла с ума, ведь я и татуировка... Но смотрящие на меня любимые разноцветные глаза...

— Согласна.

Егор тут же расплылся в довольной широкой улыбке, вызывая во мне чувство все большей уверенности в том, на что я только что подписалась.

— Отлично, — Верт потер ладони. — Приступим.

А дальше я просто напряженно наблюдала, что происходило вокруг меня. Буквально за несколько минут он набросал эскиз, сравнивая его с татуировкой на теле Егора и тут же вносил какие-то поправки.

— Нравится? — спросил меня бородач, показывая мне окончательный вариант, одобренный блондином.

Бросив лишь мимолетный взгляд на рисунок своей будущей татуировки, я согласно кивнула. Все, что мог уловить мой нервничающий мозг, так это аккуратные, филигранные линии на эскизе с изображением солнца и его лучей. По стилю точь-в-точь как тату Егора. Меня трясло, и внутри все холодело от страха. Но я беспрекословно и без смущения подняла свою футболку, выставляя напоказ белье, когда нужно было обработать место нанесения эскиза. Верт сосредоточенно переводил моих на ребрах под левой грудью рисунок.

— Это больно? — тихо спросила я, стараясь не смотреть на странный пугающий прибор в руках у бородача.

— Хм, нет, — улыбнулся он. — Как комарик кусает.

— Ага, — поддакнул Егор, усаживаясь в кресло рядом с кушеткой, на которой теперь полулежа расположилась я. — Целый рой комариков.

Я начала панически переводить взгляд со своего широкоплечего мужчины на чужого бородатого.

— Так, не дергаемся, не шевелимся, не пытаемся сбежать. Это не спа-процедура, но терпимая, тем более рисунок не объемный, изящный. Работы на час максимум. Если уж совсем больно, то лучше я остановлюсь, — Верт наклонился к моему телу, занося странный прибор над моей кожей. — А еще я люблю работать в идеальной тишине. Все ясно, голубки?

Крепко зажмурив глаза, я закивала своей головой.

— Егор, свет общий выруби, — попросил бородач, включая надо мной яркую лампу.

Комната погрузилась в полумрак, а я в полу страх.

Первые полчаса я стойко терпела, периодически сжимая кулаки и ойкая. Ощущения от впивающиеся в кожу иглы разнились от жжения и зуда, до чувства, что за мою кожу зацепился кошачий коготь и теперь медленно сползает вниз и движется по кругу.

— Расслабься, — бурчал Верт под монотонное жужжание своего игло-пыточного прибора, когда замечал, как нервно стучит мой сжатый кулачок по кушетке.

Но с каждой минутой становилось все не терпимее, особенно когда иголка попадала по ребрам. Даже не знаю, как я не брыкалась, но слезы подкатывали все чаще. Лишь только гипноз разноцветных глаз в полумраке держал меня на месте. Заметив, что я начинаю уже чуть ли не дрожать от боли, блондин передвинул кресло ближе ко мне, разместив свою голову на кушетке, сложив руки перед собой. Моя ладонь тут же потянулась к белобрысой макушке, запуская пальцы в его волосы. Егор не переставал смотреть на меня, лишь периодически заглядывая под руку сосредоточенному Верту и довольно кивая. А я даже боялась опустить глаза вниз... Бабушка меня убила бы, если бы увидела.

Терпя эти скребуще-огненные иглы, я буквально впивалась взглядом в лицо Егора. Ужасно не хотелось показаться трусихой, поэтому я, как могла, отвлекалась от боли. А отвлекала себя только мыслями, что все, произошедшее за последние несколько недель, не поддается никакому объяснению. Все изменилось. Я изменилась.

Нежный и пронзительный взгляд блондина вдруг стал бесстыдным, с пляшущим в нем жгучим блеском. Егор похотливо закусил губы, как бы молча намекая о чем он сейчас думает. А мне даже и намекать не надо было — все и так быстро представилось в моей голове.

— Хватит трахать друг друга глазами, — пробубнил Верт себе под нос, стирая остатки краски моей с тату, не повернув в нашу сторону и головы. — Я уже почти доделал. Потерпите.

Егор игриво повел бровями. Я снова поморщилась от тянущего ощущения под грудью. Последние минут десять были самыми невыносимыми. Жжение и боль уже не перекрывались никакими мыслями. Я чувствовала, что еще немного и взреву от боли. Боже, и как я так легко на это согласилась?

— Моя, — подбадривающее начал Егор, — ты не представляешь, как круто и соблазнительно это выглядит.

— Королев... — процедила я.

— Что?

— Заткнись.

Верт многозначительно хмыкнул, а я, даже не открывая глаз, почувствовала, как кто-то нахмурил лоб и надул губы.

— Готово, — голос татуировщика вывел меня из болевого оцепенения.

Набрав в легкие побольше воздуха, я открыла глаза и медленно опустила свой взгляд туда, где все зудело и жгло.

Теперь на моем теле на левой стороне ребер красовалась очень аккуратная татуировка в виде солнца. Тонкий круг в обрамлении изящных линий, обозначающих солнечные лучи с едва заметной витиеватой растушевкой. Несмотря на то, кожа вокруг была слегка покрасневшей и припухшей, тату была...

Да, черт возьми, это выглядело красиво!

Я сама не заметила, как мои губы стали расплываться в улыбке, а глаза с неподдельным

интересом рассматривали каждый миллиметр рисунка на моей коже. Очень хотелось дотронуться до нее, провести пальцем по контуру, чтобы уже до конца поверить, что мое тело теперь украшает татуировка.

— Цыц, — Верт одернул мои пальцы в миллиметре от набитого солнца.

Егор встал с кресла и приподнял край футболки, обнажая свое подтянутое тело с левой стороны.

— Идеально вышло, — цокнул бородач, сравнивая наши рисунки.

И действительно, моя татуировка смотрелась, как продолжение тату Егора. Точнее ее недостающим началом. Инь и Янь — только в другой интерпретации.

— Ой, романтика, фу, — мило поморщился бородач, смотря, как я и блондин сверлим тела друг друга жаркими взглядами.

Пока мне обрабатывали набитый рисунок и накладывали стерильную повязку, я покорно сидела на кушетке, но чувствовала, как по венам происходил выброс адреналина. Мое тело начинало слегка знобить, а сердце прыгало по грудной клетке. Я не понимала, когда рисункам на теле придавали какое-то сакральное значение. Мне казалось, это просто красивые выдумки, что набитая татуировка помогала искать внутреннюю силу или выступала, как талисман. Но, видимо, разыгравшийся адреналин играл с моими ощущениями и восприятием происходящего. Чем больше я рассматривала татуировку, тем все больше казалось, что теперь в этом действительно есть некий замысел.

— А это нормально, что ее так трусит? — блондин обеспокоено покосился на меня, замечая, как начинают стучать мои зубы.

— Барышня твоя немного перенервничала, бывает. Окружи заботой и любовью. Думаю, у тебя с этим проблем не возникнет, — Верт осторожно пригладил наклеенную заживляющую пленку на месте набитого рисунка. — Все, получите — распишитесь.

Я радостно спрыгнула с кушетки, но мои дрожащие ноги подкосились. Реакция Егора оставалась, как всегда, неизменной: он ловко подхватил меня и тут же прижал мое знобящее тело к своей груди.

— Верт, точно все нормально?

— Да, Егор. Отвези девочку поспать. И вот памятка, что можно, нужно и нельзя в течение недели, — бородач сунул цветную брошюрку мне в руки.

Шагая по сумеречным дорожкам, я льнула к широким плечам что есть силы. Меня трясло в теплой августовской ночи. В очередной раз выходка Егора обострила мои чувства до предела.

Даже не помню точно, как я попрощалась с Вертом. Помню, что болванчиков кивала ему головой в ответ на наставления по поводу ухода за татуировкой в первые дни, повторяя, что все очень круто и я в диком восторге.

— Ну вот — усмехнулся Егор, привлекая меня к себе за талию, когда мы остались наедине посреди ночного ворчания сверчков, — столько возмущений. А глаза-то заиграли огнем. Я же сказал, что не пожалеешь и...

Не давая ему договорить, я впилась поцелуем в крупные губы парня, обвивая его шею руками и прижимаясь дрожащим телом к крепким мышцам как можно сильнее. Оторопев лишь на секунду, Егор глубоко втянул в себя воздух, окольцовывая мою талию своими горячими ладонями. Вкус сладкой мяты на моем языке еще сильнее разжигал мандраж во мне, легко перекрывая болезненные ощущения от только что набитой татуировки.

— Люблю, — жарко зашептала я, нежно ластясь своей щекой к щеке Егора, чувствуя,

как мужская щетина покалывает кожу. — Как я вообще жила до встречи с тобой? Только сейчас понимаю, что толком ничего не чувствовала и не... Боже, у меня голова кругом идет... Поехали домой, — уткнувшись ему в шею, я вдохнула родной древесно-морской запах, чувствуя, как накатывает волна какого-то бесконечного трепета, сбивая все оставшиеся силы во мне, чтобы я хоть как-то могла продержаться на ногах.

Горячие ладони прошлись вверх по моей спине, шее и осторожно погрузились мне в волосы, перебирая пряди сквозь пальцы.

— Я люблю тебя, Моя.

Пару часов назад, когда мы ехали сюда, меня еще посещали шальные идеи устроить очередной страстный секс в машине, но сейчас в моей голове была лишь одна мысль — где бы найти силы, чтобы просто дышать рядом с ним. Во мне было так много эмоций, что они буквально выбили из меня возможность говорить и соображать. Я отключилась в машине мгновенно, удобно свернувшись полубоком на сидении и сквозь сон чувствуя, что кроссовер летит по трассе с бешеной скоростью. Горький, но уже не настолько едкий для меня запах никотина, заполнил салон — Егор опять курил за рулем.

О том, что мы уже добрались до дома Королевых, я поняла, когда ощутила, как меня осторожно подхватывают надежные руки.

— Не просыпайся. — Тихо прозвучало надо моим ухом.

Егор осторожно переложил меня на прохладные простыни, аккуратно стянув с меня одежду, попутно прикасаясь к моему телу мягкими поцелуями. Я попыталась проговорить хоть что-то внятное в ответ на ласки, но вышел лишь сонный стон.

— Спи. — Тепло его тела тут же уняло озноб и зудящую боль от татуировки. — Моя.

— Егор, нет. Отвали.

— Почему?

— По кочану.

— Кира, это всего лишь фото...

— В семь утра, когда я лежу полуголая с заспанной моськой?

— Ну, не нуди...

Егор уже полчаса мельтешил передо мной камерой телефона, намереваясь сделать селфи, пока я пряталась под белоснежной простыней, укрывшись ей с головой.

— Да выползай уже оттуда, — он попытался в очередной раз вытащить меня из-под простыни, используя различные хитро выдуманные методы: от щекотки, которой я вообще не боюсь, до обещаний достать мне Луну с неба, — Ладно, остался последний способ.

Егор сам нырнул ко мне под белое сатиновое полотно. Его белобрысая голова оказалась у моих ног.

— Привет, — коварно улыбнулся он, а руки тут же принялись подниматься к моим бедрам.

— До свидания, — фыркнула я, стараясь не поддаваться наглým ладоням, которые уже скользнули под тонкое кружево, заставляя ощущать тянущий жар внизу живота. — Отстань, я тебя не хочу.

А мое тело и мозг твердили совершенно об обратном.

— Серьёзно?

Под простыней в прямом смысле становилось нечем дышать. Свободная мужская рука пробралась вверх по животу к моей обнаженной груди, но случайно задела повязку на новоиспеченной татуировке.

— Ай, — прошипела я, дернувшись от неприятного ощущения на коже и выныривая из-под простыни к свежему воздуху.

Егор тут же убрал руки от моих интимных мест и приподнялся надо мной, обеспокоенно оглядывая тату, заклеенное прозрачной заживляющей пленкой.

— Больно?

— Нет, — поморщилась я, сдувая прилипшие пряди со своего лица, — просто неприятно.

— У тебя все здесь идеально. Еще пара дней, и забудешь, что она вообще есть у тебя. Твое тело с тату смотрится очень соблазнительно, — он осторожно прошелся пальцами по моим татуированным ребрам, едва касаясь кожи.

— Такое забудешь, — улыбнулась я, обвивая крепкие плечи парня.

Но Егор, увернувшись от моих объятий, поднялся на ноги и направился к коробкам, стоящим в углу комнаты.

— Что ты делаешь? — сев на «кровать», я внимательно наблюдала, как он копошится в своих вещах и попутно любовалась его подтянутым, загорелым, мускулистым телом в одних боксерах.

Так и хотелось обвить эти крепкие мужские ягодицы своими ногами, прижимая их к себе и тихо стонать под ритмичные движения. Черт, Егор же просто посадил меня на секс с ним.

— А вот и пригодились уголовный и семейный кодексы, — довольно хмыкнул он, направляясь обратно ко мне с парочкой книг в руках.

— Ты собрался к пересдачам готовиться что ли? — озадаченно спросила я, смотря на блондина, усаживающегося рядом со мной.

Он молча сложил книжки стопкой возле нашего спального лежбища и потянулся опять за телефоном.

— Не хочешь селфи — будет просто фото, — пробормотал Егор и прислонил к книгам смартфон со включенной камерой.

— Ты опять? Не буду я фотографироваться в таком виде, — я возмущенно пихнула его ногой и попыталась опять скрыться под простыней.

— Будешь, — он сверкнул глазами и резко потянул ее на себя.

Воспользовавшись моим секундным замешательством, Егор моментально усадил меня перед собой между своих длинных ног, прижав меня к обнаженному торсу спиной.

— Ну зачем тебе все это? — простонала я, чувствуя, как позади меня блондин усаживается поудобнее. — И вообще, я почти голая.

— Так и не надо голой сидеть — прикройся простыней. А что плохого в совместных фотках? Это же память о приятных моментах. наших с тобой моментах.

— Детский сад какой-то, — буркнула я, но прикрыла себя белоснежным сатином. — Я выгляжу, как сонная кикимора.

Над ухом раздался недовольный вздох. Егор сильнее прижал меня к себе, одной рукой обняв за талию, другой накрыл мои плечи.

— Кир, ты даже не представляешь, насколько ты сексуальная, — его мягкие губы чувственно прикоснулись к моему оголенному плечу, оставляя теплые следы. — В тебе все идеально. Каждый миллиметр твоего соблазнительного тела. У меня стояк рядом с тобой двадцать четыре на семь, — в доказательство он придвинулся еще ближе, упираясь в меня твердой эрекцией.

Я судорожно перевела дыхание, ощущая, как по мне расходятся всполохи возбуждения.

— Предупреждаю сразу — позировать не умею, — произнесла я, украдкой кидая свой взгляд на стоящий напротив нас телефон.

— И не надо. Будь собой, у тебя это прекрасно получается, — он примостился подбородком мне на плечо, едва дотрагиваясь губами до моего уха. — Моя, дотянись до кнопочки на экране.

Вздыхнув, мне ничего не оставалось делать, как протянуть руку к телефону. На нем тут же сработал таймер.

— Иди сюда, — Егор снова прижал меня к себе, утыкаясь носом мне в шею.

Мои щеки загорелись маковым цветом, и я сконфуженно отвела взгляд, стараясь не смотреть в камеру.

— Кир, расслабься. Это всего лишь фото, — его горячее дыхание растворилось в моих растрепанных волосах. — Люблю тебя...

Не сдерживая улыбки, я прикрыла глаза, позволяя себе расслабленно откинуться спиной на грудь Егора и забыться в нежном кольце мужских рук.

Телефон в течение нескольких секунд издавал череду повторяющихся звуков, похожих на затвор фотоаппарата и затих.

— Ну что? Было страшно? Больно? — блондин игриво прикусил меня за мочку уха, а пальцы сжали белую простынь, стягивая ее в сторону.

— Страшно будет потом на фото смотреть, — пробурчала я, задвигав в ответ своими бедрами, нарочно задевая нескромно стоящее мужское достоинство через ткань.

Ладони Егора уже вызывающе касались моих ноющих сосков, а грудь тут же налилась приятной тяжестью.

— Бред. Ты охуительная, Кир, — хрипло прошептал он, продолжая настойчиво ласкать мое тело и опускать свои поцелуи все ниже по спине.

— Дай хоть посмотреть, что ты там снимал, юный фотограф, — но я с трудом сдержала на своих губах стон, когда его пальцы нагло проскользнули под кружева трусиков.

— Все потом...

Одним резким движением Егор опрокинул меня на матрас, и я не успела даже пикнуть, как он сорвал мешавшее белье. Его жадный взгляд прошелся по моему телу, заставив меня заерзать бедрами на простынях, плаваясь от желания.

Я безумно хотела его. Кажется, у меня совсем поехала крыша. Гормоны завладевали мной полностью, когда он был рядом, включая во мне все точки, которые отвечали за возбуждение.

— Не смотри на меня так... — процедил он, стягивая с себя боксеры.

— Как «так»? — срывающимся голосом зашептала я.

— Так дико. Или закончу, не успев начать.

Нависнув надо мной, он легко закинул мои ноги себе на бедра. Я тут же вцепилась пальцами в его крепкую шею, чувствуя, как напрягается каждая мышца на ней, когда мое тело податливо выгнулось, наполняясь дрожащим дыханием.

— А, может, мы остановимся не только на фото? — разноцветные глаза загорелись бесстыжим огнем.

— Надеюсь, ты сейчас шутишь? — я настороженно замерла под широкими плечами.

— Ну... просто...

Я изумленно похлопала ресницами, стараясь рассмотреть на лице парня хоть намек на шутку.

— Ты совсем обнаглел? Егор, еще слово, и твоя рука — твоя подруга. Ясно?

— Это была шутка, Кир, — усмехнулся он, приблизившись к моим губам, но глаза все еще игриво блестели.

Я дернулась от поцелуя, насупив брови:

— Серьезно. Я предупредила...

— Так у нас будет утренний секс или нет? — он двинул своими бедрами, напоминая моему телу, что мы все еще в недвусмысленной позе.

— Меньше болтай — больше делай, — я сжала ноги над его ягодицами, притягивая мужское тело как можно ближе.

— Намек понял... — Егор протяжно застонал, вдавливая меня в простыни.

***

Все-таки пытаться приготовить что-то на чужой территории — это не самая простая затея. Я уже минут десять отчаянно искала пресс для чеснока в доме Королевых, обыскивая каждый ящик в кухне. Какие только невиданные столовые приборы и инопланетные агрегаты не попадались мне под руку, но все не то что нужно.

— Этот дом напичкан до отвала современной техникой, а простой чеснокодавилки — нет, — недовольно пробормотала я, задвигая очередной ящик.

— А зачем она тебе нужна? — Любимый бархатный тембр заставил меня подпрыгнуть на месте.

— Господи! — я буквально схватилась за сердце.

— Нет, всего лишь Егор, — улыбнулся он, подпирая голым плечом дверной косяк. — А ты чего здесь? — Разноцветные глаза выискивающее осматривали кухню и тут же широко распахнулись, заметив скромно стоящее блюдо на столе. — Серьёзно? Запеканка из кабачков? — Огромное пространство кухни заполнилось раскатистым мужским смехом. — Кира!

Я нахмурила лоб и обидчиво скрестила руки на груди, смотря, как трясется от смеха широкоплечий силуэт.

— Вообще-то, что было в холодильнике, из того и готовила. Так что вот тебе прекрасное грузинское блюдо — жричедали.

Егор, продолжая смеяться, закатил глаза и направился ко мне:

— Да я же не против. Просто не стоило. Я планировал заказать еды, — он окольцевал меня своими сильными ручищами и прижался голым торсом. — Не думал, что ты сбежишь от меня на кухню. Проснулся, а тебя нет...

Я попыталась продержаться свое серьёзное лицо еще хотя бы пару секунд, но невозможно устоять против этих разноцветных глаз, сильного тела и наркотического аромата кожи. Даже заспанный, со взъерошенными волосами и просто в домашних спортивных штанах Егор заставлял мой разум плыть.

— Ты спал, а мне валяться целыми днями в постели уже невыносимо, да еще только восемь вечера. Поэтому и решила, немного похозяйничать на кухне, — пробурчала я, укладывая свои ладошки ему на грудь.

— Моя Золушка, — он легко подхватил меня за бедра и усадил на кухонный стол. — Я тронут. — Его пальцы коснулись изгиба моей открытой шеи, едва дотрагиваясь до нее. — С ума схожу, когда ты собираешь свои волосы вот так в пучок. Меня это заводит. Меня все в тебе заводит... И даже это смешное платье в цветочек.

Притянув к себе за затылок, он накрыл мои губы глубоким поцелуем, дразня языком в плавном ритме. Чувствуя, что опять начинаю распалаться под его натиском, я с трудом оторвалась от него, стукнув пару раз кулаком по плечу:

— Остановись, маньяк. Я и так сегодня днем на дрожащих ногах домой заявилась.

— Кстати, как дела там? Бабушка сильно возмущалась, что ты опять у меня сегодня? Она не заметила твой апгрейд? — Его взгляд покосился под мою левую грудь.

— Ну-у, — протянула я, поджав губы и водя пальчиком по очертанию бицепса, — я ее не видела. Бабушки не было дома. Сегодня пятница, и она уехала в город по своим огородным делам. Я быстро разобралась с домашними заданиями и бегом к тебе. Надо бы, конечно, позвонить ей...

— А-а-а, — вдруг простонал Егор, — блять, сегодня же пятница. Я забыл...

— И что?

— Кир, посидишь пару часиков сама?

— Где?

— Здесь, где же еще...

— Не поняла... — напряглась я, отодвигаясь от него.

— Мне нужно кое-куда отъехать, — пояснил он, виновато поморщившись.

Я молча уставилась на Егора, ожидая, что мне сейчас продолжат объяснять куда он собрался ехать на ночь глядя, так еще и без меня. Но нет — в кухне повисла тишина.

— И куда ты едешь? — не выдержала я. — Почему я должна остаться дома? — мой внутренний штиль потихоньку менялся на начинающийся шторм.

— Кир, это всего несколько часов. Скачаешь фильм и...

— Почему я не могу поехать с тобой? — тихо спросила я, стараясь не выдать предательскую дрожь в голосе.

Мне это не нравилось. Я не хотела оставаться дома, не зная, куда он едет и зачем. Егор взял мое лицо в свои ладони и ласково погладил большими пальцами контуры моих скул. Его глаза смотрели уговаривающим взглядом, но мне и это не нравилось.

— Моя, я просто обещал быть сегодня вечером у друга на работе.

— А где друг работает?

Егор терпеливо набрал в легкие воздух:

— В клубе...

— Ясно, — резко дернувшись, я смахнула его пальцы с лица, ощущая, как под ребрами начинает дергать уже знакомое жгучее чувство. — В клубе, говоришь? Твоего друга случайно не Беллой зовут?

В разноцветных глазах мигом вспыхнул холодный блеск:

— Кира... — такой любимый голос прозвучал весьма недружелюбно, больно зацепив меня где-то изнутри. — Я не собираюсь оправдываться.

— Да пошел ты... — я с такой силой оттолкнула от себя Егора, что тот пошатнулся на месте, ошалело хлопая глазами.

Точнее это была не я. А мерзопакостно ядовитое чувство ревности, что наполнило каждый сантиметр моего тела. Спрыгнув со стола, я рванула из кухни на ватных ногах, но сразу же была поймана за руку.

— Стоять, — рявкнул он, сжимая своей лапищей мое запястье и резко дергая меня к себе. — Угомони ревность.

— А то что? — я вызывающе впиалась взглядом в его лицо, на котором уже заходили желваки.

— А то мне не смешно, — процедил Егор сквозь зубы, бегло скользя взглядом по моему лицу.

— Я похожа на клоуна?

— На ревностную истеричку ты похожа.

Я открыла и закрыла рот, чувствуя, что ничего не могу произнести ему в ответ, так как мои легкие сжались в липкий комок. Мне было непонятно, где больнее: в груди, от сдавливающего ощущения обиды, или от следов на запястье, которое крепко держали похолодевшие пальцы.

— Отпусти... — прошептала я, понимая, что еще секунда и разревусь, как дура.

Егор освободил мои руки, но продолжал смотреть на меня ледяным взглядом:

— Кир, я серьезно. У тебя неадекватная ревность. Я даже повода тебе не дал.

— Тогда почему я должна сидеть дома?

— Потому что тебе нечего там делать.

— Ну, это ты так решил... за меня...

— Блять... — он закатил глаза, запуская свою пятерню и без того взъерошенные

волосы.

— Ты от кого-то прячешь меня? — вдруг спросила я, подозрительно сощуриив глаза. — Я ничего не знаю о тебе в твоей жизни, которая не связана со мной. У тебя же есть друзья однозначно. А они вообще знают хоть что-то про меня?

Егор как-то нервно сглотнул, а ладони сжались в кулаки, напрягая все жилы и мышцы от запястья до плеч.

— У меня два варианта почему ты оставляешь меня дома, — не сводя с него своего растерянного взгляда, я попятилась назад. — Или ты врешь, что едешь к другу, или ты меня ото всех скрываешь... И я даже не знаю, какой вариант хуже... — мой голос прерывисто дрогнул.

Сжав губы, Королев вытащил из кармана свой телефон. Несколько быстрых движений большого пальца, и Егор швырнул ко мне по гладкой поверхности стола разблокированный мобильник. Телефон замер прямо напротив меня.

— Читай сообщение, — произнес он, криво ухмыльнувшись.

Правильно было бы не трогать сотовый, а развернуться и уйти с гордо поднятой головой. Но чертова ревность легко связывала в морской узел зачатки самообладания. Я молча прочла текст на экране.

Гера: «Егорыч, как и договаривались — жду у себя в клубе часам к одиннадцати вечера в пятницу. И только, сука, попробуй не приехать!»

Я махнула пальцами по столу, отшвыривая телефон обратно к Егору.

— И надо было истерить? — он вдруг улыбнулся, с издевкой приподнимая свои брови.

— Знаешь, что... — начала было я.

— Собирайся. Едешь со мной.

Черный кроссовер притормозил на заднем дворе какого-то здания, очень похожее на старый заброшенный склад. Невозможно было и предположить, что здесь может находиться какой-нибудь пафосный клуб, если бы не вибрирующий гул басов, проникающий сквозь кирпичные стены и тонированные стекла машины, в которой сидели парень и девушка.

— Приехали, — он заглушил мотор и повернулся к своей спутнице.

Это была его первая фраза от дома до этого странного места. Ему не хотелось разговаривать не из-за мелкой пятиминутной ссоры на кухне. Всю дорогу его не покидало странное чувство, что было бы лучше, если бы белокурое хрупкое создание, надувшее свои губки, осталось дома. Хотя здравый смысл подсказывал, что ничего такого критичного в этой поездке случиться не может. Он просто найдёт момент, чтобы ускользнуть от нее, сделает пару фоток с тусовки, запишет сторис. Егор обещал Гере рекламу его только что открывшегося клуба.

Но тут же в голове появлялся другой вопрос: сколько он будет молчать о своем увлечении инстаргам? Зачем вообще нужно было это скрывать?

Да, инстаграм. Да, блогер. Да — это его заработок. Пускай не миллионы, но полученный выхлоп с рекламных постов позволял не просить денег у отца. Что плохого? А то, что теперь увидеть негатив в глазах цвета пасмурного неба совсем не хотелось.

При их первой встрече Егору было плевать. Не было настроения распинаться и объяснять этой белобрысой, странной, но очень симпатичной девчужке, что к чему в мире социальных сетей.

И кто мог подумать, что обычный пост про девочку в уродском неоновом платье в горошек вызовет столько комментариев и лайков. После расставания с Беллой и исчезновения всех общих соблазнительных фотографий и личных сторис с просторов инстаграм, интерес подписчиков заметно угас. Как оказалось, на одной рекламе спортивного питания, выгодных предложений фитнес-клубов не выехать. Толпе, по ту сторону экрана, всегда интересно, что происходит за пределами рекламных призывов.

А пост про неоновое платье, как доказательство. Рассказывая об очередных приключениях с сероглазой, парень не успел заметить, как помимо получения актива вокруг своего аккаунта и втягивания в эти истории тысячи подписчиков, что погружается во все происходящее с головой.

Ещё на пляже он начал понимать, что с трудом отводит взгляд от нее. Его магнитил совсем не изгиб ее бедер или груди, а то, на что Егор никогда не обращал внимания, смотря на женское тело. Тонкая шея вызывала неконтролируемое желание просто уткнуться в нее носом и почувствовать этот едва уловимый аромат эвкалипта, исходивший от девушки. А когда Кира поправляя свой высоко завязанный пучок волос на голове, где-то внутри у него что-то вздрагивало. Этот жест выглядел невероятно сексуально.

Егор сам не понял, что влюбился. Эта девочка стала для него бермудским треугольником, в котором он и пропал. Только как рассказать об этом ей? Вечно прятать ее личность не получится, уже не получается, но и отказаться от успешно продвинутого блога тоже не выйдет. Ведь это уже часть его жизни. Как и она. Она теперь даже больше, чем жизнь. А он не рассчитывал, что все пойдет так далеко. Кира вошла в его сердце без приглашения. Притянула к себе так сильно, что приятно болело где-то под ребрами, когда

она сворачивалась калачиком у его груди и мирно сопела, щекоча теплым дыханием. Избалованное сердце Королева судорожно билось, ему хотелось кричать о своей любви. Только Егор слишком буквально понимал это желание.

— Странное место работы у твоего друга... — девушка подозрительно огляделась вокруг, поправляя на коленках рюши своего белого шифонового платья в яркий мелкий цветочек. — Даже вывески нет.

— Кир, мы с черного входа подъехали, — усмехнулся Егор, а пальцы нервно крутили телефон в руке.

— С черного входа, значит. А что так? — Кира с издевкой прищурилась. — Егору Королеву появиться со мной на красной дорожке перед клубом не комильфо?

Он лишь закатил глаза и, молча разблокировав мобильник, набрал чей-то номер.

— Гер, я на месте, — но тут же поправился, — точнее, мы.

Выйдя из машины, он протянул к девушке руку, крепко хватая ее за ладонь и ведя в сторону малосимпатичной двери. В потайном проходе в мир бурной ночной жизни возник худощавый, татуированный мужской силуэт, обтянутый черной футболкой и узкими темными джинсами.

— Егорыч, komm zu mir, мой дорогой, — нараспев произнес приятный баритон, отступая от двери.

— Гера, не выпендривайся, — хмыкнул Егор, аккуратно проталкивая девушку мимо своего друга в узкий мрачный коридор, из глубины которого вырывались жесткие басы.

— Мой клуб — хочу и выпендриваюсь, — лучезарно улыбнулся Гера.

Закрыв за парочкой дверь, он, не переставая светить белоснежными зубами, без стеснения осмотрел Киру с головы до ног.

— Так вот кто виновница моих пропущенных звонков. Привет, Кира, — Гера протянул девушке раскрытую ладонь.

Она смущенно дотронулась до мужских пальцев, со множеством непонятных для нее татуированных символов.

— Это Гера, — Егор, осторожно положил свою руку на тонкую девичью талию.

— Очень рада знакомству, — она улыбнулась, искренне надеясь, что все же ее имя было озвучено не перед самым приездом в клуб.

— А как я рад. Король много о тебе говорил, — Гера подмигнул своему другу, отчего глаза Егора вспыхнули недружеским намеком.

— Серьезно? Я уже думала, что он ото всех меня скрывает...

— О тебе знают все.

— Все? — Кира озадаченно перевела взгляд на Егора. — В смысле?

— В смысле все мои друзья, — произнёс он, одновременно небрежно целуя девушку в щеку, придвинув к себе за талию, и предостерегающе сверкнув глазами в сторону лыбящегося друга.

«Герасим, сука, только вякни», — пронеслось у него в голове.

Пропустив Киру по узкому полутемному пространству вперед себя, Егор незаметно зацепил Геру за край его футболки:

— Я же просил. Без намеков, — шикнул он, сквозь зубы.

Татуированный молча поднял ладони вверх, состроив невинное выражение лица.

— Не открывается, — девушка безуспешно толкала плечом непосильную ей дверь, за которой уже всю громыхала музыка, даже не заметив загадочные гляделки двух друзей.

Королев, невинно улыбнувшись, легко открыл Кире мир ярких вспышек светомузыки и танцев под градусами. Не успев сделать шаг вперед, она ошеломленно ахнула. Перед ее глазами замелькали тысячи ярких огней, заставляя теряться ее взгляду среди неоновых вспышек. Этот свет четко вторил ритму битов, которые с вибрацией проникали через каждый сантиметр тела. Всю внушительную площадь танцпола ограждала огромная светодиодная клетка, берущая начало от высоченного потолка, но не доходящая до пола ровно настолько, чтобы можно было беспрепятственно попасть в самый центр танцующего хаоса. Периметр каждого квадрата в клетке загорался в такт оглушающей музыке.

— Впечатляет? — Егор наклонился к уху девушки, перекрикивая бушующие басы, и осторожно приобнял ее за плечи.

Кира лишь согласно закивала, пытаясь привыкнуть к тому, что все внутри нее вздрагивает от проходящей насквозь вибрации. Прильнув к парню, она послушно последовала за ним и Герой через веселящуюся толпу.

— Догадываюсь, что ты и в клубе никогда не была? — Егор опять как можно ближе наклонился к уху своей спутницы.

— Нет, конечно, — выкрикнула Кира, но ее голос тут же растворился в водовороте басов, ритма и вспышек света.

— Выходит, у тебя все со мной в первый раз, — громко проговорил он, понимая, что Кира все-таки услышала его слова, так как на ее лице тут же заиграла улыбка.

— А сколько же лет Гере, если это его клуб?

Егор закатил глаза и опять склонился над ухом девушки:

— Чуть старше меня. Это клуб его отца. Он хотел его продать, но Герыч клятвенно обещал, что сделает из этого места конфетку. Конфетка не вышла — вышла клетка, — он кивнул в сторону огромной светодиодной конструкции над танцполом.

Парень подал Кире руку, чтобы помочь подняться по достаточно крутой лестнице на второй этаж, где наверху уже нетерпеливо ждал Гера. Полумрак в мягких отголосках света, от вспыхивающих внизу неоновых лучей, приятно успокаивала глаза. Небольшие столики и мягкие диванчики расположились вдоль всего периметра клетки, который и выступал как ограждение для второго этажа над танцполом.

Кира шла за широкими плечами и с интересом осматривалась вокруг, ловя себя на мысли, что ей здесь нравится. И музыка, ровными битами отдающая внутрь ее тела, и безумные огни, ядовито бликующие в глазах, и заполненный хаосом танцпол, скользящие мимо официанты в черных футболках с белой эмблемой в виде решетки, и вообще, вся царившая атмосфера несколько не напрягала.

— Нам сюда, — произнес хозяин клуба, убирая с одного из столиков значок брони. — Располагайтесь.

— Создаётся впечатление, что люди внизу танцуют, словно в клетке, — Кира удобно устроилась на мягком диванчике, с интересом смотря через крупную решетку.

— В этом и фишка. Клуб так и называется — «Клетка», — пояснил Гера. — Что будете пить, ребята? Заказывайте, что душе угодно. Все за счет заведения сегодня.

— Ничего не надо, — серьёзно озвучил Егор, присаживаясь рядом с Кирой, бережно приобнимая ее за талию и придвигая ближе к себе. — Мы буквально на пять минут оценим твоё творение и домой, — он с намеком посмотрел на своего татуированного друга.

Вообще никто не рассчитывал привозить Киру в клуб, но скандальчик, который закатила девушка, имел под собой основания.

«Ты придурок и ты попал», — это все, что проскочило у Королева в голове, когда до безумия любимые серые глаза выдвинули реальные аргументы, что его отъезд из дома выглядит очень подозрительно. Как там говорят? Жила-была девочка — сама виновата? Так вот: жил-был Егор — сам виноват.

— Здесь довольно необычно и музыка крутая, — Кира осмотрелась вокруг, остановив взгляд на серьезном лице своего спутника. — Мне нравится, — улыбнувшись, она пожалала плечами.

— Я, собственно, и ждал вас на открытие самого клуба неделю назад. Сейшен здесь бы отменный, но спасибо, что хоть так приехали, — Гера подмигнул девушке. — Виски? Ром? Коньяк?

— Ничего, — твёрдо заявил Егор, крепче обнимая Киру. — Я за рулем сегодня.

Гера приподнял свои брови вверх, откидываясь спиной на диванчик и удивлённо смотря на друга:

— Да ладно? А когда тебя это останавливало?

— В смысле? — Кира тут же встрепенулась в мужских объятиях, отодвигаясь назад, кидая испепеляющий взгляд в разноцветные глаза. — Интересно, что я могу еще узнать о тебе? — В ее серых омутках заблестел хитрый огонек. — Может, начать общаться с твоими друзьями, а не проводить все наше время, не вылезая из постели?

Гера тихо присвистнул, а Королев натянуто улыбнулся, поправляя девушке выбившийся светлый локон из высокого пучка:

— Моя, давай об этом потом пообщаемся?

— Нет, я хочу сейчас, — Кира с вызовом развернулась к татуированному парню, сидящему напротив. — Гера, а поведай мне еще интересные факты из жизни Егора.

— Кира-а... — протянул Егор и закатил глаза, но внутренне немного напрягся, так как друг мог ляпнуть по доброте душевной совсем не то что надо было бы.

— Кир, — Гера широко улыбнулся, — расслабься. Если тебя успокоит, то сильно бухой он никогда за руль не садится. Король отличный парень, не переживай.

— Король? — иронично улыбнулась девушка в ответ, облачиваясь спиной на комфортный диван, перекинув ногу за ногу и поправляя платье на коленках. Она бросила короткий взгляд в сторону сидящего рядом парня. — И корона у него есть?

— А то, — засмеялся татуированный. — Огро-о-о-мая такая.

Егор стиснул зубы, зыркнув на друга: «*Надо залепить пост в инсту и валить отсюда*».

— Кир, — он наклонился к ней, слегка целуя в губы, — я сейчас вернусь и поедем.

— Ты куда? — встрепенулась она, даже не успев ответить на поцелуй.

— Покурить, — соврал Егор, театрально улыбнувшись. — Я быстро. А ты... — он кивнул в сторону друга, — понял, короче, да?

Тот улыбчивым жестом показал рот на замке.

— Гер, — Кира проводила широкоплечий силуэт взглядом и, поджав губы, заерзала на месте. Неприятная мысль стала закрадываться в ее белокурую голову, — а еще кто-нибудь должен приехать сюда?

— Если ты про остальную нашу компанию, то нет. Но если очень хочется со всеми быстрее познакомиться, то через пару дней намечается сабантуй, так что милости просим. Приезжайте вместе.

Кира облегченно выдохнула. Конечно, ей было интересно увидеть друзей Егора, ведь как бы им ни было хорошо вдвоем, вечно прятаться от внешнего мира не получится.

— Извините, — возле столика появился официант. — Там опять какие-то проблемы с кассой на баре. Ничего не работает, — обратился он к Гере, вертя в руках круглый поднос.

— Опять? — недовольно поморщился он, поднимаясь из-за столика. — Кир, извини, вынужден от тебя сбежать, не скучай.

Оставшись в гордом одиночестве посреди гулкой вибрации музыкальных битов, девушка с интересом наблюдала за танцующими внизу. Ее внимание вдруг отвлек ярко засветившийся экран телефона Геры, забытый им на столе. И все бы ничего, Кире совершенно не интересно, кто и зачем звонит другу ее парня, если бы ее глаза не выхватили имя на экране — *Белла*.

Эти пять букв сработали, как триггер. Девушка мгновенно и без раздумий схватила чужой телефон, даже не пытаясь уговорить себя, что это некультурно. Кире было все равно, так как глазами она уже жадно впивалась в светящийся экран, на котором мило улыбалась сама бывшая Егора.

Сердце в груди зависло, а музыка и свет вокруг перестали быть громкими и яркими. Кира будто бы погрузилась в вакуум, рассматривая на фото лицо своей соперницы. С самого начала их знакомства с Егором ее имя периодически всплывало: неоднократные звонки, подслушанный разговор матери. И как бы девушка не отгоняла от себя эти мысли, но она хотела знать о сопернице больше.

Чтобы знать — надо видеть.

Теперь Кира увидела, а от этого холодной, ревнивой дрожью затряслись пальцы: черные и невероятно выразительные миндалевидные глаза, подведенные густыми темными ресницами, точеные скулы и нос, аккуратные пухлые губы цвета карамели, смуглая кожа, а по выпирающим ключицами лежали волнами длинные локоны оттенка горького шоколада. Девушку на фото нельзя было назвать красивой — она была идеальной.

Звонок прекратился, и телефон потух, замерев в похолодевших ладонях девушки. Кира медленно отложила чужой смартфон, проглатывая колющий ком в горле.

Ее воображение сыграло злую шутку: одна мысль о том, что Королев пять лет был рядом с той, кого она увидела на экране — и в груди девушки все дотла сожглось ревностной кислотой. Все, чего ей хотелось — это сбежать отсюда и подальше. Может, поэтому за все три недели знакомства Егор даже ни разу не предложил встретиться с его друзьями и сегодня собирался вообще оставить ее дома. Куда ей до этой темноволосой красотки в своих зачуханных платьях в горошек? Какая она по сравнению с Беллой? Блеклая и нудная.

— А вот и мы, — веселый голос Геры заставил Киру вздрогнуть.

Девушка с трудом нацепила на себя приветливую улыбку, поднимая глаза на вернувшихся парней.

— Моя, все хорошо? — Егор присел рядом, окольцовывая талию Киры широкими ладонями.

«*Держи себя в руках. Только без сцен*», — уговаривала она свою ревность, прижимаясь сильнее к мускулистому телу и вдыхая родной древесно-морской аромат.

— Мы можем уже и домой вернуться, — прошептал он ей на ухо, скользя пальцами по спине к ягодицам девушки. — Я уже несколько часов наблюдаю тебя в одежде, это слишком долго для меня...

Кире стало все равно что сейчас на их обнимания хитро косятся глаза Геры. Белла вряд ли была стеснительной на людях...

«*Пора начинать самостоятельно избавляться от статуса зануды*», — пронеслось у

нее в голове.

— Егор, а давай останемся? — предложила она, осторожно заглядывая в разноцветные глаза.

— Остаться? — он явно не ожидал от нее подобного предложения.

— Гера же не против будет? — Кира театрально захлопала ресницами, посмотрев на хозяина клуба.

— Вообще не планировал, — замялся Егор, переводя взгляд с Киры на друга и обратно. — Я с машиной, а сидеть просто весь вечер в клубе и пить кофе... Давай в следующий раз?

— Оставь машину здесь. На такси домой доберётесь — это не проблема, — цокнул Гера, покачав головой.

Егор молчал. Он и не против, так как давно никуда не выбирался, тем более из их общей компании сегодня вряд ли кто-то встретится. Пока он не был готов к ненужным разговорам. Но внутренний голос тихо подсказывал, что нужно забирать Киру ехать домой. Без объяснения причин. Просто домой.

— Давай останемся, — Кира прильнула к парню, потеревшись носом о его щеку. — Я же никогда не была в клубе. С тобой все в первый раз, так ведь? — вызывающе зашептала она ему на ухо.

Ей совсем не хотелось оставаться здесь, хотелось уехать, в груди жгла ревность, и не нравилась затея с поездкой на такси, и что Егор будет пить. Но и слышать в своей адрес: «*Кира, не нуди*», — теперь не хотелось еще больше. Образ яркой и красивой бывшей девушки Егора прочно застрял у нее перед глазами.

— Черт, Кира... — он отрицательно покачал головой, но тут уже расплылся в улыбке. — Хорошо.

Девушка страстно впилась ему в губы, крепко обвив мужскую шею, в глубине души надеясь, что это спонтанное решение, было все-таки принято ей, а не ее ревностью.

— Мне бы так... — завистливо вздохнул Гера и тут же громко крикнул. — Официант, несите нам Б-52 — вечер перестает быть томным. Кира что будет?

— Она не пьет. — Егор оторвался от мягких девичьих губ.

— Королев, — Кира слегка толкнула его в плечо, — я сама решу — пью я или нет?

Он слегка опешил от сегодняшней смелости девушки, но неуверенно пожал плечами: «Решай».

— Б-52, — уверенно заявила она, и так же уверенно понимала, что не знает, что это и как это пить.

Через несколько минут за их столиком уже красовались горящие шоты. Кира смотрела, как легким синим пламенем светилась крошечная стопка с разноцветным содержимым. Нервно сглотнув, она уверенно придвинула к себе горящую стекляшку. Давать заднюю поздно.

«*От одной такой крошки ничего же не будет?*» — серые глаза девушки все еще гипнотизировали пламя.

— За процветание клуба, — усмехнулся Егор и за пару секунд опустошил три горящих шота.

Кира проделала то же самое, погрузив трубочку в коктейль, задержала дыхание и быстро втянула в себя его содержимое. Холодный кофе на языке тут же сменился теплым сливочным ароматом, мгновенно перетекая на обжигающий апельсиновый вкус. Резкое

ощущение головокружения заставило Киру зажмуриться.

— И как? — Горячие ладони коснулись ее талии.

Она распахнула глаза: ничего не поплыло и не двоилось. Улыбающееся лицо Егора перед ней было в одном четком экземпляре.

— Отлично, — слегка разомлев, Кира придвинулась ближе к парню.

— Иди ко мне, — разноцветные глаза Егора помутнели,

Он обвил тонкую девичью шею своими пальцами, накрывая ее губы жарким, глубоким поцелуем, отчего Киру стало затягивать в легкий туман.

— Официант, — громкий голос Геры ей уже казался каким-то приглушенным, — а принесите нам еще Б-52.

***

Хрупкая блондинка в нелепом белом платье с рюшами в мелкий цветочек кружила на забитом людьми танцполе. Ее изящная фигурка плавно двигалась в такт битам и расслабленно следовала ритму музыки. Тело девушки было наполнено легкостью, а сознание, затуманенное бесчисленным количеством горящих шотов, растворялось в неоновых вспышках. Она полностью и без стеснения отдавалась своим ощущениям.

Ее выразительные и сексуальные движения гипнотизировали пьяные разноцветные глаза с расширенными зрачками, которые не отводились от девушки ни на секунду.

— Егорыч, — окликнул обладателя этих глаз голос Геры, — пока не забыл. Держи. — По столу через пустые стеклянные рюмки заскользила связка ключей. — Привет тебе от Беллы, — ухмыльнулся Гера.

Егор с трудом оторвал взгляд от танцпола, где так легко двигалась его Кира. Взяв ключи со стола, он быстро сунул их в свой карман джинсов.

— Она все вещи забрала?

— Я в шкафы не заглядывал, — Гера пожал плечами, — но квартира без намеков на женское присутствие.

— Отлично. — Губы Егора расплылись в пьяной улыбке.

— Кстати, — татуированный подался вперед, — Кира очень даже очень. Не такая заметная, как Белла, конечно. Простая какая-то, но что-то в ней есть...

Королев хмыкнул и махом опрокинул в себя стопку для шота, до краев наполненную ромом. Обжигающее тепло разлилось в груди, тут же отзвываясь расслабляющей дымкой в голове. Глаза Егора опять устремились на танцпол, вылавливая из толпы танцующих фарфоровый силуэт в рюшах.

— В ней есть все, Гер.

Татуированный перевел взгляд с танцующей Киры на своего уже изрядно поднакидавшегося друга.

— Надолго ли? — тонкие губы Геры сложились в кривую усмешку. — Это пока у тебя на нее член стоит.

— При чем это? — Егор взлохматил ладонью свои волосы. — Я влюбился.

— Ты Киру, как Беллу любить будешь?

— Я никогда Беллу и не любил.

— Ты ей мозг пять лет трахал. Жил с ней год под одной крышей, — Гера

сосредоточенно смотрел на своего друга.

— Да какой там «под одной крышей»? Мы этот год каждый месяц сходились и расходились. В последний раз просто я сам свалил со своей хаты, так как было куда — к отцу в новый дом. Мне эти женские психи, вой, скандалы — ты же знаешь... — Королев недовольно поморщился. — Я думал Белла съедет просто сама и конец. Наши отношения уже исчерпали все, что могли, но она, видимо, решила по-другому. А потом появилась Кира...

— А Киру, значит, любишь?

Оперевшись локтями о стол, Егор грубо потер ладонями лицо и опять взъерошил пальцами свои волосы:

— Люблю, — захрипел он, сглотнув сухой ком в горле. — До чертиков, Гер. Она засела в моей голове так капитально, что даже сотня сотрясений мозга не вытряхнет ее оттуда.

Опять потянувшись к бутылке рома, Егор налил рюмку, но не выпил, а лишь медленно провертел ее в пальцах. Разноцветные глаза снова метнулись к танцующей фигурке, где-то глубоко в груди надсадно защемило, а очередная ромовая доза разнесла по венам алкоголь.

Гера так и замер, навалившись на стол изумленно смотря на пьяного друга, с играющей улыбкой на лице.

— Я, конечно, никогда не лез в твои отношения... Но раз пошла такая пьянка, то удали все, что ты писал о ней. Она не Белла, — Гера поморщился и закачал головой. — Она тебя не простит.

Егора тут же напрягся, а в горле тошнотворно запершило:

— Я сам решу.

Усмехнувшись, Гера поднялся из-за стола:

— Удачи. Решай только быстрее. Ладно, развлекайтесь, а меня работа ждет, — хлопнув татуированной ладонью Егора по плечу, он спешно удалился в полумраке.

«*Она тебя не простит*», — слова друга мгновенно свели все настроение к нолю. Советник хренов. А чувство, что Гера может оказаться прав не нравилось еще больше.

«*Не сегодня. Никакого негатива. Только я, она, и шло оно все...*» — влив в себя ещё граммы рома, Егор напрямик направился вниз к танцполу.

Его пьяный взгляд быстро зацепился за платье в цветочек. В своих скромных рюшках по колено Кира очень выделялась среди толпы разряженных и ярких девиц. А в неоновом свете она казалась еще более бледной и хрупкой. Все чего хотелось Егору, это прижать к себе эту девочку и никогда не отпускать. Ни на минуту, ни на йоту.

Протиснувшись на танцпол, Королев приблизился к Кире и осторожно обнял ее сзади, привлекая к себе и оставляя на шее поцелуй. Девушка тут же резко обернулась.

— Черт! Егор! — слегка качнувшись, она ухватилась за его широкие плечи. — Напугал!

Белые локоны, отливающие холодным светом в неоне и собранные в высокий пучок на голове, уже небрежно торчали в разные стороны. Несмотря на то что Кира прекратила танцевать и крепко держалась за Егора, в ее глазах ещё по-прежнему плясали пьяные огоньки. Его губы потянулись к ее губам, сминая их в откровенном поцелуе.

Они целовались прямо на танцполе. Сильные руки блондина жадно сжимали Киру в своих тисках, без стеснения скользя по талии и бедрам девушки, пока она расслабленно льнула к мужскому телу.

— Его-о-р, — Кира слегка отстранилась от парня, — я, кажется, пьяная, — она попробовала сердито нахмурить брови, но тут же сама залилась смехом.

— Со мной можно, — произнес Егор ей на ушко и слегка прикусив за мочку. — Поехали домой?

— Уже? Н-е-е-т, — Кира игриво надула губы и, оттолкнувшись ладошками от мужской груди, снова закружилась в ритм музыке.

Девушка соблазнительно провела своими руками по талии, опускаясь к бедрам и собирая ткань платья тоненькими пальчиками, наблюдая, как разноцветные глаза накрывает пелена вожделения. Вызывающе облизав губы, она приблизилась к Егору и, развернувшись спиной, прижалась к нему как можно сильнее. Горячие ладони парня тут же прошлись по девичьему телу, а губы жарко прикасались к шее, лаская ее языком. Стоны Киры мгновенно терялись в оглушающей музыке.

— Кира, домой, — хрипел Королев, чувствуя, что возбуждение становится нетерпимым. — Я хочу тебя трахать до потери пульса.

Продолжая опираться спиной на крепкую грудь парня, Кира секунда за секундой теряла самообладание и расслаблено двигалась в танце.

— Сучка, — прошипел Егор, хватая в охапку несопротивляющуюся девушку.

Серые глаза уже плохо вылавливали пространство перед собой. Кира послушно следовала за Егором, не спрашивая куда. Ей было все равно. Лишь только когда они оказались в какой-то небольшой комнате с не ярким, мягким освещением, попыталась оглядеться.

— Мы где? — стены вокруг начинали двоиться в ее глазах уже так сильно, что девушка, хихикнув, опять ухватилась за крепкую мужскую шею.

— Кабинет Геры, — прошептал блондин, прижимая ее к стене и запуская свои руки под платье.

— Опять чей-то кабинет! Ну, Его-о-о-р.

— Мне нужно трахнуть тебя здесь и сейчас, или я взорвусь на хер, — Егор еще сильнее придавил Киру собой, впиваясь ей в губы.

Вкус ее поцелуя, жар ее языка снимали все животные инстинкты с предохранителей. Одной рукой он резко дёрнул бретели платья, щелкнул застёжкой лифчика, обнажая аккуратную грудь девушки, а второй — стянул вниз тоненькие кружева на бедрах.

Егору срывало башню лишь от одного запаха ее тела, вздохов. Он с наслаждением прикоснулся губами к соскам, заставляя Киру выгибаться в его руках. Она запрокинула голову назад, эротично приоткрывая свой ротик со стоном. Королев оторвался от соблазнительной груди, накрывая поцелуем дрожащие губы, жестко сплетая свой язык с языком девушки.

Кира протяжно вдохнула воздух, ощущая, как между ног становится влажно, и все мучительно сжимается. Потянув мужскую футболку за ворот и обнажив широкие плечи, она тут же прошлась языком по его шее, а тонкие девичьи пальчики наглаживали Егора через джинсы, чувствуя твёрдый бугор под тканью. Кира была так пьяна, что даже не пыталась справиться с застёжкой на ремне.

— Ты вся мокрая, — ненасытные, горячие мужские пальцы между ног девушки медленно погрузились внутрь.

Тихо всхлипнув, она сильнее развела их в сторону, разрешая развратным желаниям полностью завладеть телом. Оставив очередной синяк на девичьей шее, Егор на секунду оторвался от нее, быстро расстегивая джинсы и стягивая их вместе с боксерами вниз. Ещё одно движение, и они оба заполнили комнату своими громкими стонами.

Егор уверенно двигался в ней, прижимая всем телом Киру к стене, которая уже едва держалась на ногах. Девушка потянулась к приоткрытым губам парня, слегка прикусив их.

— Король... — прошептала она ему в рот, вздрагивая сладкой дрожью от каждого движения Егора.

— Да, Моя Королева, — пьяно прохрипел он, сжимая ее ягодицы в своих ладонях. — Моя горячая Королева...

Кира отрицательно замотала головой, со стоном впиваясь пальцами в рельефные мужские плечи.

— Нет...

— Да... Ты именно такая, — Егор выписал кончиком языка на ее шею бессмысленный узор, чувствуя, как напряжение в паху нарастает с дикой силой, когда между девичьих ног все горячо сжималось.

Тяжело дыша, Кира закусил губы, но не переставала отрицательно крутить головой. Резко развернув ее спиной к себе, Егор вытащил из своих джинсов телефон.

— Смотри сама, — прошептал он пьяным бархатным голосом, включая камеру на экране и ставя телефон напротив на стеллаж с папками. — Смотри, раз не веришь... Ты невероятная, — Егор провел пальцами по обнаженной груди девушки, спускаясь книзу живота, — дико сексуальная. Ты сносишь мне крышу ко всем чертям, Моя Королева...

Он грубо прижал ее спиной к себе и дернул заколку из волос. Светлые растрепанные пряди рассыпались по плечам Киры. Егор уткнулся в них лицом, с наслаждением вдыхая тонкий аромат эвкалипта.

Девушка вскрикнула, ощущая, как он снова входит в нее толчками, а шею обжигают влажные губы. Ее пьяные глаза распахнулись, с трудом фокусируясь на экране телефона, где полуобнаженная блондинка с татуировкой на ребрах, тонула и возбужденно дрожала в мускулистых руках, крепко сжимающих ее соблазнительное тело.

Все, что промелькнуло у Киры в голове, перед тем, как отравленная алкоголем похоть полностью погасила ее сознание — девушка на экране действительно выглядит очень горячо и сексуально.

А телефон, перед тем как погаснуть, издал несколько тихих звуков затвора камеры.

Дикая, резкая боль прокалывала каждый миллиметр моего мозга всего лишь при малейшем движении. Мне было невыносимо даже просто моргать. Тошнота сжимала горло так, что хотелось не дышать вообще.

Дрожащими руками я опиралась на раковину, чувствуя, что не могу ни сесть, ни лечь, ни выйти из этой белоснежной ванной комнаты, мерзкий цвет которой буквально выедал глаза. Выпитый алкоголь очень мучительно и болезненно покидал мое тело, которое горело и ломило холодом одновременно. Тихий стук в дверь — и меня парализовало от выстрела в голову.

— Кир, ты как?

Я молчала, но боковым зрением выловила движение в дверном проеме. Егор осторожно протиснулся в ванную.

— Живая, моя королева танцпола? — улыбнулся он, опираясь плечом на дверной косяк. — Держи, — перед моим носом появилась бутылка минеральной воды.

— Смешно, — с трудом прохрипела я, сглатывая тошноту.

— Надо, Кир. Легче станет, — и даже любимый голос с нотками заботы ввинчивался в голову, как штопор.

С трудом оторвавшись от раковины, я не своими руками взяла воду, осторожно присаживаясь на крышку унитаза и поднимая глаза на стоящего в дверях Егора. Как так? Если мне не изменяла память, до того момента, как я отключилась, он пил, как не в себя. А сейчас стоял напротив меня с милой улыбкой на лице как ни в чем не бывало, запихнув руки в карманы спортивных штанов. Словно и не пил вчера вообще, только волосы смешно взлохмачены.

Сделав один глоток соленой колючей жидкости, я поморщилась:

— Боже, как мне плохо...

— Кир, это похмелье, — тихо рассмеялся Егор. — Из тебя просто выходит душа убитого интроверта. К вечеру оклемаешься.

Я протяжно застонала, отпивая минеральную воду мелкими глотками.

— Нет, Моя. Пить тебе однозначно нельзя, — усмехнулся блондин, продолжая подпирать дверной косяк голым плечом. — Что это вообще было?

— Не знаю, — соврала я, хотя ответ был очень даже прост.

Вчера вечером мне снесло крышу ревностью окончательно, но не могла же я признаться, что это потому, что его бывшая оказалась изумительной красоткой. И что моя внезапная смелость и уверенность лишь попытка что-то кому-то показать и доказать. Только вот кому и что? Сама же себе хуже сделала.

— Твой танцующий образ в голове меня теперь долго будет будоражить, — Егор мечтательно улыбнулся, прищурив разноцветные глаза. — Кстати, по поводу «будоражить», — он оттолкнулся от стены и уселся на коврик прямо передо мной, устремив взгляд в пол и закусив нижнюю губу. — Кажется, на один освященный кабинет вчера стало больше.

— Что, прости? — я уставилась на Егора, пытаюсь мысленно собрать все свои распяневшие извилины.

В моей голове мутными вспышками стали мелькать хаотичные обрывки вчерашнего

вечера: горящие стопки, неоновый свет, танцпол, руки Егора, стягивающее мое бельё... Черт! Черт! Черт! Мы действительно в клубе пьяные занимались сексом.

— Хоть как-нибудь предохранялись? — задавая этот вопрос, я с опасением ждала ответа, так не могла вспомнить никаких мелких подробностей этого момента.

— Ну-у... — разноцветные глаза старательно избегали моего взгляда.

Я приложила прохладное стекло бутылки ко лбу:

— Я тебя убью, Королев.

— Все будет нормально, Кир, — он уверенно улыбнулся и придвинулся ближе к моим коленям, оперевшись на них подбородком. — Я тебя люблю.

Мне не хватало сил разозлиться. Я лишь обессиленно запустила свои пальцы в его растрепанные волосы. Да и злиться надо было на саму себя тоже. Не он же насильно вливал в меня те коктейли?

— Кстати, я вот зачем вломился к тебе в ванную. Мне Семеновна звонила... — Егор, отодвинувшись, полез в карман. Достав мой мобильник, он протянул его мне. — Держи. Тут прям у тебя call-центр.

Я настороженно напряглась, вспоминая, что вчера так и не виделась, и не созвонилась с бабушкой.

— Сто пятьдесят четыре пропущенных, — в панике прохрипела я, глядя на экран. — И все от бабушки. Егор. Это...

— Пиздец, — подытожил он, нахмутив брови. — Бегом домой?

Я застонала, понимая, что туда надо пулей, а могу только ползти, прокручивая лишь один вопрос в голове: *«И почему вчера не осталась дома?»*.

***

В коридоре стоял удушающий запах валокордина. Мне пришлось задержать дыхание, чтобы не кинуться к белому «другу». Бабушки нигде не было видно, а чувство вины тихонько выглянуло из-за похмельного сознания. Теперь объяснений не избежать, но только бы не сейчас... Голова трещала, тело ломило, а во рту все еще стоял мерзкий апельсиновый привкус. Но я не успела закрыть дверь своей комнаты, как с первого этажа меня догнал спокойный голос бабушки:

— Кира. Сюда. Быстро.

— Приму душ и спущусь, — прокричала я, хватаясь за пульсирующие виски и молясь хоть как-то отсрочить разговор с ней.

— Ты спустишься сюда сейчас.

Проигнорировав ее слова, я быстро проскользнула в ванную и едва скинула с себя только платье, как за дверью раздался все тот же жёсткий, но спокойный голос.

— Кира, выйди или я сама туда зайду.

— Ба, сейчас. Прошу, дай пару минут, — затараторила я, пытаюсь быстро натянуть шифон обратно на себя, чтобы скрыть татуировку.

Но дверь ванной резко распахнулась, а я только и успела вздрогнуть, прижав к себе платье. Бабушка стояла на пороге, смотря на меня таким взглядом, что моя кровь в жилах не просто застыла, а покрылась ледяной коркой. Ее серые глаза, окруженные морщинками опухли, а бледное лицо выглядело значительно старше. Крошечное пространство моей

ванной комнаты наполнилось запахом лекарств. Я сжалась в комок, чувствуя, как подкатывает тошнота.

— Ты что себе позволяешь, Кира? — процедила она.

— Ба, пожалуйста, я...

— Бессовестная! — гневно перебила меня бабушка, делая шаг ко мне. — Тебя двое суток не было дома, я всю ночь пыталась тебя найти. Готова была уже все морги обзванивать, пока не дозвонилась до Ангелины Семеновны и не попросила ее набрать Егора. Ты что меня так позоришь? Ты что... — она вдруг замолчала, осматривая мое тело в одном белье, которое я усердно пыталась прикрыть шифоном. — Что это?

«Мне конец».

Я отступила назад, бесполезно прижимая ткань к себе, но одним резким движением бабушка выдернула из моих ватных рук платье.

— Татуировка? — ее глаза тут же налились злостью, а губы напряженно затряслись.

— Послушай... — прохрипела я, а ладони инстинктивно прижались к солнцу.

Подскочив ко мне, она вцепилась в мои запястья, разводя руки в сторону. Я чувствовала, как ее взгляд ненавистно впивался в мой рисунок на теле так, что мне казалось, что место татуировки горит огнём. Бабушка уже открыла рот, чтобы обрушить на меня гневные тирады, но вдруг глубоко вдохнула воздух возле меня.

— Дыхнула быстро, — она отвела глаза от тату и вцепилась взглядом мне в лицо.

Я лишь шумно сглотнула и до боли прикусила свои губы.

— Где вы шлялись всю ночь?

— В клубе.

Бабушка не сводила с меня взгляда, выпуская мои запястья из своих пальцев.

— Я запрещаю тебе видеться с Егором, — ее холодный и спокойный тон полоснул меня так сильно, что на секунду сбилось мое дыхание.

— Что-о? Нет! — я так резко пошатнулась от нее в сторону, что вписалась спиной в угол шкафчика. Было жутко больно, но смысл сказанных ею слов, вызвал жгучее чувство в груди, которое оказалось намного больнее. — Это бред!

— Бред? — она медленно подняла с пола платье и закинула его в корзину для белья. — Думаешь, что я должна спокойно реагировать на то, что ты сутками пропадаешь неизвестно где, не отвечаешь на звонки, а потом заявляешься с диким перегаром и татуировкой? — ее голос дрожал, но взгляд оставался жёстким. — Тебе пора немного прийти в чувство.

Мое сердце бешено колотилось, а в легких как будто перекрывали кислород. Раздражение вперемешку со злостью начинало потихоньку дергать меня, словно марионетку.

— Я как виделась, с Егором, так и буду, — огрызнулась я, пятясь в комнату в одном белье. — Запретишь — сбегу.

Лицо бабушки побелело еще сильнее, а взгляд серых глаз прожог меня насквозь холодом.

— Посмотри на себя, Кира. Ты же неменяемая. Я и подумать не могла, что он так на тебя повлияет и тебе напрочь отобьет разум. Где моя спокойная и тихая девочка, что мечтала о будущем, а не о том, как бы провести ночь в кровати у мужика? Я разве так тебя воспитывала? — она поморщилась так, как будто перед ее глазами стояла не ее внучка, а что-то мерзкое.

— Спокойная и тихая девочка? Вот что, оказывается, для тебя важно. А может я больше

не хочу быть такой? — мое лицо презрительно скривилось. — Что? Такую любить меня уже не хочется? — сама не замечая того, мой голос повышал тон с каждым произнесенным словом. — Ну, конечно, удобнее же послушная и покладистая внучка.

— Что ты несешь?

— Правду, бабушка.

— Дура, ты, Кира. Ой, дура, — она провела ладонью по лбу, запуская пальцы в свои светлые с проседью волосы, смотря на меня с такой злостью, что я не узнавала ее родного взгляда.

То ли невыветрившийся алкоголь в моей крови, то ли захватившее меня бешеное чувство озлобленности, которое клубком раскатывалось по венам, опутывая мое сознание и заставляя меня пронизывать бабушку разъяренным взглядом... Но я даже не знаю, откуда это взялось в моей голове.

— Да, дура, что до девятнадцати лет безропотно просидела в грядках, даже не пытаюсь увидеть мир вокруг себя. А он оказывается есть, бабушка. Просто тебе так было удобнее. И как только я начала делать что-то по своему желанию, так ты сразу пытаешься одернуть меня, потому что это не совпадет с твоими представлениями.

— Твои желания — это делать тату и шататься пьяная в клубах? Так ты себя ценишь и ощущаешь взрослой? — бабушку буквально трусило на моих глазах. — Раздвигать ноги — это не показатель твоей самостоятельности. Если ты не понимаешь, что происходит, то я тебя предупреждаю — Егора не будет на пороге этого дома.

Ее последняя фраза сработала для меня, как красная тряпка, застилая мне разум, адекватность и контроль над собой.

— А то что? — я сделала резкий шаг вперед к бабушке, нагло смотря в ее заплаканное лицо.

— Кира... — сквозь зубы проговорила она, сжимая пальцы и тяжело дыша, — не заставляй меня идти на крайние меры...

— И что ты сделаешь? Посадишь под замок? Откажешься от меня? Или в случае чего, отправишь на аборт насильно, как и мою мать. Ты же так решаешь неудобные тебе проблемы... — ядовито выплонула я, даже не успев подумать.

Резкий хлопок разлетелся по комнате, а моя щека вспыхнула колючим огнем. Все, что я смогла — это схватить ртом воздух, который никак не хотел проникать в мои легкие, заставляя задыхаться на месте. Моя ладонь схватилась за след от пощечины, который за секунду стал мокрым от хлынувших слез.

Бабушкины руки дрожали, а в широко распахнутые глаза застилал испуг. Боль прожигала мне щеку, быстро опускаясь к груди. Прижав одну руку к лицу, вторую к ребрам, я, не чувствуя ног, попятилась вглубь комнаты и, уперевшись о борт кровати, медленно опустилась на нее.

— Приди в себя... — вдруг достаточно спокойно произнесла бабушка.

Я уже не видела перед собой ни ее глаз, ни лица, лишь расплывчатые очертания окружающего мира — слезы текли сплошным потоком. Изнутри обида колола такой силой, что быстро вывела из моего тела оставшиеся дозы алкоголя. Пощечина оказалась лучше любого антипохмелина.

— Предупреждаю еще раз по поводу Егора, — холодный тон родного голоса прошел через меня насквозь, заставив задрожать еще сильнее. — Не забывай, Кира, кто должен оплатить вторую часть суммы за твое обучение. Я не позволю тебе спустить в канаву по

твоей дурусти все то, что так долго и тяжело нам доставалось.

Еще один удар под дых. Мне хватило воздуха, чтобы лишь истерично всхлипнуть:

— Это шантаж? — мои слова прозвучали словно извне.

— Нет, детка. Хочешь быть взрослой и самостоятельной — учись отвечать за свой выбор и поступки.

— Мой выбор сделан, и от тебя мне больше ничего нужно, — я сама не узнавала свой голос: холодный и бесчувственный.

Бабушкин болезненный вдох разлетелся по комнате, наполняя воздух в ней разочарованием. Ее расплывчатый силуэт исчез из комнаты, оставив за собой четкий звук хлопнувшей двери, который, как стрела воткнул мне всего лишь одну мысль в голову — я хочу отсюда сбежать. Сейчас.

Я сметала в свою сумку первые попавшиеся вещи. Наспех одевшись и даже не приведя себя в порядок после бессонной пьяной ночи, вылетела из дома. Мне было все равно: наткнушь ли на бабушку внизу или нет. Колотившая меня злость могла смести все на моем пути.

Вопрос куда идти не стоял — к нему. Сначала к нему, а потом к Машке. С трудом удерживая телефон в трясущихся руках, я набрала Егора.

— Возьми же трубку, прошу, — всхлипывала я, размазывая соленые ручьи по лицу и слушая бесконечно долгие гудки.

— Алло, — наконец послышался сонный хрип в трубке.

— Егор, — всхлип, — я... — всхлип, — к тебе...

— Быстро сюда. Жду, — рявкнул он, а от заспанного голоса не осталось и следа.

На плохо слушающихся ногах я дошла до дома Королевых. Пелена гнева и злости сменились на неконтролируемую волну непонимания и обиды. Я рыдала не переставая, на груди у Егора, сидя на диванчике в его гостиной. Он крепко держал меня в своих сильных руках, ласково целуя меня в волосы, пока я вздрагивала от истеричного плача.

— Кир, расскажи, что случилось? Прошу, — Егор взял мое лицо в свои горячие ладони, стирая большими пальцами слезы с опухших щек.

Родные разноцветные глаза растерянно смотрели на меня, а я с дикой болью в груди осознавала, что мне никогда не отказаться от них. Это было похоже на безумие, но я лучше откажусь от всего остального, чем от этих глаз, взгляд которых был пропитан нескрываемой тревогой.

— Не молчи. Ты рыдаешь, а у меня душа на части рвется. Это из-за того, что дома не ночевала?

Я согласно закивала и тут же отрицательно замахала головой:

— Да... То есть нет... Сначала мы ругались из-за этого, — шмыгнув носом, я опять прильнула к мужской теплой груди. — А потом...

Перебирая пальцами мои спутанные локоны, Егор молча слушал подробности нашей ссоры с бабушкой. Я не видела его лица, но чувствовала, как он напрягается и как обеспокоено набирает обороты стук сердца с каждым моим словом. На моменте с пощечиной и озвученными мне бабушкой условиями, Егор шумно вздохнул, на долю секунды задержав дыхание, а руки кольцом все сильнее обнимали меня.

— За все семь лет мы никогда не ругались, а тут сразу... и вот так... — шептала я, оставляя мокрые следы на его серой футболке. — Можно же было просто поговорить, выслушать, а не бросаться угрозами. Как она не понимает...

— Кир, — Егор слегка отстранился, приподнимая мое лицо за подбородок и внимательно вглядываясь мне в глаза, — это же обычные манипуляции. Ты не должна вестись на них, а уж тем более становиться перед подобным выбором, как мелкая школьница.

Я стёрла тыльной стороной ладони очередной мокрый след со щеки.

— Это действительно несоизмеримый выбор для меня. Лучше уйду на заочное, вернусь в кафе и попробую как-нибудь сама.

— Тебе не нужно никуда уходить, куда-то возвращаться, — он нежно прикоснулся пальцами к моему лбу, смахивая растрепанные волосы. — Оплачу все я. Для меня это не проблема.

— Что? Нет, — оторопела я, изумленно уставившись на серьёзное и спокойное лицо Егора. — Это даже не обсуждается. Я никогда не возьму деньги у твоей семьи.

— А кто говорит, что я собираюсь брать их у отца? — усмехнулся он. — Это мои деньги.

— Твои? Откуда у тебя такие суммы?

— Кира, какая разница, — снисходительно улыбнулся Егор, поправив за моим ухом пряди волос. — Так что тебе не придётся идти ни у кого на поводу.

— Нет, Егор, — твёрдо произнесла я, зашмыгав носом и хмуря брови, недовольная таким предложением. — Это даже не рассматривается. Мне нужно постараться уладить этот вопрос с бабушкой. Мы же не будем с ней вечно в ссоре, — мое сердце опять болезненно затянуло, а из глаз снова хлынули слезы. — Вообще не планировала с ней так ругаться, но когда она сказала, что против нас, то... — с новой силой я разразилась рыданиями.

Теплые мужские руки осторожно погладили меня по голове.

— Сейчас вам лучше обоим остыть. Если что, то я и сам могу поговорить с твоей бабушкой, — успокаивающе произнес Егор, едва касаясь губами моего лба. — А по поводу денег — серьёзно. Предлагают выбор — да без проблем. Я свой выбор делаю за нас двоих. Между нами не встанут чьи-либо манипуляции.

— Это все неправильно, — я снова громко всхлипнула, согревая мокрые щеки на его тёплой коже.

Егор усмехнулся, целуя меня в макушку, а пальцы опять смахнули скатившиеся слезы с моего лица:

— А ставить тебя выбором, лишь потому, что ей так кажется правильным? Учитывая, прошлую историю твоей матери, то вдвойне понятно ее рвение видеть в твоём будущем то, что не увидела ни в своем, ни своей дочери. Только, Кир, — Егор вдруг приподнял меня за плечи, поворачивая лицом к себе, — а чего ты сама хочешь?

Его разноцветные глаза настойчиво выискивали в моем взгляде ответ на вопрос, который можно было бы и не проговаривать — все и так очевидно.

— Я хочу быть с тобой, — почти беззвучно произнесла я.

— Значит, так и будет. — Его губы прикоснулись к моим, успокаивая тёплым поцелуем. — Тебе надо поспать хоть немного.

Он обхватил меня за талию, откидываясь спиной на диван, удобно примостился со мной на узком мягком пространстве. Егор прижал к своему телу, расположив мою голову у себя на плече.

— Поспи, Кир. А потом точно решим, как быть дальше, — он уткнулся лицом в мои волосы, переплетая наши пальцы.

Узор из пульсирующей головной боли и остатка физических и эмоциональных сил спутал окончательно все в хаос в моей голове, позволив лишь прильнуть к Егору. Я издала еще один всхлип и измученно отключилась на тёплом, родном, мужском плече.

***

Вечер этого же дня я провела словно в тумане. Приютившись на узком диванчике в гостиной, мы проспали практически до сумерек. Но и сон не стал великим спасением — алкоголь выветрился, а чувство обиды и горечи от произошедшего днем давило тягостным ощущением. Весь унылый остаток дня в доме Королевых, где, естественно, и осталась после своеобразного побега, мной прокручивались ее слова: или учеба, или Егор. Да это даже в мыслях звучало абсурдно!

Слушая в полнейшей ночной тишине его глубокое, ровное дыхание рядом, ощущая теплоту его тела у себя за спиной, зная, что в любой момент он может что-то смешно пробурчать во сне и прижать к себе своими сильными ручищами — мне хотелось послать все к чертям. Что имело смысл без него? Ничего. Даже сама себе бессмысленна, если его не было рядом.

А бабушка... Да, моя душа рвалась от горечи и чувства несправедливости. Может, мне и не следовало упоминать мою мать, но, как бы там ни было, разве это давало ей право ставить мне ультиматумы?

Практически всю ночь, между бесчисленными попытками провалиться в сон, мой взгляд то и дело выхватывал светившийся экран телефона, на котором мелькал звонок от абонента «Бабушка». Но отвечать на них я и не собиралась.

— Кир, ты же не собираешься морить себя голодом? — сидя за столом в кухне, Егор нахмурил лицо, придвигая тарелку с какими-то овощами ко мне. — Вторые сутки без еды — это уже не нормально. Хотя бы поужинай.

Я провертела пальцами тарелку перед собой, безразлично уставившись на ее содержимое. Никакого аппетита, даже несмотря на то, что последний раз мой организм получал еду в день, когда мы знатно зажгли в клубе, то есть позавчера.

— Не хочу, — вяло отозвалась я, гипнотизируя сочные помидорки в салате, не вызывающих во мне никакого желания их уничтожить. — Мне кусок в горло не лезет.

Егор напряженно вздохнул, кладя свою ладонь на мою:

— Послушай...

— Ты же сегодня быстро вернёшься? — поинтересовалась я, поднимая глаза на сидящего рядом Егора.

— Туда и обратно. Обещаю. Заберу машину со стоянки клуба и все.

— Бабушка все время названивает, — устало произнесла я. — А я даже не знаю, что ей сказать. Мне надо как-то вернуться домой, собрать вещи и дозвониться Машке. Ты сможешь меня сегодня или завтра утром отвезти к ней?

Но блондин почему-то молчал, задумчиво смотря на меня в упор, словно пытался подобрать какие-то фразы для ответа.

— Его-о-р... — напряглась я, резко подаваясь вперед на стуле.

— Ты не поедешь к Маше, — спокойно произнес он.

От его неожиданного заявления я лишь широко распахнула глаза и уставилась на него с неммым вопросом.

— Короче, пока ты два дня ходила молча, с перерывами на сон и поплакать, я тут кое о чем подумал... — начал он.

Я тут же закрыла лицо ладонями, качая головой:

— Только не твоя очередная вспышка сообразительности! Сжался надо мной, — взмолилась я, понимая, что не готова ни физически, ни морально куда-то опять срываться и бежать. — Или тебе придется тащить меня волоком за собой.

Егор мягко убрал мои ладони от лица, улыбнулся и полез к себе в карман джинсов.

— Не хотелось, конечно, тащить тебя туда брыкающуюся, но сегодня ночевать с тобой я планирую не здесь, — он вернул свою ладонь опять на стол и аккуратно положил передо мной связку ключей.

Я изумленно перевела взгляд с ключей на Егора, который, как ни в чем не бывало, продолжал с улыбкой наблюдать за мной.

— Это ключи от моей квартиры. Забирай, — невозмутимо пояснил он.

— И зачем они мне? — мои глаза рассматривали связку, а пальцы сами потянулись к ней. Аккуратно дотронувшись до одного из ключиков, он поменял положение и громко стукнул о поверхность стола.

— Чтобы дверь открывать, Кир, — рассмеялся Егор, расслабленно откидываясь спиной на стул. — Хочу, чтобы ты переехала ко мне, — твёрдо заявил он.

— К тебе? Я не могу... — я растерянно запнулась, оказавшись абсолютно не готовой к подобному варианту разговора.

— То есть «нет»? — приподняв брови, он подозрительно сощурил свои странные глаза.

— Это просто не возможно. Или мне не помириться с бабушкой ни-ког-да, — вздохнула я, отодвигая ключи.

Мы молча уставились друг на друга. Егор продолжал уверенно смотреть на меня в упор, будто бы зная, что я поменяю свой ответ. Пять секунд, десять, двадцать — порыв принять это предложение становился все ощутимее, окутывая меня соблазном.

— Ну что я ей скажу? — потянувшись через угол стола к Егору, я обессилено уткнулась лбом в его плечо.

— Как есть, так и скажешь. Или ты решила поступить, так как хочется ей? — его пальцы осторожно гладили мне спину, помогая понемногу настраивать меня на нужный ему ответ.

Отрицательно замотав головой, я потянулась вперед, обвивая Егора руками и поднимая на него глаза.

— Кир, — он перестал улыбаться, и его лицо выглядело без единого намека на иронию или ухмылку, — я не хочу устраивать детский сад с какими-то тайными свиданиями, враньем, а уж тем более поддаваться на чьи-либо манипуляции. Твоя бабушка рано или поздно успокоится, когда поймёт, что ты счастлива рядом со мной, что все действительно серьёзно для нас, — бережно взяв мое лицо в свои ладони, Егор придвинулся ближе к моим губам. — Поэтому я сейчас еду за машиной, возвращаюсь, а эти ключи становятся твоими.

Во мне боролись два крайности: первая говорила, что такие решения нельзя принимать спонтанно и опираться только на чувства — неправильно, но вторая... Вторая лишь молча подталкивала мне ключи в руку, в надежде, что именно спонтанно принятые решения иногда действительно самые верные.

Я смотрела в разноцветный омут его глаз, понимая, что проще сдать ему. Да и мое «поражение» почему-то не казалось мне таковым. Сделав глубокий вдох и разум древесно-морским ароматом, я прильнула к губам Егора, давая понять, что согласна. Его плечи облегченно расслабились, а руки настойчивее прижали ближе к себе, беспардонно касаясь моей груди.

— Нельзя, — шикнула я, отодвигаясь подальше от шаловливых пальцев.

— Извини, забыл. Но зато видишь, все без осечек вышло, — Егор довольно сверкнул белоснежной улыбкой и покорно переместил свои руки выше на талию. — Тогда через пару часов едем в твой новый дом. Тем более сегодня в ночь возвращается вся моя семья в полном составе, и так спокойно тут не потрехаешься уже.

— Кто о чем... — с улыбкой заворчала я, опять прижимаясь лбом к его крепкому плечу. — Езжай уже к Гере быстрее.

Пока мы ждали такси на пороге дома Королевых, Егор не выпускал меня из объятий и шуточно фыркал мне в макушку, щекоча и согревая горячим дыханием.

— Даже представить боюсь ее реакцию, — В голове все еще роились мысли о ссоре с бабушкой.

Он сдержанно усмехнулся, наклоняясь ближе ко мне.

— Я не боюсь реакции Нины Ивановны. Боюсь лишь одного — не быть рядом с тобой, — соприкоснув нас лбами, Егор так по-детски бережно, целовал мои улыбающиеся губы и улыбался сквозь поцелуй сам.

— Тебе не кажется, что мы как-то торопимся со всем этим? — прошептала я, обвивая его руками за шею.

Вдруг он притянули меня к себе с такой силой, что я легко ощутила стук его сердца, который совсем не вязался с внешним спокойствием — оно колотилось бешеным ритмом.

— Моя, — хрипло зашептал Егор, зарываясь в мои распущенные пряди лицом. — Любимая, родная... Я уверен в своем предложении. — Его нежные пальцы прошлись по волосам, опускаясь к шее и ключицам, очерчивая узоры на моей коже. — Кира, если бы ты знала, как люблю тебя...

Едва касаясь губами невероятно пахнущей мужской шеи, я еле слышно произнесла в ответ:

— Моя любовь все равно сильнее...

Назойливая вибрация в кармане джинсов Егора, заставила его нехотя выпустить меня из своих объятий.

— Это такси, — простонал он, наклоняясь ко мне за поцелуем.

— Поезжай уже, — я шутливо увернулась от Егора и оттолкнула его от себя, пройдясь пальцами по его бокам и животу.

Фыркнув, он дернулся от щекотки и, светясь счастливой, открытой улыбкой, скрылся за калиткой.

А я осталась стоять одна посреди огромного двора, утопающего в зелени и цветах. Где-то тенью укором проскальзывало чувство стыда за то, что день назад случился ужасный скандал в моей жизни. Скандал с одним из самых близких мне людей на свете, а сейчас вместо раскаяния и чувства вины, я собиралась жить с человеком, который, по мнению бабушки, и стал причиной всего раздора. Но контролировать свои эмоции уже было бесполезно — на моем лице красовалась глупая улыбка, а в глубине души проснулось ощущение, что все-таки я поступаю правильно. Это моя жизнь, и только мне было решать по какому маршруту ее вести. А бабушка поймёт, должна понять. Хоть она и давала мне выбор, но у нее этого выбора не было. Я и Егор должны быть вместе.

С этим почти боевым настроем я даже не успела переступить порог дома, как услышала жалобный зов своего телефона. С замиранием сердца я кинулась на звук.

— Кира! — это был не крик, а вопль в трубке, что я тут же отвела динамик подальше от уха. — Нет времени объяснять! Я еду к тебе! У меня выходной! Вы-хо-д-ной! Сука, я набухаюсь сегодня в промокашку и растворюсь в алкоголе, как в серной кислоте!

«Машка! Боже, как же мне ее не хватало».

— Если хочешь напиться и забыться, то ты же знаешь — это не по адресу, — рассмеялась я, и даже больше по той причине, что это звучало, довольно-таки, абсурдно после моего бенефиса в клубе.

— Я почти месяц пахала, как Папа Карло без выходных, — голос подруги стал спокойнее, но оставался все таким же возбужденным. — Так что сейчас еду к тебе, наемся до отвала вкусняшек от Нины Ивановны, а потом все по отработанному плану: я пью водку, ты — сок. Мне столько всего тебе надо рассказать...

«И мне, Маша... И мне...» — тут же подумала я, а упоминание о моей бабушке мигом сбавило обороты на позитивный настрой.

— Маш, — начала я, нервно сглотнув, — я не совсем дома сейчас. Давай встретимся в другом месте...

— В смысле не дома? — вопрос подруги был настолько пропитан изумлением, что, казалось, я прям через динамик телефона видела ее широко распахнутые глаза. — У тебя что-то случилось?

— Ну-у, не совсем. Не по телефону.

— Хорошо, — последовал ее ответ, после секундного молчания. — Ехать-то куда?

— Давай выйду к остановке, а там дальше решим, — я уже стояла в дверях, пытаюсь застегнуть ремешок на босоножках одной рукой.

Положив ключи от квартиры Егора и от дома его родителей в сумку, я выскочила на улицу и чуть ли не бегом направилась к месту встречи, порадовавшись, что в нашей деревушке есть улицы не мимо бабушкиного двора. Меня и тянуло домой, и в то же самое время не хотелось отступить принятого мной сегодня решения.

На остановке меня уже покорно ждал красный крошечный Машин автомобиль.

— Кира, черт, как я соскучилась, — она сгребла меня в крепкие объятия, стоило только хлопнуть дверью авто. Но тут же подруга отодвинула на расстояние вытянутых рук, с интересом осматривая своими раскосыми, карими глазищами, словно детектор. — Слушай, а в тебе что-то изменилось... Ты как будто повзрослела, что ли...

— Постарела просто, — заулыбалась я, искренне радуясь ее приезду, но про себя невольно усмехнулась ее замечанию.

Во мне изменилось не «что-то». Во мне изменилась «я».

— Не говори про старость, — закатила глаза Маша. — Мне скоро двадцать четыре, а уже после месяца работы в таком режиме ощущаю себя, на все сорок четыре. Я даже переодеться не успеваю в человеческую одежду, — она недовольно похлопала ладонями по униформе ресторана: все черное — и футболка, и джинсы. — Куда едем?

— Пока прямо, дальше покажу, — махнула я рукой, надеясь, что не забыла дорогу к тому пляжу, где Егор учил меня нырять.

Маша коротко кивнула, давя на газ. По лицу было заметно, что ее разбирает от любопытства, почему мы не поехали ко мне домой точить бабушкины пирожки, но она без умолку принялась тараторить про свое повышение и тяготы занимаемой должности. Маша прекрасно знала — я расскажу ей все, когда мне будет удобно говорить об этом.

— О, тут очень даже мило, — подруга, поджав губу, с интересом осматривала почти пустынную линию пляжа, выйдя из машины. — Ты здесь уже была?

— Было дело... — хмыкнула я, выходя следом и вдыхая полной грудью влажный морской воздух.

— Было дело? А у твоего «было дело» случайно не член между ног? Колись. Я же вижу, что-то происходит, — Машка заинтриговано подмигнула мне.

— Ма-а-ша, — простонала я, едва сдерживая улыбку.

Мы спустились к самому морю и, скинув обувь, уселись на песке возле края играющих тёплых волн. Под их шепот я рассказала Маше все. Почти все, утаив совсем интимные подробности. Она, округлив глаза, грела уши на моем рассказе, периодически охая. Особенно на моменте с тайным походом в яблоневый сад и татуировке.

— Тату? Серьезно? — ее взгляд полыхнул азартом. — Сумасшедшая! Покажи!

— Не здесь же, — улыбнулась я, но на всякий случай чуть отпрянула от нее.

— А я сразу заметила, что ты какая-то не такая: глаза живые, лицо не как обычно, тошнотворно бледное. От тебя прям веет флюидами романтики, — Маша театрально замахала ладонями вокруг себя, будто бы и правда пыталась уловить те самые флюиды. — Вот почему ты молчала все это время. Но я клятвенно обещаю, что, когда нужно, то буду оставлять квартиру на пару часиков для тебя с Его-о-ркой, — темные густые брови девушки многозначительно дернулись, а сама она игриво хохотнула.

— Маш, — я осторожно заглянула в ее лицо, нервно заелозив на песке, — боюсь, что в этой квартире я и Егор будем появляться только как гости.

Подруга, престав хихикать, уставилась на меня, быстро-быстро хлопая длинными ресницами.

— В смысле? Ты съезжаешь? К нему? — она сделала явный акцент на последнем слове. Я зажмурилась и быстро закивала. Это была минута полного безмолвия на фоне тихого шума волн. Маша сдвинув брови у переносицы, продолжала озадаченно смотреть на меня:

— По всей видимости, именно потому, что ты была не дома, а теперь еще и съезжаешься с мужиком, мы сейчас сидим на берегу моря, а не на кухне, поедая блинчики. Бабуля твоя не в восторге, да?

— Она пока не знает, и без этого у нас натянутые отношения сейчас. Но это мое решение и не хочу его менять, — уверенно заявила я, одергивая ногу от приблизившейся ко мне волны.

— Это, конечно, хорошо, что так решительно настроена, но как твоя подруга и человек далеко не старых нравов, сама немного под впечатлением от твоих перемен и разговоров, а для Нины Ивановны ты вообще теперь с другой планеты. Главное, вам дров не наломать бы своей безудержной страстью.

— Ты думаешь, я все-таки поторопилась с решением о переезде?

— Не знаю, Кир. Поторопились вы с Егором или нет — зависит теперь только от вас, — Машка растерянно пожала плечами, но заметив промелькнувшую тень на моем лице, тут же шутливо двинула своей ногой по моей. — Эй, да все будет нормально! И если пирожочков мне сегодня не видать, то поехали хоть куда-нибудь, где можно поесть, — она ласково погладила себя через черную футболку по животу.

— Только ненадолго, — нехотя произнесла я, доставая свой телефон, чтобы сообщить Егору, что встречу с ним уже в городе. — У нас сегодня просто немного другие планы на вечер были...

Даже осторожно высказанные Машины сомнения уже не могли меня переубедить. Я перееду к Егору и точка.

— Куда теперь до меня, — поморщилась Маша. — Ладно, пиши своему Егорке, а я пока сообщу всему миру, что на вечер совершенно свободна, — она дернула резинку на голове и соблазнительно распушила свои идеально прямые русые пряди.

— Фото в инстаграм? — усмехнулась я, не отрываясь от экрана своего смартфона.

«Странно, что он не ответил и даже не прочитал первое сообщение», — от этой мысли неприятно сквозило досадой, пока я печатала ему второе послание.

— Ага, — Машка несколько раз щелкнула камерой перед собой. — Не помню, когда заходила туда...

Пока она сосредоточенно накладывала фильтры на фото, я отложила свой телефон, устремив взгляд на бесконечно морской горизонт. Был идеальный штиль. Вода зеркальной гладью отражала в себе серо-белые ватные облака, и это спокойствие, проникая в меня, давало мне ощущение, что я делаю правильный выбор. Наши отношения и желания, которые стремительно набирали обороты, может быть, и следовало хоть как-то притормозить, но мне этого не хотелось. Я всегда что-то тщательно взвешивала и много думала, но никогда при этом не чувствовала себя по-настоящему счастливой. Мне больше не хотелось возвращаться к этой правильной и выверенной до секунды жизни. Будь что будет. Главное — он рядом.

— Кир, а как фамилия у Егора? — прервал мои размышления обеспокоенный голос

Машки.

— Фамилия? Королев. А тебе зачем? — я повернулась к подруге и вопросительно подняла свои брови.

Выражение ее лица приобрело какой-то потерянный, а скорее испуганный вид. В руках Машка по-прежнему держала телефон, но пальцы так крепко сжимали мобильник, что казалось, сейчас сломают его.

— Ты чего? — предчувствие чего-то дурного стало заползать мне в грудь.

Маша тяжело сглотнула, переводя взгляд с меня, на телефон и обратно.

— Ты меня пугаешь! — я действительно уже с трудом сохраняла спокойствие.

— И как давно вы с ним знакомы?

— Чуть меньше месяца. Да что такое? — нарастающий стук сердца в груди стал эхом отзываться где-то в моей голове.

— А татуировка у тебя, случайно, не солнце? И первый раз... В машине... — Машкин голос нервно срывался чуть ли не в хрип.

— Да... А... — запнулась я на полуслове, понимая, что не упоминала ей об этом никаким образом, — откуда ты...

Подруга закрыла глаза, набрала в лёгкие воздух и зачем-то крепко прижала свой телефон к груди.

— Кира, ты вообще знаешь, кто такой Егор Королев?

— Маша, что происходит?!

— Ты в курсе, твой Егор, Егор Королев, блогер. И достаточно популярный, — на одном дыхании выпалила она и замолчала, выжидая мою реакцию.

— Ты что-то пугаешь... Нет, — я отрицательно качала головой, свято веря в бред сказанных слов.

— Значит, ты просто не знала... — прошептала она, а ее глаза наполнялись то ли ужасом, то ли сожалением.

— Не знала что, Маша? Ты можешь нормально мне ответить. Что в твоём телефоне? — я пыталась не поддаваться трясучке, но внутри меня уже скрутило холодом.

Машка странно отпрянула от меня, щелкнув кнопкой блокировки телефона, словно все ответы на мои вопросы были именно на экране ее мобильного.

— Кир... — опять зашептала она, — я не могу тебе это показать...

Моя начинающаяся паника, заставила меня просто резко кинуться к подруге и буквально выхватить телефон из ее рук. Если это связано с Егором, я должна была знать. Не дав Машке опомниться, я подскочила с песка и тут же разблокировала смартфон. Темный экран засветился яркими картинками из инстаграм.

— Кира... не надо. Не смотри, тебе лучше с ним сразу поговорить и... — запричитала рядом Маша.

Но я уже не слушала ее, шум в ушах от учащенного сердцебиения мгновенно выкинул меня из этого мира, погружая в яркий мир инстаграма. Мой взгляд заскользил по всему экрану, вылавливая изображения на фото и сториз. Это была личная страница Егора.

Я, особо не понимая, что вообще происходит, в хаотичном порядке открывала первые попавшиеся посты. И с каждым новым чувствовала, как ощущаю себя вне реальности, переставая даже дышать. Яблоневый сад, мое первое появление в его доме в том дурацком платье, наш секс в машине, разбитый телефон, тайная поездка в кино и даже то, что меня бросила мать и я росла в детском доме — все это он выставил напоказ почти четыремстам

тысячам подписчиков.

Создавалось впечатление, что я не знаю этого человека, за которым только что была готова идти хоть в рай, хоть в ад. Человека, который отдавал на лайки и комментарии каждый шаг своей жизни: какие-то поездки, тусовки, какая-то реклама, продажи — а потом, как оказалось, и моей жизни тоже.

Но окончательно земля ушла из-под ног, когда среди ярких картинок мой взгляд выхватил последнее опубликованное фото. Если до этого я просто теряла связь с одной реальностью, погружаясь в другую, то в этот момент мир исчез по обе стороны.

Трясущимся холодными пальцами я нажала на фотографию, открыв ее на экране полностью. Качество фото не было идеальным, но и этого хватало, чтобы рассмотреть, как обнаженный Егор в недвусмысленной позе, страстно прижимал к стене голую блондинку. Крепкие мужские руки едва закрывали грудь девушки, а ее ладони обхватывали его шею, плечи. Пост был опубликован пятнадцать минут назад.

Перед тем как расколоться на части, мое сердце замерло с такой адской болью, что хотелось взвыть и сдохнуть моментально. Все, для чего я жила и дышала последние несколько недель, оказалось в одну секунду погребено под тысячами лайков и комментариев.

Блондинкой на фото была я.

— Сука! Это пиздец просто! Почему именно сегодня? — Егор с размаху врезал ногой по сдутому колесу чёрного кроссовера.

— Пряма все четыре? — раздался за широкими плечами блондина голос Геры.

— Да! Какого черта у тебя здесь нет камер видеонаблюдения?

— Кто ж знал, что кому-то в голову взбрѣдет твоей тачке все колеса сразу проколоть? — Гера виновато пожал плечами, закуривая сигарету. — Сейчас что-нибудь придумаем. Не кипишуй.

Егор раздражѣнно простонал, упираясь руками в закрытые двери машины:

— Гер, что ты придумаешь в воскресенье вечером? Мне придется эвакуатор вызывать, чтобы тачку в шиномонтаж отвезти. Но мне она нужна сейчас. Я Кире пообещал уже...

Мысль, что придется на сегодня все отменить, приводила в бешенство до скрежета зубов. Он так не планировал. Этот вечер должен был начаться не так...

Гера вздохнул и, зажав сигарету в тонких губах, полез татуированной ладонью в карман черных джинсов.

— Обещать, не значит жениться, — хмыкнул он, листая список имен на экране, отходя в сторону от матерящегося друга. — Есть у меня одни знакомые...

Блондин, пытаясь унять волну раздражения, стукнул кулаком по крыше кроссовера, процедив себе под нос очередную нецензурщину.

— Хорош тачку колошматить, — Гера опять появился за широкой спиной, довольно улыбаясь. Сделав затяжку, он отшвырнул окурочок и выдохнул дым. — Через полчаса приедут за твоей ласточкой и отвезут куда надо. Я договорился. Пошли пока хоть кофе выпьешь. Коньяк не предлагаю, ты же теперь правильный у нас, — татуированный усмехнулся, направляясь к черному входу своего клуба.

«Полчаса... Долго. Мне надо сейчас», — мысленно проворчал Егор, но за неимением других вариантов зашагал за Герой, снова пнув кроссовком проколотое колесо напоследок.

Пробираясь сквозь немногочисленную танцующую толпу под клеткой, он неосознанно улыбнулся, вспомнив недавно кружившую здесь фигурку Киры. Теперь, когда она согласилась переехать к нему, они смогут проводить время вдвоем, не ограничивая себя в желаниях и возможностях. Осталось только сделать два важных дела.

Первое, удалить все личные посты, связанные с ней, о чем собственно и было принято решение, пока Егор ехал в такси в клуб. Слова Геры не давали ему покоя, признавая в них правду. Пускай все, что он писал о ней, все его чувства и мысли не имели и капли лжи, но Кира не поняла бы. Да и сам Егор уже не совсем понимал, зачем он это писал. Наверное, был лишь один ответ — по привычке. Он просто привык делить свою жизнь с сотнями тысяч подписчиков, научившись еще и зарабатывать на этом.

А второе — это решить только что нарисовавшуюся проблему с машиной.

Оказавшись у кабинета Геры, блондин вдруг затормозил, услышав знакомый смех за закрытой дверью.

— Да ты издеваешься? — он резко дернул друга за плечо. — Что она-то здесь делает?

Гера, закатив свои глаза, с усмешкой смахнул руку Егора себя:

— Вообще-то, Белла появилась в нашей компании раньше, чем ты начал ее трахать. Так что извини, брат.

— Зашибись удружил... — недовольно поморщился Егор.

Не успел он и переступить порог, как огромные, сияющие угольной чернотой глаза, пропалили его взглядом. Их обладательница в своём воображении превратила широкоплечего блондина в кучку пепла и тут же молча уставилась обратно в экран телефона, облокотившись спиной на кресло и удобно закинув свои длинные ноги в узких серых джинсах прямо на стол, не произнеся ни слова.

— О, какие люди на нашем блюде! — по крепкому плечу Егора был нанесен дружеский удар ладонью Жеки. — У нас в гостях первый парень на деревне, а значит, сегодня забухаем, — брюнет мерзко хохотнул, готовясь еще раз стукнуть друга по плечу, но тот резко увернулся.

— Отвали. Я на пять минут, — он присел на небольшой зеленый велюровый диванчик, отмечая про себя, что в прошлый раз этого здесь не было. Да и тогда, в пьяном угаре кабинет казался просторнее и уютнее, чем просто пара стеллажей в углу с огромным рядом каких-то папок, стол, офисное кресло и вертикальная неоновая подсветка по периметру.

Осторожно кинув взгляд на свою бывшую, расслабленно сидящую напротив, Егор удивившись такой отстранённой реакции Беллы на его появление. Зная все изъяны ее характера, он был готов ловить возле себя ножи и кинжалы, но был удостоен лишь взглядом полным ненависти.

— Ну, Егорыч, какие пять минут? — Жека недовольно скривил свое смазливое лицо, усаживаясь рядом с Егором. — Это не серьёзно.

— Мне машину в ремонт надо, — холодно пояснил он, нервно глянув на часы. — Какие-то уроды прокололи мне все колеса...

— Так, может, это Белка прокралась под покровом ночи и «тык-тык» тебе колесики? — Женя наигранно подмигнул в сторону бывшей Егора.

— Если бы я и проткнула что-то Королеву, то это явно были бы не колеса, — безразличным голосом отозвалась она, не поднимая глаз с телефона.

— Ох, я бы на это посмотрел, — мечтательно протянул Жека, вальяжно раскидывая руки на спинку дивана, с интересом косясь на друга, сидящего рядом.

В другой раз бы Егор нашелся что ответить темноволосой красотке. За пять лет отношений он научился отвечать ей так, что она притыкалась быстро, но не сегодня. Чтобы не говорила и не делала Белла, ему теперь плевать. У него было одно желание — скорее свалить отсюда и скрыться за стенами своей квартиры, прижав к себе белокурое создание.

— Женя, я и тебе проткну, если еще раз меня Белкой назовёшь, — не выдержав, она все-таки подняла глаза в сторону парней.

При виде знакомых пшенично-русых волос, крепких жилистых рук, широких плеч в черной футболке и теперь уже безразличного взгляда разноцветных глаз в груди девушки болезненно полоснуло. Стараясь не подавать вида, она опять уставилась в телефон, сдерживая подскочивший пульс.

— Друзья мои, сделайте, что хотите, только не на территории этого клуба, — категорично замахал татуированными руками Гера, примостившись своей худощавой пятой точкой на краю стола возле ног Беллы. — А давайте лучше... — но звонок мобильного прервал мысль парня. Подняв трубку и помолчав пару секунд, он встретился взглядом со встрепенувшимся Егором и коротко кивнул подбородком в сторону двери. — Да, уже выходим.

— Это твои ребята по поводу машины? — блондин нетерпеливо заерзал на диване,

готовясь вскочить с него в любой момент.

— Ага, на выход, — Гера спрыгнул со стола.

Егора не пришлось просить дважды. Если была хоть какая-то возможность получить машину сегодня, то он готов был идти куда угодно, и заплатить за это сколько нужно. Меньше чем за секунду он оказался у двери и выскочил в темный коридор, где басами отдавала музыка.

— Эй, я с вами хочу, — крикнул Женя, подскакивая с дивана. — Извини, оставляю тебя саму, Белочка. Не грусти, — он задорно подмигнул бывшей Егора и успел скрыться за дверью до того, как в его сторону был кинут степлер.

С громким стуком он треснулся о стену и упал на пол, оставляя девушку в кабинете одну. Белла старалась совершать вдох-выход как можно реже, чтобы не дать шлейфу древесно-морского аромата болезненно проникать в мозг.

Отголоски музыки за дверью не давали пространству погрузиться в идеальную тишину, но даже это не скрыло вибрирующий звук, глухо пролетевший по кабинету. Белла убрала ноги со стола, и прислушиваясь, подошла к диванчику, начиная осматривать его и просовывать ладони между подушками, пока не выхватила пальцами телефон.

Она расплылась в едкой улыбке, поняв, что у нее в руках мобильный Егора. И девушку совсем не мучила совесть и не кололо чувство стыда, когда она легко разблокировала экран, введя нужные цифры.

— А пароль все не изменен — день рождение этой мелкой козы, — хмыкнула себе под нос Белла, а ее взгляд уже изучающе всматривался в телефон. — «Моя», — голос наполнился ядом, а в груди все свернулось в давящий ком, — вот, значит, как... Кто ты, блять, такая?

Белла, не медля ни минуты, сразу открыла на экране галерею с фотографиями, остервенело желая знать, как выглядит ее соперница. Она надеялась, что Королев пускай и прятал ее в инстаграмном мире, то в реальном он все же имел хотя бы одно фото с ней. И не ошиблась. А точнее, даже не ожидала увидеть то, что открылось перед ее взглядом.

— Охренеть, — зашептала она, ошалело хлопая длинными черными ресницами. — Да у вас здесь порно, господа...

Девушка стиснув зубы въедливо рассматривала и откровенные фото, и фото, где Егор мило прижимал к себе ее соперницу, закутанную в простыню. Это вызывало у Беллы такое чувство предательства, жгучей ненависти, что хотелось заорать и отправить телефон под тонкую изящную шпильку на ее ноге, прицелившись прямо в лицо новой пассии блондина. Но это было бы слишком просто... Телефон Королев новый купит, а вот прощение и доверие...

Темноволосая без зазрения открыла последнее сообщение от абонента «Моя».

— Хм, просишь встретить тебя в городе, дорогуша? — она уже не пыталась вынырнуть из жгучего желания мести. — Будет вам весёлая встреча...

Тонкие, длинные пальцы с идеальным маникюром, быстро скользили по экрану, пока в голове Беллы, напрочь покрашенной злобной, болезненной ревностью, медленно, но верно складывался пазл, как можно было бы расшатать такой идеальный и залайканный мир Егора. Мир, откуда ее так легко выпихнули. У нее было всего несколько мгновений, перед тем, как хозяин смартфона обнаружит его пропажу. Поэтому все делалось быстро и без каких-либо размышлений, но даже так эти действия дарили опьяняющее успокоение.

Черные глаза Беллы были наполнены бездонной ревностью.

— Сейчас тебя встретят... — зашипела она. — Лайками... Сука, ты белобрысая.

— Через сколько машина будет на колесах? — спросил Егор, доставая из кармана необходимое количество купюр и протягивая их парнишке в пыльной униформе.

— Два часа — это максимум, — проговорили он. — А для друзей Геры постараемся ещё быстрее.

Егор согласно кивнул, провожая взглядом свой машину, уезжающую на эвакуаторе. Стрельнув сигарету у Жеки, стоящего рядом, он с неким облегчением выдохнул серый дым, думая о том, что теперь осталось вычистить свой инстаграм от той информации, которая может не понравиться Кире и спокойно начинать рядом с ней новую жизнь.

— Жек, довезешь до ребят Геры? — Егор расслабленно сделал затяжку, мысленно уже находясь не во дворе клуба, а за рулем черного кроссовера, с сероглазой девочкой рядом.

Но тот молчал с телефоном в руках, заморозив взгляд на светящимся экране.

— Ау, — Егор помахал перед брюнетом ладонью, замечая, как на его лице появляется странная улыбка, а глаза становятся в размер пятирублевых монет.

— Ну, Король, ты даешь, — присвистнул Жека, продолжая смотреть в телефон. — Выглядит очень горячо. Твоя блондиночка такая сочная. Спасибо, что хоть фото поделился...

Егор поперхнулся дымом, чувствуя, как противно запершило в горле.

— Ты о чем?? — он ошалело уставился на ухмыляющегося странной улыбочкой Женю.

— О секси фотографиях с твоей красоткой в инсте. Это хитрый ход такой, да? Раскрыть свою крошку так пикантно.

Егор искренне не понимал, о чем вообще говорит его друг. Он перевел на Геру полный недоумения взгляд. Тот лишь пожал озадаченно нахмурился, но заглянул через плечо Жеки и тут же поменялся в лице.

— Егор, ты же сказал, что все удалишь? — напряженно произнес Гера, отводя взгляд от телефона, и с укором посмотрел на Королева.

— О чем вы сейчас?

— Да вот об этом! — Жека спокойно развернул мобильный экраном к Егору.

Сначала он даже не смог сообразить, что перед ним его же страница инстаграм. Последнее фото было ему совершенно незнакомо. Но так было всего несколько секунд.

— Какого... — захрипел блондин и, резко выдернув телефон их рук Жеки, в ужасе смотрел на опубликованный пост. — Блять... Как?

— В смысле «как»? — усмехнулся он. — Это, вообще-то, твоя страница в инстаграм.

— Я не делал этого, — Егор отрицательно замотал головой, чувствуя, как в груди расплзается липкое и мерзкое ощущение.

Он знал о существовании этих фото, он собирался их удалить сразу, как обнаружил их в своем телефоне, но последние несколько дней голова была забита совершенно не этим. Как бы откровенно Королев не вел свой инстаграм, он никогда не стал бы публиковать подобное. Кто-то просто сделал это за него, но тогда должен быть доступ к его странице. Похлопав себя по карманам и не обнаружив мобильник ни в одном из них, Егор судорожно сглотнул острый ком в горле. Белла.

— Убью тварь, — процедил он, сжав кулаки.

Через секунду его уже не было на заднем дворе клуба, а Геру и Жеку оглушил громкий

хлопок металлической двери.

Королев легко проскочил полупустой танцпол и вихрем ворвался в кабинет, где все в той же позе сидела Белла, по-прежнему вытянув ноги на стол. Он с трудом сдерживался, чтобы не встряхнуть ее с кресла, но в первую очередь ему надо было удалить все из инстаграм, а уж потом разбираться с этой стервой.

— Где телефон? — его низкий, грубый голос заставил девушку застыть в холодном оцепенении.

Егор тут же увидел свой мобильный, спокойно лежащий на столе. Схватив его, он попытался разблокировать — тщетно.

— Зачем ты пароль поменяла, овца. Говори, — разноцветные глаза сверкнули молнией, а их хозяин сделал шаг вперед, оперевшись ладонями на стол.

Но Белла лишь безмолвно ухмыльнулась, скрестив руки на груди. Парень заскрипел зубами и ухватился за тонкие девичьи лодыжки, с размаху скинув их со стола с такой силой, что темноволосая тут же сменила нахальное выражение лица на ошарашенный испуг, вцепившись в подлокотники. Егор сделал еще шаг и схватился за кресло, угрожающе нависнув над девушкой.

— Говори.

— Нет, — она дернулась вперед, твердо произнося ответ. — И не подумаю. Надеюсь, твоя доярка из Хацапетовки или кто-то из ее друзей это успеет увидеть, до того как пост все-таки снесут.

— Тварь, — зарычал Егор и, отпустив все внутренние тормоза, обхватил своей широкой ладонью горло девушки. — Быстро сказала пароль, — его похолодевшие пальцы слегка сжалились на загорелой коже, чувствуя, как учащается под ней пульс.

Белла издала хрипящий вдох и ответно вцепилась в руку блондина, пытаясь убрать его каменную ладонь от своего горла, но лишь ощущала, как ее вдавливают в спинку кресла все сильнее.

— Мне больно. Пусти, — уже в страхе зашептала она.

— Называй пароль, или я расшибу твои тупые мозги по стенке, — его колотило от бешенства, и пальцы все туже обвивали шею Беллы. Он был готов действительно переломать ей хребет, лишь бы никто никогда не увидел этих фотографий.

В черных глазах темноволосой заблестели слезы, а рот беззвучно ловил воздух.

— Просто первые пять цифр, — уже едва слышно просипела она.

Егор шумно выдохнул и разомкнул пальцы на шее Беллы.

— Надо был оставить себе копии твоих интимных фото и выставить их на порнохаб, а не благородно удалять. Им там самое место, — продолжая, нависать над сжавшейся в комок девушкой, он озлобленно смотрел на красивое личико своей бывшей.

Потянувшись опять к телефону, чтобы наконец разблокировать его и удалить все то, что могло бы выйти ему боком, Егор замер. Замер, услышав дрожащий, родной голос за своей спиной, от которого сжалась каждая молекула внутри, пронизывая страхом и болью.

— Да ты просто конченный ублюдок, Королев.

Я нашла в себе силы прочитать все. С самого первого поста. С поста про «уродское платье» до полного обнажения меня перед огромным количеством подписчиков. И теперь стало понятно, откуда у Егора деньги. Его пикантно-романтические истории о нас удерживали интерес подписчиков, давая возможность зарабатывать на банальной рекламе.

Машка настойчиво просила не ехать к нему, но мне нужно было видеть разноцветные глаза, чтобы понять — за что он так со мной?

И стоило мне услышать грубый, надменный голос, как желание знать ответ растворилось без остатка в той боли, которая все это время, пока я читала эти записи, просто показывала свои иголки, а теперь запихнула клубок ножей в самое сердце.

Меня хватило лишь на одну-единственную фразу:

— Да ты просто конченный ублюдок, Королев.

Егор замер, а широкие плечи напряглись так, что тонкая ткань черной футболки натянулась ровным полотном на его спине. То ли он действительно поворачивался так медленно, то ли мое сознание таким образом пыталось как можно дольше не встречаться с разноцветным омутом, боясь новой порции боли, но это мгновение растягивалось в бесконечность.

— Кир, нам надо поговорить, — с надрывом произнёс Егор еще до того, как его растерянный взгляд заставил ощутить меня очередной пинок где-то под ребрами.

Я открыла рот, чтобы произнести хоть что-то, но к горлу острым комом подкатил лишь всхлип.

— Послушай... — он сделал осторожный шаг ко мне.

Но я тут же отпрянула, подперев спиной дверной косяк.

— Моя... — его голос дрогнул, а сам блондин сделал еще один неуверенный шаг вперед ко мне.

Еще на миллиметр ближе ко мне, еще одно слово, и я бы разлилась водопадом слез и боли прямо на месте, наплевав даже на то, что за нами наблюдали черные глаза Беллы. Глаза, которые мне хотелось расцарапать в угольную пыль.

Но сил и духа хватило лишь развернуться на сто восемьдесят градусов и, не чувствуя ни своих шагов, ни бьющих басов, не воспринимая пространство вокруг, просто бежать. Я толкнула официанта, разбавив ритм музыки звоном бьющегося стекла, слетела с лестницы, едва успевая хвататься перила, врезалась в охранника в дверях, вдохнув едкий запах дешевого парфюма с яркими нотами сигаретного дыма. Я до оцепенения боялась услышать за спиной голос, который мог проделать пробоину и мне бы просто пришлось захлебнуться в собственной жалости к себе.

Но никто не выкрикивал вслед мое имя, не бежал по пятам. Вылетев из дверей, я направилась напрямик к Машке, которая обеспокоенно крутилась возле своей машины в дальнем углу парковки. Но Егор каким-то образом оказался прямо передо мной, поймав меня на выходе из клуба. Я буквально влетела в кольцо его сильных рук.

— Ты должна меня выслушать, — достаточно жестко произнес он, сдавливая тисками и оттаскивая в сторону.

— Убери от меня руки, урод! — Я всеми силами пыталась выкарабкаться из его железной хватки.

Егор взял крепко мое лицо в свои ладони, стирая появившиеся слезы так быстро, что они не успевали скатываться даже до щек.

— Кира, посмотри на меня, — умоляющий голос прожигал меня до самого дна моего подсознания.

А когда-то я хотела сгореть в нем дотла. Нужно было бояться своих желаний. Меня никто не предупреждал, что это будет заживо. Я с трудом смогла поднять на него взгляд.

— Все, что ты видела, все, что читала — имеет совсем не тот смысл, о котором ты могла подумать. Дай мне возможность рассказать все как есть. Поехали домой. Прошу тебя, — уверенно запричитал он.

Но уверенно он лишь говорил. Егор выглядел потерянным, а в разноцветных глазах темнел испуг. Стиснув зубы, я резко и с отвращением оттолкнула его от себя.

— Что я должна понять? Что ты чертов извращенец, который тайно снимает интим на камеру, а потом ради прикола выставляет в сеть?

— Я не делал этого, Кир. — Он остервенело пытался ухватить меня за руки. Это начинало напоминать странный танец: шаг ко мне — шаг от него. — Этих фотографий не должно было быть в телефоне, но, блять, в тот пьяный вечер так вышло, что они появились. Я... — Егор перевел сбивчиво дыхание, все еще с надеждой выискивая что-то в моем взгляде. — Я бы никогда не поступил так с тобой. Моя машина сломалась, мне пришлось задержаться здесь... А Белла... Сука... Она взяла телефон... Я просто не успел их удалить.

Я закрыла уши ладонями, хаотично тряся головой.

— Никогда не поступил бы? Серьёзно? Да ты продал меня за лайки. — Мой голос отчаянно срывался.

— Это не так. Да, я веду блог и это мой заработок, и я полный придурок, что не рассказал тебе об этом сразу, но... — Егор со стоном запустил ладонь в волосы и нервно набрал воздуха в легкие, а взгляд панически метался из стороны в сторону. — Но каждое мое слово о тебе это правда. Поверь мне.

— С чего я должна тебе верить?

— Потому что я люблю тебя, — бархатный голос был пропитан виной и отчаянием.

— Любишь? — это прозвучало, как нервный смешок. Я не знала, то ли плакать от его слов, то ли начинать истерично смеяться. — Так любишь, что твои подписчики выбирали мне букет? Или твоя любовь сильна настолько, что ты был не в состоянии определиться, куда повести меня на свидание: полет на воздушном шаре или снять целый кинозал для двоих? Я видела сторис, Егор, видела посты. И я видела ее на фото... Ты соврал, глядя мне в глаза.

— Кира... — беспомощный стон сорвался с его губ, и Егор опять попытался приблизиться ко мне, но я тут же предупреждающе выставила руку вперед.

— Мне казалось, что все это — настоящее. Ты настоящий. А ты всего лишь трахал меня по-настоящему, радуя своих виртуальных друзей моими интимными фото.

— Я не публиковал это.

— Не верю, — зло процедила я, смотря в упор.

Его дрожащие широкие ладони смяли побледневшее лицо, а я понимала, что должна уйти отсюда, как можно скорее. Или каждая секунда, проведенная рядом с ним, изрешечивала меня, не оставляя и миллиметра живого места. Но успела сделать лишь пару шагов между рядов припаркованных машин, как сильные руки крепким замком сомкнулись впереди меня.

— Кир, прошу тебя, — но родной бархатный голос уже не действовал на меня успокаивающе.

В моей голове будто бы кто-то нажал на спусковой крючок, ибо я четко сообразила, как меня выкинуло из реальности. Не соображая, что делаю, я резко дернулась и развернулась к нему, замахнувшись рукой. Хлопок — и в разноцветных глазах отразился океан боли.

— Пусти меня. — Мне начинало казаться, что я задыхаюсь в его руках.

Но Егор и не думал отпускать меня, а еще сильнее сжал ладони на моей талии, удерживая рядом.

— Ненавижу, — прошипела я и снова ударила его по щеке.

Еще звонкий хлопок. Егор на секунду закрыл глаза, задерживая дыхание, а на лице заходили желваки, но он даже не шелохнулся.

Обида, злость, разочарование перехлестнули через край, и я уже просто лупила кулаками по лицу, шее, груди, рукам, вкладывая в удары все свои силы, надеясь, что он хотя бы физически ощущает ту опустошающую боль, которой сам же меня и наполнил. Егор стоял, не двигаясь, даже не пытаюсь увернуться или напрячь свое тело, чтобы ощущать удары не так явно. Он просто позволял яростно колотить себя, словно боксерскую грушу, не сводя с меня взгляда покрасневших глаз.

Не знаю, сколько ударов выдержал Егор, прежде чем в моих легких закончился воздух, и я обессилила в его руках. Издав мучительный вдох, он осторожно привлек меня к себе, запуская ладони в мои изрядно растрепавшиеся волосы. Пальцами я вцепилась в его футболку и уткнулась ему в грудь. Слыша, как внутри него свирепо колотилось сердце, просто зарыдала. Его запах и теплота тела обволакивали меня, остро заставляя чувствовать, что он невероятно родной и близкий. До беспомысленности любимый.

— Как ты мог? — прошептала я, поднимая на него глаза, видя сквозь солёную пелену лишь знакомые очертания перед собой.

Трясущимися ледяными пальцами Егор прикоснулся к моей щеке, вытирая слезы.

— Прости, — едва слышно произнес он.

Я махнула головой, убирая его холодную ладонь со своего лица. Набрав в грудь воздуха, медленно выдвинула руки вперёд, отталкивая Егора от себя, понимая, что просто физически не могу находиться рядом с ним. Было ли это невыносимо? Нет. Это было гораздо хуже.

— Ты не понимаешь... — тихо прохрипела я, сглатывая жгучий ком и делая шаг назад, спешно стирая льющиеся слезы. Его руки, обнимавшие меня пару секунд назад, безвольно опустились вниз. — Ты не имел никакого права делать мою жизнь и мои чувства всеобщим достоянием.

— Моя, я прошу тебя... — Егор смотрел на меня так отчаянно и беззащитно.

— Твоя? — я нервно хохотнула, ошеломленно уставившись на Королева. Теперь это слово вызывало не трепет, а жалило до желания выть. — Да я никогда не была Твоей, Егор. Я была общей для сотни тысяч твоих подписчиков. Хочешь знать, как я себя ощущаю? — сжав кулаки и зубы, я опять приблизилась к нему настолько близко, что видела, как узорами вокруг разноцветных радужек появлялись красные нити. — В твоей машине меня трахнули почти четыреста тысяч человек.

Егор зажмурился с болезненной гримасой на лице, как если бы мои слова могли ударить его под дых, но мне было уже все равно.

— То, что я доверила тебе самые тайные воспоминания не делает тебя их хозяином, — продолжая смотреть ему в глаза, которые ясно отражали в себе страх, меня начинало трясти,

как на морозе. — Я разделила с тобой самые сокровенные чувства и легла с тобой в постель, но никто не давал тебе право делить это с кем-то другим. Это моя жизнь.

Обхватив свои плечи руками, чтобы хотя бы так не дать окончательно раствориться в чувстве пустоты. Но хриплый и измученный голос холодными цепями сжал все, что осталось живого от меня.

— Но это же была и моя жизнь тоже, Кир... Ты стала частью ее. Ты стала моей жизнью.

— Что? — Я задрожала так, что слышала, как стучат мои зубы и судорожно сводит жилы внутри. — Твоя жизнь? — Мой голос истерично переходил в крик, разлетаясь между рядами автомобилей. — Где? — Я раскинула руки в стороны, чувствуя, как перестаю контролировать то, что говорю. — Покажи. Может, я слепая. Что-то не видно постов о том, что ты бедный и несчастный, и твоей матери плевать на тебя. Или опроса среди подписчиков, чтобы они проголосовали про содержимое конверта с результатами ДНК. — С каждым моим словом глаза Егора затухали, наполняясь какой-то безжизненной тенью. — Где это все? Где...

Но мой выкрики прервало ощущение чьих-то ладоней на моих плечах, которые осторожно сжались, не дав окончательно утопить себя в истерике.

— Кир, остановись. Тебе лучше уехать сейчас, — над ухом раздался спокойный голос Геры. — Это же тебя ждут возле красной машины?

Я едва заметно кивнула, кое-как держа себя в сознании. Меня осторожно повели в сторону Маши. Только в этот момент я поняла и разглядела, что все это время на парковке мы были не одни. Вокруг нас толпились люди, хитро перешептываясь, пересмеиваясь, а кто-то стоял с телефоном в руках, наблюдая наш концерт. Я орала им, что все они больные и неадекватные, но только мысленно.

Гера передал меня в руки Машки со словами: «Увози ее». Только я нашла кое-что еще, о чем хотела сказать Егору, который продолжал неподвижно стоять среди припаркованных машин.

— Королёв, — негромко произнесла я, но и этого хватило, чтобы он услышал и обернулся на мой голос.

Потерянный, бледный, с мертвым взглядом. Я видела, как Егор был по-настоящему раздавлен. И во мне не было ни капли жалости. Вытащив ключи от квартиры из сумочки, я швырнула их прямо на асфальт так, что они звонко проскользили почти к самым его ногам.

— Лайк за любовь тебе, Егор.

***

Я знала, что он не поедет за мной и не появится в своем доме раньше меня. Так как мои документы и кое-какие вещи, в спешке собранные в побеге от бабушки, оставались у Егора, я намеренно не отдала ему вторые ключи. У меня было меньше часа, чтобы успеть забрать свою сумку и не пересечься с его семьей, поэтому все о чем попросила Машу, так это вернуться в поселок как можно быстрее. Она молча без вопросов кивнула и лишь иногда в дороге осторожно дотрагивалась до моих сжатых до белых костяшек в кулак пальцев.

Хоть боль обволакивала каждый сантиметр тела и разбирала его на кусочки, но во мне еще были силы сопротивляться ей. Я знала, что стоит выпустить тот тайфун душащей горечи, то не смогу не то, что двигаться, я перестану дышать, но мне нужно было это время.

Поэтому, как только Машка притормозила у знакомых ворот, я за считанные секунды оказалась у Егора в комнате, хватая то, что принадлежало мне. Каждый новый вдох давался с трудом, и я уже испытывала не боль, а агонию. Смятые белоснежные простыни на полу, полупустая пачка сигарет — воспоминания, которые нещадно били меня прямо по сердцу, ребрам, животу. Егор разрушил мой мир. И мне захотелось сделать то же самое... Ну, или хотя бы попытаться...

Перед тем как уйти из дома Королевых навсегда, сесть обратно в машину и сжаться в безжизненный комок, исходясь в безмолвном крике, я оставила на столе в гостиной открытый конверт с ДНК.

Он меня уничтожил. Так легко и быстро. Я сопротивлялась ровно до того момента, как за мной захлопнулась дверь Машкиной машины у ворот дома Королевых.

Дальше было все как в тумане. Огни домов, трасса, Машин дрожащий голос рядом: «Кирочка, милая, не плачь». Но глупо было просить меня не плакать. Я ведь и не плакала. Я выла. Внутри меня царапалось, кусалось, раздирало огромными ядовитыми когтями разочарование.

Оказавшись в нашей съемной с Машкой квартире, я медленно сползла по двери, едва переступив порог.

— Я же никому, Маш... Только ему...

Она лишь молча уселась рядом со мной на придверном коврикe, прислонившись головой к моему трясущемуся плечу.

Он звонил мне с той самой секунды, как я уехала из клуба. Телефон гудел почти без остановки, а мне было страшно взять его даже в руки. Четыре буквы его имени, и я бы уже не выла, а истошно кричала. Поэтому я попросила Машу просто отключить мой мобильный, наплевав даже на то, что мне также продолжала звонить бабушка.

Да и что теперь я могла ей сказать? Что она оказалась права, говоря о моей неадекватной зависимости от него? Что я действительно ничего не видела и не замечала? Что я действительно думала лишь о том, как не вылезать из его постели?

Козырей, что «он не такой, он другой, ты просто не понимаешь» — у меня теперь не было. Он оказался именно таким и никаким другим. Меня подвело доверие. Слепое доверие к нему и чувства, за которыми я шла, не задаваясь никакими вопросами.

Самой сложной оказалась ночь. Ночь без него. Я даже старалась дышать через раз, боясь закрыть глаза, потому что раздробленные болью воспоминания и мысли о нем, мелькали сотнями картинок. Я любила его. Я растворилась в нем, и поэтому не могла думать о себе. О том, что мне нужно отыскать хоть граммы гордости. Поэтому, закусив зубами угол подушки, я всю ночь лежала, свернувшись калачиком и раскачивалась из стороны в сторону, чтобы не уснуть.

— Кир, — Машка очень осторожно погладила меня по голове, присев на мою кровать, где я так и пролежала всю ночь в одной скрючившейся позе, — мне на работу нужно, но, если хочешь, я останусь.

— Не надо, — прохрипела я, с трудом разъединив сухие губы.

— Ты мне звони. Я сразу приеду, если что, — она пригладила мои спутавшиеся в клубок локоны.

Но на выходе из комнаты все же задержалась:

— Он, кстати, удалил все. Вплоть до аккаунта своего и...

Где-то под ребрами меня хлестануло болью, словно плетью.

— Маша... — всхлипнула я, — прошу...

— Прости-прости, — виновато затараторила она, — я просто... — в комнате повис ее тяжелый вздох. — Козел он, короче...

— Маша-а, — я снова начала задыхаться от удушающего взгляда разноцветных глаз у меня в подсознании.

За моей спиной тихо закрылась дверь, а мое лицо уткнулось в подушку, которая за одну

ночь впитала такое количество воя и стонов, что могла уже просто резонировать ими.

Час. Два. Три. Я не считала, сколько кубометров слез влилось в мою постель, но надежда, что душ поможет хоть немного восполнить запасы жидкости в организме, заставила доползти до ванной. Мои пальцы прикоснулись к практически зажившей татуировке. Боже, как мне хотелось ее стереть, вырезать или зачеркнуть черными линиями, чтобы не видеть ее контуры и перестать ощущать связь с тату на его теле. Обжигающие капли не особо приводили меня в чувство. Лишь немного подтолкнули к решению, что нужно все-таки вернуться в дом к бабушке и собрать оставшиеся вещи, чтобы окончательно переехать к Маше. Да и жить по факту мне больше было негде. Остаться в бабушкином доме — равно мазохизму, слишком много пронизывающих воспоминаний.

Я все делала на автомате: душ, одежда, телефон, такси. Вновь включенный мобильный молчал, поэтому поездка до посёлка прошла в относительной тишине, под монотонный гул радио. Но каждая молекула моего тела налилась свинцом, а боль под ребрами сдавила легкие так, что я застонала и вцепилась пальцами в спинку пассажирского сидения, когда увидела знакомый черный кроссовер перед бабушкиным двором.

— С вами точно все в порядке? — таксист подозрительно покосился на меня, а потом и на черную машину.

«*Со мной уже никогда ничего не будет в порядке*», — я едва нашла в себе силы кивнуть и вышла из такси.

Каждый мой шаг, каждое движение было пыткой. Я извивалась внутри от запредельного для меня ощущения боли, продолжая делать каменные шаги вперед мимо кроссовера. Боковым зрением я выхватила движение возле машины. Вдох. Боль. Выдох. Шаг. Боль. Шаг. Вдох. Боль. Хотелось ускорить шаг, но не вышло. Он уже был слишком близко.

— Не смей! Не трогай! — мой истошный крик заполнил пустую улицу, когда меня с грубой силой дернули за запястья.

— Ты будешь со мной разговаривать. Хочешь ты этого или нет, — стальной тон родного голоса легко давил меня морально.

Особо не церемонясь, Егор волоком потащил меня к своей машине. Я умудрилась легко выдернуть свою ладонь из цепных оков, но не успела шагнуть от него и на миллиметр, как меня обхватили спереди ручищей, жестко прижимая спиной к своей груди и выдавливая остатки кислорода из моих легких.

— В этот раз ты не сбежишь, — хрипло зашипел он прямо мне в ухо, пока я бесполезно брыкалась ногами в воздухе.

От него шел дикий запах сигарет. Едкий, горький, невыносимо противный.

— Егор, мне больно, — я отчаянно пыталась вырваться и наполнить сжимающиеся легкие воздухом.

Но он уверенно тянул меня к своей машине. Удар дозы адреналина: и все, что я смогла придумать — это вонзить свои зубы прямо в руку, грубо обвивающую меня за плечи.

— Сука! — зарывчав, Егор дернулся, а я смогла выскользнуть из-под мужской руки и просто бегом броситься к бабушкиному дому, надеясь, что у него хватит ума не следовать за мной в таком состоянии. Его поведение явно указывало на то, что в этот момент, как минимум, неадекватен.

Но, видимо, ума не хватило. Я на одном дыхании успела заскочить в дом и пролететь по ступеням к себе на второй этаж, как за спиной уже слышался тяжелый шаг. Егор буквально ворвался в мою спальню, хлопнув дверью так, что звуковая волна от удара завибрировала

где-то глубоко внутри меня.

— Какого черта ты... — я испуганно застыла в глубине комнаты, а он, смотря звериным взглядом, двинулся на меня.

Егор остановился лишь тогда, когда я оказалась прижата спиной к стене, а его руки капканом подперли ее, окружив меня с двух сторон. Пару часов назад мне казалось, что, если увижу еще раз эти широкие плечи, услышу его голос, почувствую взгляд этих странных глаз, то точно смогу сойти с ума от одолевающей боли, но ошиблась. Я смотрела на Егора и понимала, что в меня змеей заползает страх. От человека, которого я любила, исходила дикость, лицо скривилось в злобном оскале, а взгляд пробивал патронами ненависти.

— Пришел взглянуть в твое лживое личико, — жёстко произнес он.

От его слов у меня перехватило дыхание, а в глазах зашипало знакомой болью. Мой рот приоткрылся от изумления, и я чувствовала, как начинают дрожать губы.

— Я доверял тебе, Кира. Блять, ты не имела никакого права распоряжаться данными из этого конверта, — покрасневшие разноцветные глаза сверкнули расширенными зрачками, прямо намекая, что были накачены они явно не только злостью.

В животе скрутился холодный тугой узел от осознания того, о чем говорит Егор. Я попыталась сохранить лицо, но уже ощущала, как огненным жаром пылают мои щеки, и как стыд удавкой сдавливает мне горло.

— Это ты мне говоришь о доверии? — едва слышно произнесла я. — Вчера слезливо вымаливал прощение за то, что оповещал весь белый свет, как спал со мной, а сегодня пытаешься рассказать о моих правах? Да ты еще более двуличный, чем предполагалось.

Егор озлобленно усмехнулся:

— Собственно, как и ты оказалась двуличной сукой. Мы идеальная пара, не правда ли?

Его слова вспыхнули под ребрами, доводя стук сердца до бешеных оборотов.

— Пошел вон, — я еле держалась на ногах.

Он был слишком близко. Слишком болезненно.

— Неприятно слушать? Но ты послушай. Я же слушал твой чес в машине, что это эгоизм на обидах, что это лишь способ выместить злобу. Про то, что я должен сдержаться ради Дашки, и не мне решать быть этой правде или нет. А что ты сделала сама, Кир? — он наклонил голову набок, и снова вызывающе хмыкнул. — Теперь пойдешь послушай, как плачет Дашка, как орет на весь дом бабушка, называя мою мать потаскухой, а мой отец просто молчит. Может, это тебе покажется милым на слух?

— Убирайся, — каждое слово давалось уже с трудом, а к горлу подкатывал тошнотворный ком. Я бы хотела не смотреть ему в глаза, но не могла. — Ты противен мне.

— Противен? — Егор, усмехаясь, приподнял брови и наклонился вплотную к моим губам. — А раньше тебе нравилось трахаться со мной. Или это все тоже было двуличим? Может, ты просто повелась на то, что у моей семьи есть деньги?

Это стало последней каплей. Я со всего размаху влепила Егору пощечину. От такого удара мою руку свело судорогой, а в ушах повис звон. Было слышно, как заскрипели зубы блондина... Если бы я только могла заставить свое сердце не биться в этот момент и не оставлять в памяти мертвенно-равнодушный взгляд покрасневших глаз, который порезал в моей душе все, что хотя бы подавало признаки жизни. Взгляд, который распотрошил меня до невидимых атомов раз и навсегда.

И кажется, мы оба поняли, что это стало той самой точкой невозврата.

— Что здесь происходит? — голос бабушки окончательно размагнитил нас друг от

друга. — Егор, покинь наш дом, пожалуйста.

Шумно сглотнув, он со всего размаху впечатал свой кулак в стену всего в паре сантиметров от моего лица. Я в страхе зажмурилась, а от удара со шкафчика рядом посыпались книги. Отпрянув, Егор оставил возле меня тонкий аромат своего парфюма, который навсегда впитался мне на подкорки, и пустоту. Я на дрожащих ногах медленно опустилась на пол. Он исчез, не произнеся больше ни слова.

— Доигралась? — спокойно спросила бабушка. — Я тебя предупреждала. Спасибо, что соизволила явиться домой, если уж трубку совести взять не хватило.

Каждое ее слово мгновенно складывалось в невидимую стену передо мной, за которой мне просто хотелось свернуться в комок и отчаянно рыдать. Закрыв лицо руками, я смогла лишь прошептать:

— Ба, только не сейчас... Прошу.

— Я не знаю, что тебе сказать, Кира. Мне звонила Ангелина Семеновна. Я знаю все.

Из мой груди вырвался громкий всхлип, а стену между мной и бабушкой хотелось возвести еще больше и выше, добавив для ее прочности и омерзительное чувство стыда.

«Боже, что я натворила... Дашка...» — я сильнее поджала к себе колени, утыкаясь в них головой и начиная рыдать, полностью осознавая, что этот поступок низок и ничем не лучше поступка Егора.

— Знаешь, я была готова к тому, что со дня на день ты заявишься и сообщишь о скором пополнении. Но никак не ждала, что мне будут рассказывать о том, что вся твоя интимная жизнь оказалась публичной.

Имея в себе чуть больше сил, я бы начала кричать, говоря, что ничего не знала, а просто любила всем своим сердцем, но кому это было интересно... Поэтому продолжала плакать сидя на полу, перед отчитывающей меня бабушкой.

— Семеновна посвятила меня в подробности ваших шалостей с ее внуком, и про твою выходку с конвертом. Егор сам все рассказал, — бабушка так же спокойно продолжала вести разговор с моими всхлипами из угла комнаты. — О чем ты думала?

— Ну, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? — не выдержав, я резко подняла голову с колен, озлобленно смотря на бабушку, которая все так же стояла в дверях. — Что?

— Мне не надо ничего говорить, Кира. И так все ясно. Я слишком рано посчитала тебя взрослой.

Подскочив на ноги, я бросилась к шкафу.

— Простите великодушно, что я стала твоим разочарованием. Сдай обратно в детский дом. — Руки срывали с вешалок одежду, небрежно кидая ее на кровать.

За моей спиной раздался тяжёлый вдох:

— И ты вот считаешь, что ведешь сейчас себя, как взрослая?

Не отвечая, я вытащила сумку, запихивая в нее вещи прямо с вешалкой. Мне как можно скорее хотелось забиться где-нибудь в угол и рыдать без остановки.

— Только не говори, что ты опять к нему сбегаешь... — бабушка старалась сдержать разочарование в голосе.

— Не переживай, — сухо произнесла я, стирая одной рукой слезы с опухшего лица, а другой резко дернула замок на сумке. — К Маше. Выйду снова к ней на работу.

— На работу? А учеба?

Я схватила свои пожитки и достала телефон из кармана. Пальцы тут же указали нужный адрес для такси.

— С учёбой разберусь сама. Я ведь уже сказала, что мне ничего от тебя не нужно, — мой грубый ответ отразился болезненной гримасой на лице бабушки.

Телефон пикнул у меня в ладони, оповещая о назначенной машине.

— Такси будет через пять минут. Мне пора, — я быстро проскочила на лестницу мимо нее.

— Кира, пожалуйста, успокойся и давай поговорим нормально, — бабушка, ухватила за мой локоть уже в коридоре.

Сдерживая подступающий пик очередной истерики, я одернула руку, разворачиваясь к ней.

— О чем, ба? — мой голос по-прежнему звучал грубо, но только так я могла удерживать в себе эмоции, которые уже поступали к краю моего сознания. — Слушать нотации? Или ты хочешь услышать от меня, что была права, а я дура к тебе не прислушалась, отдав мозг и волю на растерзание чувствам? Так радуйся — ты была права! Довольна?

— За что ты так со мной? Я не желаю зла тебе. Ты все, что есть в моей жизни — бабушка с умоляющей надеждой смотрела на меня. — Останься дома, прошу тебя.

— Мне здесь больше нечего делать. Буду доказывать свою самостоятельность.

— Глупая... — слабая улыбка с горечью тронула бабушкины губы, а серые глаза тонули в тоске.

— Какую воспитала...

Ее пальцы тут же разжали мою руку, а она сама отступила назад, больше не пытаюсь удерживать меня на пороге дома. Во мне боролись два берега одной крайности: желание забиться в уголок и позволить всему миру жалеть меня, и тут же доказать этому же миру, что плевать мне на их жалость. Хотелось найти успокоение и тепло в бабушкиных объятиях, хотелось, чтобы меня пожалели и поняли всю мою боль и пустоту, но я лишь крепче сжала вибрирующий телефон в руке.

— Такси подъехало, — сипло протянула я, делая глубокий вдох, сдерживая слезы, застилающие мир перед глазами. — Извини, но не знаю когда, приеду теперь...

Я была благодарна всем богам мира, что не могу видеть лицо человека, который смотрит в спину. Хватило одного осознания, как смотрела мне вслед бабушка, чтобы от моего воя в машине таксист даже не стал брать денег.

***

Обычно дни в тоске описываются, как одна сплошная тягучая бесконечность. Не знаю, о какой бесконечности шла речь, но вчера, сегодня, завтра смешивалась между собой так прочно, что мне казалось я живу просто в одном дне. В дне, который начинался со слез, потому что он снился мне каждую ночь и заканчивался ими же, так как понимала, что стоит позволить сну украсть хоть секунду моего подсознания, то яркими картинками приходили все чувства, пробивая очередную брешь в душе.

Я вернулась к Маше в ресторан официанткой. Мне и правда нужно было занятие, которое хоть как-то отвлекало бы от завываний под одеялом. А не плакала я лишь разнося по залу меню ресторана, но иногда приходилось чувствовать себя загнанной под плинтус, когда слышала в свой адрес тихие перешептывания напарниц по смене. Нет, на меня не обрушилась волна популярности. Но было достаточно одной проницательной поклонницы

инстаграм, как остальные девочки на работе тут же узнали про мои летние приключения.

Но спасибо огромное Маше, она быстро пресекла попытки посвящать сплетням обеденные перерывы. Ее намек был короток и ясен — вплоть до увольнения.

Такими смешными теперь казались мечты о моем будущем, об учебе. Я ожидала начала сентября с равнодушием, а точнее уже и не ждала. Как и не ждала, что может появиться он. Его взгляд ясно дал понять, собственное самолюбие в нем гораздо сильнее, чем любовь и уважение ко мне. Да и была ли это любовь? Я постоянно задавалась себе этим вопросом.

Но помимо безответных мыслей, с каждым днем меня дергала совесть о поступке по отношению к его семье. Я сглупила, отыгравшись на ни в чем не повинной девочке. И теперь не имела никакой возможности хотя бы просто узнать, как она и что происходит в ее доме, не говоря о том, чтобы найти в себе смелость и просто извиниться.

Совесть пинала меня еще и за бабушку. И пинала так сильно, что за всю неделю я так и не смогла ответить на ее звонки, написав лишь пару сообщений с кратким содержанием: «Все в порядке. Я у Маши». Чувство стыда стало потихоньку перевешивать чашу, в которой плескалась обида, появившаяся после той нашей первой ссоры. Я ведь раньше всегда поступала рассудительно и правильно, избавляя себя от необходимости извиняться перед кем-нибудь. А теперь мне нужно было учиться просить прощения...

— Может, ответишь на звонок? — произнесла Маша, дожевывая свой сэндвич. — У меня голова уже зудит от вибрации.

Я кинула равнодушный взгляд на экран, где мелькал какой-то незнакомый мне номер. Не было никакого желания знать, кто целых тридцать минут пытается услышать мое унылое: «Алло». Точно уж не *Он*...

Взяв в руки телефон и сбросив вызов, я молча поднялась из-за Машкиного рабочего стола, где мы теперь каждый день проводили обед вместе. Ну, как обед. Подруга аппетитно проглатывала халявные блюда от нового повара, который, видимо, положил на нее глаз, а я лишь упражнялась в телекинезе, гипнотизируя свою тарелку с обедом. За неделю таких упражнений она все ещё упорно не хотела мне поддаваться.

— Кир, ты опять не поела, — Маша нахмурила темные брови и обеспокоенно оглядела меня с ног до головы. — Хоть черную униформу меняй из-за тебя, а то твое бледнеющее лицо на контрасте будет посетителей отпугивать.

— Не преувеличивай, — вяло улыбнулась я, но глаза все-таки задержались на зеркале, висевшем прямо на двери крошечного кабинета подруги. — Я прекрасна.

За неделю рыданий в подушку и душевных терзаний сероватый оттенок моей кожи почти сливался с цветом глаз, круги под которыми было бесполезно закрашивать тональным кремом, а туго завязанный пучок на голове придавал моему лицу еще более измученный вид. Черная футболка и джинсы делали хрупкую фигуру похожей на анорексичку.

Телефон в руке снова задрожал.

— Ответь, — фыркнула Маша.

Одно движение пальца по экрану, и в моем ухе раздался женский голос:

— Кира, здравствуй.

— Здравствуйте, — неуверенно ответила я, пытаясь напрячь выплаканные извилины, почему звонивший мне казался таким знакомым.

— Это Ангелина Семеновна, — голос замолчал на пару секунд, но даже этого хватило, чтобы мое сердце зверски заколотилось о ребра.

— Да... Я... Слушаю...

Машка перестала жевать и напряженно уставилась на меня.

— Кира... — Тяжёлый вздох Ангелины Семеновны сжал мне горло.

— Что-то с Егором? — неосознанно прошептала я, а каждый стук сердца выбивал кислород из легких.

— Нет, детка. Не знаю, как сказать... — Опять убивающая секундная тишина. — Кир, крепись и мужайся. Мне до боли жаль... Но Нина... Твоей бабушки больше нет.

Мир схлопнулся передо мной. Я помнила лишь Машин вскрик и ее руки, ловящие меня над полом.

А потом темнота.

Похоронами занималась Маша. Она взяла на себя решение всех вопросов, связанных со мной после того как я так и не смогла дозвониться до матери. Мила просто не отвечала. Даже мое сообщение с объяснением, почему я отчаянно набирала ее номер после стольких лет тишины, она проигнорировала.

Подписывала я все необходимые бумаги молча. И почему-то каждый считал подсунуть под мою роспись документы именно с лицом вселенской скорби. Так и хотелось спросить: «К чему эти жалостливые взгляды на меня? Вы ведь даже не знали ее?».

Острая сердечная недостаточность — три слова, которые врезались в мою память навсегда.

Я почему-то не плакала. Вообще. После отключки в Машином кабинете я очнулась на ее дрожащих руках. А дальше все события происходили так: меня поместили в какую-то трубу, а все движения, разговоры, обстановка менялись вокруг нее калейдоскопом.

Мне очень хотелось рыдать и биться в истерике, горло то и дело кололо, готовясь издать крик, но... Ничего. Слово изнутри я была залита бетоном, и моему воплю просто не хватало сил, чтобы пробить его.

Я лишь настояла на том, чтобы все проходило в нашем с бабушкой доме. Маша без пререканий выполнила мою просьбу. Еда была привезена из ресторана, и после официальной части все знакомые и незнакомые мне люди собирались на нашей крохотной кухне.

Меня дико раздражали вечные соболезнования. Все смотрели в мою сторону, как на великую мученицу, пуская слезы из глаз и поддерживающее похлопывая по спине или осторожно прикасаясь к моей руке, будто бы я была хрустальная. И каждый считал своим долгом покачать головой и произнести: «Как же ты теперь, бедная?». А если не произносили, то уверена, что так думали.

Людей собралось немного. Преодолевая раздражение, я встречала каждого и с уважением принимала слова поддержки в свой адрес. Но единственные, кого всячески старалась избегать и не вступать даже в зрительный контакт — это Королевы. Ангелина Семеновна и отец Егора появились одними из первых. Бабушкина подруга сдержанно приобняла меня, глотая слезы.

— Как ты, детка?

Уголки моих губ дрогнули в слабой улыбке. Чувство стыда все еще пробивалось через пелену горечи и тоски, поэтому я лишь опустила глаза в пол.

— Держись, — прошептала она, поправляя черную повязку, держащую мои безжизненные волосы, лежащие на плечах.

Я не смогла поднять глаза даже тогда, когда Александр молча сжал меня в своих объятиях. Мне пришлось задержать дыхание, так как все мое нутро сжалось, начиная реагировать на очень похожий аромат свежих морских нот.

Но Его не было...

Я всячески одергивала себя, мысленно била по щекам, сжимала пальцы в кулак намеренно с такой силой, чтобы ощущать, как ногти вдавливаются в кожу, когда вздрагивала от движения в дверях дома.

Я желала себе гореть в муках и ненависти, понимая, что зачем-то жду...

В какой-то момент мне показалось, что движущиеся черные пятна перед глазами и синонимы слова «соболезную» стали затруднять мое дыхание. Сердце медленными глубокими ударами отдавало в грудь, наполняя ее тяжестью и липким ощущением страха. С трудом, сохраняя равновесие, тихо по стеночке я добралась до выхода из дома и выскочила во двор.

Ватные ноги сами вывели меня туда, где столько лет я и бабушка проводили каждое летнее утро. Мне очень хотелось достать из своих воспоминаний все мелкие детали, которые остались в голове, но не смогла. Лишь какие-то расплывчатые образы, звуки, из невыносимо давящего чувства вины. Зато перед глазами все виделось четко: ровные ряды грядок с высушенной солнцем зеленью.

Меня даже не удивляло, что всего за пару дней благоухающий сад превратился в потухшее полотно. Ведь как оказалось, душу вообще можно выжечь за секунду...

Я просто бездумно бродила по рядам. Сама того не замечая, подошла к теплице и застыла на пороге, заметив, что только там оставались хоть какие-то признаки живого: все еще зеленые, сочные плети и листья вились вверх по натянутым нитям. Непрошенное воспоминание встало перед глазами, отчего мне захотелось приложить свои руки к горлу и извести из себя весь воздух. Было мерзко осознавать, что мои чувства предавали меня даже в такой день...

На автомате рука потянулась к кнопке. Снова тот же треск разбрызгивателей и тихое шипение капель, льющихся с потолка. Я протянула ладонь вперед, ощущая, как мокрые иголки закололи кожу холодом. Шаг, и мое дыхание сбилось, а не укрытые под темно-синим однотонным платьем участки тела защипали капли воды.

Если бы я только знала, что все закончится так, то никогда бы не пришла к нему в тот день...

— Девочка, ну, что же ты делаешь? — за спиной раздался обеспокоенный мужской голос, а через секунду разбрызгиватели перестали трещать над головой.

На мои намокшие плечи лег теплый пиджак, ткань которого была пропитана ароматом, очень напоминавший Его аромат. Я знала, кто стоит за моей спиной и поэтому не находила смелости повернуться.

— Пойдем, Кир, — меня осторожно прижали к себе и вывели на сентябрьский воздух. — Тебе надо переодеться. Не хватало еще заболеть.

Дежавю, от которого мои плечи затряслись под пиджаком.

— Ну что ты, — Александр ласково погладил меня по голове. — Идем в дом.

— Не хочу, только не туда, — тихо прошептала я.

Ничего не говоря, отец Егора подвел меня к скамейке в самом дальнем углу нашего сада, аккуратно усадив на нее.

— Не возражаешь? — присаживаясь рядом, он достал пачку сигарет.

Я кивнула, все еще не поднимая взгляда на Александра и гипнотизируя лежащие румяно-алые яблоки прямо перед нами на земле. Было слышно, как мужчина делает затяжку, и через мгновение воздух наполнился дымкой.

— Я бы соврал, что все будет хорошо, но... — он вздохнул. — Скажу тебе только одно, что ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. В любом ключе, вплоть до материальной.

Изнутри о ребра начал точить когти целый табун чудовищ, продирая меня до дыр. Я инстинктивно прижала руки к груди, зашептав:

— Простите меня. Я во всем виновата. И вы... И бабушка... Если бы не я, она могла бы... — Мой голос запнулся, было тяжело произнести это вслух.

— Кир, послушай. Не смей закапываться в чувстве вины за то, на что ты никак не могла повлиять.

— Нет... Я не должна была... — найдя в себе силы, я наконец таки повернулась и заглянула в кристально голубые глаза мужчины. — И вы... Вы простите меня...

Александр затушил окурок и положил его обратно в пачку, доставая следующую сигарету.

— Когда Дашка нашла этот лист на столе в гостиной, я ума не мог дать, как он там оказался и кому это было нужно. А потом Егор вернулся домой в полном не адеквате, мне пришлось прижать его к стенке и вытрясти всю правду.

— Вы так говорите, как будто вас не удивило содержание конверта...

— Кир, я всегда знал, что Даша не моя дочь. Точнее, не так. Дочь она моя, но я не ее биологический отец. — Его губы дрогнули в улыбке. Видимо, с моего выражения лица считывалось шоковое изумление, так как Александр, грустно усмехнулся в ответ. — Да. С самого ее рождения.

— Не понимаю, — я не могла поверить в такое глубокое спокойствие, которое излучал его взгляд.

— Здесь и понимать нечего, — отец Егора поднес сигарету к губам, а глаза уставились куда-то перед собой. — Уж что-то, а считать то я умею. Но беременность Лизы проходила очень тяжело, она почти все время провела на сохранении и заниматься разводом в этот момент — подвергать лишнему стрессу. Роды прошли не легче, жену и Дашку доставали с того света. И когда я первый раз увидел крохотное, почти прозрачное тельце в кювезе весом в полтора килограмма, окруженного трубками, какими-то аппаратами, то понял, что не смогу. Не смогу бросить, даже несмотря на то, что не имел никакого отношения к ее появлению на свет. Заниматься бракоразводным процессом, пока маленькое сердечко боролось за жизнь? Я каждый день приходил в отделение для недоношенных и понимал, что не ловлю себя на мысли: «Это не мое». Может, ты не поймёшь этого решения, но Даша — мой ребенок на равных правах с Егором.

Я ошарашено смотрела на мужчину и не верила, что так может быть. Слова Александра с трудом укладывались в голове. Ведь кто-то добровольно отказывается от своего ребенка, а он...

— Не знаю, что сказать, — изумленно произнесла я, прижав ладонь к губам.

Александр перевел дыхание, вытягивая последние капли никотина.

— Тебе и не надо ничего говорить. На самом деле, в моей голове сейчас тоже сумбур, — затушив очередную сигарету, он провел ладонью по светлым волосам с проседью, взъерошивая их. От этого жеста я не осознанно вздрогнула. — Двенадцать лет назад я ничего не сказал Лизе, молча простил ее и все. Но, как ни крути, за все годы брака мы так и не смогли построить нормальную семью. Не разводился я только из-за детей. Даже в свои редкие приезды, всегда знал, что Егор и Дашка ждут меня дома. Я дорожил и дорожу каждой минутой, проведенной с ними. Правда, никогда не задумывался, что сын взрастил в себе такую неприязнь к Лизе. Наверное, оттуда у него появилось желание быть на виду. Где-то мы его не долюбили, — Александр горько усмехнулся. — Надеюсь, Даша пока не начала нас тихо ненавидеть.

— Мне так стыдно перед ней. Перед вами... — убрав руки от лица, я отвернулась от

взгляда голубых глаз в окружении тонких морщинок и сжала в пальцах тёмную ткань платья.

— Я не злюсь на тебя, — мягко ответил он и на секунду накрыл своей широкой ладонью мой побелевший кулак, нервно мнувший подол, — хоть мне бы и хотелось, чтобы никто никогда не знала этой правды. Даша сейчас очень подавлена, плачет и боится, что я ее перестану любить. Но, когда Егор выдал мне все, что произошло между вами... — Александр запнулся, глубоко вдыхая воздух. — Да, ты поступила некрасиво, но мой сын тоже... Так себе пример для гордости.

Я закусила губы и снова уткнулась взглядом себе в колени. Чувство стыда прочно цеплялось за меня, но по миллиметру оно стало отпускать свои крючки.

— Я могу понять твою обиду и злость на него, — мужчина вдруг потянулся за упавшим яблоком и, подняв его, продолжил говорить. — Если бы знал, что он там пишет, то давно ему мозги вправил... У меня была надежда, что рядом с сыном будет искренняя и чистая душа, но Егор сам же в эту душу и плюнул.

Я сглотнула тяжелый ком в горле, а сердце опять стало пропускать удары. Но Машин крик из глубины двора не дал мне снова разъединиться с реальностью.

— Кира! Где ты? — Подруга быстро сориентировалась в огромном саду, без проблем найдя нашу лавочку откровений. — Я помешала? — Она слегка замялась перед нами, когда увидел, кем является мой собеседник.

— Нет — нет, — добродушно ответил отец Егора за меня, поднимаясь на ноги. — Мы просто дышали начавшейся осенью. Да и Кире пора бы переодеться в сухую одежду.

Маша бросила короткий подозрительный взгляд на мои влажные, распушившиеся волосы, но спрашивать ничего не стала. Лишь согласно кивнула.

— Кир, там просто к тебе пришли...

— Кто? — вопрос сорвался с моих губ быстрее, чем я успела об этом подумать. Мне снова захотелось отвесить себе отрезвляющую оплеуху.

— Какая-то знакомая бабушки, — подруга посмотрела на меня так, словно пыталась извиниться за ответ.

— Да... Я... — Глубокий вдох, — иду...

Александр медленно двинулся в сторону дома вслед за Машей, но сделав пару шагов остановился, начиная задумчиво прокручивать в ладони яблоко.

— Не жди его, Кира. Он не придет.

— Почему? — все внутри меня натянулось струной, а ответ хотелось знать меньше всего.

— Потому что я вырастил труса.

Сентябрь

Октябрь

— Боже, как мерзко, — проклацала зубами Маша, застегнув свою ветровку под самое горло и, дрожащими от холода пальцами, проворачивала ключ в замке.

Середина второго месяца осени совсем не походила на типичный бархатный сезон. Уже целую неделю небо устало хмурилось, не желая пропускать хоть что-то, напоминающие солнечные лучи. И люди вокруг тоже хмурились, а для меня такая погода — своего рода успокоение. Можно было не придумывать разные отмазки, отчего мое выражение лица описывалось, как монотонное уныние. Я просто отвечала: «Дождь же».

— Теплее одеваться надо, — буркнула я, удерживая полы дымчато-серого пальто от резкого порыва ветра и ожидая, пока подруга наконец расправится с кучей замков и сигнализаций на двери ресторана.

— Нет. Просто надо вернуть лето, — поморщилась она и наконец приложила последний магнитный ключ к замку.

За железным полотном что-то щёлкнуло, пропуская нас вовнутрь.

— Ненавижу лето, — прошептала я себе под нос поёжившись.

Но если лето я ненавидела, то начало осени почти не помнила. Не дав себе и дня отдыха, я продолжала работать в ресторане. Брала по две смены подряд, даже не пытаюсь урвать выходные. Да, я чувствовала и вела себя, как робот, что очень не нравилось Машке, когда она, скрипя зубами, подписывала рабочий график, однако это, наверное, и спасало меня. Сентябрь вышел, как огромный белый лист, исписанный невидимыми чернилами. Вроде что-то на нем написано, но совершенно нечитаемо. Вроде что-то происходило, но абсолютно без воспоминаний.

Но потихоньку ощущение себя и мира вокруг стало возвращаться. Остались только проблемы со сном, которые, оказывается, легко решались путем приема таблеток.

С учебой пришлось повременить. Не отсидев ни одной пары, я взяла академический отпуск в надежде, что за год окончательно приду в себя. Теперь мне было не на кого рассчитывать. Я была в ответе сама за себя. Полностью самостоятельная личность. В общем, за что боролась...

А что касалось Него... Мы играли прятки, где никто никого и не собирался искать. Я научилась не думать о нем. Осталось только свести ненавистную мне татуировку.

С утра посетителей в ресторане всегда было немного, поэтому я, как обычно, торчала за барной стойкой, помогая бармену натирать до зеркального блеска стаканы.

— Извините, — послышался незнакомый мне женский голос.

Бармен тут же оставил бокалы в покое и зашебетал так, что я могла и стоя спиной к залу, ощутить, как его рот растянулся на все тридцать два зуба.

— Доброе утро. Чай или кофе? Могу предложить вам изумительно чистую арабику для придания энергии в столь угрюмый осенний день, а еще у нас...

— Спасибо, — женщина тут же перебила тараторящего парня, а я невольно хмыкнула, продолжая тереть граненое стекло. Сама не люблю такую навязчивость, — но я здесь не за этим. Мне нужна Кира. Белова. Она же работает?

Мои пальцы застыли на стакане, а сама я почувствовала, как по позвонкам разлился

холодок. Бармен тут же повернулся ко мне:

— Ки-и-р...

До того как обернуться, мне не составило труда догадаться, кто за моей спиной. Нервно сглотнув, я подняла взгляд на лицо женщины, стоящей перед баром, встречаясь с ее серыми, как сталь, глазами. С глазами моей матери.

Несколько секунд зрительного контакта хватило, чтобы в голове смешался коктейль эмоции: от шока до злости.

— Здравствуй, — спокойно произнесла Мила, слегка улыбнувшись.

Я молчала, соображая сколько лет не видела этого человека, и пыталась сопоставить образ, оставшийся в сознании с тем, кто стоял перед глазами. И он никак не сходился. В моих воспоминаниях двенадцати летнего ребенка эта женщина запомнилась совершенно в другом виде. Растрепанные, длинные светло-русые волосы теперь были коротко острижены и выкрашены в жемчужно-пепельный цвет, уверенный взгляд с аккуратным нюдовым макияжем, а не покрасневшие от крика глаза, идеально очерченные карандашом губы, вместо скривившегося рта, из которого вылетали едкие фразы и слова в адрес бабушки.

Мне бы стоило произнести хоть что-то в ответ, но губы словно слиплись.

— Мы можем поговорить, Кира? — так же спокойно продолжила Мила, но покосилась глазами тарашившегося на нас бармена.

Найдя взглядом среди пустых столиков Машку, я послала ей мысленный сигнал, надеясь, что она быстро сообразит. Подруга, изумленно похлопав ресницами, оглядела мою мать, меня и коротко кивнула в сторону своего кабинета.

— Да, — наконец смогла прохрипеть я. — Идем.

На деревянных ногах я повела Милу за собой, даже не представляя, о чем эта она хотела поговорить со мной. Но точно понимала только одно — ванильно-пудровый аромат ее духов меня начал раздражать с первой секунды его вдоха. Не успев закрыть за нами дверь, я без церемоний и вежливых реверансов перешла в наступление:

— Зачем ты приехала? И как вообще нашла меня? — оперевшись спиной о стену, я скрестила руки на груди и уставилась на свою мать.

Мила прошла к столу и, отодвинув себе стул, очень аккуратно присела на него, расправив широкие складки черного и свободного платья, поверх которого было накинут такого же свободного кроя пиджак бежевого цвета. Ее движения казались намеренно осторожными и плавными, что выглядело весьма странно. Но женщину несколько не удивил мой неприветный, даже грубоватый тон. Или же она умело скрывала свои эмоции.

— Ну, во-первых, в прошлом году мы с Ниной общались по телефону несколько раз. Она как-то упоминала название твоего ресторана. Во-вторых, выразить свои соболезнования... — начала Мила, отстраненно скользя взглядом по пространству кабинета, — и...

— Соболезнования? — мне хватило ее одной фразы, чтобы внутри меня заискрилось пламя негатива, а пальцы сжались на предплечьях. Все-таки говорит о каком-либо прощении было легче, чем его демонстрировать. — Только сейчас? Смешно же...

— У меня были причины, Кира, по которым я никак не могла явиться на похороны, — ее взгляд остановился на мне, а лицо ничего не выражало: ни горечи, ни смятения, ни заинтересованности.

— О, должно быть очень веские, раз уж ты даже трубку не взяла, — я наигранно закивала, состроив гримасу ужаса.

— Веские. Очень, — коротко ответила она, а ее ладонь легла на выпирающую ткань.

Меня мгновенно прошибло холодной дрожью, когда я поняла, что такое свободный фасон — это не дань моде, а всего лишь возможность не выставлять напоказ свое «интересное» положение.

— В силу того, что я уже не молодая девочка, все проходит не так гладко. Когда ты мне звонила, я была на сохранении и приехала сюда на свой страх и риск, как только смогла, — ее рука бережно погладила округлый живот, а мне стало мерещиться, что каждое поглаживание отзывалось ударом под дых.

Кто-то упорно во вселенной хотел добить меня окончательно.

— Поздравляю, — с трудом вымолвила я, чувствуя, как во рту и горле все слипается от сухости.

Мила, нервно поправила свои и без того идеально уложенные волосы, стараясь лишней раз не встречаться со мной взглядом, а в кабинете повисла неестественная тишина. Если бы не запахи еды, доносившиеся с кухни, то можно было сказать, что между мной и моей матерью образовался вакуум. Она вдруг потянулась к своей сумке, достав карандаш и блокнот.

— Можно узнать, где Нину...

— Можешь, — процедила я, сообразив, что от меня нужно.

Сев напротив нее за стол, я выписала на пустой странице адрес места, где она могла найти бабушку. Пока карандаш выводил на бумаге буквы и цифры, я чувствовала, как Мила не сводит с меня взгляда.

— Это все? — мои пальцы небрежно подтолкнули к ней блокнот.

— Я бы хотела еще кое-что обсудить с тобой.

— Будешь делить со мной наследство? — мой голос был переполнен издевкой, хотя я понимала, что Мила совсем непохожа на нуждающуюся.

Моя мать усмехнулась в ответ, а меня передернуло оттого, что в ее мимике и чертах лица уловила что-то очень знакомое. Я была похожа на нее внешне ровно настолько, насколько мне этого не хотелось.

— Меня это не интересует. Я пришла к тебе по другому вопросу, — она опять открыла свою сумочку, доставая оттуда пухлый конверт, и двинула его ко мне. — Держи.

— Что это? — нахмурилась я.

— Здесь сто тысяч. Немного конечно, но на первое время неплохие деньги. Я готова каждый месяц высылать тебе определённую сумму с одним встречным предложением, — Мила взяла паузу и все-таки опять решилась посмотреть мне прямо в глаза. — Ты не решишь появиться на пороге моего дома внезапно.

Я оторопела, надеясь, что не так поняла смысл сказанных ею слов. Возможно, где-то то в глубине души еще тускло мелькала надежда, что моя мать пришла сюда, если уж не налаживать отношения, то хотя бы просто искренне спросить: «Как я?».

— Ты... что? — в ушах зашумело, а мой голос доносился откуда-то из-за. — Сейчас пытаешься... откупиться от меня?

— Не утрируй, Кира, — Мила слегка поморщилась. — Ты уже взрослая девочка, должна все понимать сама. Мой муж знает лишь часть правды о взаимоотношениях с Ниной и твое внезапное появление на пороге моего дома пока не входит в планы. Мне нужно время, чтобы...

— А с чего ты взяла, что мне вообще придет в голову искать тебя? — резко подавшись

всем телом вперед, я пыталась увидеть во взгляде матери хоть что-то, кроме холодного спокойствия, но нет. — Ты не ответила ни на один мой звонок. Все давно стало понятно: ты бросаешь меня уже во второй раз.

— Я как раз таки и не бросаю тебя, предлагая свою финансовую поддержку. Сама подумай, в девятнадцать лет сложно самостоятельно становиться на ноги. Миллионы не обещаю, но на хлеб хватать будет и не только.

Не сводя взгляда с ее серых глаз, от стального цвета которых тянуло изморозью, мне хотелось спросить: «Почему?». Почему она сейчас так заботливо гладила свой круглый живот, а на меня смотрела так равнодушно. Но я продолжала молчать. Теперь это уже не имело никакого значения. Мне предлагали оплату, лишь бы мое неожиданное появление в ее прекрасной жизни не заиграло паршивыми красками. Так легко и просто.

— Забирай деньги и топай во-о-н туда, — сглотнув колющий ком, я указала пальцем в сторону выхода. — Тебе, как беременной, могу даже дверь придержать.

Мила вздохнула и с укором покачала головой.

— Не глупи и не ставь гордыню оберегом. Если ты думаешь, что я не сожалею о том, что сделала девятнадцать лет назад, то ошибаешься, но у меня нет возможности исправить все за один момент. Но я хочу и могу тебе помочь, — ее ухоженная рука с тоненькими, изящными часиками на запястье потянулась через стол ко мне.

Я резко одернула ладонь, сжав силой кулак, словно боялась, что мое спокойствие, которое цербером охраняло меня от внешнего мира все это время, вот-вот сорвется с поводка и растерзает все вокруг, в том числе и меня саму.

— Мне не нужна твоя помощь. И можешь не переживать — даже если буду подыхать от бессилия, то о тебе и не подумаю. Спи сладко и не бойся.

— Кира... Давай просто поговорим. Нам надо поговорить.

— Вон, — прошипела я, стиснув зубы.

Первый раз за столько времени к моим глазам болезненно подступали слезы. Так больно, что пришлось зажмуриться. Волна давящего чувства в груди с силой билась о мое сердце, которое ошибочно до последнего верило, что мне все по силам.

Я слышала, как проскрипели ножки стула по плитке, как медленный, глухой стук каблучков проследовал к двери и как тяжёлое облако ванильного аромата задержалось еще на секунду.

— Мне, правда, жаль, что все так вышло... Набери меня, если ты решишь, что я могу...

— Уйди, прошу...

Замок на двери тихо щелкнул, говоря о том, что моя собеседница оставила меня одну. Я пыталась восстановить свое дыхание, но лёгкие путались в правильной очередности вдоха и выдоха. Мне пришлось открыть глаза, чтобы их не разъело от горячих слез.

Пухлый конверт так и остался лежать на столе и триггером сиял белым цветом на темной поверхности. Схватив его и сорвав свое пальто с вешалки, я выскочила через запасной выход на улицу. Одной рукой сжимала конверт до скрипа бумаги, а другой я набирала родной адрес в приложении такси.

Промозглый октябрьский ветер хлестанул меня по щекам, но, к моему сожалению и страху, не сумел выдуть из головы мысль, что эти пять минут разговора стали моей последней каплей...

«Я так больше не могу».

— Ты когда уже съедешь? Я, конечно, все понимаю, но месяц — это перебор, — Гера пнул коленкой в бок распластавшееся на диване тело Егора.

— Я сплю. Четыре часа тренировки... Отвали по-братски, — послышался голос из недр диванных подушек, в которые Егор уткнулся лицом.

— Да ты только и делаешь, что тренируешься, дрыхнешь, тренируешься. От тебя хлоркой фонит уже. Посоветовал на свою голову. Вставай, ужин готов, — и снова легкий толчок коленкой в блондина.

Егор медленно оторвал лицо от дивана и принял вертикальное положение, отметив про себя, что мышцы уже не изнывали напряжением после тренировок, как месяц назад, когда он снова в прямом смысле этого слова ушел с головой под воду.

Проспавшись после последней встречи с Кирой, вспомнив все, что он говорил, как ее взгляд поглощал отвращение к нему, Егору хотелось прямо на коленях ползти, вымаливая прощения. Но разъедаемый стыдом и собственной слабостью оставалось лишь упиваться жалостью и раздражением к самому себе. Особенно после того, как он так и не отыскал ни грамма совести молча встать за ее спиной, давая понять, что она не осталась одна. Страх, что его прогонят и отвергнут, боязнь увидеть в ее глазах бездонную ненависть оказался сильнее. Поэтому в тот день, когда он должен был поступить, если не по-мужски, то хотя бы по совести, Егор просто мучил по трассам побережья машину, не давая спидометру опуститься к значениям ниже ста тридцати километров в час. Реальная жизнь, реальные поступки оказались сложнее, чем делать селфи в инстаграм.

Он почти сутки провел за рулем, пока не оказался перед дверьми квартиры Геры. Тот, не задавая никаких вопросов, просто отдал свой мягкий уютный диван в длительную аренду. Егору не хотелось возвращаться ни в дом к отцу, где то и дело теперь слышались скандалы, ни в свою квартиру, в которую он так хотел привезти Киру.

К удивлению Геры, Королев не забрасывался литрами алкоголя или чем-то поэфффектнее. Он просто неделю безмолвно лежал, смотря то в потолок, то утыкался лицом в диван, пока сам же Гера не ляпнул наугад про тренировки по плаванию, как повод не дать зачаткам депрессивного состояния глубоко пустить корни.

И сработало. Только изнурительные часы, проведенные в рассекании ровной глади хлорированной воды, помогали не думать хотя бы это время о ней и о том, что лучше бы он сдох, чем повел себя, как трус.

Этот сентябрь так и остался в памяти Егора с привкусом хлорки и с ощущением ямы в душе.

— Егорыч, имей совесть. Я хочу пожрать уже и лечь спать. Мне твои шорканья по квартире в два часа ночи к холодильнику на хрен не сдались. Ты ходишь, как слон. Это тебе никуда не надо завтра, — недовольный крик из кухни заставил блондина закатить глаза и лениво подняться с дивана.

— Ты еще хуже, чем сварливая жена, — усмехнулся Егор, наконец усевшись за стол напротив Геры и пододвигая тарелку с сосисками и каким-то овощным салатом.

— Не нравится — съезжай, — цокнул татуированный, дожевывая свою порцию.

— Потерпи недельки две еще. И я непросто съеду, я улечу от тебя.

Гера перестал перемалывать зубами ужин и вопросительно уставился на Егора, сведя

брови к переносице.

— Ты что? Все-таки согласился на предложение тренера?

— Угу, — кивнул Егор своей тарелке.

— Когда?

— Сегодня...

— Егор, да не гони, — ошарашенно воскликнул Гера, искренне недоумевая смотря на друга, который всего за месяц словно выцвел. — Зачем тебе это надо? Когда я говорил, что ты можешь уплыть от депрессии, то немного не это имел в виду.

Королев напряженно перебирал вилкой салат, кусая губы.

— Гер, — он вдруг со звоном выронил столовый прибор и запустил ладони в уже прилично отросшие волосы, опираясь локтями о стол, — ну что меня здесь держит? — Егор мучительно простонал. Одна мысль о ней, и по сердцу прошлись ядовитым лезвием, которое снова разрезало еще незажившие раны в недрах сознания.

— Разговор с Кирой, например...

Блондин кинул исподлобья взгляд на Геру:

— Издеваешься? Почти через два месяца? И что я ей скажу? *«Привет. Как дела?»*.

— Ну так ты вообще дождеешься, что с мужем ее когда-нибудь увидишь, — хмыкнул Гера, откидываясь на спинку стула.

Взгляд Егора загорелся злостью, а в душе все натянулось до предела.

— И не надо на меня так смотреть, — спокойно произнес Гера, скрестив татуированные узорами руки на груди. Его совершенно не пронимало напряжённое выражение лица друга, сидящего напротив, а скорее раздражала такая амебная позиция. — Посамобичевался и вперед, — он указал подбородком в сторону двери. — Чем дольше ты оттягиваешь разговор, тем глупее он будет выглядеть. А если собираешься лететь в Питер, так и не увидевшись с Кирой, то ты, Егор, реально дебил.

Блондин устремил взгляд куда-то за панорамное окно на кухне, где уже который час дождь полировал стекло каплями. Грубо потирая виски пальцами, он вздохнул, теряясь в собственных мыслях: ему хотелось и сбежать, и лелеять даже самую возможность, что у него еще есть шанс хотя бы просто поговорить с ней.

На столе вдруг запрыгал в вибрации телефон Геры. Заметив незнакомый номер, он нахмурился и потянулся за мобильным.

— Слушаю.

— Гера? — в трубке раздался очень мягкий женский голос, но так было ровно секунду, пока Герасим угу-кнув, не подтвердил, что это он. — Значит, так, мне нужен номер Королева. Срочно! — твёрдо заявила девушка по ту сторону динамика, словно сейчас она потребует еще миллион долларов и личный вертолет на крышу.

Гера чуть не подавился воздухом от наглого тона неизвестной ему мадам.

— Ты вообще кто? Откуда у тебя мой номер и с чего взяла, что я свяжу тебя Королевым? Может, тебе еще ключ от сейфа, где деньги лежат?

Егор тут же встрепенулся, услышав свою фамилию, и изумленно уставился на друга. Тот лишь недоуменно пожал плечами и вернул телефон на стол, включив в нем громкую связь.

— Это Маша, — девичий голос теперь разлетался легким эхом по огромной кухне. — Номер нашла на сайте твоей клетушки, мне нужен твой друг по личному вопросу, и шутки свои засунь в задницу.

Егор и Гера продолжали смотреть друг на друга в недопонимании, но в груди блондина

сердце надсадно застучало — Маша не стала бы звонить просто так, да еще и искать его самого.

— Не хочешь давать номер телефона, — продолжала Маша голосом, который уже стал терять остатки самообладания и переходить в звонкие, высокие тона, — то позвони ему сам. Мне надо знать — может ли Кира быть у него?

— Ее нет рядом со мной, — тут же хрипло выпалил Егор, резко склонившись над телефоном, а внутри все скрутило холодным узлом. — Где она?

Секундная тишина в трубке.

— Я пока не знаю, но она целый день не отвечала на звонки, и уже несколько часов мобильный просто отключен.

— Где и когда ты ее видела в последний раз? — широкая ладонь Егора сжала край стола до белых костяшек.

— Сегодня утром мы вместе приехали на работу, все было, как обычно, потом пришла какая-то женщина к ней, — затарахтела Маша в трубку без лишних отступлений, — и походу, это была ее мать, и...

— Мила? — Егор опешил, перебивая голос из динамика, а разноцветные глаза округлились, метая взгляд с экрана на Геру, который вообще мало понимал происходящее.

Но было ясно одно — подруга разыскивала Киру не просто, потому что она могла где-либо загулять.

— Да, я думаю, что это была именно она. И после их недолгого разговора женщина ушла, а Киры уже не было на рабочем месте. Я решила, что, может, ей надо побыть одной, прийти в чувство, подумать, но через пару часов она так и не вернулась в ресторан. Я стала звонить, — Машка громко перевела дыхание и продолжила, — никто не брал трубку, а к вечеру телефон вообще оказался отключен...

— Может, она просто домой поехала? — осторожно встрял в разговор Гера. — Или решила прогуляться в одиночестве?

— Прогуляться? В одиночестве? — Казалось, девушка начинала терять терпение. — Учитывая ее моральное состояние — это плохой вариант. Я ее вообще старалась одну не оставлять. Она могла сказать мне об этом, но исчезла молча. Меня это и пугает. В общем, я буду дома через пятнадцать-двадцать минут, если ее там нет, то идти ей больше некуда. Из близких знакомых у нее только я и... — Маша запнулась, словно не хотела произносить это вслух, — и Егор...

— Она могла поехать еще в одно место, — вдруг прошептал Королев и мгновенно подорвался со стула, но опять склонился над столом, произнося фразы четко и быстро. — Позвони Гере, как будешь в квартире. Не важно, там она или нет. Я еду в дом ее бабушки.

— Поняла. Надеюсь, что все-таки она у нас, — голос Маши уже не скрывал отчаянное беспокойство. — Егор, если что, найди ее. Пожалуйста. Боюсь, что все ее наигранное спокойствие лишь вопрос времени...

Стиснув зубы, Королев кивнул, будто бы Машка могла видеть его жест. Не теряя больше ни минуты на слова и мысли, Егор ринулся вниз, на ходу натягивая поверх футболки фланелевую рубашку. Он даже не стал дожидаться лифта, а просто перескакивал ступени с этажа на этаж. Не чувствуя тяжёлых капель, которые тут же вгрызались в кожу, пропитывая холодом плотную ткань рубашки и футболки, Егор летел через двор к своей машине.

Гера успел заскочить в салон черного кроссовера за мгновение до того, как он рванул, взвизгнув шинами по ближнему от фонарей и горящих окон мокрому асфальту.

Егор выжимал из машины запредельные для нее обороты, отчего мотор издавал металлический скулеж. Но страх, исходивший от ее владельца, был чуть ли не единственным источником силы, который уверенно держал автомобиль на дороге в такую дождливую погоду.

Королев успел уже выехать из города, когда экран телефона Геры замигал светом. Ответив на звонок, он напряженно замолчал, слушая собеседника. Егор не слышал о чем говорила Маша, но нутром ощущал, что звонила она не для того, чтобы развернуть их машину обратно.

— Я понял, — вздохнул Гера, кинув косой взгляд на друга, который тут же заставил стрелку спидометра отвешивать поклон вправо. — Мы уже едем, — и, сбросив вызов, на всякий случай потянулся к ремню безопасности.

Егору с трудом удавалось сдерживать бешеные скачки сердца, но ему нужно было сохранять спокойствие, хотя бы для того, чтобы хладнокровно изводить машину на трассе, пока она не затормозит возле знакомого дома. А дальше ему было все равно. Он был готов дать сердцу выпрыгнуть, расколотиться, известить на ключья в ударах, лишь бы увидеть ее в целостности и сохранности. И пусть была велика вероятность, что ему могут плюнуть в лицо равнодушием — это было не важно. Узнать, что с ней все в порядке и снова исчезнуть.

Эти двадцать километров дороги казались растянутыми по экватору. Тревога паутиной оплетала остатки самообладания и окончательно опутала разум, когда кроссовер с визгом затормозил у зелёной калитки, которая попросту оказалась закрытой.

Егор остервенело дергал ручку замка, но тот даже не дрогнул. Небольшой кирпичный домик, освещенный лишь светом одного фонаря, тонул в шуме дождевых капель и темноте, которая исходила из его окон.

— Может, ее тут и нет? — стоящий рядом Гера также подергал калитку и, приподнявшись на носки кроссовок, попытался заглянуть за забор. — Что-то не видно, чтобы в доме кто-нибудь находился... Думай, куда еще она могла пойти или поехать?

Егор смахнул ладонью с лица назойливые капли и растерянно огляделся вокруг. Думать? Не было времени думать. Он делал это и так слишком долго...

Повернувшись к забору, блондин ухватился ладонями за его верх и резко подтянулся на руках. Пара мгновений, и он приземлился по другую сторону. Отщелкнув замок для Геры, Егор в два шага оказался перед входом в дом.

Мокрой, дрожащей ладонью он сжал ручку, опуская ее вниз. Дверь легко поддалась, открывая проход вовнутрь, как зверь открывает свою пасть. Только в этом случае перемалывали до боли не клыки, а звенящая тишина, бездонная темнота и затхлый запах, ползущие из глубины дома.

Егор попытался осветить пространство, нажав на выключатель, но тщетно. Не прислушиваясь к звукам, не давая привыкнуть глазам к сумраку, он сразу ринулся вглубь по коридору.

Была надежда, что сейчас в едва заметных очертаниях интерьера будет видно знакомый образ, который преспокойно сидел бы, попивая чай, а потом изумленно похлопал ресницами с вопросом: «*Вы зачем сюда приперлись?*». Но свет от фонарика на телефоне Геры быстро рассеял эти надежды.

Сердце Королева колотилось так, что от его ударов вибрировало дрожью все тело: от мозга до кончиков пальцев. Он собирался уже выкрикнуть ее имя, но смог издать лишь свистящий вдох, когда взглядом уловил в гостинной лежащий девичий силуэт в черных

джинсах и футболке.

Светлые волосы закрывали лицо и безвольно свисали с дивана, как и тонкие руки девушки.

А под расслабленными пальцами стояла полупустая бутылка спиртного, вокруг которой было рассыпано что-то, что в темноте казалось белоснежными жемчужинами.

Что-то очень холодное и влажное прикоснулось к моей щеке, слегка похлопав по ней. Ужасно не хотелось выкарабкиваться из такого глубокого, спокойного сна, и я попыталась опять нырнуть в тишину своего сознания, но глухие голоса в голове магнитом тащили к пробуждению.

«Ну, что вам надо?».

— .... слышишь? Очнись... Кира...

«Отвалите», — Попытка заговорить не увенчалась успехом, вышло лишь мычание.

— Просыпайся, родная... Давай же, — голос слышался уже ближе и, казалось, что он очень знаком. — Вроде бы, она в сознании ещё... — моего лица снова коснулась прохлада.

«Не хочу быть в сознании. Хочу спать», — я напряглась, старательно погружая себя в сон, но черта с два.

Кто-то гладил мой лоб, щеки, нос, губы в хаотичном порядке, вдобавок начиная трясти меня и за плечи.

— Она дышит... — мужской голос, тембр которого был пропитан бархатом, раздался уже над самым ухом. Голос, который я не могла спутать ни с одним другим среди миллионов других.

«Да ладно? Неужели до белки допилась? Быстро, однако...» — я опять простонала, ощущая, как подступает тошнота.

— Не тряси меня... — наконец, мои связки смогли выдать набор понятных букв и, собрав себя воедино, я села.

— Живая, — рядом раздался облегчённый выдох, а холодные пальцы прикоснулись к лицу, убирая спутавшиеся волосы. — Посмотри на меня.

Решив, что лучше подчиниться, дабы избежать вечной тряски, я распахнула глаза. Проморгавшись, выловила взглядом очертания двух фигур в полумраке комнаты. Одна стояла в дверях гостиной, держа в руках фонарик, а другая сидела прямо передо мной на коленях, крепко схватив меня за плечи. Сделав глубокий вдох, мои легкие наполнились ароматом... Его аромат. Это была не ошибка. Это был Егор.

— Зачем ты здесь? — на выдохе прошептала я, ощущая, как мерзко сушит во рту, а в мозг тихо крадутся болезненные спазмы.

Но он будто бы не слышал вопроса, всматриваясь в мое лицо так, словно видел перед собой привидение. Продолжая удерживать одной рукой в вертикальном положении, другой Королев поднял с пола что-то белое и крошечно-круглое.

— Что это? И сколько ты выпила? — с надрывом спросил он.

Сощутив глаза, я внимательно вгляделась в предмет, зажатый в его длинных пальцах. Узнав белую горошинку, я хмыкнула и просто забрала ее у Егора, положив себе в рот.

— О, спасибо. А то такой мерзкий привкус после этого виски. Бе-е-е, — скривилась я.

Королев ошалело уставился на меня, а через секунду вцепился пальцами в мою челюсть, пытаясь разжать ее.

— Ты что творишь? — зарычал он.

— Отвали, — зашипела я, отбиваясь от его цепких рук. — Тебе конфеты жалко?

Егор замер, хлопая округленными глазами, но все еще держал пальцами мой подбородок. Резко дернувшись, я сбросила со своего лица его ладонь и отползла в другой

угол дивана:

— Придурок.

— Конфеты? — прохрипел он шокировано.

Закатив глаза, я опустила руку к полу, подняла круглую конфетку и просто без разговоров запихнула несопротивляющемуся Королеву ее в рот.

— Да! Мятные. Закусывать виски больше нечем было, — фыркнула я, смотря на ошарашенного Егора с конфетой во рту.

За его широкими плечами раздался тихий смех.

— Ой, ребята-а-а. Смешные вы. Отменю-ка я вызов неотложки, — силуэт в дверях отключил фонарик и исчез с телефоном где-то в коридоре, погружая пространство в темноту.

— Ты и Геру с собой притащил, — хмыкнула я, слыша его голос за стенкой.

Егор лишь молча пересел с колен на пятую точку, оперевшись спиной об угол дивана. Было слышно, как он пытается восстановить свое дыхание, делая поочередно глубокие вдохи и выдохи.

— Я думал ты... — тихо произнёс Егор, потирая дрожащими ладонями лицо.

— Что? Погоди... Ты думал, я тут решила таблеток наглотаться? Из-за тебя? Мания величия у вас, Королев! Во, видал, — я придвинулась к нему и чуть ли не в лицо тыкнула сжатый кулак в виде кукиша, — не дожدهшься! — и презрительно фыркнув, отодвинулась обратно в другой конец диванчика.

Я было потянулась к полупустой бутылке виски, но по коридору послышался быстрый стук каблучков и возглас.

— Кира!

— Чудно, ты и Машку приволок, — недовольно пробубнила я, откидываясь обратно на спинку дивана.

Маша влетела в тёмную комнату вихрем и тут же кинулась вперед, усевшись на колени передо мной.

— Боже, Кира! Живая! — ее ледяные руки стали прощупывать мои конечности, как детектор.

— Конечно, живая, — меня передернуло от холода. — Вы сговорились? — я с укором уставилась на подругу.

— Ты не могла хотя бы позвонить? — запричитала она, убрав наконец свои пальцы-ледышки от меня. — Мало ли что тебе в голову пришло в твоём состоянии. Мы переживали.

— А что с ним не так? Ну, подумаешь, — наигранно пожалала я плечами, — мать бросила меня дважды за девятнадцать лет, единственная душа, что действительно заботилась обо мне, теперь покоится в сырой земле, а человек, которого я любила, рассказывал всем и вся, как и где меня трахал... Кстати, о чем ты там сейчас пишешь? А? Егор? — я вытянула ногу и слегка толкнула его в спину.

Королев даже не дернулся, продолжая молчать. Я усмехнулась, закатив глаза:

— Тоже мне... Немой.

Машка вдруг засопела носом, как ищейка, принюхиваясь и осматриваясь вокруг.

— А, — ее взгляд остановился на бутылке виски, — у нас тут кто-то не совсем трезвый. Ясно. Отставить разговоры. Сейчас пойду лучше тебе чай сделаю, — поднявшись на ноги, она указала пальцем на сидящего возле меня Егора и Геру, вновь появившегося в дверях с единственным источником света в руках. — Так, ты и ты... Спасибо, что откликнулись, но

можете быть свободными, поезжайте.

— Да нет, — вдруг заговорил Гера. — Поедем отсюда не я и Егор, — он уставился на Машку, буравя ее взглядом.

— В смысле? — в полумраке от фонарика, я не видела ее выражения лица, но она явно не мило улыбалась.

Гера вздохнул и шагнул вперед, став у Машки за спиной.

— В прямом, — его татуированные ладони легли на ее плечи, подталкивая к выходу. — Эти двое останутся здесь, а мы с тобой поедем. Им надо бы поговорить...

Я удивленно приподняла брови, услышав подобные высказывания и искоса посмотрела на блондина, который словно попал под взгляд Горгоны. Машка резко дернула плечами, сбрасывая татуированные руки с себя.

— Ага. Размечтался. Твой милый Егор уже много чего наговорил в инстаграме. Дуйте вы отсюда оба!

Не произнося ни слова Гера, сгреб Машу в охапку, потянув ее из гостиной.

— Эй, руки убрал свои зэковские! — крикнула она, от чего мои виски прострелила такая боль, что я была уже и не против, чтобы ее утащили отсюда.

— Чего это они зэковские? — оторопел Гера, замерев в полумраке.

— Потому что нормальному человеку не придет в голову все тело херней забивать, — она уличила момент и отстранилась от держащих ее рук.

— Чтоб ты в этом понимала, — ответил он чуть ли не с обидой. — Тут ни одного партака нет!

Перепалка этих двоих меня начинала накалять. От громких звуков, с одной стороны и от молчания с другой, моя голова стала наливаться огненной тяжестью. Хотелось стать букашкой и нырнуть обратно в недопитый виски. Как же было прекрасно пару часов назад... Я просто купила три бутылки спиртного, просто села в такси и приехала в свой родной дом, решив просто напиться в одиночестве и поплакать. И почему они просто не могли оставить меня в покое?

— Маш, — просипела я, — поезжай. И ты тоже, — мой взгляд задержался на Гере, а потом перешел на светловолосый затылок. — И этого забирайте.

— Я никуда не поеду, — вдруг твёрдо заявил Егор.

Я с трудом подавила в себе желание двинуть по его крепкой шее своей ногой. Будь во мне еще немного алкоголя, то так бы и сделала.

— Кир... — начала было Маша.

— Обещаю, что включу телефон и буду отвечать на каждый звонок. Мне нужно побыть здесь одной, — я устало вздохнула. — Пожалуйста...

Подруга недовольно поджала губы, смотря на меня в упор, а я всеми фибрами души умоляла ее уехать. Гера опять приблизился к ней, осторожно положив ладонь на спину.

— Поехали, — он подтолкнул Машу вперед, — доброе дело сделаешь. Меня до города довезешь.

— Еще чего, — фыркнула она, дернувшись от Геры, и перевела взгляд снова в мою сторону. — Кир, я на связи каждую секунду. Если что, звони, — недоверчиво покосившись на Егора, который и правда никуда не собирался, словно приросший к полу.

Я закивала так уверенно, насколько смогла. Маша хотела высказать еще что-то, но Гера, наконец, вытолкнул ее из гостиной, а через пару секунд их недовольный бубнеж исчез со звуком хлопнувшей входной двери.

В доме, наполненном темнотой, остались я и Егор. А его присутствие никак не входило в мои потребности.

— Ты...

— Никуда не поеду. Я больше тебя не оставлю, — монотонно произнес он.

— О, ну началось, — простонала я и резко подскочила с дивана на ноги.

Учитывая, что выпитый виски еще свободно кружил в венах, мое тело слегка закачалось в воздухе. Егор тут же вскочил следом и протянул ко мне руки, не давая упасть, но я резко оттолкнулась от него. Хоть между нами стеной стояла темнота, я очень надеялась, что мои глаза сверкнули злобой так, что смогли ослепить не хуже искр сварочного аппарата.

— Отцепись, — процедила я и, слегка пошатываясь, двинулась на кухню.

Мятная конфета давно растворилась во рту, оставив лишь липкое ощущение горечи. Взяв стакан, попыталась наполнить его водой хотя бы уже из-под крана, но мне была выдана порция шипящего воздуха.

— Черт, — выругалась я, совершенно забыв, что перед отъездом дом был полностью обесточен и обезвожен.

Мне ничего не оставалось, как потянуться к запечатанной бутылке виски. Жажда тискалами держала мое горло, да и было все равно, как и чем ее утолять. Но виски был тут же выхвачен из моих рук.

— Тебе хватит уже, — невозмутимо произнёс Егор, незаметно подкравшись ко мне со спины.

Я обернулась и, не успев настроить себя на то, что он может оказаться ближе, чем следовало бы, мгновенно встретилась с разноцветными глазами уже вне мрака. Света фонаря с улицы, проникающего через окно на кухне, хватило, чтобы четко разглядеть знакомые черты. Легкие сжались, а сердце...

Мое сердце оказалось самым гнусным предателем. Оно взвилось, как лопасти вертолета. Егор стоял в полуметре от меня, но даже так ощущалось, что от его тела невидимыми потоками шло тепло.

— Не тебе решать, — с трудом ответила я, чувствуя, как в глотке вертится липкий ком.

— Где ты взяла деньги на такое дорогое поило? — блондин вдруг на секунду переключил свое внимание на бутылку, повертев ее в руке.

— Любимая мамочка оплатила.

— В смысле? — изумление застыло на лице Егора.

— В коромысле, — огрызнулась я, но рука сама схватила конверт, лежащий возле еще одной бутылки спиртного, и швырнула его на кухонный стол.

Купюры с тихим шелестом, напоминающее шушуканье, разлетелись по кухне.

— Это моя мать принесла. Хочет помогать финансово, но делать вид, что меня не существует... — проговорила я раньше, чем Егор успел еще о чем-либо спросить. — А хочешь поржать? Она весь разговор ласково наглаживала свой беременный живот.

Шумно сглотнув, он поставил бутылку на стол и сделал шаг ко мне, но я тут же отшатнулась назад, боясь сократить расстояние между нами.

— Кир, — мягко начал Егор, гипнотизируя взглядом, — ты поэтому сюда приехала и скрылась ото всех?

— А мне некуда идти, — на моих губах заиграла горькая усмешка. — И у меня больше никого нет.

— У тебя есть я.

Меня ударили раскаленным молотом, выбив дыхание. Я отвернулась от разноцветных глаз, оперевшись ладонями о столешницу.

— Егор, оставь меня...

— Больше никогда тебя не оставлю.

Не знаю на что он рассчитывал, произнося эти слова: радость, счастье, прощение? Но злость выюнком поползла откуда-то из глубины души, крепко-накрепко оплетая меня изнутри. Стиснув зубы, я потянулась к идеально выставленным еще бабушкой стаканам, сцепив пальцы вокруг одного из них.

— Серьезно? — мои губы растянулись в усмешке, и я медленно развернулась к Егору. — Не оставишь? А где ты пропадал, когда был так нужен мне? А? Я тебя спрашиваю... *Где. Ты. Был.* — Последнее слово разлетелось по дому криком в унисон со звоном осколков от стакана, который легко рассыпался, совершив полет в противоположную стену. — Вали отсюда. Ты мне не нужен больше.

Мои руки сковало дрожью, а дыхание участилось, заставляя грудную клетку вибрировать, равно как и пульс. Егор не сводил с меня взгляда полного отчаяния и боли, но он снова сделал уверенный шаг вперед.

— Я никуда не уйду. А тебе нужно успокоиться сейчас, — его голос казался мне неестественно уравновешенным.

— Успокоиться? Мне? Ты лучше прикажи моим мыслям успокоиться вот здесь, — я постучала дрожащим указательным пальцем по виску. — Они каждый гребаный день грызут мой мозг и чувства, как крысы, не давая забыть мне о том, что если бы не я... — глубокий болезненный вдох, — то бабушка была бы жива, — эти слова вылетели хрипом на выдохе.

Егор отрицательно затряс головой:

— Нельзя так, Кир. Есть вещи, которые не зависят от нас.

— О-о-о, — хохотнула я, ощущая, что от каждого его слова, под каждой секундой его взгляда, во мне подобно цунами нарастает то, что так долго молча душило меня изнутри, — только не начинай тут исповедь у психолога. Если бы я тогда не уехала, если бы была здесь в тот день, то могла хоть чем-то помочь, могла раньше вызвать скорую. Но меня тут не было. Она умерла, думая, что я не люблю ее. Она умирала, пока я выла в подушку о тебе. О тебе, Егор!

Моя ладонь неосознанно схватила еще один стакан, и он яркими стеклянными каплями разлился прямо перед нашими ногами.

— Не подходи, или следующий стакан полетит тебе прямо в голову, — прошипела я, нащупывая рукой на столешнице новую стеклянную жертву.

— Ты можешь всадить меня все ножи, но я отсюда не уйду, — прошептал он, а разноцветные глаза решительно подтверждали эти слова.

— Да что ты заладил одно и то же? Что это теперь изменит? *Ты нужен был мне тогда, а не сейчас,* — мой крик эхом раскатывался по воздуху. — Я ждала тебя, готовая простить все что угодно. Боялась осознать, что я действительно осталась одна. А что сделал ты?

— Я струсил, Кира, — Егор смотрел прямо на меня без тени наигранности.

Это не было оправданием, не звучало, как попытка вызвать к себе сочувствие. Это был его искренний ответ. Ответ, в который он сам действительно верил.

Не выдержав прямого и пронзительного взгляда, я отвернулась, уставившись в окно и не заметив, что щеки уже были пропитаны слезами. Позади меня тихо захрустело стекло по кухонной плитке.

— Не подходи... — Вдох. — Прошу... — Выдох. Поворот.

Я оказалась загнанной в угол. Гнев, злость, отчаяние затягивали все сильнее, и контроль надо мной взяли эмоции. Мои руки одним движением смахнули на пол целую стопку тарелок, аккуратно стоящих на столешнице. Оглушительный звон врезался в тишину дома.

— Убирайся отсюда. — Мой ор можно было услышать и за тысячу верст от нас.

— Никогда.

Бездна боли разноцветных глаз мучила меня сильнее, чем нужно было. Перестав держать себя в руках окончательно, я просто без разбора скидывала на пол все, что плохо лежало и находилось в зоне досягаемости моих рук. Звон разлетающегося стекла, керамики, хрусталя давал возможность глушить подступающие крики к горлу и звук его голоса, который пытался докричаться, умоляя остановится. Я не видела ничего перед собой, я хотела слушать только ноты бьющейся посуды, пока Егор не обхватил меня руками, крепко прижимая к себе.

— Остановись... Я здесь... Я с тобой... Моя... — широкие ладони, бережно обхватили мое лицо.

Прикосновения, ощущение тепла, запаха, дыхания — меня парализовало, остался живым лишь голос.

— Сука! Ты обещал сдохнуть, если потеряешь меня! Это ты во всем виноват! Ты! Ты! Ты! — я изошлась в диком крике, цепляясь за мягкую ткань его рубашки и чувствуя, как начинаю захлебываться от собственных слез.

Дальше я совсем не контролировала происходящее. Помнила лишь свой истошный вопль, взорвавшийся во мне. Вопль, который раскол в щепки, все то, что держало меня на плаву эти месяцы.

И помнила дрожащие теплое дыхание Егора, омут сильных объятий и его тихий убаюкивающий шепот.

Холод, пробравшийся мне под кожу, скрутил изнутри. Проснулась я от собственного клецанья зубов. Первое, что бросилось в едва приоткрытые глаза — знакомый интерьер моей спальни, но, как и когда я сюда попала, вспоминалось с трудом. Да и кто заботливо накрыл меня пледом, тоже не помнила.

Я осторожно приподнялась на кровати, но тут же замерла, заметив на ее крае белобрысую макушку, уложенную на скрещенные руки. Егор спал, скрючившись сидя на полу и скромно уткнувшись головой в угол матраса.

«Если меня колотит до костей, то как же холодно ему...» — мысль неосознанно проскочила в моей ещё не проснувшейся голове. «Да какая к черту разница», — тут же одернула я себя. «Пусть хоть околеет».

Скинув плед, я опустила ноги с кровати, осторожно опираясь голыми ступнями о ледяной пол, одновременно пытаюсь вспомнить, что следовало после того, как я расколошматила полкухни.

Мысль о масштабной уборке заставила меня тихо застонать, а за моей спиной тут же возникло движение.

— Как ты? — едва слышно проговорил Егор.

— Не знаю, — ответила я, сморщившись от звука своего севшего до неузнаваемости голоса. Горло ломало от дерущего ощущения сухости. — Долго я спала?

— Почти двое суток.

Я резко обернулась, уставившись на Егора. Он так же сидел на полу, подперев голову рукой и запустив пятерню в свой пшенично-растрепанный беспорядок. Рубашка в красно-черную крупную клетку была изрядно исполосована мятыми заломами. Осунувшееся лицо пугало своей бледностью, особенно на контрасте с темной щетиной, которая придавала еще более неопрятный вид. А вот глубокие темно-фиолетовые круги под глазами отлично гармонировали с выцветшим, вымученным взглядом. Егор похудел. Сильно. Под гнётом алкоголя и истерики той ночью я и не пыталась заметить, изменился ли он почти за два месяца отсутствия в моей жизни. Но ответ был очевиден — изменился. По крайней мере внешне.

— Двое суток? — я облизала свои губы, покрывшиеся сухой коркой. — Почему не разбудил меня за все это время?

— Просто ты так долго плакала и кричала, что... — прохрипел Егор, немного замявшись при ответе. — В общем, я просто решил, что тебе лучше дать отдохнуть столько, сколько нужно.

Воспоминания своей дикой истерики накатили холодной лавиной, заставив налиться щеки жаром от четко всплывавших в голове картинок, как меня успокаивающе гладят его ладони и как трепетно он касается губами моего лба. Мне захотелось провалиться от стыда, боясь, что Егор начнет напоминать мне об этом, но, похоже, он и не собирался этого делать. Королев продолжал сидеть на полу с невероятно уставшим видом, приглаживая взъерошенные волосы. Пальцы и внутренняя сторона его ладоней была покрыта множеством мелких царапин и ран, что сразу бросилось мне в глаза. Я нахмурилась, но быстро отвела, взгляд в сторону, чтобы не быть замеченной в интересе к его персоне.

— Спасибо, что составил компанию моей истерике, но можешь быть свободен, — как

можно апатичнее озвучила я, поднимаясь на ватные ноги.

— Я не уйду, — опять все тот же ответ. Такой же твердый уверенный, только очень вымотанным голосом.

Я даже не стала вступать в спор. Внутри юлой крутилась такая пустота, что можно было словить звуки эхо.

— Да делай ты, что хочешь... — выдохнула я и просто проскользнула мимо него к двери.

Тело болело, мышцы и суставы тянуло, будто бы их все двое суток выкручивали, как тряпку. В груди дыра, в животе узел, а в голове одно сплошное желе. И как бы ни было хреново, организм за два дня беспробудного сна требовал свое. И первое — хотя бы воды.

Спускаясь на кухню, морально готовилась к тому, что придется одной рукой взять себя за шкуру, а другой — веник и убрать весь стеклянный кавардак. Но я застыла на ее пороге, когда вместо пола, посыпанного осколками, увидела идеально чистое пространство без единого следа моей истерики.

«*Вот откуда на его руках порезы*», — тут же щелкнуло в моей голове.

Осторожно ступая по полу, словно боясь, что эта чистота и безопасность всего лишь обман зрения, я добралась до аккуратно расставленных бутылочек с водой.

— Ну надо же! — я ехидно хмыкнула себе под нос, беря бутылку со стола.

— Тебе, кстати, не мешало бы поесть, — раздался голос за моей спиной, заставив меня вздрогнуть.

— А тебе не мешало бы свалить отсюда, — фыркнула я, ставя воду обратно, но даже не успела озвучить, что есть не хочу и не буду, как стены и пол поменялись местами перед глазами, а под ногами образовалась яма.

Егор успел подхватить меня в прямо в полете.

— Можешь пререкаться и огрызаться со мной сколько угодно, но не заставляй меня связывать тебя и кормить с ложки, — его спокойный голос вернул меня в ощущение пространства и времени.

Усадив за стол, Егор без лишних разговоров развернул передо мной самую настоящую скатерть-самобранку: горячее первое блюдо, ароматные закуски, свежий овощной салат. Сколько ни отнекивайся, но оставшиеся инстинкты самосохранения быстро запинали показательную вредность и упрямство.

Поэтому врученные мне в руки столовые приборы не остались без дела. Я поглощала то, что требовалось восполнить моему организму даже не спрашивая, Егор ли это готовил или нет. Сам предполагаемый повар не стал сидеть у меня над душой. Накрыв на стол, он тут же исчез из кухни, но так же внезапно появился на ней, когда я попыталась убрать со стола.

— Не надо, — его изрезанные пальцы аккуратно, но настойчиво забрали из моих рук тарелку.

На губах застыл немой вопрос, но я невозмутимо пожала плечами и вышла из кухни, так его и не озвучив, как собственно и подкатившее к горлу «*спасибо*».

Забравшись обратно под плед, я прильнула головой к прохладной подушке и закрыла глаза. Проваливаясь в сон, я была уверена, что проснусь уже в этом доме одна. Но ошиблась. Егор не исчез ни в этот вечер, ни на следующий день, ни через два и даже три дня.

— То есть он так и не уехал от тебя? — недовольно бурчала Маша в трубку. — Ну, понятно...

Выписав на свое усмотрение мне отпуск и приказав только есть и спать, она звонила

каждый день, а то и по нескольку раз. Но ее очень не устраивал тот факт, что Королев не оставил меня в покое.

— Что тебе понятно? Его тут никто держит, — пробубнила я, сильнее кутаясь на кровати по самую голову в плед.

— Давай я приеду за тобой? Мне так спокойнее будет.

— Не надо. Лучше сама отдохни от моей депрессии. Тем более ты все время на работе. А тут почти санаторий, — усмехнулась я. — Мне и еду готовят, и посуду моют.

— В смысле? Он типа домработницы? — Машка хохотнула в динамик, но тут же опять вернулась к обеспокоенному тону. — А он к тебе не пристаёт?

— Меня никто не трогает, — прислушавшись к тишине в доме, я нырнула под плед с головой и понизила голос. — Я ничего не делаю. Он действительно тут и повар, и хозяйка.

При этом Егор не навязывал свое присутствие или общение. Словно здесь поселился домовый — я ощущала, что не одна, но практически с ним не сталкивалась. Было такое впечатление, что «домовой» сам старался не попадаться мне на глаза.

Лишь несколько раз у нас все-таки завязался диалог. Инициатором первого была, как ни странно, я. Мысли о Дашке все равно не выходили из моей головы, поэтому не выдержав, поймала Егора с вопросом, когда тот технично нарезал хлеб.

— Как Даша? — спросила я, не став ходить вокруг да около.

Егор, стоя спиной ко мне, на мгновение замер, а под черной футболкой напряглись плечи — то ли от моего вопроса, то ли потому, что вообще не ожидал услышать от меня и слова.

— Хорошо. В школу ходит, а вместо гимнастики теперь у нее плавание.

Хоть я и не видела его лица, но мне показалось, что на словах про плавание его голос тронули теплые нотки.

— Рада за нее, — произнесла я, слегка улыбнувшись, но тут же уголки моих губ опустились, зная, что у меня еще есть вопрос, касающийся его сестры. — А как она... Ну... Как с отцом? — я потупила взгляд в стол.

— Тоже хорошо, — Егор прекрасно понял о чем я. — Они поговорили, он все ей объяснил и, вроде как, Даша не переживает. Но родители все же решили развестись и в силу своего возраста, ее мнение с кем она захочет остаться после развода, учтут. Но пока Дашку об этом никто не спрашивал... А что будет дальше — не знаю, — тарелка с ровными ломтиками хлеба с тихим стуком стала на стол. — Приятного аппетита.

— А ты? — я подняла взгляд на Егора прежде, чем он успел скрыться за дверью.

За все эти несколько дней я всегда оставалась на кухне одна. Нельзя было сказать, что меня сильно это беспокоило, но все же...

Разноцветные глаза по-прежнему были пропитаны усталостью, а щетина на лице стала еще заметнее. Светлая шевелюра небрежно пушилась в разные стороны, помятая футболка и потертые обычные синие джинсы подтверждали мои догадки — Егор за эти дни не покидал пределы этого дома. Но даже такой потрепанный вид не смог скрыть от меня ощущение, что он так и не стал чужим...

Мысленно я отвесила себе подзатыльник за то, о чем нельзя было думать и сразу же устала в тарелку.

— Я не голоден. Спасибо, — отрешенно ответил он и исчез в гостиной, оставив меня в привычном одиночестве.

Вторая наша беседа случилась сама собой еще через день. Из-за того, что не удалось

запустить отопление, по ночам осенняя прохлада нагло проникала через стены дома, окутывая собой все пространство в нем.

В одну из таких ночей, я, завернувшись в плед, спустилась на кухню, рассчитывая согреть себя горячим чаем. Не включая свет, сделала шаг и вписалась в дверном проеме прямо в горячее, обнаженное мужское тело, обернутое влажным полотенцем на бедрах. На секунду, чтобы я не упала, Егор капканом обхватил меня руками, прижав к себе, но тут же отпустил, сообразив двусмысленность своего жеста.

— Ты эксгибиционист? — пробурчала я, отходя подальше и отводя взгляд. Даже этой одной случайной секунды касания моих рук к его голому торсу, ощущения запаха его кожи мне хватило, чтобы мысли в голове поплыли против течения, закружив пространство перед глазами.

— Я просто только из ванной вышел, — как-то виновато пояснил он, словно сам был смущен нашей ночной встречей. — Не думал, что застану тебя тут так поздно.

— Действительно, находясь в моем доме, ты не думал, что встретишь меня... — хмыкнула я, стараясь спрятать за своей ядовитостью не только взгляд в темноте, но и гудящий пульс по венам.

— Ты обычно спишь в это время, — Егор оглядел мой странный внешний вид: намотанный плед поверх одной футболки, который прикрывал голые ноги чуть ниже пятой точки.

— А ты следишь за моим распорядком дня? Просто замерзла и спустилась за чаем, — я потопталась на месте босыми стопами, словно оправдываясь.

— Я просто переживаю... — Егор дернулся вперед, но я тут же отвернулась к нему спиной, чтобы не заставлять свой взгляд прыгать по всей кухне, который то и дело норовил вцепиться в широкие голые плечи, и демонстративно включила чайник.

— О, ну спасибо за заботу! — *«Давай, Кира, только не рассыпайся. Ты можешь и грубее».*

— Мне не нужна благодарность.

— А что тебе нужно? — я вызывающе повысила голос.

— Ничего. Я здесь, потому что люблю тебя. Рубашку мою возьми. Теплее будет, — невозмутимо ответил он.

Его слова, как дротики, пролетели через полумрак и иглами вонзились мне спину. Не сдержав громкий вздох, я обернулась, готовая выдать что-то едкое и обидное, но позади меня уже никого не было. Лишь плотно закрытая дверь гостиной и аккуратно повешенная рубашка на стуле.

Еще несколько дней проходили все в таком же режиме: после завтраков, обедов и ужинов я просто накрывалась пледом на своей кровати и засыпала, не давая себе возможности заниматься самокопанием и размышлениями. А Егор все так же тихой тенью мелькал где-то возле меня.

Но сколько бы я не пыталась усыпить свое сознание, в один момент оно все же выспалось и бодро тормозило меня изнутри. И теперь мне было не спрятаться ни от мыслей, ни от чувств, поэтому уже несколько часов я просто сидела на кровати, уткнувшись холодным носом в ворот рубашки Егора.

В ней и правда оказалось теплее. Особенно по ночам. Но я оправдывала себя тем, что вывезла из дома бабушки все свои вещи и за неимением иного, приспособила его рубашку, как ночную сорочку. Едва ощутимый знакомый аромат назойливо щекотал обоняние,

нагоняя на меня воспоминания, которые плавно кружили перед глазами.

Меня словно затягивало куда-то глубоко в водоворот звуков, голосов, образов, запахов, прикосновений. Звук его голоса, образ разноцветных глаз, теплый древесный аромат его парфюма, жар мягких губ...

Я подскочила с кровати, пытаюсь вырваться из таких ненужных мне воспоминаний. Или нужных? Я и сама не знала...

Надежда, что скитание из угла в угол поможет мне скорее выбиться из сил и снова отдаться Морфею в лапы, ускользала с каждым шагом. Чем дольше я маялась, накручивая метры босиком по холодному полу, тем больше понимала, что скорее отморожу ноги, нежели перестанут думать о том, на кого всю эту неделю старалась даже не поднимать взгляд.

Тянущее чувство в глубине души упорно толкало меня вниз по лестнице. Глухая тишина, зыбкая темнота дома никак не пытались остановить меня, когда почти онемевшие ноги замерли лишь на пороге гостиной с приоткрытой дверью.

Я чувствовала себя ужасно глупо, прислонившись затылком к стене и вслушиваясь сумрак комнаты. Зачем я стояла, обхватив себя руками и дрожа от холода? Или не от холода? От ощущения того, что за стеной находится человек, которого хотелось опутать всеми едкими и ядовитыми словами и смотреть. Смотреть, как они будут душить его, как будут тухнуть разноцветные глаза, и упиваться тем, что я тоже могу обижать и делать больно. Но так не получалось. И без моих острых фраз и замечаний его глаза теперь не излучали ничего кроме тягучей безнадежности и тоски. А самое поганое, что мне почему-то тоже становилось плохо от этого.

Едва удержав себя от шага вперед, я на ватных ногах рванула вверх по лестнице, молясь успеть добраться до подушки, прежде чем оглушу, подступающим всхлипом, ночное спокойствие этого дома.

Я зарыдала от собственной беспомощности. Не смогла. Несмотря ни на что я не смогла его разлюбить, вычеркнуть и присыпать пеплом. Он все еще было где-то глубоко под тонной обид, слез, боли и истерик.

Сдавлив руками подушку, я что есть сил дарила ей глухой вой и пропитывала слезами.

— Кира... — горячий тихий шепот коснулся моих волос, а крепкие руки обвили меня за талию, прижав к теплой мужской груди. — Не плачь... Прошу...

Я замерла, а сердце в груди готово было рвануть в лобовое о ребра. Егор сильнее сжимал мое тело, его дыхание касалось кожи, стекая лавой от затылка к шее, плечам, опускаясь дальше по позвонкам.

— Моя...

Одно слово — меня затрясло на подушках. Я развернулась и, уткнувшись лицом в шею Егора, зарыдала с новой силой. Его руки надежным кольцом держали в объятиях.

— Моя. Родная. Любимая, — дрожащий, надрывной шепот начинал заполнять черные дыры внутри меня. Егор холодными пальцами касался моих мокрых щек, спутавшихся волос, а горячие губы согревали мой лоб и виски. — Я трус, идиот, самый конченный придурок. Не знаю, зачем мне все это надо было... Инстаграм, посты, фото... Такой бред... Я обидел тебя, обманул, предал, бросил, потерял... Мне стыдно, Кира. Если бы ты только знала как...

Не сдерживая слез, я сильнее прижималась к Егору, вцепившись ладонями в широкие плечи. Его сердце колотилось так остервенело, как будто пыталось достучаться до моего.

— Мне плохо без тебя, — он взял мое лицо в свои ладони и приподнял его вверх,

всмаатриваясь в глаза растерянным и виноватым взглядом. — Я сдох. Не физически. Морально. Это невыносимо не видеть тебя, не прикасаться к тебе, не чувствовать. Я... Я люблю тебя, — Егор прижался своим лбом к моему, стирая большими пальцами потоки соленой воды на щеках. — Люблю... — Его горячий шепот начинал колоть мне губы. — Но даже уже не надеюсь... Умоляю не плачь. Я обещаю, что как только ты успокоишься, то исчезну... Из этого дома, из твоей жизни. Я сделаю все что угодно лишь бы ты не плакала...

Егор говорил суетливо, нервно. Мне так много хотелось ему сказать, но нужным оказалось только одно:

— Поцелуй меня, — прошептала я, закрыв глаза.

Секунда полного недоумения, и застывшего дыхания у моего лица. Но в кои-то веки мне не пришлось просить Королева дважды. Глубокий, уверенный поцелуй накрыл мои губы, окончательно давая понять, что я любила, люблю и буду любить. Если разум можно обмануть, то тело нет.

Знакомый привкус мяты, осторожные, мягкие влажные губы, плавные касания его языка к моему — и вся моя пустота внутри перестала существовать. Издав неконтролируемый стон, я вжалась в широкие плечи, желая утонуть в их силе и тепле.

Мужские руки осторожно опустились на мою талию, а его язык настойчиво напоминал мне, как и какие ласки могут дарить эти ладони. Мои мысли и мои действия шли в противовес друг другу: в голове мелькало, что я глупая, безвольная дура, а пальцы уже пробрались под край его футболки, очерчивая твердые, горячие мышцы.

Опускаясь губами к шее, ключицам, Егор умело освобождал пуговицы из петель рубашки, обнажая холодному воздуху мое тело. Я откинулась на спину, выгибаясь и плавясь воском от жара его дыхания на своей коже.

Любимые губы ласкали каждый миллиметр моей груди. Его поцелуи и прикосновения будто бы собирали и склеивали меня по кусочкам. Нежные, но настойчивые пальцы скользнули вниз моего живота, сжав тонкие кружева в ладонях.

Мое тело требовало тело *Егора*. Он это прекрасно чувствовал и понимал. Без лишних вопросов и разговоров вся наша одежда и белье оказалась на полу.

Одного движения, одного низкого стоны в мои губы, хватило, чтобы все те месяцы остались за пределами нашего ритма дыхания....

Нежность и страсть боролись между собой — бешеная схватка языков, переплетение пальцев до их онемения, болезненные поцелуи и медленные, доводящие до исступления движение тел на простыни.

Я запускала пальцы в его волосы, грубо оттягивая их, одновременно покрывая мужскую шею нежными поцелуями и вдыхая тот самый тонкий, дразнящий аромат моря. Егор стонал, вгрызаясь губами и языком в мою кожу, совершая во мне глубокие, медленные толчки. Ногами я крепко обхватывала его бедра, а ладонями скользила по рельефной широкой спине, царапая ее, но не давая отстраниться от себя ни на йоту. Я хотела впитать все тепло его тела, которого мне так не хватало. У меня перехватывало дыхание, а низ живота скручивало в миллиарды тугих, огненных узлов. Приподнявшись надо мной, Егор провел языком от ключиц к груди и нежно выписал узор вокруг соска, на что я прогнулась в ответ, как от двухсот двадцати вольт эйфории.

Наши стоны и шепот ласковых слов сплетались в узор, соединяющий дыхание и стук сердец. Егор приблизился к моим приоткрытым губам, ловя каждый вдох и выдох, когда меня прокалывали рядами миллионы горячих игл. Я закрыла глаза, ныряя в чувство

невесомости, ощущая мощные толчки внутри себя. Глубокий, грудной стон Егора заполнил темноту вокруг нас.

Несколько минут мы просто лежали, стараясь даже не шевелиться. Не разрывая кольца объятий, Егор осторожно переместил меня к себе на плечо и укрыл пледом, сохраняя интимную теплоту наших тел.

— Моя... — он оставлял поцелуй на каждом моем пальчике.

Мне следовало бы кинуть себя на растерзание совести, но все, что я ощущала в этот момент — дыхание Егора, его сердцебиение, голос, запах, поцелуи, обнаженное тепло заполняло и сшивало все мои трещины и пробоины. Угрызение и стыд уже клацали зубами, но пока меня качала колыбель его объятий, я чувствовала себя в безопасности.

— Я думал, что уже никогда не прикоснусь к тебе, — прошептал он, скользя горячей ладонью по изгибу моей спины, оставляя вихрь тепла за собой.

— Ты опять ошибся, — едва заметно улыбнулась я, обведя пальцем контуры его татуировки.

— Это была моя самая лучшая ошибка, — Егор прижал меня к себе так сильно, что губы коснулись его пульсирующей вены на шее.

— Ты уверен?

— А ты?

— Не знаю, — честно призналась я. — Не буду врать — именно сейчас мне спокойно и невероятно хорошо...

— Но... — Мышцы на теле парня тут же напряглись.

— Но боюсь, что это спокойствие лишь пока мы находимся в пределах этой кровати.

Королев вдруг резко потянул меня вверх, приподняв мою голову так, чтобы можно было смотреть мне в глаза. И пускай нас окружала темнота, но даже в ней я без труда видела, как его взгляд тонул в надежде.

— Кир, дай мне шанс. Прошу, — голос хрипло ломался. Егор тщательно пытался скрыть волнение, но дрожь в похолодевших пальцах, убирающих с моего лица пряди волос, выдавали все подчистую.

Щемящее чувство в груди сдавило легкие, а мой глубокий вдох заставил Королеву напрячься еще сильнее. Я прикоснулась к напряженным скулам, провела пальцем по линии его подбородка, царапаясь о щетину, а потом просто прильнула своим носом к колючим щекам.

— Егор, послушай...

— Кир, — он схватил мою ладонь, переплетая наши пальцы, а губы хаотично, но очень бережно касались моего лица, — у нас есть шанс начать все сначала. С чистого листа. Поехали со мной в Питер.

Тут пришлось напрягаться уже мне.

— Питер? — я замерла под градом поцелуев. — Ты о чем?

— Когда мы разошлись, то единственное, что помогло мне не свихнуться — это плавание. Там я встретил своего бывшего тренера. А он открывает частную спортивную школу и предложил мне работу. Я согласился, — пояснил Егор, не переставая ластиться ко мне, крепче сжимая мою ладонь.

— Ты? Тренер? — я изумленно отстранилась от его лица.

— Кир, если что — я мастер спорта по плаванию, — серьезно заявил он. — Да, это будет очень тяжело, но с Дашкой же получилось.

Я ошарашенно молчала. Кто бы мог подумать?

— А учеба? Диплом?

— Я взял академический отпуск. Если все получится, то буду решать проблему по мере ее поступления.

— А твой отец? Он же рассчитывал на тебя? — застыв на его плече, я продолжала сыпать вопросами, словно неосознанно пыталась найти причину, которая могла бы стать препятствием его решению.

— Он не в восторге, но все обошлось без скандалов. Ему сейчас не до этого... — Егор прижал к своей груди наши переплетенные пальцы, а губами прикоснулся в моему лбу.

Мы оба замолчали, все так же грея друг друга близостью обнаженных тел. Я была обескуражена его заявлением про Питер, абсолютно не понимая, как должна реагировать. Несмотря на то, что какое-то время назад позволила себе довериться его горячим рукам и поцелуям, я еще сама не решила, насколько сильным будет мое сожаление об этом. Но и радоваться за Егора и его отъезд — тоже не получалось.

Новость об этом быстро поточила когти о только что начавшее заживать полотно моей души. А уж тем более я не могла просто взять и согласиться на предложение о переезде. Мысли и чувства снова стали спутываться в один клубок.

В полном смятении я отодвинулась от Егора и села на кровать, подтянув свои колени к груди и положив на них голову.

— Кир, только ты и я... — начал он, не выдержав молчания. Егор едва ощутимо заскользил пальцами по моей голой спине.

— Вот именно. Только ты и я, а я еще сама не понимаю, есть ли вообще в этом смысл? Случись что в Питере с этим «ты и я» — мне некуда будет деться. А еще одного такого эмоционального взрыва я не вынесу, — я закрыла глаза и обессиленно затрясла головой.

Мою талию обвили широкие ладони, а сам Егор, приподнявшись, приложился колючей щекой к спине.

— Знаю, что доверие — это время и что прошу о большем, чем могу рассчитывать, но уверен лишь в одном. Я люблю тебя и это уже не изменить. И если мною были растоптаны и уничтожены еще не все твои чувства, то дай им шанс. Если нет, то ты только скажи...

— Егор, как бы я ни любила тебя, но это не значит, что я все забыла и... Боже, — простонала я своим коленкам, — почему все так сложно...

— Я не хочу давать обещаний, а хочу просто брать и делать, — Егор продолжал говорить уверенно. — И если тебе необходимо время, чтобы понять что-то для себя, то я буду ждать столько, сколько потребуется.

— Эти два месяца, как в коматозе, — прошептала я, сглатывая ком в горле. — Нужно хотя бы прийти в себя. В себя настоящую. Я боюсь. Мне просто страшно, что ты еще раз можешь выбить мир у меня из-под ног...

Егор скрестил свои руки впереди меня, крепко охватывая тисками объятий. Уткнувшись носом в затылок, он зарылся лицом в мои волосы с болезненным вздохом, словно я не просто говорила с ним, а кинула в него в связку ножей:

— Кира, у меня больше нет права на ошибку. И я это знаю...

— Капучино без сахара и что-нибудь из детского меню, пожалуйста, — милостивая молодая блондинка вежливо улыбнулась, но тут же испуганно потянулась через стол, строго нахмутив брови и забирая у светловолосого мальчугана лет четырех солонку. — Сынок, поставь.

— Хорошо. Сейчас будет кофе, а ребёнку придётся немного подождать, — вежливо ответила я, с опаской наблюдая, как мальчишка тянется к сахарнице.

Я уже собиралась «откланяться» за заказанным кофе, как по залу разлетелась звонкая мелодия разбитого стекла в дуэте с возгласом молодой мамочки.

— Егор! Да что ж это такое! Ну, что за ребёнок!

Возле моих ног, раскрывшимся стеклянным бутонем, лежала разбитая сахарница, усыпанная сладкими кристаллами. Я резко вздрогнула, чувствуя, как внутри тетивой натягивается душа. И совсем не из-за разбитой посуды.

— Бога ради, извините! — блондинка подскочила, испуганно хлопая глазами. — Я все оплачу, все уберу, — запричитала она.

— Всё нормально, — сдержанно улыбнулась я, отступая назад от осколков. — Не переживайте.

Но мамочка и не думала успокаиваться.

— Мне ужасно неловко. Простите! — она повернулась к мальчишке и строго заявила. — Быстро извинись перед тётёй, Егор!

«Боже, неужели нет других имён».

Мальчик насупил брови, но тихо буркнул, смотря на меня исподлобья:

— Пластите.

— Ничего. Бывает. Скажу, чтобы убрали возле вас, — сглотнув ком, я поспешила прочь от столика.

Пусть лучше девушка думает, что я терпеть не могу детей, чем слышать...

— Егор! Его-о-р, не трогай! — по полупустому залу опять прокатился женский возглас. Зажмурившись, я направилась к барной стойке за кофе, мечтая, чтобы эта парочка поскорее ушла отсюда. И дело было совсем не в маме с сыном. Дело было во мне.

Прошла почти неделя с того момента, как Егор привёз меня обратно к Машке. Я попросила его об этом в то же утро, после проведённой с ним ночи, так и не дав никакого ответа по одной простой причине — у меня его не было.

Скрывать от самой себя, что чувства по-прежнему крепко держались корнями за моё нутро уже не имело смысла. Но я честно призналась и себе, и ему — страх к доверию. Именно по этой причине мне была необходима тишина внутри себя.

В отличие от моей психики, моя любовь к Егору была настолько крепка и монолитна, что сломай ещё одну опору под ней — и меня придавит окончательно.

Я не стала давать никаких обещаний и брать эти обещания сама. Попросила об одном — оставить все как есть.

Мы молча ехали рано утром по мокрой трассе, которая искрилась блеском в первых лучах проснувшегося солнца. Егор не задавал вопросов, лишь застывший взгляд говорил о том, что в отличие от меня, мыслями он был где-то за пределами пространства автомобиля. А я просто сидела в машине, подтянув колени к подбородку, и ни о чем не думала.

— Обещаю, что не стану напоминать о себе, — это все, что произнёс он, прежде чем я хлопнула дверью машины.

В ответ я выдавила из себя что-то похожее на благодарную улыбку. Зайдя в подъезд, осмелилась поднять глаза на его авто, все еще стоящее под домом — Егор сидел прислонившись лбом к рулю, обхватив ладонями голову.

На всякий случай я сменила свою сим-карту. И это даже не из-за него, это нужно было для собственного спокойствия. Когда звонил телефон, я точно знала, что это будет не он, а значит минус один повод для лишних раздумий. Жаль, что душа не сим-карта...

Я хотела вакуумной тишины в мыслях, но, как назло, в последние несколько дней вокруг меня все было слишком громко.

Два дня назад на улице мне настойчиво всунули в руку флаер с выгодным абонементом в бассейн. Этим же вечером посетитель забыл на столе ключи от машины. Я выбежала на улицу, чтобы вернуть мужчине его пропажу, а возвращалась в ресторан уже на ватных ногах — ключи оказались от точной копии машины Егора.

Да, все это, скорее всего, были надуманные мелочи, но слишком назойливые. И даже дома болтая с кем-то по телефону на кухне, Маша умудрилась произнести: *«Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и жалеть»*.

Мне захотелось подойти и задать ей вопрос напрямую: *«Это ты мне? Если да, то что я должна делать — то в конце концов?»*. Но лишь плотнее прикрыла дверь в свою комнату.

Нужно было постепенно погружаться в нормальную жизнь, окружая себя такими банальными вещами, как поход по магазинам, разговоры ни о чем за чашкой чая с Машей или девочками по работе. А выходило ровно наоборот. Чем больше я хотела абстрагироваться от всего, что связано с Егором, тем больше вокруг меня мелькало подобных намёков.

И теперь вот этот светловолосый мальчуган...

— Почему именно Егор? — прошептала я себе под нос.

— Ты что-то сказала? Я не расслышал, — бариста осторожно поставил передо мной капучино с пылу с жару.

— Ничего. Это сама с собой... — я отмахнулась и, заметив проходящую мимо меня соседку по смене, схватила её за рукав черной футболки, попросив обслужить тот столик вместо меня.

Быстро вручив ей поднос с кофе, я решила ретироваться в Машин кабинет хотя бы до того, как ресторан покинет блондинка с сыном, а заодно устроить себе обед пораньше. Помещение пустовало, так как моя начальница находилась на законном отдыхе. Наполнив кружку и пространство кабинета ароматом лемонграсса, я плюхнулась на мягкий маленький диванчик. Но не успела сделать и пары глотков зелёного чая, как за дверью кто-то заговорил на повышенных тонах.

«Сиди», — приказала я себе. — *«Ты ни за что неответственная, тебя ничего не касается»*.

Но голос в коридоре становился все громче. Я честно сидела, пытаясь не упускать свой «дзен», но когда стало отчётливо слышаться нецензурная брань, то пришлось осторожно высунуться из-за двери.

Наш шеф-повар Макс мерил шагами пол в коридоре с телефоном возле уха, живо жестикулируя руками и матом. Я захлопала ресницами, когда он с энтузиазмом послал своего собеседника на далёкий континент из трех букв.

— Маша где? Почему она трубку не берет? — тут же накинулся на меня Максим, заметив появление моего любопытного носа из-за двери.

— Маша на выходном. Откуда я знаю, почему? — медленно ответила я, сдвинул брови у переносицы. — А в чем дело?

— У нас проблемы с поставкой, — нетерпеливо пояснил он. — Я отдавал Марии огромный список на заказ продуктов. В итоге поставщик приехал, а там все не то!

— В смысле «все»?

— В прямом, — мужчина чуть ли не взревел, рассержено сверкая глазами. — Сама походи посмотри, — Макс стукнул кулаком по двери ведущей на улицу, распахивая её настежь.

Перед чёрным входом в ресторан была припаркована небольшая газель, возле которой стояли выгруженные коробки. Ничего не понимая, я сделала пару шагов вперёд и оперевшись руками о дверной косяк, выглянула на улицу, осматривая ящики и их содержимое.

— Что это за овощной пикет, мать вашу?! — Максим замахал руками, а его поварской колпак сильнее покосился набок. — Да у нас завтра половина меню в стоп-листе окажется! Это вообще...

Но я уже его не слушала, а лишь глупо улыбалась, приткнувшись лбом в дверной проем.

— Так не бывает... — прошептала я, качая головой, как болванчик. — Да вы издеваетесь. *Ты же обещал не напоминать о себе...* — из груди вырвался стон, обращенный в сердце самой вселенной.

Моё тихое хихиканье стало набирать обороты, переходя в откровенный смех.

— Але, болезная! — наш повар подозрительно покосился на меня. — Что ты здесь видишь смешного?

— Я? Я вижу кабачки! *Ка-ба-чки!* — моя рука описала полукруг, указывая как минимум на пять выгруженных ящиков с зелёными овощами, сложенных ровненькими слоями.

Собственно и в моей голове все быстро сложилось под линейку. Я ведь изначально знала чего хочу, но зачем-то пыталась себя переубедить.

— Да это и без тебя понятно! Делать-то что?

— Либо тушить, либо жарить, — мои ладони уже развязывали на передник. — Не знаю, что будешь делать ты, но знаю, что теперь делать мне... — скомкав фартук, я кинула его в руки нашему повару. — А, их ещё запечь можно!

Я вылетела из ресторана, опережая скорость звука, на ходу и натягивая пальто и набирая знакомый номер, цифры которого стали своеобразным шрамом в подсознании. Но абонент оказался не абонент. Раз. Два. Три. Десять. Пятнадцать.

— Чёрт! Черт! Черт! — взвыла я и чуть было не отправила свой телефон целовать тротуарную плитку. — Не подводи меня, прошу! Только не сейчас... Ты должен мне ответить!

«...*please call back later...*»

— Да иди в задницу со своим «лэйтэ»! Та-а-к, попробуем по-другому... — я стала набирать номер Маши, перебегая дорогу на красный свет под возмущенные сигналы машин.

Но в этот раз меня одарили лишь длинными гудками без ответа. Я в хаотичном порядке набирала то один, то другой номер, пока двери лифта не изолировали меня от сотового сигнала.

«*Дома или нет? Может, спит?*» — провернув ключ в замке, я даже не успела

прислушаться к тишине, встречающей из глубины квартиры, как знакомый мужской голос ввёл меня в ступор прямо на пороге.

— Машуля-кисуля, я тут поду... — дверь ванной распахнулась, без цензуры демонстрируя мне совершенно голое тело, руки и грудь которого светились тёмными татуированными узорами.

Несколько секунд я и Гера просто таращились друг на друга. Не знаю, кто меньше всего ожидал этой встречи, но охренели мы оба точно. Молча поморгав несколько раз, Гера с невозмутимым лицом захлопнул дверь ванной перед собой. А я так и осталась стоять посреди коридора с челюстью у пола и пылающим лицом.

— Гер, ты что-то сказал? Я не расслыша... — из Машкиной комнаты выскочило взерошенное чудо с горящими глазами, замотанное в простыню. — Привет, Кир... А ты чего не на работе? — подруга шумно сглотнула, а её щеки пропитались алым тоном.

— Привет. Да вот... Я тут...

Ещё несколько секунд недоумения и безмолвных взоров, пока дверь ванной осторожно не приоткрылась. Я ошарашенно наблюдала, как Машка переглядывается с Герой, спрятавшимся за дверное полотно.

— Да выходи уже, — я закрыла глаза.

По коридору разошлись шорохи, шушуканье и бурчание.

— Ну, это... Чего ты на пороге стоишь? — натянуто произнесла Маша.

Я с опаской приоткрыла один глаз, удостоверившись, что мы вдвоём. Разувшись, тут же маякнула подруге взглядом в направлении кухни.

— Гера? Серьёзно? Только не говори мне, что все не так поняла, — вполголоса начала я, тараня Машу взглядом, оперевшись спиной на холодильник и сунув руки в карманы пальто.

На какое-то мгновение я даже забыла, зачем со всех ног бежала домой. Машка вздохнула и плюхнулась на стул, поправляя края простыни на себе.

— Все ты правильно поняла, — она уронила взгляд на пол, кусая губы.

— Как и когда? И почему ты мне ничего не сказала? — я не старалась скрыть, что меня задели эти тайны Мадридского двора.

— Все закрутилось в ту же ночь, когда мы приехали к тебе в дом, — подруга запнулась и сделала глубокий вдох, продолжая сверлить глазами напольную плитку. — Понимаю, что все слишком быстро, но... — она пригладила ладонью торчащее облако русых волос и подняла на меня извиняющийся взгляд. — А не сказала сразу, потому что он друг Егора. Мне не хотелось лишней раз тебя дёргать хоть какими-то намёками или воспоминаниями. Прости... Жутко неловко, что все так вышло. Мы просто тебя не ждали... Позвонила бы...

Моя мимолетная обида спрятала свои коготки под натиском растерянных карих глаз и виновато хлопающих ресниц.

— Маш, я звонила. Ты, кстати, связалась бы с рестораном, там твой «Гордон Рамзи» на измене, — усмехнулась я, вспомнив зачем спешила домой. — И поверь, твои отсылки к Егору лишь пополнили бы мою коллекцию себе подобных. Я поэтому и здесь. И то что Гера тут — это лишь ещё один плюс.

— Да я звонила на работу. У нас зеркальный адрес с рестораном вегетарианской кухни, к нам привезли их заказ. Не первый раз уже, — Машка равнодушно отмахнулась, но тут же нахмурилась. — А при чем тут Гера?

— Я еду в Питер.

— Что-о? — пятая точка моей собеседницы подпрыгнула на стуле. — Как?

— Вот так, — вздохнула я, упираясь затылком в гудящую стенку холодильника. — Маш, называй меня глупой дурой, но я его люблю. Люблю и все тут...

— Кир, но он же...

— И он её тоже любит, — на пороге кухни возник Гера, уже натянувший на себя джинсы и футболку. Облокотившись о дверь, он встретился с возмущённым взглядом Марии и спокойно пожал плечами. — Не смотри на меня так. Да, Егор знатно накасячил, но ты бы видела, что с ним творилось все это время. Он сам себя уже давно наказал, сгноил и сгрыз в чувстве вины. Его поменяло наизнанку. Королев не бухал все это время знаешь почему? — Парень взял театральную паузу, пока мы с Машей вопросительно переглядывались. — Потому что не собирался прятать свой стыд и отвращение к самому себе за алкоголем. Егор все это переживал молча на трезвую голову.

В моем подсознании тут же всплыли измученные черты лица и неживые разноцветные глаза.

— Надо же! — цокнула Маша. — Не пил. Честь и хвала ему. Пусть вот ещё помучается, может, больше поумнеет.

— А для чего, Машуль? — очень нежно обратился Гера к моей подруге. — Он будет мучиться, она тоже. И в итоге два потрепанных сердца на разных концах страны. Ты посмотри на них — после встречи с Дементором люди и то симпатичнее выглядят.

— В любом случае только Кире решать — лететь за ним или нет! — утвердительно фыркнула она.

— Знать бы куда... — я растерянно посмотрела на Геру. — Даже не могу до него дозвониться. Абонент недоступен. Понятия не имею, как его найти.

— А ты и не дозвонишься, — хмыкнул он, доставая телефон из кармана. — У нас на все про все час.

— Почему? — внутри меня завертелось беспокойство, а по спине, которая уже нагрелась под верхней одеждой, заскользили ледяные мурашки.

— Потому что у него самолёт через четыре часа, — не отрывая взгляда от мобильного, Гера сосредоточено стал отбивать большим пальцем неритмичный стук по экрану, начиная что-то искать. — Королев ещё вчера просил не трогать его, чтобы не сорваться и не кинуться к тебе, пытаясь уговорить ехать с ним. Кир, — он вдруг отвлёкся от телефона, пронзительно посмотрев на меня в упор, — Егор искренне уверен, что ты никогда к нему не вернёшься.

***

Машина Геры издала визг тормозов, облегчённо вздохнув мотором возле аэропорта с огромными металлическими конструкциями на фасаде, придававшие зданию вид затаившегося паука.

Я наконец перестала гипнотизировать тонированные стекла в автомобиле и перевела взгляд на Машу, сидящую на пассажирском сидении. Всю дорогу до аэропорта Гера держал мою подругу за руку, переплетая её пальцы со своими и иногда отвлекаясь от дороги, чтобы трепетно прикоснуться к ним поцелуем. А Машка светилась, как рентгеновский аппарат, заставляя поглощать зиверты* своих эндорфинов, а меня затрясло ещё сильнее.

— Так, — серьёзно начал Гера, переключая внимание на меня, — до вылета чуть

больше получаса, но у тебя билет с онлайн регистрацией, поэтому все, что тебе остаётся — бежать к гейту со всех ног. Сумка у тебя небольшая, сойдёт за ручную кладь и...

Но мои нервы устроили настоящее землетрясение после слова «регистрация» — руки дрожали, по венам волнами бил адреналин, а сердце подпрыгивало к горлу.

— А он точно будет там? — тихо спросила я, сжимая свою крошечную сумку.

— Егор летит этим же рейсом, — Гера утвердительно кивнул. — Пересечетесь сто процентов. Готова?

Вместо ответа я лишь перевела дыхание и потянулась к ручке двери.

— Эй, а обнять меня? — вдруг запищала Машка, а её глаза часто заморгали, стараясь не выпускать слез.

В моей груди защемило, но Гера не дал мне возможности даже приобнять подругу через сидение, настойчиво подтолкнув меня в плечо со своего водительского места.

— Какие обнимашки, девочки! Бегом на рейс, Кира!

— Нет, Кир, если вдруг что, если Егор... — начала Маша, завертевшись на кресле, пытаясь отстегнуть ремень безопасности, чтобы повернуться ко мне.

— Да, бя... — пробубнил Гера, закатывая глаза и закрывая рот подруге поцелуем. Его ладонь махнула мне жестом «на выход».

От вида этой парочки меня ударила такая доза эмоций, что я вылетела из машины, даже забыв поблагодарить этих двоих за то, что оказались рядом со мной в нужное время, в нужном месте.

Я летала на самолёте один-единственный раз в жизни лет пять назад, но каким-то образом мой мозг на адреналине чётко контролировал все мои действия. Очутившись внутри стеклянного «паука», я, как торнадо, рассекала его огромное пространство. Проверка документов, предполетный досмотр в одновременно с ежесекундным поиском глазами знакомого широкоплечего силуэта. До окончания посадки оставалось десять минут. Я проскочила зал ожидания, вычеркнув возможность встретиться с ним там. Отыскав нужный гейт, я бежала по телескопическому трапу одна, буквально последней влетев на борт самолёта.

Милая стюардесса с ослепительной улыбкой, заглянув в мой посадочный талон, указала, в какой стороне салона находится нужное место. Я протиснулась по узкому проходу вперёд, выискивая взглядом того, от кого сердце точно совершит кульбит. Самолёт был заполнен больше, чем наполовину, и взгляд терялся среди такого количества незнакомых глаз и лиц.

Но мне не нужны были чужие глаза, я искала одни единственные — разноцветные.

Гул голосов и мельтешащие люди по проходу, сбивали меня с поисков. Убрав ручную кладь наверх, я стояла возле своего места где-то в середине салона и вертела головой по сторонам, как маяк.

— Ну где же ты... — шептала я себе под нос, сжимая спинку сидения.

— Девушка, у вас все в порядке? — та самая милая стюардесса похлопала меня по плечу. — Сейчас самолёт будет выруливать на взлёт. Вам необходимо занять свое место и внимательно прослушать инструктаж по технике безопасности, — вежливо зашебетала она.

— Извините, мне очень надо... — затараторила я, но тесное пространство салона наполнил мужской бас, оповещающий о том, что нас приветствует «командир корабля». Стюардесса, продолжая, скалиться во все тридцать два, настойчиво усадила меня на мое место у прохода рядом с добродушной на вид пожилой парой.

Глубоко вздохнув и протолкнув куда-то вниз живота волнительную дрожь, я

немеющими пальцами застегнула ремень безопасности.

«А что если его нет здесь? Или Гера ошибся?» — я продолжала сканировать уже сидящих пассажиров, ведя монолог с самой собой. «Или Егор передумал... Или...» — но внутренний голос заткнулся, когда мои глаза выхватили на соседнем ряду знакомый жест ладони, которая взъерошила пшеничного цвета волосы на макушке.

Меня затрясло, словно я собрала в своем теле все электрические импульсы всего света. Если бы не ремень, крепко держащий меня на месте, и медленно выкруливающий на взлетную полосу самолёт, то я бы рванула вперёд по салону в ту же секунду.

— Не волнуйся ты так, детка, — чья-то тёплая рука дотронулась до моей коленки. Я вздрогнула, с трудом отмагничивая взгляд от торчащих светлых волос из-за края сидения. Пожилая соседка ласково улыбалась мне. — Всё будет хорошо. Если ты приняла решение, то уже нет смысла нервничать и искать пути отступления. Попробуй довериться...

— Что, простите? — изумленно переспросила я.

— Я говорю, если ты решила лететь самолётом и села в него, то незачем уже нервничать. Просто доверься пилотам и получай удовольствие, — женщина подмигнула мне и, потеряв ко мне интерес, отвернулась обратно к своему спутнику.

— Спасибо, — но мой лепет утонул в гуле набирающих сил двигателей, а тело тут же припечатало к мягкому креслу.

Я вцепилась пальцами в подлокотники, а взглядом в светлую макушку на десять рядов дальше и глубоко дышала, начиная считать секунды.

Эти *одна тысяча пятьсот тринадцать* секунд были самыми долгими в моей жизни, прежде чем загорелось табло, разрешающее отстегнуть ремни.

Было невыносимо находиться не рядом с ним. Люди, звуки, движение вокруг перестали существовать. Я слышала лишь стук собственного сердца и шум своего дыхания.

Одна тысяча шестьсот пять и чертов триллион остальных секунд, проведённых без него за все эти месяцы и недели. И десять шагов по узкому проходу самолёта.

Егор сидел, воткнув в уши наушники, прислонившись лбом к иллюминатору. Его глаза были закрыты, руки скрещены и плотно прижаты к спокойно вздымающейся груди в серой футболке. Волосы все так же небрежно торчали в беспорядке, похудевшее лицо было покрыто уже не щетиной, а прилично отросшей тёмной бородой. Я осторожно убрала со свободного кресла его неаккуратно брошенную ветровку и присела рядом.

У меня больше не было сил сопротивляться. *С любовью, как оказалось, не спорят.* Я просто прильнула носом к его теплой шее, накрыв своей ладонью его сжатые пальцы.

Наверное, удар тока ощущался бы меньше, чем-то, как пробрало волной дрожи тело блондина.

— Я понял... — вдруг прохрипел он. — Произошла резкая разгерметизация самолёта, я умер, но почему-то попал в рай...

— Нет, — прошептала я, едва касаясь губами его кожи и прижимаясь к родному теплу, вот-вот готовая разрыдаться

— Если сейчас открою глаза, и все это окажется сном или глюком, то меня не откачает ни один дефибриллятор.

— Если ты сейчас меня не обнимешь, то будешь жалеть, что это не глюк твоего воображения.

Я растворилась в горячих, сильных руках, дыша полной грудью и только в этот момент отпустила все, что ещё хоть как-то тянуло к неприятным воспоминаниям и чувствам.

— Как? И почему? — широкие ладони обхватили моё лицо, очерчивая пальцами скулы, губы, а во взгляде разноцветных глаз таились замешательство и волнение.

Смахнув с его лба непослушные пряди, я прильнула кончиком своего носа к его носу, а мои руки легли на широкие плечи.

— Гера купил билет, а Машка помогла быстро собрать самое необходимое — это краткий ответ на первый вопрос. А на второй... — я приблизилась к его губам. — Я здесь, потому что люблю тебя.

Егор втянул с тихим стоном воздух, жадно впиваясь в меня непривычно колючим поцелуем.

— Прости меня... Прости, — шептал он, между секундными перерывами жарких встреч наших губ.

Мы не могли надыхаться друг другом. На нас уже косо поглядывали пассажиры с другого ряда, видимо, боясь, что с нашим ритмом дыхания закончится воздух на борту. Но нам было все равно. Я слишком долго не дышала свободно.

— Ты даже представить не можешь, что сейчас твориться у меня внутри. Чего стоило мне отпустить тебя тогда в машине, — Егор продолжал сладко мучить мои губы до их покалывания, пока я зарывала свои ладони в его волосы.

— Этот шанс дается, но даже не тебе, а в первую очередь мне. Шанс быть счастливой и любимой, а счастливой и любимой я хочу быть рядом с тобой.

В глубине потухших глаз красным узором взвилась надежда. Егор подтянул меня ещё ближе, разместив мою голову у себя на груди, и уложив свой подбородок мне на макушку, а руки прочным кольцом дарили чувство безопасности. Я свернулась клубочком в мужских объятиях и со всей силы прижалась к родному телу, вбирая в себя каждый его вдох-выдох и размеренный стук сердца.

Мы больше ни о чем не разговаривали и не спрашивали друг друга. Хотелось просто быть вместе выше облаков и начать отсюда с чистого листа.

Уже на подлете к Питеру, Егор вдруг тихо рассмеялся, зарываясь носом мне в волосы.

— Ты чего? — я запрокинула голову чуть назад, чтобы видеть лицо блондина, и удивлённо приподняла брови.

Он перебрал в своей огромной ладони мои пальчики и, не переставая улыбаться, встретился с моим недоуменным взглядом.

— У меня остался ещё один секрет от тебя, — разноцветные глаза лукаво заиграли.

— В смысле? — я была готова выскочить из горячих пуг его объятий, но подзабыла сколько силы хранят эти руки. — Мне что? Сейчас придется просить развернуть самолет?

Егор коварно усмехнулся и склонился к моим губам, слегка прикусывая их в поцелуе. По моему телу разошёлся знакомый тайфун тёплых спазмов.

— Помнишь наш поход по побережью? И нудистский пляж...

— И-и-и... — я невольно содрогнулась от воспоминаний, но уже с улыбкой на лице.

— Там есть и другая дорога...

— Королев, ну ты и... — шикнула я и попыталась стукнуть его по плечу.

Но Егор лишь крепче сгреб меня в охапку. Полностью обездвижив, он беспорядочно касался моих щёк тёплыми губами, тихо шепча:

— *Люблю.*

---

* **Зиверт** — единица измерения доз ионизирующего излучения, используется в

радиационной безопасности.

— Один! Два! Три... — По огромному залу, наполненному светом и воздухом на разноголосье гремели возгласы нарядной толпы.

Всё вокруг тонуло в лиловых оттенках. Цветы были повсюду: раннеры на столиках, в декоре стен и дверных арок. Даже с потолка нежными нитями свисали цветочные гирлянды из пионовидных роз. Пятьдесят оттенков лилового правили балом, захватывая каждый сантиметр пространства — идеальный ад для аллергиков.

Посреди цветочного богатства двое льнули друг к другу губами, утопая в бездонном ощущении любви под голоса родственников и друзей. Соблазнительные формы девушки подчёркивал узкий облегающий верх платья, который создавал гармонию с плавно расширяющимся к полу подолом. Нежные локоны были намеренно небрежно собраны на затылке, придавая образу невесты изящную игривость, едва касаясь обнажённой линии плеч.

Парень, в чьих объятиях она рассыпалась от желания и безмерного ощущения счастья, бережно наслаждался теплотой губ своей жены. Его ладони придерживали её за талию, вызываясь скользить к низу спины. Тёмные рисунки на запястьях, оголенные подкатанными рукавами рубашки, контрастном играли с платьем девушки цвета айвори.

Гости на шикарном торжестве у берега моря с пьяным восхищением давали счёт поцелуям новоиспеченных супругов, но среди этой толпы на все оттенки лилового был тот, кто скромно молчал. Он лишь непритворно улыбался, смотря на своего лучшего друга и его жену, усмехаясь про себя этой странной традиции наколдовывать количество детей подобным способом.

В строгой белоснежной рубашке, нагло обхватывающей его мощные плечи и торс, ему было ужасно некомфортно и душно. А зауженные, отлично сидящие темно-серые брюки раздражали ещё больше. Другое дело привычная и удобная форма: футболка и спортивный костюм, а не этот деловой, лощеный скафандр.

Отпив глоток игристого вина, он поймал себя на мысли, что даже несмотря на весь этот пафос пьяных гостей, экстраординарного ведущего свадьбы, неудобный костюм, Егор был бы готов вытерпеть все это, только ради того, чтобы видеть изящную фигурку Киры в белом платье с километрами фаты в её локонах. *Только жизнь решила по-другому...*

Несколько молоденьких девушек за соседним столиком то и дело кидали свои флюиды в сторону блондина. Егора откровенно не интересовали их взгляды с намёком, а скорее вызвали недопонимание, ведь кольцо на его правой руке прятаться не собиралось.

Зато это очень нравилось деду жениха, которого посадили рядом с Егором. Лет семьдесят ему стукнуло ещё где-то в средневековье, что собственно никак не смущало бодрого старичка. Он радостно расплывался в улыбке от случайно перепавших ему с широкого плеча Королева неоднозначных женских взглядов.

Сделав ещё пару глотков ледяного шампанского, блондин решил, что пора освежить голову морским воздухом. Шипящий шёпот волн, которые прятали в себе теплоту солнца перед закатом, приятно разгружал мысли. Подперев спиной колонну деревянной беседки у самого берега, Егор уставился в телефон, сосредоточенно что-то перелистывая пальцем на экране.

— Опять инстаграмишь? — усмехнулся голос за спиной.

Королёв закатил глаза и повернул голову в сторону говорящего.

— Да на хер надо. Одного раза хватило, чтобы отбило желание... А ты чего здесь? Жена сейчас как обнаружит пропажу — берегись, — он иронично нахмурил брови.

— Ой, — с улыбкой поморщился Гера, подходя ближе к другу, — и это мне говорит человек, которого почти на два года в подпольную ушёл. Я, кстати, думал, ты не приедешь все-таки...

— У меня были уважительные причины, — разноцветные глаза загадочно прищурились. — Но свадьбу лучшего друга я пропустить не мог, — лицо Егора стало серьёзным. — Маша не сильно обиделась, что я один прилетел?

— Она не обиделась, но поплакать успела, — Гера пристроился с другой стороны колонны, доставая из кармана светло-серых брюк пачку сигарет. — Компанию составишь?

— Я как бы пытаюсь бросить... — блондин недоверчиво покосился на друга, но все равно вытащил одну.

Через пару секунд запах солёных волн, бьющихся о берег, свился с горьким запахом никотина.

— Я вот о чем подумал... — Гера вдруг расплылся улыбке, смахивая пепел в море. — Не повезло твоей *Нике*.

Егор поперхнулся дымом, поворачиваясь к другу.

— В смысле? — произнёс он, откашливаясь и хлопая глазами.

— Ты сам вслушайся: *Е-го-ров-на*, — Гера взмахнул рукой, в которой дымилась сигарета, оставляя за собой серый след, будто бы он прописал в воздухе произнесенное слово. — Звучит так себе...

— Серьёзно? — Егор со смехом округлил глаза. — У кого-то дети вообще Герасимовичи будут!

— Ну, это ещё не скоро... — уверенно протянул Гера, устремив взгляд на горизонт.

— Ага, — с сарказмом хмыкнул Королев, делая глубокую затяжку до покалывания в горле, — я тоже так думал.

Оба замолчали на какое-то мгновение, сжигая свои дозы никотина.

— Ты надолго? — поинтересовался Гера, сминая окурки о пепельницу на полу беседки.

— Ночью самолёт обратно.

— Уже? Я думал ты хоть на день останешься. Завтра у нас банкет на яхте.

— Герыч, — Королев с небольшим укором взглянул на друга, — ты же знаешь, меня ждут. На провокации не поддамся.

— Егор, а ты вообще счастлив? — вдруг спросил Гера, выпуская остатки дыма из лёгких, и серьёзно заглянул Королеву в глаза.

Тот замер и взъерошил своей ладонью аккуратно уложенные волосы, опустив её по затылку вниз к шее. Пальцы нащупали вторую сверху пуговицу на рубашке, освобождая из петли.

«... Почти два года назад прилетев в Санкт-Петербург, Егор ещё не мог поверить, что Кира рядом. В первую совместную ночь он подорвался с крутящимся сердцем, в панике протягивая руку на кровати. Пусто. Холод забрался под кожу, а дикое сердцебиение выбивало воздух из лёгких. Неужели это все ему приснилось? Он подтянул колени к груди и, опираясь локтями на них, запустил ладони в свои волосы, чувствуя, что начинает задыхаться.

— Егор, ты чего? — обеспокоенный полушепот в темноте на пороге их спальни остановил бешеный стук в груди.

— Кир...

Полусонная девушка плюхнулась на кровать, придвигаясь ближе.

— Водички ходила попить... Давай спать, я так устала, — она зевнула и, обвив своими пальчиками крепкое мужское предплечье, потянула Егора к себе.

Он с дикой силой обвил тело Киры в своих руках, унимая колотившийся пульс. Не приснилось. Она рядом. Она с ним.

— Моя, — зашептал он, касаясь губами её лба.

— Да твоя — твоя, — пробубнила Кира, удобнее укладываясь на его плече. — Только ты меня сейчас раздавишь, — она слегка отодвинулась, ослабляя его мощную хватку, но обвила ножской мужское бедро.

Через пару минут девушка провалилась в сон, а Егор практически не спал. Он просто лежал возле тихо сопящей Киры, боясь отвести взгляд от прядей светлых волос на подушке, от острого угла исхудавших плеч, от выступающей линии рёбер, резко переходящей в изгиб талии. Такая хрупкая, беззащитная. Егор зарывался лицом в её локоны, вдыхая тонкий аромат лаванды. Она пахла счастьем. Его счастьем, которого он, наверное, не заслужил.

Потихоньку выстраивалась их совместная жизнь. Егор вникал во все тонкости тренерской должности, а Кира просматривала варианты работы для себя. Днём идиллия и спокойствие, ночью — страсть и горячие стоны, растворяющиеся на простынях.

Но реальность внесла свои коррективы в наивные планы двух влюбленных. Через несколько недель после переезда он снова проснулся от ощущения пустоты рядом. Опять наступило это каменное чувство в лёгких, но донесшийся всхлип из глубины квартиры заставил похолодеть кончики пальцев. Егор, подорвавшись с кровати, ринулся к источнику звука.

Кира сидела ванной в своей тоненькой шелковой пижаме на холодной плитке, прижав к себе ноги, и тихо плакала. Совершенно не понимая, что происходит, он опустился на колени перед девушкой, буквально заставляя поднять на него взгляд.

— Быстро говори, что случилось?

Она всхлинула, продолжая прятать свои покрасневшие глаза от его разноцветных глаз, но молча раскрыла сжатый кулак перед самым лицом Королева.

Егор сделал шипящий вдох, смотря на первый рисунок чистого листа их новой жизни — на две полоски. Кто же мог знать, что уже тогда в самолете у Киры был один билет на двоих...

— И как нам быть? — голос девушки дрожал, как и она сама, смотря по-детски напуганным взглядом.

— Глупый вопрос, Кир, — в его голове мысли сплетались в один запутанный клубок, но, не выдавая градуса замешательства, он присел рядом с ней на пол и, улыбнувшись, прижал рыдающую девушку к своей груди. — Очень глупый вопрос...

Не ждал. Не готов. Не было в планах. Но так вышло. А про сомнения, страх и непонимание, которые какое-то время постоянно мелькали в его создании, Кире знать было не обязательно.

Шестнадцать недель свиданий с белым «другом», восемь недель поисков подходящего аромата стирального порошка, от которого не тошнило и две недели предложений и уговоров выйти за него замуж.

— Жениться на мне по залету? — хмурилась Кира. — Нет, спасибо. Разрешаю забрать

слова обратно, — и гордо уходила, пряча в широкой мужской толстовке свой аккуратный живот.

Очередная неделя таких уверенных отказов, и Егору пришлось подключать связи своего отца. Через пару дней он просто пришёл домой, молча с ходу надел на безымянный палец Киры кольцо и вручил ошарашенной девушке ее паспорт с фамилией «Королёва».

Но самыми долгими оказались не недели, а часы. Двадцать два часа изматывающей беспомощности, проведённых в машине под окнами роддома. Даже влажная духота июльской ночи не душила так, как неизвестность. Звонок в три часа ночи с тихим кряхтением и писком дочери в динамике телефона навсегда разрушил его мир, заново отстроив новый.

Егор просто прорыдал несколько часов, как маленький мальчик, сидя в своей машине, не стесняясь слез. Поглотивший омут эмоций жонглировал его чувствами: любовь, нежность, счастье и страх.

Становится опорой для двух безумно родных и беззащитных сердец оказалось сложнее, чем того хотелось бы. Одна бессонная ночь сменялась другой, одно недопонимание между ним и Кирой дополнялось новым. Оба оказались не готовы слышать и слушать друг друга.

Иногда к Егору предательски подступало желание хлопнуть дверью и послать крик бессилия, рвущийся когтями изнутри, куда-то в глубину вселенной. Но все обиды и ссоры растворялись в этой же глубине, когда он смотрел на спящую жену и дочь — два самых дорогих и любимых человека на свете, у которых, кроме него, никого нет. У Егора не было права на ошибку. И он это знал.

Но помощь пришла совершенно неожиданно. Королев старший слов на ветер не бросал — после рождения Ники он ушёл из бизнеса, продав свою долю партнёру, и вложил деньги в недвижимость, тем самым, обеспечив себе какой-никакой доход.

— Не шибкие миллионы, конечно, но на наследство Егору, Дашке и Нике хватит, — улыбался Александр, трепетно склоняясь над кроваткой внучки.

Он приезжал очень часто и без труда нянчился с ребёнком, пока Кира посещала пары. Его связи в сфере строительства и архитектуры сыграли на руку — девушку без проблем перевели в Питер после выхода из академического отпуска.

Егор тоже получил свой диплом юриста, аккуратно сложил его в папочку и неаккуратно закинул в шкаф до лучших времен. Успехи в работе тренером наталкивали на мысль, что в юриспруденцию он вряд ли вернётся.

Но если счастливый дед был частым гостем, то мать Егора явилась всего один раз, сухо отметив, что Ника копия её сына. После развода с Александром она решила обустроить свою жизнь за границей, оставив Дашку с Ангелиной Семеновной и отцом. Но девочка особо и не расстроилась — переходный возраст, первая любовь...

А Кира так и не стала сообщать Миле, что теперь у неё своя полноценная семья.

Семья, которую он и она шаг за шагом пытались сделать крепче. Тяжело, трудно, но пытались.

— Егор, как думаешь, почему мы с тобой до сих пор вместе? Ведь столько недопонимания и взаимных упрёков было за это время, — лёжа на мужской груди, Кира очерчивала подушечками пальцев татуированные контуры колец Сатурна.

— Потому что я тебя люблю, — улыбнулся он, перебирая в пальцах ее светлые локоны, а другой рукой скользил вдоль позвонков вверх-вниз, заставляя обнажённую кожу девушки покрываться волнами мурашек. — Как бы там ни было, мне нужны ты и моя дочь. Я готов

трудиться над собой и над своим периодическим хаусом в голове, потому что вижу и чувствую, что ты делаешь то же самое. И знаю, что нужен вам. Вы — Мои.

Кира вжалась в родные объятия, рассматривая глубину разноцветных глаз. От её взгляда сердце Егора летело вниз без какой-либо страховки, не боясь разбиться о безграничное, не поддающееся никаким рамкам чувство.

Да, все пошло не так, как планировалось с самого начала. Пришлось не только привыкать жить по новому сценарию, но и вписывать в него себя же, меняя свои принципы и приоритеты на ходу.

В инстаграм, к сожалению, ему не рассказывали, что семья — это огромный труд, и в первую очередь над самим собой. Поэтому когда Гера задал вопрос о счастье, он знал ответ — счастлив. Счастлив, потому что вовремя это осознал и обрёл возможность не потерять по глупости все то, что даёт сил двигаться дальше...»

— Вот вы где! — женский возглас за мужскими спинами заставил обоих друзей вздрогнуть. Машка влетела белым облаком в беседку. — А то я уже подумала, что наш прибабахнутый ведущий решил поменять правила, и у нас украли жениха, — она с укором посмотрела на Геру, но тут же расплылась в искренней улыбке, распахивая свои объятия Егору. — Не поверишь, Королев, но я по тебе даже соскучилась.

Рассмеявшись, он крепко обнял Машку, чувствуя, как бисер на её платье закололся через ткань его рубашки.

— Поздравляю, Мария-теперь-уже-Вайцеховская, — усмехнулся он, отстраняясь от опасного платья невесты. — Надеюсь, и правда без обид, что я здесь один? Просто отец повёз Дашку в очередной лагерь за границей, а лететь сюда с Никой пока очень тяжело и...

— Ну что ты! — Маша перебила Егора, всплеснув руками, и состроила нахмуренную гримасу. — Я все понимаю. И речи про обиды быть не может.

Королев облегчённо выдохнул и потянулся за ещё одной сигаретой, с улыбкой наблюдая, как Гера чувственно приобнимает Машку, притягивая её к себе.

— Муж, нас там ищут уже, — смущенно хихикнула Мария, уворачиваясь от поцелуя Геры и начиная тянуть его за собой из беседки.

Со стороны ресторана уже действительно стал раздаваться неугомонный шум, перебивая звук звонящего телефона в кармане Егора.

— Это Кира, — он ещё шире улыбнулся и, сделав затяжку, поднял трубку. — Привет, а у нас все хорошо: Машка великолепна, передаёт тебе привет; Гера счастлив, тоже машет рукой; а мне тебя рядом не хватает, — дым вырвался из его лёгких.

— И мне очень хочется составить вам компанию, — тут же грустно зашебетал родной голос, но после короткой паузы, сменился на ноты подозрительности. — Ты опять куришь, Королев? Обещал же.

Егор кашлянул, туша сигарету о пепельницу:

— Я? Нет. Не курю, тебе показалось...

Гера хохотнул и подмигнул другу, почти беззвучно протянув губами:

— Каблу-у-у-к...

Блондин с каменным выражением лица выставил вперёд средний палец. Машка цокнув, закатила глаза и затолкала своего новоиспеченного мужа к ресторану:

— Ничего не меняется. Как дети малые! Пошли уже...

Оставшись в беседке без компании, Егор снова прильнул спиной к колонне, отвечая на тысячу и один вопрос про свадьбу общих друзей. Но на какое-то мгновение Кира замолчала

сама.

— Кир, ты здесь?

— Это море шумит?

— Да...

— Я скучаю по нему...

— И я... — честно признался Егор, не сводя взгляда с плавного танца волн. Они не приезжали сюда вместе с тех пор, как уехали в Питер. — Может, мы когда-нибудь и вернемся...

— Очень на это надеюсь, — почти шепотом ответила Кира.

Ещё какое-то время он провел в разговоре об обратном рейсе домой и Нике. Закончив звонок, Королёв не успел выйти из беседки, как телефон опять пикнул в его широких горячих ладонях, оповещая о новом сообщении.

Открыв его, разноцветные глаза Егора заискрились светом. На фотографии Кира, золотисто-сливочные локоны которой были собраны в высокий пучок, а открытый взгляд серых глаз по-прежнему оставался родным и любимым, прижимала к себе светловолосую девочку с огромными голубыми глазами, с яркой игрушкой в маленьких пухлых ручках. Чувство тепла и безмерной нежности покрывалом окутало каждый сантиметр мужской души.

Егор набрал ответ: «*Моя*».

Но тут же стёр его, исправив на более точное слово.

«*Мои*».